А. В. ЧАПАЕВ,
К. В. ЧАПАЕВА,
Я. А. ВОЛОДИХИН

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧАПАЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге на строго документальной основе во всей полноте показана трудовая, военная и общественно-политическая деятельность героя гражданской войны, прославленного начдива В. И. Чапаева.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- А. В. Чапаев
  -
  - Предисловие
  - I. Коренные волжане
  - II. На фронте Первой мировой
  - III. Путь в революцию
  - IV. Защищая власть Советов
  - V. В походах на Уральск
  - VI. Первые победы
  - VII. Тяжелые испытания
  - VIII. В Академии Генерального штаба
  - IX. Командир Александров-Гайской группы
  - X. На Колчака!
  - XI. В решающих боях
  - XII. Прорыв блокады Уральска
  - XIII. Лбищенская трагедия
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325

- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369

- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413

- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457

- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501

- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545

- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589

- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633

- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677

- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720

А. В. Чапаев
К. В. Чапаева
Я. А. Володихин

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧАПАЕВ
Очерк жизни, революционной и боевой деятельности

Имя его войдет
в историю гражданской войны
блестящею звездой,
и есть за что: таких, как он,
было немного.

Д. Фурманов

А. В. ЧАПАЕВ, К. В. ЧАПАЕВА
Я. А. ВОЛОДИХИН

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧАПАЕВ

Очерк жизни,
революционной и боевой деятельности

Издание второе, исправленное и дополненное

Чувашское книжное издательство
Чебоксары — 1987

ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ – 70 ЛЕТ
1917
1987
СССР
ИСПА ОКТЯБРЬ

Предисловие

С момента своего зарождения Советское государство нуждалось для защиты власти рабочих и крестьян в надежных Вооруженных Силах. Красная гвардия, сформированная в ходе борьбы за Советскую власть, была малочисленной, не имела единой организационной структуры, не была достаточно подготовлена в военном отношении. Для защиты молодого, еще не окрепшего государства, против которого поднялась вся внутренняя и внешняя контрреволюция, этих сил было недостаточно. Чтобы успешно отразить нападение объединенных сил империалистов, нужна была новая, боеспособная, дисциплинированная, хорошо вооруженная и обученная армия с централизованным управлением, комплектуемая регулярными призывами военнообязанных из трудящихся всей страны.

Красная Армия Советской республики родилась в огне гражданской войны. Под руководством Коммунистической партии, великого Ленина она одержала всемирно-исторические победы над интервентами и нанесла сокрушительное поражение хорошо оснащенным армиям белогвардейцев.

Боевой путь Советских Вооруженных Сил в гражданской войне — это героический путь рабоче-крестьянских масс, отстаивавших свое кровное дело, свои коренные классовые интересы. Красная Армия была сильна тем, что ее бойцы сознательно и самоотверженно шли в бой за Советскую власть.

Крупные победы Красной Армии стали возможными и потому, что партия и правительство обеспечили ее надежными командными кадрами, владеющими основами военного дела, — командирами как низших и средних звеньев, так и специалистами для руководства штабами и крупными войсковыми соединениями.

Наряду с привлечением под контролем военных комиссаров старых военных специалистов на командные посты в Красную Армию, Советское государство готовило для Вооруженных Сил свой командный состав, вышедший из рабочих и крестьян.

В. И. Ленин указывал, что в народе, т. е. среди рабочих и крестьян, организаторских талантов — масса. Надо только уметь распознавать их, «людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с уменьем без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации»[1]. «Только красные офицеры, — говорил Владимир Ильич, — будут иметь среди

солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм»[2].

И народ дал своей армии тысячи замечательных командиров — бесстрашных солдат революции, воинов невиданной смелости и отваги, которые и поныне являются примером несгибаемого революционного духа, мужества и верности долгу. Душой Красной Армии, ее организаторами и командирами, комиссарами и политработниками были коммунисты — неустрашимая гвардия революционного пролетариата. Они воодушевляли красноармейские массы и своим личным примером, и пламенным большевистским словом, сплачивали их вокруг ленинской партии и вели за собой в бой за новую жизнь. Коммунисты шли на неслыханные жертвы, защищая социалистическое Отечество.

Одним из таких командиров нового типа был герои гражданской войны Василий Иванович Чапаев. Как В. К. Блюхер, С. М. Буденный, С. С. Вострецов, П. Е. Дыбенко, Г. И. Котовский, Н. А. Щорс и многие другие, вышедшие из рядов солдат, матросов, унтер-офицеров, младших офицеров старой армии, В. И. Чапаев стал выдающимся командиром Красной Армии.

Яркой личностью запечатлелся он в истории гражданской войны. Советские люди бережно хранят память о нем, о его беспредельной преданности Родине, партии и народу, о его военном таланте. Он стал олицетворением патриотизма и героизма. Интерес к жизни и боевой деятельности В. И. Чапаева чрезвычайно велик. О нем сложены легенды и песни, написаны книги, сотни статей.

В народе знают В. И. Чапаева главным образом по роману Д. А. Фурманова «Чапаев» и одноименному фильму, поставленному Г. Н. и С. Д. Васильевыми. Оба эти произведения были горячо приняты советскими людьми, стали известны буквально каждому человеку в нашей стране, известны и за рубежом.

Вовлечение широких народных масс, разбуженных Великим Октябрем, в активную сознательную борьбу за Советскую власть, массовое перевоспитание крестьянства в боях за социализм под руководством Коммунистической партии и рабочего класса — таково основное содержание книги Фурманова и популярного кинофильма. Эти подлинные произведения искусства отличает художественная правда и реалистическая передача колорита времени. В них Чапаев нарисован во всей его сложности, показан как выдающийся командир, талантливый организатор и вожак масс. Образ Чапаева — собирательный, воплотивший в себе многие характерные черты красных командиров и партизанских вожаков времен гражданской войны, и является широким обобщением противоречивых и в то же время подлинно

героических свойств, присущих народным массам. Показывая организующую и направляющую роль партии в армии, цементирование армейских рядов коммунистами, искоренение партизанщины, воспитание личного состава и в первую очередь командиров, ни Фурманов, ни создатели кинофильма «Чапаев» в изображаемых ими событиях не связывали себя конкретными фактами, а также индивидуальными чертами реального В. И. Чапаева.

Эти произведения с годами не стареют, не теряют своего высокого воспитательного значения. А. В. Луначарский недаром оцепил роман Д. А. Фурманова «как один из самых ярких успехов» в послереволюционной беллетристике[3]. Эта книга выдержала многократные переиздания и переведена на десятки языков народов СССР и зарубежных стран.

Немало ценного и интересного о В. И. Чапаеве как человеке содержат ранние произведения и дневники Д. А. Фурманова[4], который первым откликнулся на гибель легендарного начдива. В октябре 1919 года политический отдел Реввоенсовета Туркестанского фронта выпустил на двух листах газетного формата листовку «Памяти героя пролетарской революции и полководца красноармейцев Василия Ивановича Чапаева», куда были включены «Воспоминания о Чапаеве» Д. А. Фурманова, его же статья «Последние часы Чапаева» и др.

В этих трудах Д. А. Фурманов характеризует Чапаева как незаурядного человека — одного «из тех славных вождей, которым выпала на долю тяжелая обязанность парализовать отчаянные первые атаки остервеневшей буржуазии». Он пишет, что «Чапаев был чистым, благородным и совершенно бескорыстным», «смелым и честным воином, каждую минуту готовым умереть за дело социализма». В его характере никогда не замечалось «лукавого, бесчестного и недостойного». На него можно было сердиться за горячность и резкость, но «не любить и не уважать его было невозможно»[5].

Значительные работы о В. И. Чапаеве принадлежат И. С. Кутякову, который был ближайшим другом и соратником Василия Ивановича, во время гражданской войны командовал батальоном, полком, 73-й бригадой 25-й стрелковой дивизии, после гибели Чапаева заменил его на посту начдива. На основании документальных материалов, личных воспоминаний и воспоминаний соратников Кутяков написал несколько книг о боевом пути Чапаева[6]. Но в его произведениях обнаруживается недостаточное знание биографии Василия Ивановича, первых походов на Уральск, деятельности Чапаева на посту начальника Николаевской (2-й) дивизии в период с сентября по ноябрь 1918

года.

Большинство из того, что написано впоследствии о Чапаеве (биографические очерки[7], юбилейные статьи, мемуарная литература), базируется главным образом на названных двух источниках: в показе Василия Ивановича как человека — на романе Д. А. Фурманова и как командира — на книгах И. С. Кутякова; ни одна другая работа ни в какой степени не может сравниться с ними по значению.

Наибольшую ценность среди опубликованных материалов представляют прежде всего подлинные документы: приказы, распоряжения, телеграммы, телефонограммы, тексты записей разговоров по прямому проводу и т. п., относящиеся к командирской деятельности Чапаева[8], а также письма, опубликованные в периодической печати[9].

В начале же 20-х годов параллельно с Д. А. Фурмановым в популяризации боевых подвигов чапаевцев участвовали другие соратники Василия Ивановича. В 1923 году в сборниках исторических материалов «Красная быль» Самарского губернского бюро Истпарта вышло несколько материалов, посвященных периоду гражданской войны в Поволжье. Среди них заслуживают внимания две небольшие статьи: И. Т. Стрельцова, содержащая данные из биографии В. И. Чапаева послереволюционного периода, и Н. Тамбовцева — о боевой деятельности Василия Ивановича в Николаевском уезде[10]. В 20—30-х годах его жизнь и боевая деятельность освещаются в воспоминаниях ветеранов 22-й и 25-й стрелковых дивизий[11], в научных и научно-популярных статьях[12].

В те же годы в периодической печати опубликованы воспоминания М. И. Чапаева (брата Василия Ивановича) о жизни их семьи в деревне Будайке Чебоксарского уезда Казанской губернии[13]. Значительная работа по изучению раннего периода жизненного пути В. И. Чапаева проделана историками Чувашии[14]. Эти публикации содержат обширную информацию, взаимно дополняют друг друга. В них выявляются родословная Чапаевых, экономическое положение крестьян деревни Будайка, формирование характера Василия Ивановича в детстве и юности.

Военно-организаторская деятельность В. И. Чапаева в период установления и укрепления Советской власти в Николаевском уезде Самарской губернии частично отражена в «Очерках истории Куйбышевской организации КПСС»[15], в хронике событий «1918 год в Самарской губернии»[16]. Ряд работ о жизни, боевой и политической деятельности Чапаева написал Е. Н. Артемов[17]. Серьезное внимание боевым подвигам частей и дивизий В. И. Чапаева и его полководческому таланту уделено в монографиях

по теме гражданской войны в СССР и в кандидатских диссертациях[18].

С интересом была встречена читателями и выдержала несколько изданий книга Н. М. Хлебникова, П. С. Евлампиева, Я. А. Володихина «Легендарная Чапаевская»[19], в которой освещается героический путь 25-й Чапаевской стрелковой дивизии в годы гражданской войны. Книга содержит огромный материал о В. И. Чапаеве и чапаевцах.

Определенный интерес представляют публикации С. Мищенко[20], А. Ф. Федорова[21], И. В. Тюленева[22] об их совместной с В. И. Чапаевым учебе в Академии Генерального штаба РККА[23].

Широко раскрылись командирские способности В. И. Чапаева в 1919 году под руководством выдающегося полководца М. В. Фрунзе в жарких сражениях с армией Колчака. В изучении биографии Василия Ивановича большую ценность представляют подлинные документы М. В. Фрунзе[24], воспоминания его ближайших соратников[25]. Этой же теме посвящены исследовании Е. А. Болтина[26], Д. В. Ознобишина[27], Ф. Е. Огородникова[28], С. Н. Шишкина[29] и др. Боевые подвиги 25-й стрелковой дивизии под Уфой и Уральском частично описаны в трудах А. Г. Липкиной[30] и Н. Чеснокова[31]. О разгроме 25-й стрелковой дивизией контрреволюционного уральского казачества небольшую работу написал Я. Вуберман[32].

В полках и дивизии В. И. Чапаева сражались сотни интернационалистов — бывших пленных германской и австро-венгерской армий. С чувством глубокого уважения к братьям по оружию пишут о них в своей книге А. Кладт и В. Кондратьев[33].

Кроме названных очерков, научных трудов и книг, в 50—70-е годы вышли в сборниках, журналах и газетах небольшие статьи о Чапаеве. Они в большинстве своем юбилейного характера и носят пропагандистский, популяризаторский характер. Некоторые из авторов затрагивают и другую важную тему. Л. Петровский, например, на основе документов показывает интерес и внимание В. И. Ленина к личности В. И. Чапаева и действиям его бойцов[34]. Статьи юбилейного характера, опубликованные в периферийной периодической печати, невозможно перечислить. Очень много сделано для популяризации жизни и деятельности знаменитого земляка, в частности, печатью Советской Чувашии.

Научную информацию содержат воспоминания, написанные дочерью Чапаева К. В. Чапаева[35], а также близко знавшими Василия Ивановича людьми — С. Ф. Данильченко[36], П. С. Евлампиевым[37], В. В. Козловым[38] и другими чапаевцами[39]. Большое количество воспоминаний ветеранов революции и

участников гражданской войны напечатано в различных сборниках[40]. Цепное исследование о награждении В. И. Чапаева орденом Красного Знамени опубликовал М. А. Жохов[41].

До выхода в свет настоящей монографии, написанной на богатой источниковедческой базе, подробной научной биографии В. И. Чапаева не было. Его трудовая, революционная, военная и общественно-политическая деятельность в целом, кроме последних двух лет (1918–1919 годы), оставалась малоизвестной, притом зачастую освещалась со множеством неточностей и искажений. В некоторых статьях и особенно в мемуарной литературе часто встречался отход от правды, субъективизм. Иные свидетели и участники боевых походов Чапаева иногда искажали истину, преувеличивая свою причастность к тем или иным событиям. Популярностью В. И. Чапаева пользовались даже самозванцы, публикуя в печати различные выдумки о герое[42].

Книга написана на материалах Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), центральных государственных архивов Чувашской АССР (ЦГА ЧАССР) и Татарской АССР (ЦГА ТАССР), государственных архивов Куйбышевской и Саратовской областей и их филиалов, на основе документальных сборников, публикаций в периодической печати, историко-партийной литературы и на личном знании В. И. Чапаева. Авторы ставили цель на основе всестороннего изучения документальных источников и критической оценки изданной литературы создать правдивый очерк жизни В. И. Чапаева.

Здесь достаточно подробно рассматриваются родословная Чапаевых, экономическое положение крестьян деревни Будайки — родины В. И. Чапаева — во второй половине XIX века, род занятий деда и отца Василия Ивановича, его детские и юношеские годы, пора возмужания, семейная жизнь, формирование взглядов, служба в царской армии в годы империалистической войны, путь в партию большевиков, становление воина-коммуниста. Большое место отведено показу его революционной и боевой деятельности: участие в завоевании и укреплении Советской власти в Николаевском уезде Самарской губернии, организация красногвардейских отрядов и полков Красной Армии. На описании конкретных боев показан его военно-организаторский талант.

Из трудовой, боевой и революционной семьи Чапаевых вышли несгибаемые солдаты революции. Вся жизнь Василия Ивановича, его братьев Андрея и Григория является ярким примером беззаветного служения делу освобождения рабочих и

крестьян от власти эксплуататоров.

Ни в молодости, ни потом В. И. Чапаеву небезразлично было, с кем идти и «в каком сражаться стане». Человек рабочей закалки (плотник по профессии), пройдя суровую школу жизни и империалистической войны, он, хотя и не получив так необходимого ему образования, сумел разобраться в сложной обстановке того времени, еще до Октябрьской революции (28 сентября 1917 года) без колебаний связал свою судьбу с партией большевиков и служил ей, как солдат, честно до конца жизни. Ни к каким мелкобуржуазным течениям он никогда не примыкал, ни в каких партиях, кроме Коммунистической, не состоял.

Революционная и боевая деятельность В. И. Чапаева начиналась и проходила под непосредственным руководством николаевских большевиков, Николаевского уездного комитета РКП(б) и Николаевского Совета при самом активном участии с его стороны в их работе. В огне классовой борьбы, работая в Николаевской партийной организации и уездном совнаркоме под руководством стойкого большевика В. И. Ермощенко, В. И. Чапаев закалился политически, прошел большую школу партийного воспитания и стал бесстрашным и преданным бойцом революции, признанным военным руководителем.

В. И. Чапаев принял живейшее участие в упрочении Советской власти в Заволжье. После Великого Октября, назначенный командиром 138-го запасного пехотного полка, он обеспечил вооруженной силой власть рабочих и крестьян в уезде, не медля подавлял контрреволюционные мятежи, организовывал отряды Красной гвардии.

Он был одним из тех, кто стоял у истоков формирования первых частей регулярной Красной Армии, прошел путь от организатора и командира добровольческих отрядов Красной гвардии до прославленного начдива. На базе созданных им Николаевских полков была сформирована овеянная славой 25-я стрелковая дивизия.

В армии Чапаев был образцом дисциплины и исполнительности. Служить революции и рабоче-крестьянской власти Василий Иванович пошел добровольно, по долгу коммуниста. В полках и дивизиях, которыми командовал, он всегда требовал строжайшей сознательной дисциплины. Будучи сам дисциплинированным, пользовался уважением и имел моральное право требовать дисциплины от подчиненных.

Василий Иванович успешно осваивал военное искусство и применял его умело в соответствии с требованиями гражданской войны, исходя из конкретной обстановки, и одерживал одну победу за другой не благодаря удальству и лихости, а умению и

военному таланту. Ведя в бой таких же солдат революции — выходцев из рабочих и трудовых крестьян, он неизменно побеждал.

Чапаев заслужил любовь народа не только умением воевать. Он обладал талантом организатора, умел простыми словами донести до сознания неграмотного, забитого крестьянина великие идеи партии большевиков, слова Владимира Ильича Ленина. Народ верил Чапаеву, потому что в его лице видел посланца партии Ленина.

В. И. Чапаев дорожил жизнью бойцов, знал, что напрасные жертвы революции не нужны, что каждый сохраненный в строю боец — это надежда и защита Страны Советов. Бойцы и командиры в свою очередь считали для себя честью служить под командованием В. И. Чапаева, с гордостью называли себя чапаевцами, Из их рядов выросли затем замечательные командиры Красной Армии.

Активное участие в разгроме белочехов и белогвардейцев Самарской учредилки, белоказаков и адмирала Колчака, блестяще проведенные боевые операции под Бугурусланом, Белебеем и Уфой раскрыли незаурядные способности В. И. Чапаева как командира.

В свое время некоторые штабные начальствующие лица далеко не в должной мере оценивали замечательные командирские качества В. И. Чапаева. Его горячий темперамент и смелость, инициатива и деловитость, выходившие за рамки официальных обязанностей, способность взять на себя большую ответственность, не страшась возможности навлечь на себя же беду, назывались ими «партизанщиной» в худшем понимании этого слова.

От надуманных, несправедливых нападок В. И. Чапаева защитил командующий армиями Южной группы Восточного фронта М. В. Фрунзе, который разглядел в нем огромный военный талант. Фрунзе воссоздал 25-ю стрелковую дивизию, а Василия Ивановича назначил ее начальником. Дивизия стала лучшей на Восточном фронте, одержала блестящие победы в боях с обученными частями колчаковской армии. В ходе этих сражений к северу от Бузулука чапаевцы разгромили 11-ю дивизию 6-го корпуса, а в районе Бугуруслана — части 3-го корпуса колчаковских войск. Под Бугульмой во встречных боях 25-я стрелковая дивизия нанесла поражение частям корпуса генерала Войцеховского, разгромив в течение нескольких дней 4-ю Уфимскую дивизию, Ижевскую бригаду и Оренбургскую казачью кавалерийскую бригаду. Выдвинутый в район Белебея Волжский корпус генерала Каппеля также не смог сдержать

наступательный порыв красных войск. Вместе с другими частями Красной Армии, нанося сокрушительные удары каппелевцам, чапаевцы освободили Белебей. Они же вынесли всю тяжесть боев за Уфу. Страна достойно оценила их подвиг. Многие бойцы и командиры славной 25-й дивизии во главе с начдивом были награждены орденами Красного Знамени. После Уфимской операции Чапаевская дивизия ликвидировала блокаду Уральска, очистила Уральскую область от белогвардейцев.

В книге убедительно показано, что встречающиеся в литературе различные ошибочные толкования о В. И. Чапаеве как о деклассированном элементе, стихийном борце революции («орле с завязанными глазами»), анархистском бунтаре («анархо-коммунисте»), партизанском вожаке и выразителе крестьянской мелкобуржуазной идеологии, не состоятельны.

Выход монографии «Василий Иванович Чапаев» совпал с желанием многотысячной массы читателей иметь правдивую книгу о народном герое. Ее появление было встречено везде и всюду доброжелательно. Аннотации и рецензии на книгу напечатали газеты «Правда», «Киевская правда», «Волжская коммуна» (г. Куйбышев), «За Родину» (Приволжский военный округ) и другие издания. Часть из них написана ветеранами Чапаевской дивизии, которые дают высокую оценку книге.

Немало добрых отзывов о ней поступило в адрес Чувашского научно-исследовательского института и ее авторов. В письме к сыну легендарного начдива А. В. Чапаеву Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. С. Петров, в частности, пишет: «Вы сделали огромную и добросовестную работу, освободив образ вашего отца от наслоений, привнесенных людьми, которые понимали мужество В. И. Чапаева, прославленного героя и человека, выдающегося военачальника революционной армии, не в истинном виде, а в меру собственного своего духа… Как и множество других читателей, я испытываю удовлетворение, обращаясь к страницам, которые воссоздают правдивые картины гражданской войны. По-читательски и по-солдатски благодарю вас, дорогой Александр Васильевич, за великолепную книгу».

Можно привести десятки других аналогичных отзывов на книгу. О ее успехе говорит и такой факт: тираж разошелся буквально за считанные недели, и она стала библиографической редкостью. Спрос на нее поистине огромный. А. В. Винников, полковник в отставке, популяризатор монографии в периодической печати, так сообщает авторам из города Отрадный Куйбышевской области: «С книгой „Василий Иванович Чапаев“ — беда: бомбят из Бугуруслана и Челябинска, Уральска и Казани, просят, как достать». Группа ветеранов прославленной 25-й

стрелковой имени Чапаева дивизии вошла с ходатайством в центральные органы о переиздании книги.

Со времени выхода книги историография боевой деятельности В. И. Чапаева значительно расширилась. Изданы два ценных документальных сборника: «М. В. Фрунзе на Восточном фронте»[43] и «Легендарный начдив (К 100-летию со дня рождения В. И. Чапаева)»[44], подготовленные Центральным государственным архивом Советской Армии. В первом из них вновь особо подчеркивается выдающаяся роль В. И. Чапаева и 25-й стрелковой дивизии в разгроме Колчака и Уральской белоказачьей армии.

Сборник «Легендарный начдив», выпущенный Чувашским книжным издательством, содержит 319 документов, и часть из них впервые вводится в научный оборот. Если до сих пор мы видели В. И. Чапаева только как начальника 25-й стрелковой дивизии, то с публикацией новых документов это утвердившееся мнение уже нуждается в пересмотре. На заключительном этапе своей военной деятельности, в августе-сентябре 1919 года, он выступал как военачальник — командовал группой войск. Тогда под начальством Чапаева находились, кроме 25-й стрелковой дивизии, бригады 47-й и 50-й стрелковых дивизий, кавалерийский полк 50-й дивизии, Кубанский кавалерийский дивизион, 26-й авиаотряд и другие приданные ей части[45].

На основе настоящей монографии (используя, правда, без ссылки, те же факты и сохраняя во многом тот же стиль) В. Бирюлин написал публицистический очерк о В. И. Чапаеве «Народный полководец»[46]. Но, к сожалению, ничего нового в изучение жизни и боевой деятельности Василия Ивановича он не вносит. К тому же очерк изобилует вольными, искаженными авторскими интерпретациями многих фактов.

В ходе подготовки к переизданию рукопись, а также вышедшая книга были рецензированы в Институте военной истории Министерства обороны СССР, в Военно-научном обществе при Центральном доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе. Рукопись переработана с учетом значительной части замечаний рецензентов, дополнена новым фактическим материалом, взятым из документальных сборников последних лет, а также выявленным в архивах.

I. Коренные волжане

Василий Иванович Чапаев родился 28 января (9 февраля) 1887 года в деревне Будайке Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье русского крестьянина[47].

Предки Чапаевых жили там с давних времен. Деревня Будайка, как и некоторые другие соседние русские селения, возникла возле крепости Чебоксар, заложенной по указанию Ивана IV в 1555 году[48] на месте древнего чувашского поселения. Посаженные в городе русские дворяне и чиновники захватывали прилегавшие к нему плодородные земли и переселяли туда из Центральной России крепостных крестьян. По переписи 1646 года в Будайке было восемнадцать дворов с 66 душами обоего пола[49].

В эпоху крепостного права Будайка перебывала во владении многих помещиков. Владельцы менялись, а крепостнические порядки оставались неизменными вплоть до 60-х годов XIX столетия[50].

В Будайке при освобождении от крепостной зависимости для передачи в крестьянские наделы было отведено всего 46 десятин худших земель всех угодий, из расчета по одной десятине на душу мужского пола (на женщин земли вообще не отводилось). Это составляло менее 20 процентов всей помещичьей земли, имевшейся при деревне Будайке[51]. Но так как впоследствии численность населения возросла, то пахотной земли на одного мужчину стало приходиться даже меньше полдесятины. Возмущенные несправедливостью, грабительской реформой, грубостью и жестокостью при взимании платежей и других повинностей, будайковцы в 1867 году отказались внести выкупные деньги за 1865–1867 годы, за что под охраной казаков были доставлены в Казань и принуждены на заводе купца Алафузова отрабатывать долги[52].

Семья Чапаевых была коренной и типичной будайковской семьей. Прапрадед Василия Ивановича, Андрей Прокофьев, был крепостным помещика А. М. Грязева[53]; прадед, Гаврила Андреев, состоял за помещицей Ф. Н. Скрыпиной — новой владелицей Будайки[54]; семья деда — Степана Гаврилова — принадлежала уже помещице Полиновской.

Как видно из родословной, предки Василия Ивановича не назывались Чапаевыми. Объясняется это тем, что фамилий у крепостных людей помещики не признавали, им было оставлено только отчество, которое и звучало как фамилия: если родителя звали Андреем, то сын его, Гаврила, назывался Гаврила сын Андреев, или Гаврила Андреев. С отменой крепостного права, при

более самостоятельной жизни и разнообразной деятельности, при призыве в армию и т. д. крестьяне постепенно стали получать фамилии. Происхождение фамилии Чапаевых точно неизвестно. По рассказу Михаила Ивановича, старшего брата В. И. Чапаева, фамилией они обязаны Степану Гаврилову, деду: занимаясь выгрузкой сплавлявшегося по Волге леса и других тяжелых грузов на Чебоксарской пристани, Степан Гаврилов частенько покрикивал: «чапь», «чепь», «чепай», то есть «цепляй» или «зацепляй». Со временем слово «Чепай» укрепилось за ним как уличное прозвище, затем стало официальной фамилией[55].

Такое происхождение фамилии может быть вероятно для данной семьи. Вообще же фамилия Чапаев, хотя и редкая, не является единственной. Василий Иванович писал свою фамилию через «е» — «Чепаев».

Впервые фамилия «Чапаев» официально упоминается в метрической книге при бракосочетании 25 января 1867 года, где одним из поручателей по невесте был «крестьянин деревни Будайки Степан Гаврилов Чапаев». Потом, 14 августа 1884 года, она была занесена в метрическую книгу Вознесенской церкви города Чебоксар при регистрации рождения Андрея, внука Степана Гаврилова, родного брата В. И. Чапаева[56].

Сам дед, Степан Гаврилов, родился 24 декабря 1828 года. После смерти отца, Гаврилы Андреева, он с разрешения помещицы 4 мая 1847 года женился в возрасте 18 лет на 17-летней Ирине Никитиной, крепостной той же деревни. 19 октября 1851 года у них родилась дочь Анастасия, 21 января 1854 года — сын Иван (будущий отец В. И. Чапаева), 10 февраля 1857 года — Алексей, в 1864 году — Петр, умерший в детском возрасте. С крестьянской реформой Степан Гаврилов земельный надел получил на три души (на себя и на двоих сыновей — Ивана и Алексея)[57]. Малоземелье и низкая урожайность не давали возможности обеспечивать содержание шести человек семьи. Тягостны были выкупные и другие платежи. Степан Гаврилов вынужден был искать побочные заработки — занимался извозом, бондарным делом — всем, чем приходилось, и все же семья жила крайне бедно.

Человек умный и мужественный, честный и прямой, готовый всегда помочь обездоленным, каким являлся и сам, Степан Гаврилов пользовался среди крестьян уважением и доверием. Тридцати четырех лет он был избран мирским старостой деревни — еще молодым, с точки зрения крестьян, для такой службы. Помещица Полиновская в 1862 году, еще имевшая власть над крестьянами, как обязанными до выкупа наделов, подала на него жалобу (должно быть, ей было за что не терпеть мирским

старостой Степана Гаврилова). Чебоксарский мировой посредник по делам между помещиками и крестьянами Д. Н. Леонтьев в марте 1862 года отклонил ее жалобу, однако в августе того же года сам же сместил Степана Гаврилова, «удостоверившись лично в справедливости» требований помещицы и за «неисправное» якобы исполнение им «своих служебных обязанностей»[58]. Но для односельчан он по-прежнему оставался авторитетным человеком, готовым защищать их интересы. Хорошо запомнилось его сыну Ивану, тогда 13-летнему подростку, крестьянское выступление 1867 года в Будайке, в котором его отец Степан Гаврилов был одним из организаторов. В 1874 году, при окончательном отмежевании крестьянских земель деревни Будайки от помещичьих, Степан Гаврилов был избран доверенным лицом от общества[59].

В 1874 году, в возрасте 44 лет, Ирина Никитина умерла. Двенадцать лет вдовствовал Степан Гаврилов, оставшись с сыновьями, а в 1886 году, около 58 лет, женился на 39-летней вдове чувашке Прасковье Федоровой, имевшей двоих детей — дочь Наталью 7 лет и сына Андрея 4 лет. Женитьба русского крестьянина на чувашке уже не была для того времени исключительным явлением: постоянное общение русских с людьми других национальностей в Поволжье вырабатывало у них чувство уважения к таким же, как они сами, угнетаемым царизмом крестьянам, сближало с ними. Будайковцы, как и вообще русские крестьяне, жившие по соседству и общавшиеся с нерусскими народами, дружелюбно относились к чувашским и марийским крестьянам. Казенно-самодержавный дух национального превосходства русских, насаждавшийся царским строем, не смог помешать сближению трудящихся угнетенных народов многонациональной России[60].

В возрасте 22 лет, в феврале 1876 года, Иван Степанов женился на Екатерине Семеновой, крестьянке из деревни Гремячево Чебоксарского уезда. У Ивана и Екатерины было 9 человек детей, все они родились в Будайке: сыновья Михаил — 6 ноября 1876 года (даты даются по старому стилю), Андрей — 4 августа 1884 года, Василий — 28 января 1887 года, Григорий — 3 августа 1892 года, дочь Анна — 25 ноября 1879 года; остальные дети — Александр (1878), Елизавета (1881), снова Александр (1889) и Клавдия (1891) — умерли в раннем возрасте. Василий был в семье шестым ребенком.

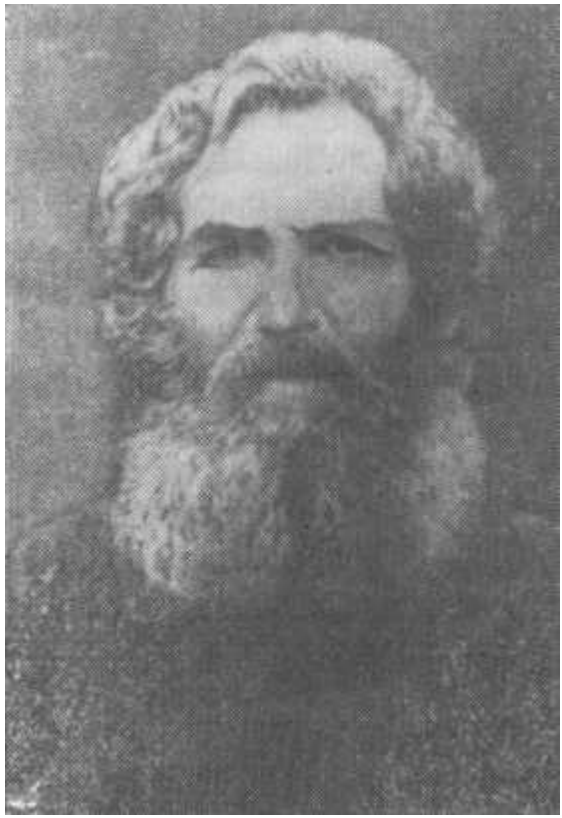
Осенью 1879 года Степан Гаврилов проводил сына Алексея на военную службу в Московский гренадерский полк. По возвращении после 8-летней службы Алексей Степанов женился и впоследствии имел 10 человек детей.

С ростом семьи Иван Степанов выделился в еще недостроенный дом. Земельный надел его на 11 едоков составлял всего одну десятину.

Прокормить многодетную семью, занимаясь лишь сельским хозяйством на жалком клочке земли в одну десятину, нечего было и думать. Источником существования могли быть только заработки на стороне. Однако и заработков не хватало, бедность и нужда не покидали избы Чапаевых, как, впрочем, и многих других.

И в 80-х годах хозяйства будайковдев продолжали оставаться в целом маломощными. В 1885 году на 30 дворов в деревне имелась 31 лошадь, 19 голов крупного рогатого скота и 63 головы мелкого. Валовой сбор зерна этого года составил 256 пудов, годовая же потребность в хлебе была в 515 пудов; общие доходы деревни состарили 116 рублей, общая сумма платежей — 130 рублей[61]. В первой половине 90-х годов несколько раз подряд были неурожаи. Недороды и голод с каждым годом увеличивали число крестьян-отходников. В поисках работы все дальше уходили от родных мест и будайковцы. В 1895 году в деревне насчитывалось уже 14 хозяйств (почти 47 процентов), имевших неземледельческие заработки. В трудном 1896 году на посторонние заработки ушло все взрослое мужское население Будайки (37 человек)[62].

Регулярно уезжал на дальние заработки по Волге и Иван Степанович. Когда же положение стало совершенно невыносимым, гонимый нуждой и голодом, он окончательно расстался с сельским хозяйством и в поисках постоянной работы вместе с семьей в конце 90-х годов навсегда уехал из родной Будайки[63].



Иван Степанович Чапаев — отец В. И. Чапаева (фото 1918 г.).

Горько плакала Екатерина Семеновна, прощаясь с соседями перед отъездом, притихли растерянные ребятишки, и только сильный и решительный Иван Степанович успокаивал жену, говорил, что хуже, чем жили, не будет. А подняться с таким семейством, не имея, что называется, ломаного гроша за душой и никаких надежд на будущее, кроме веры в себя и свои собственные силы, было действительно нелегко.

После отъезда Ивана Степановича долго маялся в Будайке Алексей Степанович с такой же, как у брата, большой семьей. Работал он, вместе с женой Анной Федоровной, главным образом на купца Таланцева, получая 8 рублей в месяц. Но в 1913 году и он вынужден был покинуть Будайку и уехал на жительство в Сибирь. Имущество многолюдного семейства уместилось в нескольких корзиночках и сундучках. Плуг, два хомута, дуга, пять кадушек да самовар, помимо мелкой утвари и кое-какой одежды, составили все «богатство» семьи А. С. Чапаева. В Екимовском поселке Плетневской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии за семьей Алексея Степановича было закреплено 6 наделов, по количеству мужчин в семье[64].

Из больших семей наследников Степана Гаврилова в Будайке никого не осталось. Еще раньше, в 1891 году, погиб сам Степан Гаврилов: работая на Волге, он утонул, спасая товарища. Через год из Будайки выехала со своими детьми вновь ставшая вдовой Прасковья Федорова[65]19. Жизнь разбросала Чапаевых, но судьбы их, как трудовых людей, не изменила. В условиях нужды и болезней четверо детей умерло у Ивана Степановича, двое — у его брата Алексея.

Местом жительства семьи И. С. Чапаева стало теперь село Балаково Николаевского уезда Самарской губернии, куда она прибыла из Чебоксар по Волге. На Балаково выбор пал не случайно: в то время там требовались рабочие руки, и были возможны относительно высокие заработки.

Говоря о главном проявлении земледельческого капитализма — употреблении вольнонаемного труда, В. И. Ленин писал, что эта черта послереформенного хозяйства сильнее всего проявилась на южных и восточных окраинах Европейской России в массовом передвижении в эти окраины сельскохозяйственных рабочих, в том числе в Самарскую и Саратовскую губернии[66].

«На юге и юго-востоке, — писал В. И. Ленин, — образовалось множество рабочих рынков, где собираются тысячи рабочих и куда съезжаются нанимателя. Такие рынки приурочиваются часто к городам, промышленным центрам, торговым селениям, к ярмаркам. Промышленный характер центров особенно привлекает рабочих, которые охотно нанимаются и на неземледельческие работы»[67]. В числе таких рынков на Волге он называл Покровскую слободу (против Саратова), село Балаково, города Хвалынск, Вольск и Сызрань[68].

Балаково, как и другие рынки на Волге, было известно Ивану Степановичу Чапаеву еще по прежним его поездкам на заработки вместе со старшим сыном Михаилом[69].

О Балакове тех лет географ И. Н. Сырнев писал следующее: «Верст на 6 ниже Широкого Буерака на левом берегу Волги расположена „пшеничная столица“, богатое и многолюдное село Балаково… В эпоху освобождения крестьян в Балакове жителей считалось 2700, а ныне более 16 тысяч. Село имеет вид города: в нем 5 церквей, обширная торговая площадь, каменные мостовые, аптека, клуб, много больших каменных домов. Главными предметами торговли служат хлеб и лес. По размерам покупок хлеба и по высокому его качеству Балаковская пристань считается первой после Самары… Балаково ведет торговлю почти исключительно пшеницей, которая идет на Оку на мельницы, затем в Казань, Н. Новгород… Всего хлеба балаковские пристани отправляют около 10 млн. пудов. Занимая выгодное положение

на левом берегу Волги, Балаково развило крупную торговлю лесом, являясь посредником между лесными губерниями Верхнего Поволжья и безлесной степью. Сюда привозится ежегодно с Ветлуги, Камы, Белой и Вятки до 500 тыс. пудов дров и до 2800 тыс. пудов лесных строительных материалов. Часть их перерабатывается здесь же на двух лесопильных заводах…»[70].

Село Балаково относилось к числу неземледельческих центров, поселений торгово-промышленного характера. Пришлый торгово-промышленный и, главным образом, рабочий люд численно во много раз преобладал в нем над местным населением. По земской статистической переписи, в 1887 году в Балакове числилось 15955 жителей, из которых только 2726 человек, или 17 процентов, принадлежали к приписному местному населению, остальные 83 процента были пришлыми и проживали без причисления к сельскому обществу[71].

Такие неземледельческие центры, как Балаково, отличались более высоким уровнем общего развития населения. В. И. Ленин писал: «Слобода Покровская (ныне г. Энгельс. — *Авт.*) и село Балаково Самарской губ. имеют каждое свыше 15 тыс. жит., из которых особенно много сторонних. Бесхозяйных 50 % и 42 %. Грамотность выше среднего. Статистика отмечает, что торгово-промышленные селения вообще отличаются большей грамотностью и „массовым появлением бесхозяйных дворов“ (земско-стат. сборники по Новоузенскому и Николаевскому уездам)». «Более высокая грамотность, значительно более высокий уровень потребностей и жизни, резкое отделение себя от „серой“ „деревни-матушки“ — таковы обычные отличительные черты жителей в подобных центрах»[72].

Балаково господствовало над окрестным районом не только как центр посреднической торговли хлебом и лесом, но и как центр развивавшейся промышленности. В селе тогда действовали небольшие чугунолитейные заводы Мамина, Зоткова, Лобанова, механический завод Блинова, лесопильные, кирпичные, кожевенные и мукомольные предприятия местных промышленников и множество мелких кустарных мастерских. В составе населения формировалась и росла рабочая прослойка[73].

В таких новых условиях оказалась семья Чапаевых в Балакове. Обосноваться было нелегко: не просто попасть под крышу и найти работу. Спрос на рабочую силу был большой, но и в работе нуждались тысячи.

Постепенно устраивались. Иван Степанович находил работу главным образом по плотницкой части. Старший сын Михаил определился на завод местного промышленника Мамина. Дочь Анна стала надомницей по рукоделию и занималась вязанием.

Нашлась поденная работа даже Андрею[74].

Михаил Иванович Чапаев — старший брат В. И. Чапаева (фото 1953 г.).

Дома с матерью оставались малолетние Василий и Григорий.

В Балакове Иван Степанович послал Васю учиться в местную четырехгодичную церковноприходскую школу. Однако через год школу пришлось оставить[75]. За это время, по воспоминаниям его матери Екатерины Семеновны, Василий окончил два класса. Дальнейшей его школой стала сама жизнь. Василий начал помогать отцу, учился плотницкому ремеслу. Нужда шла по пятам Чапаевых: 1897–1899 годы (три года подряд!) в Поволжье были неурожайными[76]. Да и практической пользы от церковных знаний, которые главным образом преподносились в таких школах, родители не видели, в семье Чапаевых религиозное воспитание было не в чести[77].

Со временем, сложив средства от продажи немудреного имущества в Будайке и вновь заработанные, семья приобрела на окраине Балакова, у реки Леневы половину шатрового дома. Это был район разноликого трудового люда, большая часть которого

состояла также из переселенцев. Но и здесь, на балаковских задворках, называвшихся официально «Бодровкой», а больше известных как «Сиротская слободка», Чапаевы некоторое время выделялись самотканой одеждой и лаптями.

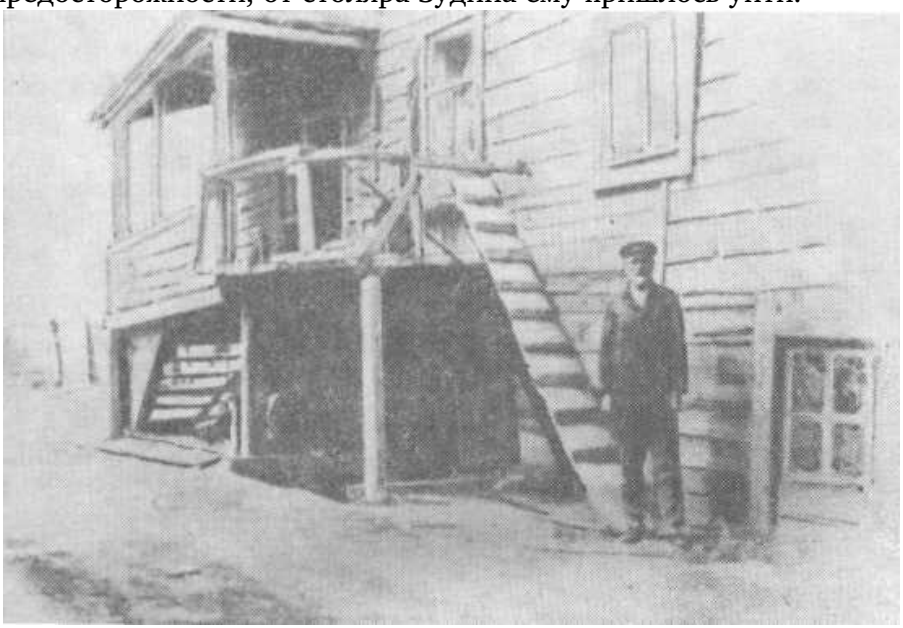
Широкая известность Балакова как одного из крупных рабочих рынков на Волге для постоянно проживавшего там рабочего населения имела и отрицательную сторону. Ежегодные скопления сезонных рабочих с начала навигации и особенно в страдную пору сбивали цену на рабочую силу. Поэтому балаковским жителям местные хозяева плату снижали. Им тоже приходилось искать заработки на стороне. Ходил на заработки с артелями и Иван Степанович и, по мере подрастания сыновей, брал их с собой.

В 1902 году Василий Чапаев стал работать в столярной мастерской балаковского кустаря Г. И. Лопатина. Первую зиму работал бесплатно, за кусок хлеба. В 1904 году перешел к известному в то время в Балакове мастеру столярного дела Ивану Гавриловичу Зудину[78]. Последнего считали «безбожником» и противником царского правительства. В революцию 1905–1907 годов Зудин состоял членом Балаковского крестьянского союза, находился под негласным надзором полиции. Упоминается И. Г. Зудин в донесении агента Самарскому губернскому жандармскому управлению о демонстрации в Балакове 27 апреля 1906 года и в акте, составленном полицейским приставом Балакова, о демонстрации и митинге 5 июня 1906 года[79]. Общение с ним оказало определенное влияние на Василия Чапаева, так как Зудин не стеснялся высказываться при нем по поводу происходивших в тот период событий[80].

Передовая часть рабочих Балакова не оставалась в стороне от усиливавшейся классовой борьбы. В 1903 году здесь возникла подпольная социал-демократическая группа, ставшая после II съезда РСДРП на платформу большевиков. Под ее влиянием в годы первой российской революции в Балакове происходили выступления трудового населения, в частности, политическая демонстрация 9 мая 1905 года. Ее возглавил организатор группы РСДРП местный учитель М. А. Воробьев[81]. Неспокойно было и в окрестных деревнях. В марте 1905 года балаковские жандармы докладывали губернскому начальству: «По отзыву участковых полицейских волостных селений, среди крестьян, бывших помещичьих, начались волнения…» Летом того же года исправник Николаевского уезда доносил самарскому губернатору: «Аграрное движение охватило всю приволжскую местность»[82].

В 1906 году сложилась балаковская боевая дружина,

состоявшая в основном из молодых рабочих. О ее политической платформе данных не обнаружено, но известно, что она занималась распространением нелегальной политической литературы. Плохо законспирированная, «дружина» быстро была раскрыта полицией, а ее члены арестованы. По содержанию изъятой при аресте литературы можно предполагать, что ее организаторы причисляли себя к сторонникам РСДРП. Арестованные 21 января 1907 года члены «дружины» были отправлены в тюрьму уездного города Николаевска[83]. С некоторыми из участников «боевой дружины» — продавцом газет Андреем Марухиным, рабочим Алексеем Мальцевым, портным Константином Емельяновым (по кличке «Долгий»), Иваном Шмониным — Василий Чапаев был в близких отношениях. Его не тронули. Однако в условиях начавшихся репрессий, из предосторожности, от столяра Зудина ему пришлось уйти.



Мастерская балаковского столяра И. Г. Зудина, где работал Василий Чапаев.

В 1906 году Василий работал в Сызрани[84].

С годами он в совершенстве овладел специальностью плотника и работал по найму вместе с отцом и братьями. Они исходили все Поволжье и заволжские степи. Строили дома, мукомольные мельницы, изготовляли сельскохозяйственный инвентарь, а в селе Клинцовка Николаевского уезда строили даже церковь. Во время этого строительства Василий, сорвавшись, упал с колокольни и лишь по счастливой случайности не разбился насмерть. По этому случаю товарищи прозвали его

Ермаком. Прозвище Ермак долго за ним сохранялось.

Василий Чапаев (слева) в Сызрани (фото 1906 г.).

Отец Чапаевых, Иван Степанович, был жизнелюбивым, веселым и вместе с тем твердым и физически крепким человеком. Любил он песни и пел их всегда, когда не наваливались беды и позволяло здоровье, особенно вечерами, за неторопливыми домашними делами. Песни эти были в большинстве мелодичные, старинные, протяжные, иногда боевые, лирические, залихватские и озорные. Среди них «Меж крутых бережков Волга-речка течет», «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке сизый селезень плывет», «По горам-долам балканским раздалась слава об нас». Иногда шутя певал для Екатерины Семеновны: «С хорошей женою я домик наживал, с тобой, мила Катенька, пропил, прогулял». Любимой же песней была «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно».

Детей Иван Степанович держал в строгости, с малых лет приучал к труду, не баловал. И сыновья были ему под стать. Порывистые, жизнерадостные, решительные. Работали дружно, работа у них спорилась, а руки были, что называется, золотые. Не тянулись они к вину. Никто из них, кроме самого Ивана Степановича, никогда не курил. Заметно отличался от остальных старший сын Михаил. Характер имел более мягкий, покладистый, «не чапаевский». Держался от горячих голов младших подальше, особенно от Василия. Да и жил он потом со своей семьей почти все время отдельно и территориально отдаленно (в Казани, Царицыне). В Балакове бывал только наездами. Все дети горячо любили свою заботливую, добрую и красивую мать.

Василий вырос пылким, отзывчивым, общительным, любознательным и исключительно правдивым. В детстве он верховодил ребятишками в забавах, в «баталиях» норовил с младшими одолеть ребят постарше. Юношей, в молодости, ходил в балаковский клуб, играл, как и его младший брат Григорий, на струнных инструментах, участвовал в самодеятельных концертах, любительских спектаклях. Постоянно вращался среди людей, от которых можно было что-то почерпнуть, чему-то научиться, получить какие-то знания, которых ему так не хватало, чем он всегда тяготился. Его стремление к знаниям правдиво описано Д. А. Фурмановым и лаконично, буквально одной фразой, выражено в кинофильме «Чапаев», когда он говорит комиссару: «Ты-то вот знаешь (кто такой Александр Македонский. — *Авт*). И я знать должен!»

Большим горем для семьи Чапаевых явилась казнь Андрея Чапаева, служившего в армии (причины казни не известны). Известие о гибели сына глубоко потрясло Ивана Степановича. В его резкой публичной реакции на столь тяжелое событие местные власти усмотрели антигосударственное бунтарство и подвергли

его аресту. При аресте он оказал сопротивление. Вступившаяся за отца дочь Анна получила тяжелый удар в голову и, после нескольких лет мучительной болезни, умерла в больнице.

В ноябре 1908 года призвали в армию на действительную военную службу Василия Ивановича Чапаева.

Призывники 1908 г. На переднем плане — Василий Чапаев.

5 декабря команда призывников была отправлена через пересыльные пункты Николаевска и Саратова в Киев. Однако в армии он пробыл недолго. Весной 1909 года его демобилизовали, якобы по болезни. «Ратник ополчения первого разряда призыва 1908 года крестьянин деревни Будайки Василий Иванович Чапаев…» — так был зарегистрирован он по возвращении из армии[85].

Можно предполагать, что причиной удаления Чапаева из армии были соображения, связанные с казнью его брата Андрея. Директивой Главного штаба Военного министерства от октября 1907 года уездным воинским начальникам предписывалось: «По получении от чинов Министерства внутренних дел сведений о неблагонадежности в политическом отношении новобранцев сообщать их в те части войск, куда назначены заподозренные в политической неблагонадежности новобранцы». Далее указывалось, что эта мера имеет целью «предохранение армии от проникновения в среду нижних чинов преступной пропаганды»[86].

Возвратясь в Балаково, Василий продолжал прежнюю работу по найму плотником и столяром. 5 июля 1909 года он женился на Пелагее Никаноровне Метлиной, красивой и бойкой работнице кондитерской фабрики местного купца Зайцева[87].

Молодые стали жить в доме родителей Василия Ивановича. В 1910 году у них родился сын Александр, в 1912 году — дочь Клавдия.

В. И. Чапаев с женой Пелагеей Никаноровной (фото 1909 г.).

Дети В. И. Чапаева — Александр (слева), Клавдия, Аркадий (фото 1935 г.).

Заработки в Балакове стали плохие. Это было уже не прежнее село, процветавшее хлебной торговлей. Проведение железной дороги мимо него изменило поток грузов. Приходилось искать заработки на стороне. Весной 1913 года в поисках работы Василий Иванович уехал с семьей в Симбирск, где работал некоторое время, а затем перебрался в Мелекесс. Там в 1914 году

родился сын Аркадий.

Война 1914 года, развязанная империалистами и венценосными правителями, впервые в истории войн приняла мировой характер и незамедлительно потребовала огромных людских и материальных ресурсов. Прервала она мирный труд и Василия Ивановича Чапаева, к которому ему уже не суждено было вернуться. Семью из Мелекесса он отвез ближе к дому — в Николаевский уезд. Его младший брат Григорий, призванный на действительную военную службу в 1913 году, был уже к этому времени в Закавказье, на русско-турецком фронте.

Так жизнь кидала и одновременно формировала личность В. И. Чапаева. Он повидал и узнал многое — это была богатая практическая школа. В. И. Ленин говорил о большом значении такого «перекочевывания» для развития общественного сознания: «Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками…»[88]

II. На фронте Первой мировой

Первая мировая война, начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 года в результате острых противоречий между сильнейшими капиталистическими странами за колонии, источники сырья и рынки сбыта, за сферы экономического и политического влияния, приняла «ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны»[89]. Она поглощала все новые и новые людские и материальные ресурсы государства. По всей стране призванные в армию прощались с родными и близкими, расставались с домашним очагом; слышались стон и плач жен, стариков и детей.

Из села Березовка Николаевского уезда, где он тогда временно проживал с семьей после переезда из Мелекесса, Василия Ивановича Чапаева призвали 20 сентября 1914 года[90]. Родные и друзья проводили прибывшего проститься домой, в Балаково, Василия Ивановича до самой пристани на Волге. Путь его лежал на Саратов, затем в Аткарск, в 159-й запасный пехотный батальон[91], минуя призывной пункт в Балакове, куда он не явился. Такой шаг с его стороны можно объяснить и отсутствием у него времени, и нежеланием извещать местные органы власти о себе.

Балаковское волостное правление, потеряв Чапаева из поля зрения, обратилось к приставу Мелекесса со следующей просьбой: «Ратник ополчения 1-го разряда призыва 1908 года крестьянин д. Будайки Василий Иванович Чапаев подлежал поступлению на военную службу по мобилизации 20 сентября 1914 года. Между тем, по наведенной справке, он оказался проживающим в посаде Мелекесс, почему Балаковское волостное правление имеет честь покорнейше просить ваше высокоблагородие сообщить сему правлению, проживает ли в посаде Мелекесс Чапаев, почему не мобилизован и, в случае его уклонения, представить его к г. воинскому начальнику для зачисления в ряды войск». Завязавшаяся переписка по розыску В. И. Чапаева длилась год. Из Балакова настойчиво запрашивались различные уточняющие данные, в частности, о том, выдавался ли Чапаеву на руки паспорт. Наконец, после долгих поисков, полицейский пристав Мелекесса, возвращая в Балаково всю переписку, 15 апреля 1916 года написал: «Просимых сведений о Чапаеве дать не представляется возможности, так как последний в посаде Мелекесс не разыскан и личность его жителям посада никому не известна»[92].

В армию Василий Иванович ушел, как уже было сказано, в

сентябре, на фронт же прибыл в составе очередного пополнения в декабре 1914 года. Приказом по 326-му пехотному Белгорайскому полку от 4 января 1915 года он был зачислен рядовым в 1-ю роту[93], а вскоре определен даже в учебную команду полка[94], где готовились унтер-офицеры. В команду брали из числа лучших и владеющих грамотой солдат[95].

326-й пехотный Белгорайский полк был сформирован в период с 30 июля по 12 августа 1914 года в Саратове[96], вошел в состав 82-й пехотной дивизии и 23 августа отправлен в XI армию на Юго-Западный фронт[97].

Войска фронта в начале войны провели наступательную операцию против австрийских войск в Галиции, овладели городом Львов. С 1 ноября 1914 года по 9 марта 1915 года 326-й Белгорайский полк участвовал в ожесточенных боях за Перемышль[98]. В течение четырех месяцев осады крепости белгорайцам пришлось штурмовать опорные пункты неприятеля, отражать вылазки австрийцев[99]. Полк понес большие потери: приказом по Белгорайскому полку № 160 от 30 декабря 1914 года исключены из списков полка только как без вести пропавшие более 1500 человек. За подвиги в боях за Перемышль по Белгорайскому полку 30 нижних чинов были награждены Георгиевскими крестами, 228 — Георгиевскими медалями[100].

В таких условиях и в такой обстановке началась фронтовая жизнь В. И. Чапаева. По окончании обучения в полковой учебной команде он возвратился в 1-ю роту.

В итоге длительных боев Перемышль был взят, 9 марта 1915 года 120-тысячный гарнизон крепости капитулировал[101]. Высвобожденные в этом районе русские войска были направлены на другие участки фронта — 82-я дивизия переброшена по железной дороге через Львов и Тернополь в г. Чертков, где частично пополнилась и вела подготовку частей до второй половины апреля. С восстановлением дорог после весенней распутицы дивизия проследовала в составе IX армии на левое крыло Юго-Западного фронта.

Обстановка на фронте к этому времени резко изменилась. 19 апреля 1915 года австро-германские армии перешли в наступление, и русские войска вступили в тяжелые оборонительные бои. Сказывалась экономическая и техническая отсталость страны.

Более активные действия происходили в IX армии. Ее войска форсировали Днестр и оттеснили противника за реку Прут. В этих боях Белгорайский полк, после неудачной попытки форсировать Днестр 25 апреля в районе д. Бедицы, совершил маневр и успешно переправился ниже по течению, в районе д.

Хмелева. Продолжая наступление, полк вышел на указанное ему ранее направление и у д. Михалче выбил противника с позиции с большими для него потерями. 29 апреля белгорайцы заняли г. Бороденка[102].

К утру 5 мая полк прибыл в Слободка Лесну и поступил во временное подчинение командира 71-й пехотной дивизии. В ночь на 6 мая 1-й батальон полка форсировал р. Прут и во взаимодействии с двумя батальонами Венгровского полка 71-й дивизии занял плацдарм у д. Княж Двор. В течение суток было отбито несколько дневных и ночных атак противника, батальон потерял 440 человек. Стойко держалась 1-я рота батальона и даже захватила 40 человек пленных[103]. За мужество, проявленное в боях 5–8 мая, Чапаев был награжден Георгиевской медалью[104].

В дальнейшем положение на этом участке несколько стабилизировалось, и Белгорайский полк в составе своей 82-й дивизии убыл в Стрый для его обороны. Трое суток защитники отстаивали город, а к исходу 21 мая отошли, понеся большие потери. Отходили с боями, а 25 мая удачной контратакой белгорайцы захватили в плен 5 офицеров и 299 солдат. В ходе дальнейшего преследования противника 26–28 мая у него отбили несколько деревень, а в д. Березинца-Крулевска захватили в плен еще 780 солдат, 23 офицеров и 1 врача. У г. Жидачов Белгорайский полк 30 мая был сменен Богодуховским и Новочеркасским полками, а 5 июня занял позицию у переправы на Днестре западнее Моссоровки. В бою 8 июня большие потери понесла 1-я рота[105].

9 июня Царевский и Белгорайский полки 1-й бригады были сменены 327-м Корсунским и 328-м Новоузенским полками 2-й бригады 82-й дивизии. Белгорайский полк получил 1000 человек пополнения и до конца месяца приводил себя в порядок. Приказом по полку от 10 июля 1915 года в районе д. Дзвиняч рядовой 1-й роты Василий Чапаев был произведен в младшие унтер-офицеры[106]. За мужество и храбрость, проявленные в боях с 18 мая по 9 июня, младший унтер-офицер Чапаев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени[107].

С 1 по 24 июля полк снова находился в боях, затем до 11 августа залечивал раны в районе д. Бильче и 13 августа сменил Новомосковский полк в районе местечка Золотой Поток (в 50 километрах восточнее г. Станислава — ныне Ивано-Франковск). К часу ночи 14 августа была закончена смена, а в четыре утра на позиции обрушился сильный артиллерийский огонь противника. В 5 часов его пехота пошла в наступление. В целом атака успеха не имела. Потеряв не менее 400 человек убитыми и 92 пленными, противник отступил[108]. Общая же обстановка на фронте была

тяжелой. В 22 часа 15 августа полк, согласно приказу, начал отход за р. Стрыпь[109].

За мужество и отвагу в боях 14–17 августа у д. Сновидов и на р. Стрыпь младший унтер-офицер В. И. Чапаев был награжден по приказу от 31 декабря 1915 года Георгиевским крестом 3-й степени[110].

Бои приобретали все более упорный характер. Ведя активную оборону на чертковских позициях, русские войска наносили ощутимые удары противнику. Белгорайский полк, перейдя в наступление, овладел станциями Бяла-Чертковска и Белобожница. Потеряв 19 человек убитыми и 133 ранеными, сам пленил 15 офицеров и 1500 солдат противника, захватил бомбомет, много оружия, патронов и снаряжения. К 30 августа на некоторых участках противник был отброшен за Днестр. Белгорайский полк 2 сентября вышел к р. Стрыпь, но затем снова был отведен на чертковские позиции[111]. На этом рубеже оборона стабилизировалась.

По сложившейся обстановке 82-я дивизия передавалась в состав VIII армии. В 19 часов 21 сентября со станции Черный Остров убыл на Проскуров (Хмельницкий), Шепетовку и далее на Ровно первый эшелон Белгорайского полка. Выгрузившись на ст. Клевань, полк 23 сентября сосредоточился в районе д. Скречетовка и на другой день вступил в бой. 26 сентября 1-му и 4-му батальонам, наступавшим в первом эшелоне полка, было приказано ударить во фланг и тыл противнику в помощь Царевскому полку, наступавшему левее. Маневр не удался. Сосед слева не только не развил успеха, но и отступил, 13-я рота Белгорайского полка при заходе в тыл противнику в лесу излишне оторвалась, была окружена и с трудом пробилась штыками к своим. 15-я и 16-я роты потеряли своих командиров убитыми и вынуждены были отойти[112]. 27 сентября полк потерял 3 офицеров и 54 солдата убитыми, 227 ранеными. 5 октября 9-я и 12-я роты при наступлении в лесу заблудились и были уничтожены противником. Потери составили 308 человек. В дальнейшем наступление успеха не имело.

В боях в районе Цумани и Карпиловки 27 сентября 1915 года В. И. Чапаев был ранен и отправлен в госпиталь, откуда вернулся в полк 29 ноября того же года[113]. В то время, пока он находился на излечении, вышел приказ о производстве его в старшие унтер-офицеры[114].

В. И. Чапаев на фронте первой мировой войны (фото 1916 г.).

Со времени прибытия на фронт Василий Иванович почти полгода провел в непрерывных боях, был ранен, трижды награжден и стал старшим унтер-офицером. На примере Чапаева,

других солдат и всего 326-го Белгорайского полка можно судить о стойкости и героизме русских солдат и о том, какие неисчислимые человеческие жертвы, материальный урон и лишения несли русская армия и весь народ во имя чуждых ему интересов. В санитарном отчете старшего врача Белгорайского полка указано, что за период с 1 августа 1914 года по 1 января 1916 года общие потери полка составили: 14 офицеров и 488 солдат убитыми, 51 офицер и 2699 солдат ранеными, 17 офицеров и 3444 солдата без вести пропавшими[115].

Военные неудачи, колоссальные людские и материальные потери, тяготы и лишения фронтовой жизни, тяжелое положение в тылу, нерадостные вести в письмах из дому — все это отрицательно сказывалось на настроения солдатских масс, снижало их боевой дух. Усиливалась большевистская пропаганда, разъяснявшая солдатам империалистическую сущность и захватнические, грабительские цели войны ради прибылей имущих паразитирующих классов.

В начале сентября 1915 года командный состав 82-й пехотной дивизии насторожило анонимное письмо из Белгорайского полка, адресованное начальнику дивизии. Во время следствия автор письма был установлен. Им оказался старший унтер-офицер 4-й роты Д. Е. Родичкин. В. И. Чапаев хорошо знал этого храброго солдата, уроженца с. Семеновка Клинцовской волости Николаевского уезда Самарской губернии, георгиевского кавалера. От имени нижних чинов всех рот Белгорайского полка Родичкин предупреждал, что солдаты «решили не пойти в будущем в наступление без своего начальства, в особенности без командиров батальонов, которые во время наступления прячутся неизвестно куда». Родичкин отказался назвать единомышленников. Его дело было передано в военно-полевой суд[116].

В Белгорайском полку имелось немало случаев умышленного отставания солдат от своих команд и подразделении по пути следования на фронт, дезертирства, саморанения, сдачи в плен[117].

Однако фронт был фронтом, и Чапаеву, как и миллионам других солдат, еще много раз пришлось подставлять себя под пули и снаряды. В то же время Чапаев, как и масса солдат, все серьезнее стал задумываться над происходящим на фронте.

18 марта 1916 года, получив отпуск, Василий Иванович выехал в Балаково[118]. К этому времени ухудшились отношения между супругами, и позднее произошел окончательный разрыв. Уже потом, в 1917 году, во второй свой приезд из армии Василий Иванович забрал детей к своим родителям в Балаково.

В. И. Чапаев с женой во время отпуска (фото 1916 г.).

В дни отпуска в марте 1916 года в Балакове и в пути следования Василий Иванович встречался со многими, как и он, фронтовиками, ехавшими домой по ранению или возвращавшимися на фронт. Видел тоже многое. В Балаково

побывал в семьях фронтовиков и знакомых. От многих узнал, что мужья или сыновья погибли. Жители жаловались на бедственное положение, на дороговизну, недостаток самых необходимых продуктов, на острую нехватку рабочих рук. Домашний отпуск оставил у Василия Ивановича тяжелое впечатление.

Возвратясь 13 апреля на фронт, Василий Иванович узнал, что 10 апреля русские солдаты устроили братание с австро-венгерскими. А 18 апреля в приказе генерала Брусилова № 643 говорилось о недопустимости братания и делалось строгое предупреждение о суровом наказании в случае повторения[119].

А тем временем войска Юго-Западного фронта готовились к наступлению.

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал Брусилов 20 мая 1916 года докладывал в Ставку: «Войска воодушевлены и ждут наступления»[120].

В действительности солдаты не горели желанием идти в бой. Они все больше понимали, кому эта война нужна и выгодна, знали о тяжелом положении своих семей в тылу и сами испытывали большие лишения. Ощущали жестокую расправу военно-полевых судов. Так, 24 апреля 1916 года был объявлен приговор военно-полевого суда по делу рядового 59-й маршевой роты А. Вязникова, прибывшего в Белгорайский полк. Этот солдат, доведенный до отчаяния придирками и издевательствами, отказался отдать воинскую честь командиру отделения, а когда его выругал и ударил по лицу командир маршевой роты поручик Недоносков, Вязников ответил: «Нет, я не сволочь, а такой же человек, как и все». Такого заявления было достаточно, чтобы солдата приговорили вначале к 4 годам каторги, а затем судили снова и расстреляли[121].

С рассветом 22 мая (4 июня) войска Юго-Западного фронта перешли в наступление.

IX армия, действовавшая на левом крыле фронта и куда входила 82-я дивизия в составе сводного корпуса, начала свои боевые действия в районе села Черный Поток, в 30 километрах севернее города Черновцы, газовой атакой. Сводному корпусу в составе 82-й и 103-й пехотных дивизий, занимавшему фронт юго-восточнее Доброновце (Добриновцы), Топоровец (Топоровцы), Боян (Бояны), предписывалось энергичным наступлением содействовать 11-му армейскому корпусу, наступавшему севернее. Однако этих мер было недостаточно. Противник спешно стягивал резервы и отбивался ожесточенными контратаками. Развития успеха не получилось вследствие отсутствия подвижной группы и больших потерь 11-го армейского корпуса. За два дня боев выбыло 35 процентов личного состава. Командарм отдал

приказ закрепиться на занятом рубеже и привести части в порядок.

28 мая (10 июня) войска IX армии после 6-часовой артподготовки вновь перешли в наступление и вторично нанесли VII австрийской армии крупное поражение, захватив 347 офицеров, 18 тысяч солдат и 10 орудий. К исходу 29 мая 11-й армейский корпус, пройдя за день 15 километров, достиг рубежа Вителювка, Садагура. Всего же за десять дней VII армия противника потеряла 52 орудия и 50 процентов личного состава, в том числе было пленено 758 офицеров, 37832 солдата, захвачено 49 орудий, 21 бомбомет, 11 минометов, 120 пулеметов и много военного имущества. Только отсутствие конницы на направлении главного удара, а также неэнергичные и несогласованные действия VII и IX русских армий спасли VII армию Противника от полного уничтожения[122].

С 30 мая 82-я и 103-я пехотные дивизии вошли в состав 11-го армейского корпуса, а штаб сводного корпуса был расформирован. Белгорайский полк в составе 82-й дивизии наступал на левом фланге 11-го армейского корпуса[123].

Приказом по 326-му пехотному Белгорайскому полку № 169 от 3 июня 1916 года старший унтер-офицер Василий Иванович Чапаев, на основании рапорта командира 1-й роты от 23 мая, произведен в фельдфебели и утвержден в должности фельдфебеля 1-й роты[124].

В ночь на 5 июня, несмотря на сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь противника, части 11-го армейского корпуса форсировали р. Прут, а к 7 часам фланговым ударом овладели городом Черновцы, захватив 3000 пленных и много военного имущества[125]. Черновцами овладел Новоузенский полк 82-й дивизии. Туда же был введен и Белгорайский полк, который встречен у мэрии представителями горожан различных национальностей во главе с пастором, вручившим командиру полка ключ от города[126].

Следуя за подвижными частями на левом фланге армии, 11-й армейский корпус выдвинулся значительно вперед. В ночь на 13 июня Белгорайский полк перешел реку Черемош и занял город Куты, сменив на своем участке 10-й, 13-й и 15-й Донские казачьи полки. С утра следующего дня завязался бой. Подтянув резервы, противник прочно удерживал выгодные позиции на рубеже урочища Калятура и высоты юго-западнее Куты в течение двух суток. 16 июня его сопротивление было сломлено. По выполнении задачи Белгорайский полк был выведен в корпусной резерв в Куты. В боях 14–16 июня полк потерял 1499 человек, из них 266 убитыми, 1097 ранеными и 136 пропавшими без

вести[127]. Награды получили 733 человека[128]. В их числе В. И. Чапаев получил Георгиевский крест 2-й степени. В приказе по 11-му армейскому корпусу от 23 октября 1916 года о нем сказано, что фельдфебель Василий Иванович Чапаев «в бою 15 июня 1916 года у г. Куты, руководя подчиненными, примером отличной храбрости и мужества, проявленным при взятии занятого неприятелем укрепленного места, ободрял и увлекал за собой своих подчиненных и, будучи опасно ранен, после сделанной ему перевязки, вернулся в строй и снова принял участие в бою»[129].

Части 11-й и 82-й дивизий 11-го армейского корпуса встретили упорное сопротивление и у села Пистынь, но затем, опрокинув противника, вышли на р. Лучка. Преследуя противника, войска IX армии 18 июня овладели г. Коломыя.

После ожесточенных боев с войсками, переброшенными противником из Италии, Франции и с других участков фронта, IX армия продолжала наступление. Ее 11-й армейский корпус 25 июня захватил Делятин[130]. Вследствие большой растянутости фронта и продолжавшегося сосредоточения сил противника, дальнейшее наступление IX армии было приостановлено.

Солдатам приходится бывать в боях не только во время наступления или оборонительных действий. На фронте затишья не бывает. Идет перестрелка, происходят стычки, бои местного значения, частные операции. После того как наступление русских войск было приостановлено, противник 27 июня на одном из участков предпринял атаку несколькими батальонами. Обходя с обоих флангов 1-й батальон Белгорайского полка на передовой позиции в д. Гринява, нанес удар по сходящимся на д. Яблоновцы Северные — пункту расположения 4-го батальона, артиллерии и обслуживающих подразделений. Неожиданная атака вначале вызвала замешательство, но затем огнем артиллерии и контратакой 4-го батальона атака северной группы противника была отбита. Южной же группе удалось зайти 1-му батальону в тыл. Терять время было нельзя. Нависла большая опасность, а командир батальона бездействовал. Тогда 1-я рота и часть солдат 2-й роты под командованием прапорщика Павлова и фельдфебеля Чапаева, используя огонь пулеметов батальона для обеспечения флангов, штыковым ударом пробились через австрийские цепи и вышли к своим. Рота сохранила пулеметы и заняла оборону по западной окраине д. Яблоновцы. Остальная часть батальона, не приняв боя, ушла в глубь обороны противника и, пробиваясь по горным и лесным тропам, через сутки вышла в расположение своих войск, потеряв 100 человек. Фельдфебель Чапаев за бои под г. Делятин был награжден Георгиевским крестом 1-й степени[131].

В конце лета 1916 года В. И. Чапаев тяжело заболел и 20

августа был отправлен в перевязочный отряд 82-й пехотной дивизии. В роту вернулся 10 сентября[132]. Только один день пробыл Василий Иванович в своей роте. 11 сентября 1916 года он получил шрапнельную рану в левое бедро и был отправлен на излечение в 81-й отряд Красного Креста[133].

Положение армии все более ухудшалось. Военные неудачи, безрезультатные бои, приносившие только бессмысленные людские потери, бесперспективность войны, лишения фронтовой жизни, усилившиеся с наступившей осенью, крайняя усталость переполняли чашу долгого солдатского терпения. В секретном распоряжении начальника 82-й пехотной дивизии командирам полков от 30 сентября 1916 года отмечено «полное отсутствие порыва и энергии» в полках — этих важных «спутников удачи и успеха в бою»[134]. А 17 ноября, когда 82-я дивизия находилась снова в составе VIII армии, солдаты 1-й и 3-й рот Белгорайского полка не выполнили боевого приказа: отказались идти в бой на горе Прислип. «Мятежные» роты были немедленно расформированы, а 248 солдат (119 солдат из 1-й роты) привлечены к следствию[135]. Под суд отданы 197 и осуждены 185 солдат. Командир полка и командир 1-го батальона отстранены от должностей по несоответствию[136].

Во время происходивших в 1-й роте событий В. И. Чапаев находился на излечении по ранению в госпитале, а затем был переведен в 153-ю команду выздоравливающих в г. Херсоне. Узнав о расформировании близкой ему 1-й роты и отдаче под суд многих солдат, он счел целесообразным в полк больше не возвращаться. И сумел это сделать. От начальника 153-й команды выздоравливающих 20 декабря 1916 года последовало ходатайство об оставлении фельдфебеля В. И. Чапаева на службе в названной команде. Ходатайство было удовлетворено. В приказе по 326-му пехотному Белгорайскому полку за № 9 от 9 января 1917 года было объявлено: «Выздоровевшего от ран и переведенного на службу в 153 команду выздоравливающих фельдфебеля 1 роты Василия Чапаева исключить из списков полка, роты и числа раненых». В феврале 1917 года Василий Иванович уже находился на службе в названной команде выздоравливающих: в приказе по 326-му полку за № 36 от 5 февраля 1917 года предписало жалованье фельдфебелю 1-й роты Василию Чапаеву за сентябрь 1916 года и за награды перечислить в г. Херсон начальнику 153-й команды выздоравливающих для вручения по принадлежности[137].

Фронт многому научил В. И. Чапаева, укрепил в нем ненависть к царскому самодержавию, а позже и к Временному правительству, делавшему все для того, чтобы начатую царем

империалистическую войну продолжать «до победного конца». Он был против этого кровопролития и не желал больше воевать. Таким образом, выбор дальнейшего пути был сделан Чапаевым еще до Февральской буржуазно-демократической революции. Да и направился он теперь не на фронт, а в тыл, на Волгу: приказом начальника 153-й команды выздоравливающих № 79 от 20 марта 1917 года Василию Ивановичу был предоставлен отпуск на 25 дней с явкой к воинскому начальнику Николаевского уезда Самарской губернии[138]. Прибыв домой, он добился направления в запасный полк.

III. Путь в революцию

После Февральской революции 1917 года В. И. Чапаев прочно встал на политическую платформу партии большевиков. Деятельность Василия Ивановича продолжалась вдали от фронта, но в гуще солдатских масс гарнизонов Поволжья — в Аткарске, Вольске, Саратове и затем в Николаевске.

В гарнизонах Казанского военного округа весть о свержении царского самодержавия была встречена солдатскими массами восторженно. 2–4 марта на сторону революции перешли запасные полки Саратовского, Самарского и других крупных гарнизонов. Солдаты вместе с рабочими, студентами и другими слоями населения вышли на многотысячные демонстрации. Не дожидаясь законов об амнистии борцам против царизма, народ сам освобождал из тюрем политических заключенных. Солдаты отстраняли от должностей ненавистных генералов и офицеров, известных своей жестокостью, а также активных участников карательных экспедиций против крестьян. В марте 1917 года в гарнизонах Поволжья было отстранено от должностей и арестовано около ста генералов и полковников[139].

Началась борьба за демократизацию армии. В гарнизонах создавались Советы солдатских депутатов. По инициативе солдат избирались ротные, батальонные, полковые комитеты, ограничивавшие власть командования.

В Саратове в 90-м пехотном полку 14-й запасной пехотной бригады, куда прибыл для дальнейшего прохождения службы Василий Иванович Чапаев, насчитывалось около 9 тысяч солдат и офицеров и более 5 тысяч прикомандированных выздоравливающих (так называемых «эвакуированных») солдат[140]. В 91-м и 92-м запасных полках этой же бригады — соответственно 8 и 10 тысяч человек.

Воинские казармы были переполнены. В. И. Чапаев был фельдфебелем одной из двух рот, размещенных, по причине отсутствия мест в казармах, в театральном здании теперешней Саратовской филармонии, и жил при роте, в правом крыле здания, в угловой комнате второго этажа. Солдаты размещались на деревянных нарах, оборудованных на балконе[141].

Большевики Саратова с первого дня революции обратили особое внимание на работу среди солдат гарнизона. 3 (16) марта, несмотря на запрещение командования, они проникли в казармы и убеждали солдат примкнуть к Совету рабочих депутатов, послать туда своих представителей. Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов 30 марта уже имел 144 представителя от

гарнизона[142]. Была организована военная секция Совета.

Большевики вели политическую работу среди солдат, распространяли свою газету «Социал-демократ». В конце апреля в гарнизоне была создана Саратовская военная организация РСДРП(б), работой которой руководил член Саратовского комитета большевиков В. П. Ан-тонов-Саратовский[143]. В своей деятельности военная организация целиком подчинялась партийному комитету, ставила задачу вести пропаганду социализма «везде, где только можно»[144]. Лозунги большевиков о войне и мире, об отношении к буржуазному Временному правительству находили отклик в сердцах солдат, привлекали их к ленинской партии. К июню 1917 года в Саратовской военной организации было уже 400 большевиков[145].

Саратовская военная организация РСДРП(б) находила поддержку со стороны солдат, прошедших фронтовую закалку. По поручению большевиков Чапаев, как заслуженный фронтовик, часто выступал на митингах и собраниях, которых в то время было предостаточно. Практически в период двоевластия он проводил в своей деятельности линию большевиков в военных вопросах. Когда Временное правительство в апреле 1917 года заявило о войне «до победного конца в полном согласии с союзниками»[146], Василий Иванович занял ясную антивоенную позицию.

Будучи наездом в Балакове, выступил там на митинге против войны[147]. Когда же правительство Керенского летом 1917 года организовало наступление на фронте, он возглавил оппозицию солдат своей роты против посылки их в действующую армию.

В Саратовском гарнизоне неповиновение охватило целые полки. 12 июня собрание представителей ротных и полковых комитетов 90-го и 91-го полков, несмотря на призывы соглашателей[148], вынесло решение не отправлять солдат на фронт[149]. Бывшие участники боевых действий, отказываясь воевать за интересы империалистов, предъявили военной секции Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов требование: на фронт посылать прежде всего людей, еще не нюхавших пороху, работавших в тыловых военных учреждениях. На этой почве произошел серьезный инцидент. 8 июля 90-й полк под видом учений был выведен из города, а тем временем юнкера Саратовской школы прапорщиков изъяли из полкового склада и вывезли к себе все боеприпасы (патроны, гранаты и др.). Узнав об этом, фронтовики, предвидя, что их скоро силой оружия заставят выехать в действующую армию, подняли полк, захватили школу прапорщиков и вернули боеприпасы. Конфликт был улажен с участием представителей штаба Казанского округа и Казанского

военно-окружного комитета. К 14 июля военная секция Саратовского Совета выявила в тыловых учреждениях 1647 человек, еще не бывавших на войне, и решила заменить их фронтовиками[150]. Такая решительная борьба фронтовиков за свои права поднимала их авторитет в гарнизоне.

Василий Иванович скучал по детям. Очевидно, поэтому он летом 1917 года на месяц взял к себе из Балакова сына Александра. Жили в казарме. Младшего Чапаева солдаты баловали незатейливыми гостинцами из домашних посылок. Что же запомнилось мальчику из взаимоотношений отца с солдатами? Василий Иванович весь день проводил обычно с ними, обучая их военному делу. Но малолетнему сыну казалось, что отец на них резко покрикивал. Что тут происходило и к чему — Александр Чапаев оценил, когда уже сам стал взрослым и военным человеком.

Ему запомнилось еще и такое. В перерывах, во время «перекуров», солдаты обступали Василия Ивановича, оживленно разговаривали, шутили. Вечерами собирались в пустом партере театра, который являлся и местом построений солдат, и много говорили. Со сцены произносились горячие речи. Иногда солдаты пели под гармошку и плясали. Во всем этом принимал участие Чапаев.

Надо думать, что Василий Иванович пришелся солдатам по душе. Сам он был таким же, как они, из той же среды, понимал их нужды и запросы, имел с ними общие интересы и отдавал им всего себя.

Поэтому, когда к концу лета ротам предстояло убыть на фронт, солдаты обеих рот хотели, чтобы Чапаев был их командиром. Но Василий Иванович был направлен в г. Николаевск Самарской губернии (ныне г. Пугачев Саратовской области) в 138-й запасный пехотный полк.

Во время Февральской революции 138-й запасный полк встал на сторону восставшего народа. Большая часть солдат стояла за поддержку партии большевиков. Был создан Совет солдатских депутатов Николаевского гарнизона под председательством большевика Вениамина Иосифовича Ермощенко, члена партии с 1909 года. Накануне Февральской революции он служил солдатом в 11-й роте этого полка. О себе Вениамин Иосифович однажды сказал: «Я — рабочий шахтер, взят, как „неспокойный“, на службу. Это в виде наказания. Был свидетель в 1913 году расстрела рабочих шахтеров на юге в мае месяце»[151].

Созданным в Николаевском гарнизоне Советом солдатских депутатов командир 138-го полка полковник Соколов 21 марта 1917 года от должности был отстранен и арестован, вместо него

командиром полка выдвинут подпоручик Степанов. Были избраны ротные и полковой комитеты. Солдаты активно участвовали в аресте полицейских и жандармов, в мобилизации их в армию. Под нажимом солдат военный комитет Николаевского гарнизона 24 апреля запросил исполнительное бюро Казанского военно-окружного комитета срочно возбудить перед командующим округом ходатайство об отправке из Николаевска на фронт 250 полицейских, взятых в войска. Ходатайство было удовлетворено[152].

Но реакция не бездействовала. Во время перевыборов полкового комитета реакционерам удалось с помощью эсеров и меньшевиков протащить в него своих представителей. Комитет попал под влияние реакционного офицерства полка. С целью компрометации и упразднения Совета солдатских депутатов Николаевского гарнизона полковой комитет 25 мая созвал общее собрание офицеров. Собрание решило возбудить ходатайство перед начальником 50-й запасной пехотной бригады, в которую входил полк, об откомандировании всех офицеров на фронт, так как «ввиду создавшегося в полку положения работа офицеров стала совершенно невозможной».

Совет солдатских депутатов Николаевского гарнизона, не возражая против отправки офицеров на фронт, на заседании 3 июня решил послать начальнику 50-й запасной пехотной бригады и Казанскому военно-окружному комитету категорический протест против заявления офицеров полка о каком-то исключительном положении, при котором офицерам работать невозможно. «Никакого исключительного положения в полку нет!» — говорилось в протесте, посланном за подписью Ермощенко[153].

В качестве одной из первых принятых командованием мер командиром полка назначался полковник Вернер. Но Николаевский Совет солдатских депутатов на заседании 9 июня, рассмотрев вопрос о назначении командира полка, постановил: «1. Отстаивать выборность командного состава, 2. Убедительно просить Казанский военно-окружной комитет и военного министра утвердить командиром 138-го запасного пехотного полка подпоручика Степанова, избранного Советом солдатских депутатов на эту должность 21 марта, вполне достойного занять этот пост и уже командующего полком 3 месяца»[154].

Полковник Вернер назначен не был, продолжал временно командовать подпоручик Степанов, но и на его утверждение согласия не было.

Чтобы ослабить большевистское влияние, командование при поддержке меньшевиков и эсеров отправляло большевистски

настроенных солдат, унтер-офицеров и офицеров на фронт, где готовилось наступление. В пути следования ими вывешивались лозунги: «Долой войну!», «Вся власть Советам!».

Взамен отправленных на фронт в Николаевск присылались ограниченно годные фронтовики, преимущественно георгиевские кавалеры. Устраивались в полк тылового гарнизона за взятки и сынки привилегированных слоев населения — богачей, помещиков, кулаков, духовенства.

Прибыл из Саратова в полк В. И. Чапаев и был назначен фельдфебелем 4-й роты. С первых дней пребывания в полку он повел себя активно. Близко сошелся с руководителями николаевских большевиков. Вскоре солдаты избрали его председателем ротного комитета, а затем и членом комитета полка. Факт избрания Чапаева в солдатский комитет знаменателен. По свидетельству одного из авторов книги Я. А. Володихина, служившего в то время в 4-й роте, некоторые солдаты других подразделений приходили к ним в роту посмотреть, что это за фельдфебель прибыл, который в полковом комитете защищает их интересы.

Это было время, когда большевики повсеместно собирали силы, готовили рабочих, крестьян, солдат и матросов к штурму власти помещиков и капиталистов. В мае 1917 года в Николаевске была создана общегородская большевистская партийная организация, избран ее комитет[155]. Организация росла так быстро, что получила возможность послать своего делегата В. И. Ермощенко на VI съезд партии с правом совещательного голоса. Ко времени открытия съезда в Николаевской организации насчитывалось 250 человек[156].

Проходивший в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 года VI съезд РСДРП(б) нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. ЦК партии большевиков от имени съезда обратился с призывом к рабочему классу, солдатам и крестьянам России готовиться к новым битвам, копить силы[157]. Выполняя указания съезда партии большевиков, Николаевский комитет РСДРП(б) проводил большую работу в городе, уезде и гарнизоне, вовлекая в свои ряды новых борцов.

В первой половине сентября в Николаевск прибыл вновь назначенный командир полка подполковник Отмарштейн. Зная положение в полку и видя сочувствие значительной части солдат большевикам, он решил, с одобрения и при поддержке эсеро-меньшевистской части полкового комитета, лично выступить перед солдатами. На гарнизонном собрании 14 сентября, обрисовав обстановку, из которой были сделаны выводы о необходимости продолжения войны, подполковник Отмарштейн

призвал к верной службе в интересах России. В заключение, как командир полка, выразил надежду, что все воины в этом стремлении будут едины, и предложил высказаться по затронутым вопросам, выразить свое единодушие. Наступила неловкая тишина. Но вот кто-то поднял руку и слегка окающим волжским говорком попросил слова. К президиуму вышел среднего роста, сухощавый и подтянутый, с усами, георгиевскими крестами фельдфебель. На вопрос председательствующего о его фамилии ответил: «Чапаев». Он выступил против продолжения империалистической войны, против поддержки Временного правительства, требовал не признавать командира полка — ставленника Временного правительства. Смелое выступление Чапаева произвело на солдат огромное впечатление[158].

Возможность такого открытого выступления была обусловлена тем, что в полку большевики имели сильное влияние.

Николаевский комитет РСДРП(б) письмом от 20 сентября 1917 года потребовал от всех парторганизаций взять на учет все революционные силы и подготовиться к вооруженному захвату власти[159].

В это напряженное время, когда Коммунистическая партия взяла курс на вооруженное восстание, готовилась к решающим боям, собирала силы на штурм капитала, 28 сентября 1917 года В. И. Чапаев вступил в ее ряды[160] и служил ей честно до конца своей жизни, как солдат революции.

Так логично завершилось последовательное, неуклонное движение Чапаева к партии большевиков, длившееся ряд лет. На этой стезе ему встречались агитаторы разных партий, но они не сбили Чапаева с революционного пути. Ни к каким мелкобуржуазным течениям он не примыкал, ни в каких партиях, кроме коммунистической, никогда не состоял. Здесь сказалась твердость его убеждений, как рабочего человека, испытавшего на себе все трудности, лишения и угнетение со стороны эксплуататорского режима.

Быстро рос авторитет большевиков. 13 ноября была создана Николаевская военная организация РСДРП(б)[161]. На выборах исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Николаевского гарнизона 15 октября 1917 года большевики получили 13 мест из 16. Проходила большевизация солдатских комитетов.

В октябре 1917 года В. И. Чапаев был послан Николаевским комитетом РСДРП(б) в Заамурские полки[162] одного из армейских корпусов Юго-Западного фронта для агитации против продолжения империалистической войны, за выступление под

знаменем большевистской партии на решительную схватку с буржуазией. С возложенной на него задачей он справился успешно, о чем потом лаконично, буквально двумя словами написал: «Кончилось победой»[163]. По возвращении он, по предложению большевиков, был делегирован гарнизонным собранием на II окружной съезд Советов солдатских депутатов в Казань.

Съезд, открывшийся 14 ноября, принял решение о демократизации и коллегиальном управлении войсками округа, о введении выборности комсостава вплоть до командира полка и др.[164]

Пульс биения сердца партии в Петрограде все время хорошо прослушивался и здесь, в Заволжье. С падением Временного правительства 28 октября в Николаевске был создан Революционный комитет, который поставил вопрос о передаче власти Советам[165].

Исполком уездного Совета крестьянских депутатов, состоявший преимущественно из эсеров, растерялся. 29 октября вынес решение о нейтралитете, а 31 октября, придя в себя, постановил решительно осудить действия большевистского ревкома и обратиться с апелляцией к крестьянству уезда[166]. Правые эсеры вышли из состава исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чтобы начать открытую борьбу против Советской власти[167]. Они нашли поддержку со стороны единомышленников — офицеров и части полкового комитета Николаевского гарнизона.

Николаевский ревком, со своей стороны, постановил арестовать уездного комиссара Временного правительства помещика Медведева, отстранить от должности командира 138-го запасного пехотного полка подполковника Отмарштейна и назначить на должность командира полка В. И. Чапаева, отозвав его с окружного съезда Советов солдатских депутатов. Члену ревкома И. Н. Демидкину было поручено немедленно приступить к созданию при ревкоме Красной гвардии[168].

В течение трех дней добровольцами в Красную гвардию вступили 90 человек. Начальником красногвардейской дружины был назначен И. Н. Демидкин, военным руководителем ревком утвердил В. И. Чапаева.

В конце ноября на II уездном съезде Советов крестьянских депутатов разгорелась острая борьба по вопросу о власти. Делегаты-большевики одобряли переход власти к Советам и действия рабоче-крестьянского правительства. Делегаты-эсеры и кулаки не хотели признавать Советскую власть, требовали передачи власти Учредительному собранию. 28 ноября

голосовалось две резолюции. Из 117 делегатов за резолюцию большевиков голосовали 57, а за резолюцию эсеров — 60 делегатов. Ввиду того, что голоса разделились примерно поровну, съезд решил прекратить работу, делегатам съезда разъехаться по местам, провести собрания по селам, волостные съезды, референдумы для определения, кто за Советскую власть, а кто за Учредительное собрание[169].

ЦК партии большевиков постоянно интересовался событиями в г. Николаевске. В письме Николаевской военной организации РСДРП(б) от 6 декабря 1917 года запрашивалось: «Перешла ли власть в руки Советов? Как идет борьба с Дутовым? Как проводите в жизнь декреты?.. Как шла… работа по выборам в Учредительное собрание? Каково отношение к декрету о кадетах?» А в письме Николаевскому комитету РСДРП(б) ЦК партии хотел выяснить уже другие вопросы: «Как велико ваше влияние на уездный исполнительный комитет Совета и как велика ваша фракция в нем? Каково соотношение сил с соц. — революционерами? Есть ли в их среде правые и левые? Каково распределение сил между ними? Сколько меньшевиков?..» и т. д. [170] Такая связь с ЦК партии помогала ориентироваться в событиях, видеть основные задачи.

В. И. Чапаев, прибыв с Казанского окружного съезда, согласно решению ревкома вступил в командование полком. Однако прежний командир полка решение ревкома считал неправомочным. Саботировали также офицеры штаба полка и эсеры из полкового комитета. Василий Иванович действовал вопреки им и помимо них. Решение вопроса, кому быть командиром, ускорили события. В Николаевск прибыл член исполкома Саратовского Совета Блинов. Он сообщил об угрозе Царицыну со стороны войск генерала Каледина и о необходимости военной помощи. Николаевский ревком и Совет солдатских депутатов 13 декабря созвали общегарнизонное собрание, на котором было решено объявить полк на военном положении, привести его в боевую готовность и выступить на помощь Царицыну не позднее 17 декабря, отстранить от командования полком бывшего подполковника Отмарштейна, утвердить командиром В. И. Чапаева, вновь избранному командному составу немедленно приступить к работе[171]. Решением гарнизонного собрания сопротивление в полку было сломлено. С одобрения ревкома проводились удаление офицеров, реакционно настроенных элементов и демобилизация солдат старших возрастов.

Не желая мириться с действиями большевиков, стремясь не потерять своего влияния в массах, эсеры 16 декабря 1917 года

созвали III уездный крестьянский съезд, решения которого предполагали противопоставить действиям ревкома и Совета солдатских депутатов. Но большевики в самом начале съезда захватили инициативу. Председателем президиума съезда был избран большевик Ермощенко.

Вениамин Иосифович Ермощенко — донецкий шахтер, солдат 138-го запасного пехотного полка, руководитель организации большевиков и председатель исполкома Николаевского уездного Совета.

На первом же заседании съезд принял решение признать Советскую власть, одобрить советские декреты о земле и мире. Группа правых эсеров и кулаков ушла со съезда.

На вечернем заседании 17 декабря съезд заслушал доклады В. И. Чапаева и П. И. Далматова о создании Красной гвардии в уезде и об уставе Красной гвардии. Одобрив проводимую демобилизацию старших возрастов, съезд постановил: ввиду демобилизации солдат Николаевского гарнизона немедленно приступить к созданию Красной гвардии, утвердить устав

Красной гвардии.

На следующий день (18 декабря) состоялось совместное заседание делегатов съезда и Совета рабочих и солдатских депутатов. В. И. Чапаев был в составе президиума. Заседание утвердило создание Николаевской уездной трудовой социалистической коммуны[172], избрало совет народных комиссаров этой коммуны в составе 15 человек во главе с В. И. Ермощенко. В состав совнаркома был избран и В. И. Чапаев[173]. Николаевский совнарком 20 декабря объявил, что высшей политической и законодательной властью в уезде является Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а его исполнительным органом — уездный совет народных комиссаров[174].

Таким образом, в Николаевске и Николаевском уезде с 16 по 20 декабря 1917 года произошли события, завершившие острую политическую борьбу всего предшествовавшего периода: III уездный крестьянский съезд, работу которого возглавили большевики, признал Советскую власть и одобрил ее декреты о мире и земле; был создан Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уезда; утверждено решение о создании новой вооруженной силы в лице Красной гвардии для защиты революции.

Во всем этом непосредственное и самое активное участие принимал В. И. Чапаев, который выступал на съезде и был избран в состав первого уездного органа Советской власти.

IV. Защищая власть Советов

Советская власть в Николаевске, несмотря на сопротивление уездной буржуазии, была установлена бескровно. Это стало возможным благодаря сильному большевистскому влиянию как среди рабочих, так и среди солдат Николаевского гарнизона, начальником которого был В. И. Чапаев, возглавлявший также и 138-й запасный пехотный полк. Николаевские большевики и шедшие за ними рабочие и крестьяне на собственном опыте убеждались, как важно иметь свою вооруженную силу. Однако, как и вся старая армия, 138-й полк по своему классовому составу не мог служить надежной защитой Советской власти в Николаевске и уезде. На армейской массе сказалось усиление классовой борьбы в стране. Интересы офицерства и кулацких элементов коренным образом расходились с интересами народа. К тому же основная масса солдат стремилась домой, к мирному труду, к земле, данной крестьянам Советской властью.

На дальнейшее требовалась иная, революционная вооруженная сила. И все же расформировать 138-й запасный полк сразу не удалось. Необходимость в нем диктовалась не только местными событиями. Свергнутая буржуазия подняла на борьбу с Советами донское и оренбургское казачество. Атаман Войска Донского царский генерал Каледин образовал на Дону контрреволюционное войсковое «правительство». Вскоре калединщина стала наиболее опасным очагом контрреволюции на Юге. «Вокруг Каледина, — писал В. И. Ленин, — группируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии»[175]. Захватив Ростов и Таганрог, Каледин начал готовиться к наступлению на Донбасс. 27 ноября власть в Оренбурге захватил атаман Дутов.

Совет Народных Комиссаров 8 декабря 1917 года опубликовал обращение «Ко всему населению» с призывом довести народное дело до конца и смести прочь преступных врагов народа[176]. Советское правительство мобилизовало силы для разгрома контрреволюционных мятежей. На Дон и на Южный Урал были направлены красногвардейские отряды из центра и ряда промышленных городов.

С установлением в Николаевске власти Советов Василий Иванович Чапаев с отрядом в 550 человек, состоявшим из наиболее надежной части солдат полка и красногвардейцев, незамедлительно отправился эшелоном по железной дороге на помощь Царицыну, против войск генерала Каледина. Вместе с отрядом выехали В. И. Ермощенко и другие большевики. Но

участвовать в боях не пришлось: в связи с отпавшей угрозой Царицыну отряд вскоре возвратился в Николаевск. Совместными усилиями отрядов, прибывших из Самары, Иващенкова (ныне г. Чапаевск Куйбышевской области) и других городов, разгромлены были и банды Дутова. 18 января 1918 года в Оренбурге установилась Советская власть[177].

По возвращении из-под Царицына Василий Иванович продолжил прерванную выездом работу по расформированию полка и организации в уезде Красной гвардии.

Чапаев — член исполкома Николаевского Совета, военный комиссар уезда (фото 1918 г.).

В Николаевске продолжало существовать уездное земство. Собрание большевиков совместно с большевистской фракцией

уездного земского съезда приняло 7 января 1918 года решение о немедленном его роспуске. Земские деятели с этим не посчитались. 18 января Самарский губисполком опубликовал декрет о роспуске органов городского самоуправления, губернского, уездных и волостных земств[178]. Но и это решение не возымело действия. Наоборот, вечером 20 января уездная земская управа созвала «чрезвычайное» земское собрание, имевшее целью игнорировать декрет губисполкома и сорвать работу открывавшегося на следующий день IV уездного съезда Советов. Представители уездного совнаркома прибыли на собрание и объявили о его роспуске. Гласные отказались подчиниться. Поднялся невообразимый гвалт. Заседавшие повскакали с мест, двинулись к прибывшим, выкрикивали угрозы. Тогда в зал вошла вооруженная команда во главе с В. И. Чапаевым, и помещение было очищено[179].

21 января в Николаевске открылся IV объединенный съезд Советов. В. И. Ленин был избран его почетным председателем. Делегаты съезда приняли приветственное письмо Совету Народных Комиссаров Республики. Съезд объявил единственной властью в уезде Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, принял постановление о роспуске уездного и волостных земств, избрал руководящий орган уезда — совет народных комиссаров[180].

Первое его организационное заседание, на котором присутствовало 29 человек, состоялось 23 января. Председателем постоянного президиума совнаркома был избран В. И. Ермощенко, товарищами (заместителями) председателя — А. Г. Яковлев, Т. И. Бочкарев, секретарем — П. И. Далматов (все коммунисты), управляющим делами — левый эсер А. М. Барсков. Были созданы отделы (комиссариаты), из которых военный возглавили Бочкарев и Далматов, внутренних дел — Чапаев. Однако на второй же день военным комиссаром был назначен В. И. Чапаев, а комиссаром внутренних дел стал Т. И. Дмитриев[181].

Новому составу Николаевского совета народных комиссаров предстояло решать сложные задачи, и важнейшая из них — установление и укрепление Советской власти в уезде. Наиболее активная работа проводилась в этом направлении в селе Сулак, где уже в конце 1917 года возникла большевистская организация; 2 января 1918 года был избран сельский Совет, его председателем стал Михаил Липатов. В январе же организован Сулакский волостной Совет во главе с председателем С. К. Рязанцевым[182]. В последних числах января в Сулаке состоялся районный съезд Советов, избравший совет народных комиссаров района под председательством также С. К. Рязанцева. Военным комиссаром

был избран И. В. Топорков. В состав Сулакского района вошло 20 сел и деревень обширного Николаевского уезда. В селе Перекопная Лука Совет создан 26 декабря, его первым председателем стал Илья Шикин. В начале января возник Совет в Малоперекопном под председательством Ф. К. Потапова. В Балакове 12 января общим собранием представителей города и волости был избран Совет во главе с председателем А. Г. Яковлевым. В Липовке волостной Совет возник 19 января, а несколько позже был избран и районный. В январе же были избраны Советы в Теликовке, Новозахаркине и других селах[183].

Центральный Комитет партии внимательно следил за приведением в жизнь декретов Советской власти. Одобряя действия Николаевского совета народных комиссаров, ЦК писал уездному комитету партии: «Приветствуем вас за то, что вы упраздняете земство и передаете все его функции Советам. Несомненно, и впредь вы должны вести ту же линию, но не прикрывать различные отрасли деятельности земства, а, напротив, расширять их и приближать к населению»[184].

Советизация деревни проходила в ожесточенной классовой борьбе. Потерпев поражение в Николаевске, местная буржуазия, думские и земские чиновники, контрреволюционное офицерство перенесли свои подрывные действия в села, где для этого имелась благоприятная обстановка, особенно в отдаленных районах уезда, граничивших с землями уральского казачества. В уезде были крупные помещичьи владения Ржанова, Мальцева, Зейферта, Балашова и других, многочисленные хозяйства сельской буржуазии — кулачества и довольно крепкого среднего крестьянства, находившегося под влиянием эсеров. В Балакове и других аналогичных пунктах господствовала торговая и промышленная буржуазия.

В итоге коренных изменений в деревне общедемократическая революция была доведена до конца. Помещичье землевладение было ликвидировано, трудящееся крестьянство получило землю, а бедняки — и некоторое количество скота и инвентаря из бывших помещичьих хозяйств.

Пролетарская революция в деревне углублялась. У кулачества изымалась превышающая установленную норму земля, часть скота и машин. Классовая борьба еще более обострилась. Кулачество, как многочисленный отряд сельской буржуазии, стало выступать против Советской власти.

Оперативно и успешно вели работу уездный комитет партии и Николаевский Совет. Они оказывали действенную политическую, организационную и хозяйственную помощь на местах, активизировали работу партийных ячеек, укрепляли

Советы. В ходе аграрных преобразований росла численность партийных ячеек в уезде, повышалась их боевитость. 15 января состоялся уездный партийный съезд. К весне 1918 года количество партийных организаций уезда удвоилось и дошло до ста, в них состояло 2312 коммунистов[185].

Сельские коммунисты сплачивали бедноту в борьбе с кулачеством, направляли деятельность Советов. Но нередко случалось, что кулаки и их пособники пробирались в Советы и вели там подрывную работу. По этой причине в феврале 1918 года были распущены Порубежский, Рахмановский, Давыдовский, Любицкий, Клинцовский, Семеновский и некоторые другие волостные Советы. Новые составы Советов избирались после этого на собраниях бедноты[186].

В письме ЦК РСДРП(б) Николаевскому комитету партии говорилось: «…Приветствуем вас с вашей энергичной, плодотворной и разнообразной деятельностью. Если бы все организации работали так, как вы, то партия наша была бы несравненно более прочна и организованна. Особенно приветствуем вас за вашу планомерную работу в деревне…»[187].

Острейшая борьба разгорелась на продовольственном фронте. В январе 1918 года рабочим в Самаре была установлена дневная норма хлеба в 300 граммов, а в апреле — 100 граммов[188]. Кулаки прятали хлеб, скупали его у крестьян на местах, чтобы те не продавали его государству, а потом взвинчивали рыночные цены так, что рабочие, служащие и все городское население не могли его покупать. Хлеб в руках кулаков был главным и сильнейшим оружием в борьбе против Советской власти. Стремление кулаков задушить пролетарскую революцию голодом активно поддерживали эсеры и меньшевики.

Проводники и организаторы мероприятий Советской власти встречали яростное сопротивление промышленной и торговой буржуазии, кулаков и правых эсеров, всей контрреволюции. Враги пошли на организацию вооруженных банд и мятежей. Среднее крестьянство колебалось.

В операциях по подавлению контрреволюционных выступлений исключительную решимость и умение проявил В. И. Чапаев. Для борьбы с контрреволюцией на селе при волостных и сельских Советах создавались красногвардейские отряды. Так, при Сулакском Совете еще в первые дни 1918 года был создан под командованием И. В. Топоркова отряд Красной гвардии в 19 человек, получивший вооружение от уездного военного комиссариата. В январе отряд состоял уже из 70 человек и находился на казарменном положении. Всего в волостном (а затем и в районном) и в сельских отрядах Сулака было до 200

человек. Теликовский отряд под командованием П. Ф. Баулина в январе тоже имел около 200 человек. В январе же Брыковская волостная организация большевиков и волостной Совет решили организовать отряд Красной гвардии и обратились в Николаевский совет народных комиссаров с просьбой отпустить в распоряжение волостного Совета 50 винтовок с необходимым количеством патронов[189].

В начале 1918 года были организованы красногвардейские отряды: Горяиновский под командованием Степанова, Хлебновский — И. К. Бубенца, Новозахаркинский — И. С. Кутякова, Малоперекопновский (Студенецкий) — Ф. К. Потапова, Семеновский — С. Н. Потехина, Порубежский кавалерийский — П. А. Сурова. Несколько позже были организованы балаковские отряды С. П. Захарова и С. Д. Шкарбанова, а также другие. В Сулаке был создал штаб Красной гвардии, начальником штаба избран Г. С. Шустов.

В самом Николаевске имелась созданная еще при ревкоме красногвардейская дружина в 100 человек, основной состав которой размещался по своим квартирам. Но, кроме нее, уже в январе Василий Иванович организовал на базе 138-го полка добровольческий отряд в 250 человек (из них 40 конников) с содержанием на казарменном положении.

В разное время отряды имели различную численность, но со временем все они росли и крепли и стали впоследствии основой для формирования нескольких полков 25-й Чапаевской дивизии. Вербовка добровольцев и организация отрядов Красной гвардии производились на основе устава Красной гвардии, утвержденного III уездным крестьянским съездом. Основные его положения сводились к следующему: Красная гвардия создается на строго добровольных началах; добровольно вступивший в Красную гвардию может, когда угодно, из нее выбыть; Красная гвардия ставит своей задачей вести борьбу с контрреволюцией; ни один красногвардеец не должен требовать себе вознаграждения; все командиры дружин и отрядов Красной гвардии выбираются личным составом соответствующей части. Каждому члену Красной гвардии вменяется в обязанность: аккуратно посещать занятия и собрания; беспрекословно исполнять приказания командиров; заботиться о сохранности оружия, содержать его в чистоте и готовности. Начальники Красной гвардии в боевой обстановке должны сосредоточивать в своих руках руководство дружиной или отрядом. Будучи строго ответственными за все отданные приказания, начальники в критические моменты, как передовые бойцы, должны личным примером ободрять свою дружину или отряд Красной гвардии[190].

Вся организационная работа по созданию, вооружению, повышению боеспособности, а также руководство боевой деятельностью отрядов осуществлялись в уезде военным комиссаром В. И. Чапаевым.

Центральный Комитет партии, возглавлявший борьбу с контрреволюцией, в письме Николаевскому комитету РСДРП(б) 25 января 1918 года писал: «Совершенно правильно поступаете вы и относительно Красной гвардии и оружия, не давая ему распыляться и сохраняя его в распоряжении Советов; правы вы и проводя строгий контроль при приеме в Красную гвардию, чтобы постепенно очистить ее от тех элементов, которые не имеют ничего общего с партией, а скрываются под видом Красной гвардии от своих некрасивых поступков. Все сведения о Красной гвардии передаем в соответствующий отдел Комиссариата по военным делам»[191].

Красногвардейские отряды Николаевского уезда становились опорой Советской власти. Кулаки клеветали на большевиков, называли их «самозванцами», призывали убивать советских работников, оказывать противодействие «кучке Красной гвардии»[192].

В январе 1918 года вспыхнуло восстание против Советов в 140 километрах северо-восточнее Николаевска, в крупном селе Большая Глушица. Там кулаки расправились с местными активистами и объявили, что район Большой Глушицы Советской власти не подчиняется. По поручению Николаевского совнаркома В. И. Чапаев с частью отряда отправился туда. Восстание было подавлено. 26 января 1918 года Большеглушицкий волостной Совет сообщил, что четыре дня назад земская управа упразднена и все делопроизводство Совет принял на себя[193].

На заседании Николаевского совнаркома 24 января было заслушано внеочередное сообщение начальника военного отдела И. Н. Демидкина о беспорядках в Балакове, чинимых «Союзом фронтовиков». Обсудив сообщение, совнарком постановил: «Немедленно командировать в Балаково командира полка тов. Чапаева»[194]. Это было последнее поручение В. И. Чапаеву как командиру 138-го запасного пехотного полка. В дальнейшем полк в связи с полной демобилизацией его личного состава перестал существовать.

В тот же день Василий Иванович выехал в Балаково, где активизировались против Советов бывшие офицеры, организовавшие так называемый «Союз фронтовиков». Обстановка в городе сложилась тяжелая.

Если Февральская революция прошла для Балакова без осложнений, то Октябрь вызвал резкую реакцию

сконцентрированной там торговой, сельской и отчасти промышленной буржуазии. Она не признавала созданного в Балакове Совета. Для его дискредитации в глазах населения враги широко использовали продовольственные и другие трудности. Заводы хозяева закрывали, заказов не поступало, рабочие остались без заработков. Приезжавших на базары крестьян контрреволюционеры подбивали на выступления против сдачи хлеба государству. Большую активность проявляло вернувшееся из старой армии реакционное офицерство.

В. И. Чапаев объявил о роспуске враждебного Советской власти «Союза фронтовиков», избравшего своим председателем заводчика Мамина, восстановил совместно с коммунистами и советскими работниками деятельность Совета в Балакове. Обстоятельно обговорил неотложные действия с младшим братом Григорием, незадолго до этого вернувшимся с фронта и избранным первым военным комиссаром Балакова. Вечером дома, у родителей, этот разговор между братьями продолжался до глубокой ночи.

Григорий Иванович Чапаев — младший брат Василия Ивановича Чапаева.

За большеглушицким восстанием и балаковским выступлением белогвардейцев последовали мятежи в Марьевке,

Хворостянке, Большой Луке и других селах. Восстанавливая и укрепляя Советскую власть, Василий Иванович арестовывал организаторов восстаний, накладывал на богатеев контрибуции деньгами, а чаще хлебом, который потом отправлялся эшелонами в Петроград и Москву[195]. Разъясняя населению сел и деревень контрреволюционную сущность выступлений, на которые их подбивают богатеи в своих корыстных целях, Чапаев призывал народ к укреплению власти Советов, вселял в людей уверенность в будущем.

Из бедноты военный комиссар организовывал красногвардейские отряды. Вооружал их отобранным у восставших оружием, воодушевляя на борьбу с кулаками и белогвардейцами. Возвратившись в Николаевск, Василий Иванович докладывал совнаркому о результатах похода, о положении в селах и проделанной работе, о состоянии красногвардейских отрядов. В Совете знакомился с известиями о положении в уезде и стране, получал указания, отдавал необходимые распоряжения в отряды.

После выхода декрета об организации Красной Армии, подписанного В. И. Лениным, из николаевских отряда и дружины Красной гвардии был сформирован 1-й Николаевский батальон Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Его первым командиром был избран В. И. Чапаев. Батальон разместился в здании бурсы (духовного училища). Василий Иванович в письме от 15 февраля 1918 года просил Николаевский Совет освободить помещение от посторонних: «В бурсе помещается социалистическая Красная Армия, а также находится склад оружия и взрывчатых веществ, где недопустимо быть посторонним лицам и ученикам, которые тесно связаны с контрреволюцией»[196].

Василий Иванович и тогда, и потом — никогда — не доверял служителям культа и обслуживающим их лицам. Не однажды арестовывал «духовных отцов» и конфисковывал их имущество — за шпионаж, за передачу церковных ценностей белогвардейским отрядам, за антисоветские проповеди.

1-й Николаевский советский батальон принял от 138 запасного пехотного полка вооружение, имущество, средства и взял на себя всю тяжесть нараставшей борьбы. Так было положено начало формированию в Николаевском уезде частей регулярной Красной Армии.

В середине февраля вспыхнул мятеж в Березове, в 30 километрах западнее Николаевска. Военный комиссар Судакского района И. В. Топорков и 8 человек красногвардейцев, проводившие в Березове собрание бедноты, были арестованы.

Красногвардейские отряды, которые прибыли из Сулака и Малоперекопного для ликвидации беспорядков, были разбиты мятежниками. Воспользовавшись событиями в Березове и поражением красногвардейских отрядов, кулаки поднялись в Малоперекопном, в 8 километрах от Сулака. Восставшие убили красногвардейца Николая Майорова, охранявшего сельский Совет, и арестовали весь состав Совета. Николаевский совнарком потребовал прекратить контрреволюционные действия и освободить арестованных[197]. Для подавления восстания и на помощь Топоркову, другим арестованным выступил из Николаевска Чапаев с отрядом. Мятежники требованиям уездного Совета не подчинились. Действия подоспевшего с отрядом Чапаева были, как всегда, стремительны. Восстания были подавлены, Топоркова и других арестованных, сильно избитых, удалось освободить.

Докладывая Совету, Чапаев сообщил, что в Березове была настоящая война с хорошо вооруженной дружиной, руководимой бывшими офицерами. По его докладу 17 февраля 1918 года Совет постановил: открыть запись добровольцев в 1-й Николаевский батальон РККА, организовать вербовку добровольцев и формирование частей РККА в уезде, управление ими возложить на коллегию при военном отделе совнаркома в составе И. Демидкина, В. Чапаева, П. Ульянова и П. Санталова; просить Саратовский Совет об отпуске 10 пулеметов системы «Кольт», для получения пулеметов командировать в Саратов П. Ульянова; ассигновать 3 тысячи рублей для покупки оружия в Иващенкове; для получения оружия и боеприпасов командировать Т. И. Бочкарева[198].

Формирование подразделений регулярной Красной Армии путем местной инициативы проходило в обстановке нараставшего вооруженного сопротивления сельской буржуазии, возглавляемой вернувшимися с фронта офицерами и правыми эсерами. Новое и основательно подготовленное восстание началось 27 февраля в Липовке, одновременно оно явилось сигналом для организованного выступления антисоветских элементов в других селах Липовского района. Под натиском кулацких дружин местный красногвардейский отряд отступил в Духовницкое. Липовский район оказался захваченным восставшими.

Получив об этом сообщение, Совет народных комиссаров Николаевского уезда 28 февраля принял решение организовать при Совете «Штаб охраны революции» для принятия в случае необходимости экстренных мер к подавлению контрреволюционных акций. Совет объявил Липовский район на военном положении и поручил созданному тут же штабу в составе

Ермощенко, Дмитриева, Демидкина, Чапаева, Ульянова и Санталова немедленно принять необходимые меры. На подавление восстания был направлен с отрядом В. И. Чапаев, получивший большие полномочия. В приказе, изданном совнаркомом уезда, говорилось:

«Ввиду возникшего в Липовском районе Николаевского уезда явного контрреволюционного восстания, закончившегося убийством некоторых руководителей местных Советов, Совет народных комиссаров объявляет, что с 1 сего марта впредь до особого распоряжения Липовский район объявляется на военном положении. Для подавления контрреволюционного восстания мобилизуется вся Красная гвардия Липовского района.

Вся власть в этом районе принадлежит военному комиссару Чапаеву, командированному Советом для подавления восстания. Все вооруженные силы этого района подчиняются его распоряжениям, местные общественные и правительственные организации также обязаны беспрекословно подчиняться всем распоряжениям военного комиссара. Не подчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся Советской власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск. Всех виновных в контрреволюционном восстании арестовывать и под усиленным конвоем доставлять в Николаевск, а сопротивляющихся и противодействующих — расстреливать…»[199]

В. И. Чапаев приступил к выполнению возложенной на него ответственной задачи немедленно. Прибыв на место, он объединил под своим руководством отряды Липовского района и решительными действиями подавил восстание, укрепил боеспособность местных красногвардейских отрядов. На мятежных кулаков и торговцев была наложена контрибуция, главным образом хлебом, так как продовольственные затруднения создали угрожающее положение.

Во время действий В. И. Чапаева в Липовском районе произошло восстание в Балакове[200]. Непосредственными организаторами его оказались бывшие офицеры. Восстание проводилось по заранее разработанному плану. Начальник штаба отряда Красной гвардии, находившийся в заговоре, распорядился вывести красногвардейцев из города под видом учений. Обезоруженный таким образом Совет утром 4 марта весь был арестован. К этому времени белогвардейцам предусмотрительно уже было выдано со склада обмундирование и оружие.

Изолировав Совет и обезопасив себя от красногвардейского отряда, мятежники развязали себе руки, обеспечили свободу дальнейших действий. Подготовившаяся к восстанию

белогвардейщина хлынула к месту сбора, на Троицкую площадь. Накаляя атмосферу, разжигая страсти, восставшие призывали огромную толпу сбежавшихся обывателей и приехавших на базар крестьян к выступлению против комиссаров и Советов.

Тем временем рабочие заводов Мамина, Блинова, завода сельскохозяйственных машин и батраки, узнав об аресте членов Совета, направились к месту их заключения и потребовали немедленного освобождения, предупредив, что иначе перебьют охрану и разнесут здание. Охранявшие арестованных вынуждены были уступить. Рабочие сообщили освобожденным комиссарам о сборище на площади и убеждали туда не ходить, чтобы не попасть в руки озверевшей толпы. Григорий Чапаев с их доводами не согласился и, взяв с собой оставшихся в городе по различным причинам семерых красногвардейцев, отправился на площадь. Не мог он, коммунист и военный комиссар, допустить разгула контрреволюционных сил и отсиживаться в безопасном месте! На митинге он выступил с призывом не поддаваться на провокацию, не слушать богачей и белогвардейцев, подбивавших население к преступным выступлениям против Советов. Но договорить ему не дали. Разъяренная банда набросилась на пришедших, смяла и обезоружила красногвардейцев. Григория схватили за руки, а белогвардеец Мушонков выстрелил в него из винтовки в упор. Разрывная пуля вошла в основание шеи и, выйдя с противоположной стороны, вырвала верхнюю часть плеча. Григорий упал мертвым. Потом враги в бешеной злобе растерзали даже труп.

На городскую площадь Совет направил группу коммунистов и рабочих. Прибежавшие рабочие вступили в схватку с мятежниками. Поднялась стрельба, полетели ручные гранаты. Многотысячная толпа собравшихся хлынула врассыпную, дезорганизуя действия и увлекая за собой зачинщиков мятежа. Рабочие унесли тело Григория в здание Совета, где затем им пришлось обороняться от контрреволюционеров.

О восстании в Балакове было сообщено в Николаевск, в Сулак и другие Советы. Первым пришел на помощь балаковским большевикам и рабочим самарский продотряд А. А. Николаева[201], находившийся в селе Сухой Отрог, в 40 километрах от Балакова, За ним прибыли Алексей Рязанцев из Сулака с отрядом и Василий Чапаев из Липовского района. Мятежники, побросав оружие, спасались бегством, Мушонкову удалось скрыться. На балаковскую буржуазию была наложена контрибуция деньгами в 1,5 миллиона рублей и хлебом[202].

С большими почестями 7 марта хоронили военного комиссара Григория Ивановича Чапаева.

Похороны Г. И. Чапаева — первого военного комиссара г. Балакова, зверски убитого во время белогвардейско-эсеровского восстания 4 марта 1918 г. В первом ряду, в центре — отец погибшего; слева от него — В. И. Чапаев; левее его М. И. Чапаев; далее с перевязанной головой, — председатель союза металлистов г. Балакова поляк В. И. Сечко, раненный во время восстания; крайний справа — С. П. Захаров.

Похороны превратились во внушительную демонстрацию решимости рабочих и бедноты бороться за Советскую власть, отстаивать завоевания революции. За гробом следовали Сулакский, Самарский, Теликовский отряды Красной гвардии и часть Николаевского батальона. Похоронен был Григорий Иванович на месте гибели.

Смерть брата была тяжелой утратой для Василия Ивановича и семьи. Однако он с не меньшей энергией продолжал выполнение своего служебного долга. Тут же из Балакова направил часть Сулакского отряда под командованием Якова Карпова для подавления восстания в селе Никольско-Казаково. С таким же заданием в город Баронск (ныне г. Маркс) был направлен отряд, составленный из части 1-го Николаевского батальона, во главе с Павлом Санталовым[203]. На себя Василий Иванович взял выполнение еще более ответственной задачи. Контрреволюционный отряд юнкеров перешел из Вольска на левый берег Волги, вторгся на территорию Николаевского уезда, ликвидировал в селах Советы, отбирал у населения хлеб и скот[204]. Сводный отряд под командованием Чапаева настиг

юнкеров и нанес им поражение. Рассеявшиеся мелкие группы контрреволюционного отряда бежали за Волгу. Положение в селах, где побывали юнкера, было восстановлено. В Николаевск Василий Иванович вернулся только 22 марта, пробыв, таким образом, в рейде по уезду со времени выезда в Липовский район более трех недель.

Николаевский батальон и отряды Красной гвардии вели борьбу с контрреволюцией не только в Николаевском уезде, но и за его пределами. Так, 22 марта 45 человек из состава батальона были направлены в Самару[205]. По просьбе Совета Хвалынского уезда от 27 марта прислать 200 человек на помощь для учета и изъятия хлеба у кулаков был послан Теликовский отряд под командованием П. Ф. Баулина[206]. По выполнении задания отряд переброшен в город Кузнецк, в следующий уезд, для подавления восстания.

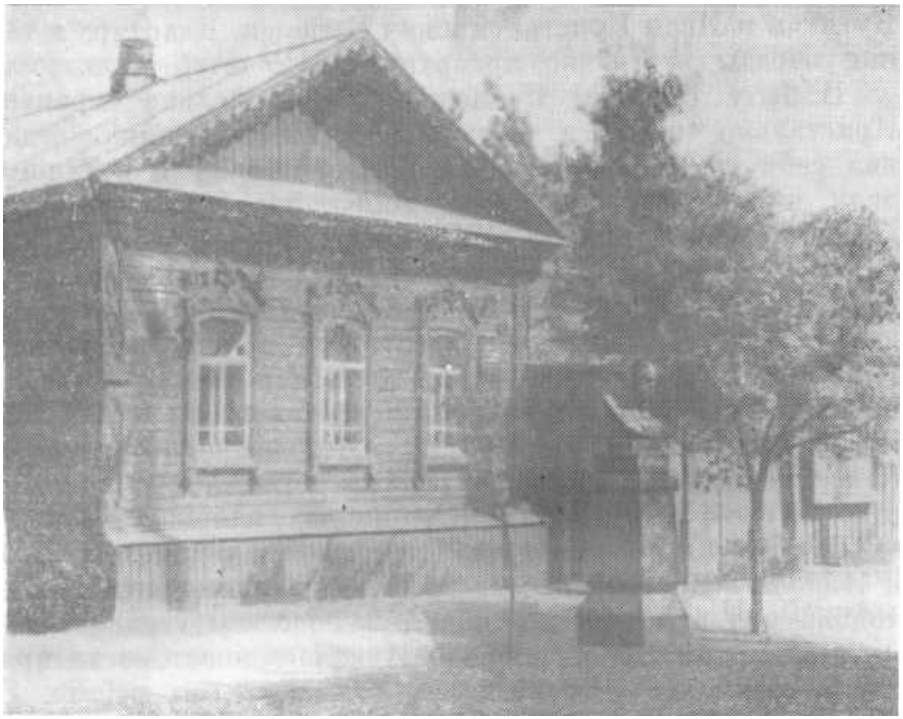
С января до двадцатых чисел марта В. И. Чапаев с отрядом буквально вдоль и поперек изъездил всю обширную, примерно в 30 тысяч квадратных километров, территорию Николаевского уезда. Его быстрые и решительные действия парализовали кулачество и белогвардейщину, вдохновляли на борьбу с ними население, особенно его беднейшую часть и батраков. Трудящиеся убеждались в прочности Советской власти и ее вооруженной силы. Имя Чапаева — организатора отрядов Красной гвардии, верного защитника Советской власти и интересов трудящихся — стало популярным среди рабочих и трудового крестьянства Заволжья. Обездоленные и обиженные искали у него помощи и защиты. Василий Иванович как коммунист, представитель власти Николаевского Совета и военный руководитель, делал все возможное тут же, на месте. Его знали как прекрасного организатора, талантливого и неустрашимого командира, наносившего неотразимые и сокрушительные удары контрреволюции.

Подавление восстаний всюду проходило при самом активном участии бедноты и батраков. Так. в Любицкой волости на волостном собрании было решено: «Всем встать, как одному, на защиту революции. Для правильного и опытного ведения военного дела и руководства товарищами избрать начальника Красной гвардии. Красногвардейцев разбить на десятки, во главе каждого десятка поставить выборного десятника»[207].

Рабочая и крестьянская молодежь стремилась попасть к Чапаеву в отряд. Особое уважение и большую любовь Василий Иванович завоевал у своих боевых товарищей— бойцов и командиров красногвардейских отрядов. Они ценили в нем безграничную преданность делу пролетарской революции и

трудовому народу, светлый ум и кипучую энергию, инициативу, решительность и смелость, неукротимую волю к победе, большой боевой опыт и близость к людям. Как командир, Чапаев был всегда собран, подтянут, точен. Требовательный к себе, он требовал от подчиненных точного, беспрекословного выполнения приказов. В то же время постоянно заботился о снабжении, своевременном и всестороннем обеспечении и отдыхе воинов. Все эти качества располагали к нему соприкасавшихся с ним людей, связывали крепкими бескорыстными узами боевой дружбы. Поражала знавших Чапаева его исключительная честность. В денежном и вообще материальном отношении он был необычайно чистоплотен и до крайности щепетилен. В то боевое время, в 1918 году, контрибуции порой проводились без надлежащей отчетности. Василий Иванович никогда ценностей при себе не держал, не разрешал даже хранить золото, серебро и другие ценности в денежных ящиках отрядов, требовал незамедлительной отправки в уездное казначейство[208]. Лжи, в чем бы она ни проявлялась — в служебном и общественном деле или личной жизни, он не терпел. Если кому удавалось обмануть его хотя бы раз, даже в мелочи, этот человек навсегда терял уважение и доверие Чапаева.

В конце 1917 года Василий Иванович взял к себе живших в селе Березово вдову и детей своего погибшего товарища Петра Федоровича Камишкерцева, воевавшего вместе с ним в империалистическую войну. У Пелагеи Ефимовны Камишкерцевой были две малолетние дочери, у Василия Ивановича — трое детей такого же возраста. Семья собралась в Николаевске и поселилась в небольшом деревянном флигеле при доме бывшего владельца крупной водяной мельницы на реке Большой Иргиз Волковойнова[209].



В этом доме в г. Николаевске в 1918 г. жила семья В. И. Чапаева. Ныне здесь Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева.

Василий Иванович в семье бывал мало, наездами, появлялся на несколько дней, а иногда и часов. Приезжал обычно не один, а с группой товарищей, среди них позднее бывали и раненые. Такие оставались в доме, лечились как и чем могли, подчас больше домашними средствами, и снова уходили в бой. Так, лечились в доме Чапаева одновременно командиры Иван Семенович Кутяков и Иван Константинович Бубенец. Квартира в такие наезды частенько превращалась в штаб и лазарет.

В быту Василий Иванович был предельно скромен. Кристально чистый и честный человек, он целиком отдавал себя служению революции, партийному и военному делу, не заботясь о своем благополучии. Известный уже командир, водивший в 1918 году сформированные им полки, Чапаев испытывал большие материальные затруднения[210]. Даже не имел средств заплатить за простенькую квартиру. «Находясь все время в рядах Красной Армии и защищая революцию, жить мне стало трудно, — писал он как-то исполкому Николаевского Совета, — так как средств у меня нет»[211]. Через год после поселения в городе, поздней осенью 1918 года, Василий Иванович перевез свою семью в село Клинцовка.

Вся боевая деятельность Василия Ивановича Чапаева в Николаевске и Николаевском уезде начиналась и проходила под непосредственным руководством уездного комитета партии большевиков и Николаевского Совета при самом активном участии с его стороны в их работе. В огне классовой борьбы, работая в партийной организации и совнаркоме под руководством стойкого большевика В. И. Ермощенко, В. И. Чапаев закалялся политически, проходил большую школу партийного воспитания, превращался в бесстрашного и преданного солдата революции, в признанного военного руководителя. Последующие события обусловили выход его деятельности далеко за пределы этого уезда.

V. В походах на Уральск

Империалисты всех стран с первых же дней существования Советской Республики применяли различные формы борьбы против нее в соответствии с конкретно складывавшейся обстановкой. Первоначально проводились заговоры, провокации и мятежи. На Советскую Республику двинулись войска германского империализма. Нависшая угроза была умело отведена В. И. Лениным путем заключения Брестского мира.

Затем империалисты приступили к организации совместной интервенции и развязыванию гражданской войны в нашей стране. Непосредственное вторжение англо-американских и французских интервентов началось в марте с Мурманска и Архангельска, откуда им было ближе выйти к центру России, к Петрограду и Москве. В начале апреля 1918 года, после провокационного убийства двух японцев во Владивостоке, начали высадку войск японцы и их союзники. Английские войска проникли в Среднюю Азию и Закавказье. Крым, Украина, Белоруссия и Прибалтика были захвачены немцами.

Особые надежды возлагались интервентами и белогвардейщиной на контрреволюционные силы Поволжья, Урала, Сибири и Юга России. Одним из таких очагов контрреволюции стала Уральская казачья область[212].

Уральская буржуазия приветствовала и всемерно поддерживала Временное правительство. Первый Уральский Совет, избранный после Февраля, был буржуазией разогнан, и большевики ушли в подполье. Великая Октябрьская социалистическая революция, лишившая помещиков и капиталистов всех преимуществ и привилегий, была встречена зажиточным казачеством враждебно. «Войсковое казачье правительство» Советской власти не признало. К тому же Уральск наводнялся контрреволюционерами, бежавшими из Центральной России: генералами, офицерами, капиталистами и помещиками, искавшими в казачьем краю убежища и защиты.

В начале 1918 года обстановка в Уральске еще более накалилась. По мере демобилизации старой армии в Уральск возвращались казачьи части при полном вооружении. Требование Советов на пути их следования сдать оружие ими не выполнялось; местным властям и железнодорожной администрации казаки нередко диктовали свои условия, угрожая оружием.

Прибытие вооруженной силы в Уральск окрылило буржуазию.

В середине января в Уральске собрался областной крестьянский съезд, в работе которого активное участие приняли

большевики. Они умело использовали революционно настроенную часть прибывшего казачества. 16 января съезд провозгласил Советскую власть в Уральской области. Организованный фронтовиками казачий комитет оказывал большевикам и новому Совету помощь.

Однако буржуазия с помощью эсеров сумела одолеть влияние революционно настроенных фронтовиков. Подкупленные члены комитета перешли на сторону «войскового правительства», созданного также в январе войсковым съездом контрреволюционного офицерства. Областной Совет, оставшийся без поддержки, всячески притеснялся «войсковым правительством».

Двоевластие в Уральске никого не устраивало и продолжаться длительное время не могло. В этих условиях вопрос о власти стал главнейшим. Поэтому в марте в Уральске снова собрались два съезда: одновременно работали съезд войсковых депутатов и областной съезд Советов. Последний проходил с 18 по 25 марта. Съезд Советов послал приветствие Совету Народных Комиссаров РСФСР и вынес решение о роспуске «войскового правительства».

В противодействие решению съезда Советов войсковой казачий съезд принял решение о сохранении самостоятельности Уральской области до Учредительного собрания, подтвердил необходимость иметь свое войсковое правительство и собственную армию во главе с атаманом. Ходовыми лозунгами на съезде по-прежнему были: «Автономия Уральской области!», «Казачье войсковое правительство!», «Ни к кому не пойдем и к себе никого не пустим!»[213]. По окончании съезда «войсковое правительство» провело смотр своим воинским частям, а в ночь на 30 марта 1918 года полностью захватило власть: большинство членов вновь избранного исполнительного комитета областного Совета было арестовано и посажено в тюрьму. Не многим удалось спастись и добраться до Саратова. В городе и области начался террор, заработал военно-полевой суд, который сразу же приступил к кровавым расправам. «Войсковое правительство» объявило мобилизацию и стало готовиться к боевым действиям[214].

Казачье войско, десятилетиями служившее царю, было вооружено, хорошо обучено, а полки, побывавшие на фронте империалистической войны, получили и боевой опыт, стали настоящими кадровыми кавалерийскими частями. В казачьей армии было в избытке кадровых офицеров и высшего командного состава. Все эти явные преимущества выгодно отличали ее от мелких, раздробленных и слабо вооруженных красногвардейских

отрядов. Поэтому, при неспокойной обстановке в окружающих губерниях, казачье «правительство» чувствовало себя уверенно и было несговорчивым.

Советское правительство, желая уладить политический конфликт мирным путем, не раз посылало представителей в Уральск для переговоров. Так, в первых числах апреля Казачий комитет ВЦИК направил к «войсковому правительству» казака-большевика И. С. Ружейникова. Но Ружейников был выдворен за пределы Уральской области.

Область уральского казачьего войска, граничившая с Самарской, Саратовской, Оренбургской и Астраханской губерниями, наиболее тесную и разностороннюю связь имела с Саратовской губернией. Города Саратов и Уральск связаны прямым и кратчайшим железнодорожным путем. После разгрома 29 марта 1918 года Уральского Совета исполком Саратовского Совета прекратил с Уральском почтово-телеграфную связь и железнодорожное сообщение. Уральск оказался изолированным. 1 апреля исполком Саратовского Совета, признав полномочия наличного состава исполкома Уральского Совета, прибывшего в Саратов, постановил предоставить ему все права советского органа[215].

Эти меры лишь подхлестнули уральских контрреволюционеров к новым действиям. Они стали открыто заявлять, что пора проучить большевистский Саратов, добраться до Москвы во имя Учредительного собрания. Повелась разнузданная клеветническая пропаганда против большевиков, которых обвиняли в посягательстве на свободу и собственность казаков и их семей. Повсеместно проводились митинги и собрания, шла запись добровольцев в казачью армию, на границах области начались вооруженные инциденты.

Саратовский Совет, стремясь урегулировать конфликт без кровопролития, с момента контрреволюционного переворота до конца апреля вел переговоры с казачьим «правительством», но безрезультатно. Наконец, 28 апреля военный совет Саратовского исполкома предъявил собравшемуся в Уральске казачьему съезду следующие требования: «1) Признание Совета Народных Комиссаров как верховной власти Советской Республики; 2) Восстановление Совета уральской бедноты, ныне разогнанного; 3) Изгнание набежавших в пределы Уральской области контрреволюционных элементов — бывшего русского офицерства, помещиков, капиталистов; 4) Освобождение всех арестованных в связи с создавшимся политическим конфликтом»[216].

Контрреволюционное казачество отказалось от выполнения требований Саратовского Совета, стало форсированно приводить

войска в боевую готовность. Им были созданы группировки войск для действий на двух выгодных направлениях: Уральск — Саратов и Сломихинская— Саратов (схема 1).

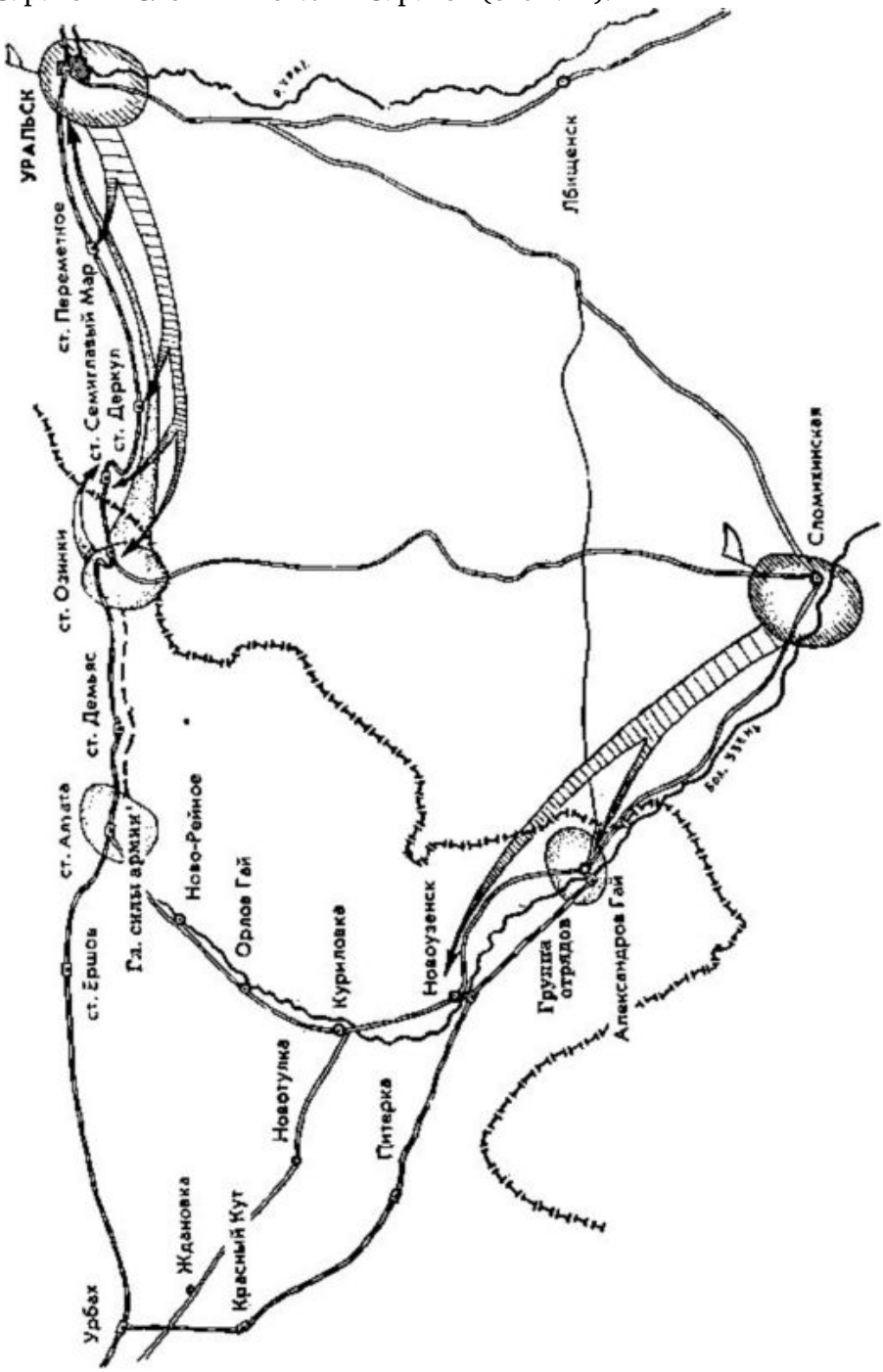


Схема 1. Первый поход на Уральск (3—12.V.1918 г.).

Боевые действия стали неизбежны. Борьба за власть Советов в Уральске и огромной Уральской области, принявшая затяжной и чрезвычайно ожесточенный характер, завершилась только в огне гражданской войны.

Молодая Советская Республика, с момента своего зарождения вынужденная вести борьбу с многочисленными врагами, только еще создавала Красную Армию. Натиски контрреволюции отражались в первую очередь местными силами. Не могло Советское правительство выделить достаточно сил и для быстрого подавления уральского контрреволюционного казачества. Борьбу с уральской белогвардейской армией первоначально взял на себя Саратовский Совет.

В Саратове была сильная партийная организация, сравнительно небольшой, но надежный гарнизон (формировались стрелковый и кавалерийский полки, две артиллерийские батареи и инженерный батальон). В городах и селах губернии имелись красногвардейские отряды. В первые месяцы 1918 года в Саратове было расформировано 55 воинских частей, прибывших с фронта, и 15 частей местного гарнизона. После их расформирования осталось 133 орудия, 150 пулеметов, 35 тысяч винтовок, 5 миллионов патронов, 2500 шашек, более 26 тысяч шинелей, 11 тысяч пар обмундирования и другое имущество[217]. Такая материально-техническая основа являлась для начала также немаловажным фактором. На протяжении всей гражданской войны Саратов имел большое военно-политическое значение и был базой IV, IX и X действующих армий.

В апреле войска Саратова состояли из местного отряда Красной гвардии численностью в 1350 штыков, вновь сформированных батальона Красной Армии в 600 штыков, конного отряда в 150 сабель с 10 пулеметами, 4-орудийной батареи, Тамбовского отряда в 500 штыков с 2 орудиями, 12 пулеметами и одним броневиком. Всего, таким образом, насчитывалось более 2400 штыков, 150 сабель, 22 пулемета, 6 орудий и один броневик[218]. Объединенные отряды получили наименование Саратовской армии. Командующим армией Саратовский губисполком 13 апреля назначил депутата Совета, бывшего подпоручика, большевика Сергея Ивановича Загуменного[219]. Предполагалось участие в боевых действиях вместе с Саратовской армией красноармейских отрядов Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии[220]. Николаевский уезд территориально и экономически тяготел к Саратову. Он граничил с Саратовской губернией (как и с Уральской областью) и связан с Саратовом и Уральском железной дорогой[221].

Контрреволюционный переворот в Уральске затронул не только общие политические, но и непосредственные интересы Николаевского уезда. Во время восстания были арестованы советские работники Николаевска, находившиеся в это время в Уральске. Казаки начали вторгаться в пределы Николаевского и Новоузенского уездов, убивали партийных и советских работников, грабили население, угоняли скот. Достаточных сил для борьбы с уральскими белоказаками в Николаевском уезде не было. При создавшемся положении Николаевский Совет нашел необходимым вести борьбу с контрреволюционным казачеством совместно с Саратовским губернским Советом[222] и принял решение привлечь для этого Красную гвардию Сулакского и Липовского районов в количестве 300 человек от каждого. Мобилизованные переводились на положение бойцов регулярной Красной Армии и зачислялись на все виды довольствия. Местом сбора был назначен город Николаевск. Решение совнаркома о мобилизации касалось только двух районов, но Чапаев, рассчитывая на инициативу местных Советов, копии решений разослал телеграммами в село Березово, город Баронск и другие пункты, где им подавлялись восстания, и не ошибся[223]: Балаковский Совет направил в Николаевск 108 добровольцев, Баронский — 58, Левенский — 22.

Добровольцев в Николаевске встречал В. И. Чапаев. Организовал их размещение, вооружение и обмундирование, сформировал из прибывших 1-й Николаевский советский полк, командиром которого он был назначен Николаевским исполкомом. Командирами батальонов стали И. Н. Демидкин, И. В. Топорков, П. Ф. Баулин[224].

В. И. Чапаев — организатор красногвардейских отрядов и первых батальонов Красной Армии в Николаевском уезде (фото 1918 г.).

Ввиду того, что формирование шло на добровольных началах, в приказе № 42 от 4 апреля Чапаев требовал представить списки желающих ехать на уральский фронт. Нежелающие исключались из списков полка с 5 апреля, а должностные лица — после сдачи дел. В то же время, строго соблюдая классовый принцип отбора, приказом № 49 от 11 апреля Чапаев исключил из рядов Красной Армии 5 человек как недостойных быть защитниками пролетарской революции[225]. Немногочисленные силы Николаевска готовились к боям основательно.

Не все необходимое делалось командованием Саратовской армии, которое считало, что имевшихся сил и средств для подавления уральской контрреволюции достаточно. Предусматривалось овладеть железной дорогой Саратов — Уральск, для чего, по мере продвижения войск, оставлять на станциях гарнизоны, и взять Уральск; рассчитывали, что с падением Уральска боевые действия прекратятся. После этого следовало только оказать помощь местной бедноте и иногородним, обезоружить казаков в станицах и восстановить Советы. Недооценив силы и возможности противника, командование армии недостаточно использовало имевшиеся в Саратове и губернии вооружение и людские резервы. Даже сформированные части не были подведены в исходный район для наступления своевременно и полностью.

В сложившейся обстановке командованию армии пришлось принять некоторые меры. Прибыв в середине апреля на станцию Ершов, оно решило привлечь возможно больше красногвардейских отрядов из прилегающих к Уральской области Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии и с этой целью провело совещание с представителями Николаевского и Новоузенского исполкомов и командирами основных красноармейских отрядов, на котором от Николаевского уезда присутствовали В. И. Ермощенко, В. И. Чапаев и П. И. Ульянов. Согласно принятому на совещании решению, два батальона 1-го Николаевского полка, называвшиеся больше по-прежнему отрядами, выступили на станцию Алтата (Дергачи) — в район сосредоточения армии. Отряд Демидкина следовал по железной дороге; отряд Топоркова, с которым находился Чапаев, к этому времени уже действовал в районе села Солянки против вторгшихся в пределы Николаевского уезда казаков[226]. Отряд Баулина, направленный ранее в Хвалынский уезд Саратовской губернии на помощь в изъятии хлеба у кулаков, затем в город Кузнецк — на подавление восстания, прибыл под Уральск позже и в операции почти не участвовал.

На марше в хуторе Бенардак отряд Топоркова, которым фактически командовал как старший начальник В. И. Чапаев, разбил казачий отряд, прибывший туда для расправы с коммунарами в бывшем имении помещика Мальцева. 250 коммунаров, вырванных из рук белоказаков, тут же добровольно вступили в отряд Топоркова.

В конце апреля Саратовская армия сосредоточилась у границы Уральской области в районе станции Озинки и 3 мая перешла в наступление на Уральск[227].

Движение частей в предбоевом порядке, которые для отражения возможных внезапных атак казачьей конницы с флангов шли строем каре, велось медленно. Перестрелки с казачьими разъездами, частые остановки нервировали уставших бойцов и командиров. В. И. Чапаев, поняв неприемлемость установленного порядка движения, решил оторваться от главных сил. Доложив об этом командованию, он уклонился несколько севернее и походным порядком двинулся в обход, в тыл противнику, на станцию Семиглавый Мар (схема 1).

Казаки, сосредоточившие свое внимание на главных силах армии, обнаружили Чапаева, когда он, совершив свой маневр, уже вел наступление с прилегающих высот на станцию. Застигнутые врасплох, они не могли оценить появившиеся в тылу силы красных и, боясь окружения, отступили, не приняв боя, по направлению к станции Шипово. Проявленные Чапаевым инициатива и решительность дали возможность войскам армии ускорить движение и занять первый населенный пункт и железнодорожную станцию Уральской области Семиглавый Мар. Чапаев, преследуя противника, в тот же день продвинулся на 12 километров восточнее Семиглавого Мара. Новоузенский отряд вышел на рубеж 5 километров южнее Чапаева. Главные силы армии закрепились в районе Семиглавого Мара.

В тот же день стремительным налетом двух конных полков с юга казаки попытались отбить Семиглавый Мар. Но красные части к этому времени уже окопались, изготовились к встрече противника, и атака была отражена. К исходу дня атака конницы повторилась с одновременной атакой пехотного батальона и кавалерийского полка со стороны станции Шипово. Результат боя был тот же. Части держались уверенно. С наступлением темноты противник предпринял третью атаку. Казачьей коннице удалось прорваться сквозь цепь круговой обороны Семиглавого Мара. Организованные действия оборонявшихся были нарушены, отряды и подразделения больше действовали по своему усмотрению, стрельба велась во всех направлениях.

Новоузенский отряд, находившийся впереди главных сил в 13

километрах, был окружен и оказался в тяжелом положении. Чапаев, не испытывая особого нажима со стороны противника, оставил на месте прикрытие, а с основными силами Николаевских отрядов пошел на помощь новоузенцам, совершил ночью пятикилометровый марш-бросок и атаковал противника; его отряды соединились с Новоузенским отрядом. С трудом была отбита атака в Семиглавом Маре.

С утра 5 мая наступление продолжалось на станцию Шипово в прежнем боевом порядке. На станции Семиглавый Мар в качестве гарнизона был оставлен отряд под командованием О. М. Шевелева. Продвижение шло медленно, с отражением налетов казачьих разъездов на флангах. Разведка велась слабо. Из-за абсолютного господства казачьей конницы в открытой степи пешие, да и конные разведывательные подразделения удаляться далеко от основных войск не могли. Имевшиеся в армии несколько самолетов для разведывательных целей по-настоящему не использовались.

Противник дал бой на подступах к станции Шипово. Перед фронтом на выгодной позиции оборонялась пехотная дружина, поддерживаемая артиллерийским огнем с бронепоезда. Казачья конница атаковала правый фланг красных, стремясь нанести поражение наступавшим частям, прижав их к реке Деркул. Правофланговый Новоузенский отряд не выдержал удара и стал отходить, разворачиваясь фронтом на юг, в сторону противника. На помощь Новоузенскому отряду Чапаев перебросил часть сил и особенно эффективные средства против конницы— пулеметы. Самому ему стесняла маневр влево протекающая с запада на восток река Деркул. Поэтому, как только стабилизировалось положение Новоузенского отряда, Николаевские и Тамбовский отряды, поддержанные артиллерийским и пулеметным огнем, решительно атаковали противостоявшую пехотную дружину с фронта и ворвались в Шипово. Атака была настолько стремительной, что население, напуганное вражеской пропагандой о зверствах красных, бежало, бросив все: в печах стояла горячая пища, во дворах бродил скот, встречались даже повозки, запряженные лошадьми. К исходу дня Чапаев занял станицу Каменка, прилегающую к Шипову.

Утром 7 мая, после дневки 6-го числа, части выступили на станцию Деркул. Тамбовский отряд был оставлен в Шипове гарнизоном. Силы наступавших уменьшились еще на один отряд, а сопротивление противника нарастало. Бой за Деркул был более тяжелым и длительным. Противник встретил наступавшие части фланкирующим артиллерийским огнем с юга. Правофланговый Новоузенский отряд залег под огнем, не успев развернуться

фронтом в сторону противника. Из-за холмов во фланг и тыл отряду лавой пошла казачья конница. Момент был критический. Первой встретила противника картечью артиллерийская батарея Новоузенского отряда. Затем подоспели и развернулись на галопе, прикрыв фланг и тыл новоузенцев, пулеметные тачанки Чапаева. На помощь спешил двигавшийся следом Саратовский отряд. Казаки, встретив губительный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь, внесший в их ряды большое замешательство, и нарастающий ружейно-пулеметный огонь Новоузенского и Саратовского отрядов, неся потери, хлынули обратно. Николаевские отряды Чапаева устремились тем временем на Деркул, выполняя поставленную перед ними задачу.

Новоузенский отряд, преследуя противника, уклонился на юго-восток. В образовавшийся разрыв между Новоузенским и Николаевскими отрядами снова ворвались казаки и с тыла атаковали отряды Чапаева. Чапаевцам пришлось с фронта вести тяжелый бой против пехотной дружины, а с тыла — отбиваться от казаков. Только с подходом двигавшегося следом Саратовского, а затем и Новоузенского отрядов казачьи атаки были отбиты и сопротивление дружины сломлено. К вечеру, после 8-часового боя, отряды Чапаева заняли форпост Зеленый, Новоузенский и Саратовский отряды — станцию Деркул. Войска остановились на отдых, противника не преследовали.

Одновременно с боями исправлялись повреждения на железной дороге, и 8 мая на станцию Деркул прибыл поезд снабжения. Охрана поезда оказалась израненной. Прибывшие сообщили, что утром казаки произвели налет на станции Семиглавый Мар и Шипово. Поезд проследовал через станции, занятые противником. Обстановка резко изменилась. Положение становилось угрожающим. Продолжать наступление на Уральск оставшимися слабыми силами, отрезанными от тыла, при явном превосходстве противника (и, кстати, более совершенной тактике) означало идти на полное поражение. Ожидать существенной помощи в Уральске, если бы и удалось до него дойти, было не от кого, и войска могли оказаться в безвыходном положении.

На совещании командиров, созванном командующим С. И. Загуменным, было принято решение отступать. Но с отходом командование не спешило, надеясь, что отрядам, оставленным гарнизонами, удастся вновь завладеть железнодорожными станциями и сообщение с Саратовом будет восстановлено. Однако этого не произошло. Вторую половину дня и ночью части обстреливались противником. Бойцы не могли отдохнуть в постоянном ожидании возможных атак. Настроение войск было

подавленное. В полдень 9 мая начался отход. Впереди шел Саратовский отряд с бронепоездом, который во время боев использовался лишь на охране штаба. Уступом слева двигался Новоузенский отряд, замыкали движение отряды Чапаева. Тут же возобновились атаки противника. Отбивая их, медленно отходили чапаевцы. Атаки с юга периодически отражали новоузенцы. И Саратовскому отряду приходилось развертываться для боя с преграждавшим путь противником. Так, отбиваясь на всем пути, к исходу дня части достигли станции Шипово. Дальнейший отход был приостановлен. Части заняли оборону и окопались. Удерживая Шипово, командование пыталось, как было уже сказано, освободить железную дорогу силами оставленных гарнизонов и восстановить сообщение с Саратовом. Но разрозненные отряды с задачей не справились, более того — сдали еще станцию Озинки.

Противник тем временем сосредоточивал силы и готовился к нанесению решительного поражения частям, закрепившимся в районе станции Шипово. С утра 10 мая он начал активные боевые действия. Весь день предпринимались пешие и конные атаки. С наступлением темноты бой не только не затих, но принял еще более ожесточенный характер. Повсюду слышалось казачье «ура!». Для удержания обороны всю ночь перебрасывались с одного участка фронта на другой резервные роты.

Через сутки красные войска остались почти без боеприпасов. Сведений об отрядах, оставленных ранее на станциях, не поступало. Начальник штаба, вылетевший самолетом со станции Шипово для организации их боевых действий, молчал. Оценив обстановку, командующий отдал приказ о дальнейшем отступлении. С утра 11 мая части начали отход, с трудом отбиваясь от наседавшего противника. Николаевские отряды под командованием Чапаева продолжали прикрывать отступление. Эту задачу они выполнили достойно: отбивая многочисленные атаки, сдерживая во много раз превосходящего по силам противника, отряды обеспечили организованный отход армии, продемонстрировали умение и стойкость.

Во второй половине дня части достигли станции Семиглавый Мар и вынуждены были продолжать отступление до Озинков. Дальнейшее отступление вызывалось тем, что сломихинская группировка противника захватила Александров Гай и вела наступление на Новоузенск, создавая угрозу отрезать войска от Саратова. 12 мая красногвардейские отряды полностью оставили земли Уральской области. В результате боев и отступления бойцы были утомлены и морально подавлены. Дисциплина в отрядах упала. Неустойчивые элементы разжигали недовольство.

Новоузенцы, узнав о вторжении казаков в их родные места и нависшей угрозе семьям, оставили Озинки и ушли в Новоузенск.

Аналогичное положение создалось и в некоторых волостях Николаевского уезда. Отряды белоказаков проникали в прилегающие к Уральской области волости на глубину до 80 и более километров. Кулачество воспользовалось сложившейся обстановкой для новых выступлений против Советов. В селе Любицком с прибытием казаков кулаки растерзали председателя Совета Григория Калошина, секретаря парторганизации Степана Апухтина, организатора Любицкого отряда Красной гвардии Якова Бахтуриима. Всего было убито 40 человек и 30 арестовано. В селе Старая Порубежка казаки схватили военного комиссара Любицкой волости Дмитрия Миненкова. На пути в Любицкое его избили нагайками и посадили в амбар к арестованным, ожидавшим смерти. Подоспевшие красногвардейские отряды Ивана Кутякова и Михаила Степанова вызволили арестованных. Все освобожденные вступили добровольцами в отряды и геройски сражались в их рядах. Жестоко расправились кулаки и белоказаки со сторонниками Советской власти в селах Жестянка и Клинцовка. В бывшем имении помещика Зейферта перебили членов сельскохозяйственной коммуны. Зверскую расправу они учинили в селе Семеновка, где было вырезано до 200 человек — советских работников, активистов, членов семей красноармейцев, женщин и детей. В отрядах Чапаева находилось более 150 жителей из этих сел. Узнав о зверствах, творимых кулаками и казачеством, они обратились с просьбой разрешить им выехать для защиты семей.

Василий Иванович был в затруднительном положении, так как обстановка еще больше осложнилась. Казаки заняли станцию Озинки. Сильно ослабленные отряды красных отошли на станцию Алтата. Туда же было приказано отойти и ему, находившемуся в это время в селе Натальино, в 8 километрах северо-восточнее станции Демьяс. Но отказать боевым товарищам было невозможно. Выделенная из отрядов часть под командованием Семена Потехина выступила в Семеновну.

В село Дергачи (ст. Алтата), куда согласно приказу прибыл В. И. Чапаев, доставили донесение от Семена Потехина, в котором говорилось: «После упорного боя в 8 часов 18 мая занял село Семеновку и освободил из заключения 500 человек… Жду дальнейших распоряжений»[228]. В Семеновку 19 мая хоронить погибших пришли не только жители этого села, но и соседних. На похороны приехал и Василий Иванович. У братской могилы лежало около 200 трупов. В скорбном молчании стояли тысячи людей. Чапаев начал говорить, с трудом подбирая слова. Но

постепенно овладел собой, и голос его окреп. Указывая на трупы, Чапаев говорил, что вот так поступают хозяева с народом, если он заявляет о своем праве на жизнь. Чтобы сохранить господство буржуазии, они не останавливаются ни перед чем. Единственный путь трудовых людей — беспощадная борьба с мироедами. В заключение он призвал все население помогать Советам и Красной Армии.

Над растерзанными телами родных и близких, перед всеми жителями, рыдавшими женщинами и детьми чапаевцы поклялись бить врага, не щадя своих жизней, до полной победы над ним. Под прощальные ружейные залпы похоронили погибших. Многие жители тут же вступили добровольцами в отряд Чапаева. Весть о зверствах мятежных кулаков и казаков разнеслась по всему Поволжью.

Контрреволюционные вооруженные выступления происходили не только в селах, но и в ряде городов Поволжья. Одновременно с эсеро-меньшевистскими восстаниями в Самаре, Нижнем Новгороде и других городах 18 мая вспыхнул мятеж в Саратове. Саратовский губисполком приказал С. И. Загуменному немедленно прибыть с батальоном Саратовского полка для его подавления, что и было выполнено. 18 мая мятеж был подавлен[229].

Неудачи частей Красной Армии под Уральском и поднимавшаяся волна восстаний городской и сельской буржуазии, организуемых эсерами и меньшевиками, вызвали твердую решимость самых широких слоев трудящихся встать на защиту Советов. В помощь Саратовскому Совету из Москвы прибыл батальон численностью в 600 штыков, из Пензы — отряд в 800 штыков, из Балашова — 380 штыков[230].

В ряды защитников революции партия посылала лучших коммунистов. В уездах проводились чрезвычайные съезды, решавшие вопросы организации отрядов и непосредственного участия в вооруженной борьбе. Проходивший 12 мая в Николаевске V чрезвычайный уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, узнав об отступлении Саратовской армии и контрреволюционных мятежах, вынес решение: съезд объявить прерванным до ликвидации контрреволюционного восстания в Уральске, а город Николаевск и весь уезд объявить на осадном положении; всю власть передать Военно-революционному комитету, выбранному из состава исполнительного комитета уездного Совета; делегатам съезда разъехаться на места организовывать добровольческие отряды красногвардейцев и самим встать во главе отрядов. Съезд обязал всех лиц, оставшихся на местах, обрабатывать поля добровольцев

и мобилизованных для борьбы с контрреволюционным казачеством[231]; послал приветственную телеграмму Владимиру Ильичу Ленину[232].

Решения съезда Советов Николаевского уезда в значительной степени способствовали массовому вступлению местных добровольцев в Красную Армию.

Создание Красной Армии оставалось одной из важнейших задач Коммунистической партии и Советского правительства. Чтобы сломить сопротивление внутренней контрреволюции и нараставшей иностранной военной интервенции, сил одних добровольцев было недостаточно Встала необходимость создания массовой регулярной армии. 8 апреля 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет об учреждении военных комиссариатов для учета, подготовки и мобилизации военнообязанных и материальных ресурсов и об учреждении Всероссийского бюро военных комиссаров, вместо которого через год было создано Политуправление РВСР. В том же месяце постановлением ВЦИК введено обязательное военное обучение (всевобуч) с соблюдением классового принципа отбора обучаемых. 29 мая ВЦИК вынес первое постановление о мобилизации в некоторых районах страны, где разгорелась вооруженная борьба с контрреволюцией. В постановлении говорилось, что «переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны, как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей контрреволюции, как внутренней, так и внешней»[233].

Принимались меры по организации войск и для борьбы с оренбургским и уральским казачеством. Образовался Уральско-Оренбургский фронт. Саратовская армия пополнялась людьми и вооружением. Отдельные красногвардейские отряды объединялись в роты, батальоны и полки.

В. И. Чапаев, испытавший всю тяжесть последствий несовершенной организации войск, основу которых составляли отдельные отряды, принял в их объединении живейшее участие. Переход ко всеобщей военной обязанности не означал отказа от приема в Красную Армию добровольцев. В ряды Красной Армии добровольно становились многие тысячи граждан молодой Советской России — прежде всего коммунисты, — желавших с оружием в руках защищать первую в мире власть рабочих и крестьян. Партийная прослойка в добровольческих частях составляла 15–20 процентов, а чаще — четверть всего личного состава[234]. Сохранялась большей частью и выборность командиров подразделений и даже частей. Командирами

избирались большевики, преданные революции люди, имевшие опыт участия в войне.

После кулацких и казацких злодеяний в Семеновке и других селах 23 мая В. И. Чапаев был командирован в исполком Николаевского Совета[235] по вопросу формирования нового полка Красной Армии. В селе Любицкое 25 мая он провел совещание с командирами местных отрядов, сделал доклад об уральской операции и причинах ее неудачи. В качестве одной из причин назвал несовершенство организации армии, на конкретных примерах показал всю несостоятельность слабых, разрозненных отрядов, при несогласованности их действий, против сильного, хорошо организованного и умелого противника. Он убедил собравшихся, что при существующей организации и имеющихся силах нельзя рассчитывать на победу, и предложил присутствовавшим командирам объединить отряды, приступить к созданию нового полка Красной Армии.

«Авторитет Чапаева был настолько велик, — написал потом участник этого совещания И. С. Кутяков в своей книге „Боевой путь Чапаева“, — а недостатки существующей организации настолько очевидны, что совещание единогласно приняло предложение Чапаева»[236].

Формирование 2-го Николаевского советского полка шло успешно. В него влились отряды Кутякова, Степанова, Бубенца, Чуркина. Еще 23 мая в село Милорадовка организованно прибыли к Чапаеву добровольцы из села Корнеевка. Некоторые большие села давали взводы и даже роты добровольцев со своими командирами.

В короткое время 2-й Николаевский советский полк был создан. Первым командиром полка стал его организатор Василий Иванович Чапаев.

Командование 1-м Николаевским советским полком принял И. В. Топорков[237].

Илья Васильевич Топорков — командир красногвардейского отряда, батальона и 1-го Николаевского советского полка.

Командирами батальонов в 1-м полку стали А. Ф. Инюткин, прибывший в Дергачи с отрядом в 400 человек, делегат V съезда Советов Николаевского уезда И. М. Плясунков, навербовавший 200 человек, и П. Ф. Баулин.

Рейды уральских казаков в пределы Николаевского уезда и контрреволюционные восстания в селах продолжались. Один из отрядов Красной гвардии под командованием П. Н. Санталова, находясь в Любицком, 29 мая был окружен белоказаками. Чапаеву с двумя сотнями только что поступивших в его подчинение людей пришлось идти в бой для его освобождения[238].

1—2 июня полки Топоркова и Чапаева выбили противника из Семеновки и Клинцовки и нанесли ему поражение в Жестянке[239]. Так, с боями, продвигались они, согласно приказу, в юго-восточном направлении, к границе Уральской области. 1-й Николаевский полк 6 июня с боем занял село Балаши, захватил трофеи и спас от казни советских работников. Малочисленный еще 2-й Николаевский полк двигался левее 1-го на деревню Солянка. На марше он разбил наголову крупный отряд

противника, потери которого не поддавались учету, отбил 200 лошадей и 300 голов крупного рогатого скота, отобранных у населения казаками[240]. Стоя гарнизонами в Балашах и Солянке — более чем в 100 километрах северо-восточнее станции Алтата, где находились остальные силы армии, полки прикрывали николаевское направление от казаков со стороны Уральска и пополнялись. Во второй половине июня Чапаев был назначен командиром бригады, организованной из 1-го и 2-го Николаевских полков, оставаясь одновременно командиром 2-го Николаевского полка. Комиссаром бригады назначен Я. А. Белолипов.

Проводилось объединение отрядов также в Новоузенском уезде и в Саратове. Из Красной гвардии Новоузенского уезда было сформировано два стрелковых полка Красной Армии. Приказом по Саратовской армии от 31 мая два саратовских батальона и Московский отряд объединены в Московско-Саратовский полк, Пензенский и Балашовский отряды — в Пензенско-Балашовский полк. Тамбовский и другие отряды существенных преобразований не претерпели[241].

Несмотря на проделанную работу, объединение красногвардейских отрядов в части регулярной Красной Армии, пополнение их личным составом, вооружением и всем необходимым в Саратове и губернии проводились все же без должного размаха и решительности. Значительно лучше обстояло дело в Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии.

В Саратов, после подавления мятежа, прибыла высшая военная инспекция РККА во главе с Н. И. Подвойским. 25 мая на заседании Саратовского Совета были заслушаны доклады командования армии о неудачно закончившемся походе на Уральск, приняты решения о проведении новой наступательной операции и о смене командования. Новым командующим был назначен бывший полковник, начальник оперативного отдела армии в первом ее походе А. А. Ржевский. По настоянию Н. И. Подвойского руководство боевыми действиями армии передавалось от Саратовского Совета командующему Уральско-Оренбургским фронтом, штаб которого находился в Самаре. В начале июня в штабе Саратовской армии при участии командующего войсками фронта был разработан план наступления на Уральск. Планом предусматривалось одновременное наступление частями Саратовской армии — из района станции Алтата, самарскими отрядами Красной гвардии — из района Бузулука и оренбургскими — из Оренбурга. С отъездом командующего фронтом в Самару связь со штабом

фронта прервалась: Самара оказалась захваченной чехословацкими мятежниками.

Чехословацкий мятеж, начавшийся 25 мая, был подготовлен руководителями Антанты. Белочехи захватили Пензу, Самару, Челябинск, Омск. Мятежами были охвачены Поволжье, Урал, Сибирь[242]. В Самаре, Омске и некоторых других городах образовались «правительства». В Самаре еще до подхода частей корпуса был создан «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), прозванный в народе учредилкой.

Николаевский и Новоузенский уезды оказались между войсками белочехов и уральским казачеством, способными в любое время нанести удары, двигаясь с севера и юга навстречу друг другу, чтобы уничтожить все, что было революционного в том крае. Сведения о происходивших событиях поступали скудные, преимущественно от лиц, бежавших из районов, занятых белочехами. Но командование Саратовской армии (в это время она была подчинена Восточному фронту, образованному 13 июня), несмотря на резкое изменение обстановки и плохую осведомленность о событиях в районе Самары, продолжало вести подготовку частей к наступлению на Уральск, согласно ранее принятому плану. Сведений о силах, группировке войск и намерениях уральских казаков в штабе армии не было. Предполагалось, что казаки могут находиться на границе Уральской области на двух направлениях — в районах Семиглавый Мар и Александров Гай.

Войска Саратовской армии сосредоточивались для наступления в трех районах. Небольшая группа отрядов находилась в Новоузенске, имея задачей овладеть Александров Гаем, в последующем — станицей Сломихинская. Главные силы, предназначавшиеся для наступления в направлении Озинки, Уральск, концентрировались в районе села Дергачи. Третья группа, в которую входили Николаевские полки, занимала села Балаши и Малаховку, с задачей наступать во фланг и тыл противника в направлении на Семиглавый Мар (схема 2).

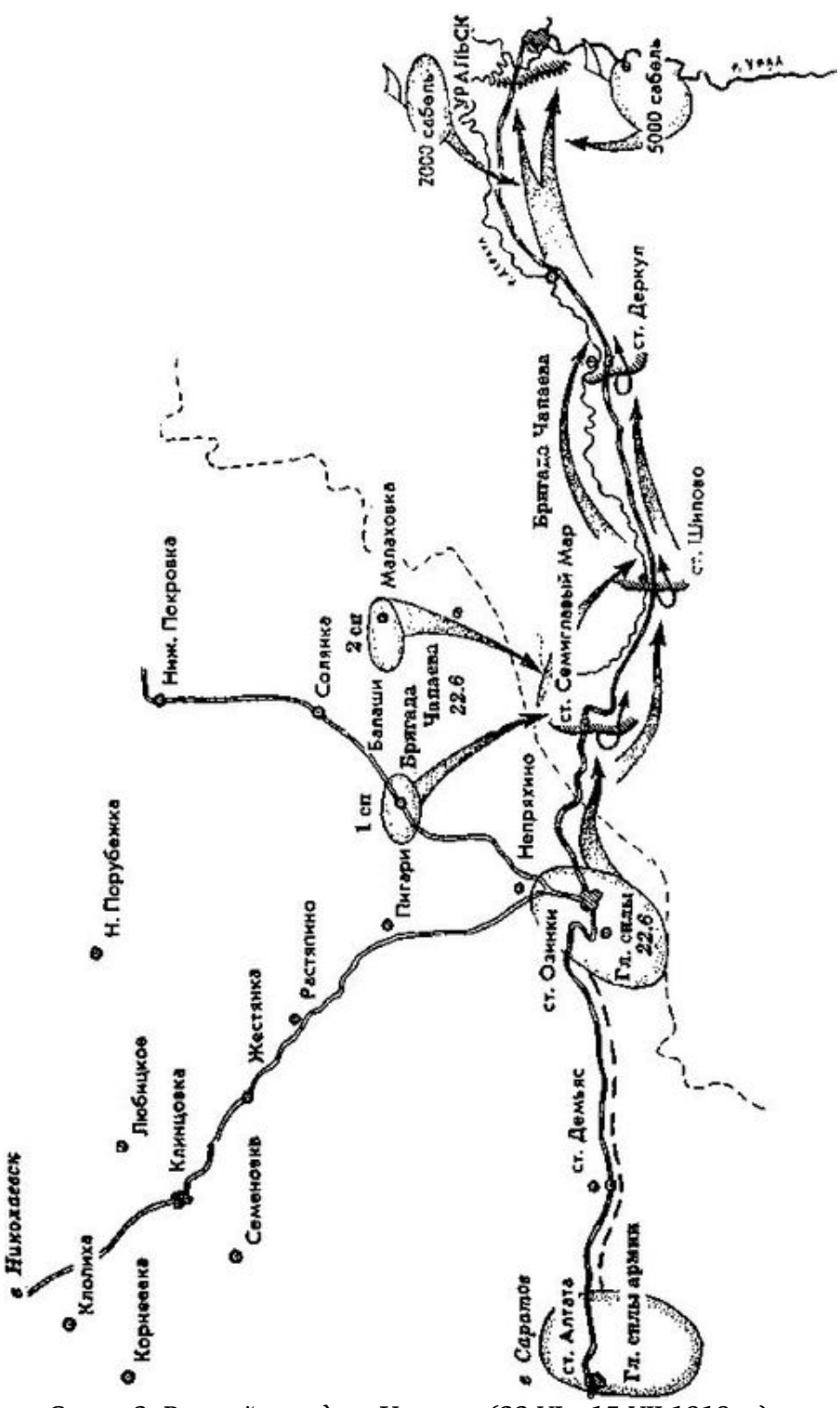


Схема 2. Второй поход на Уральск (22.VI—15.VII.1918 г.).

Связь Чапаева со штабом армии поддерживалась только конными нарочными и была ненадежна. Высылаемые с донесениями 5—10 всадников или уничтожались казачьей конницей, или возвращались, не выполнив задания. Донесения приходилось высылать не менее чем с двумя взводами конницы, а иной раз и с эскадроном. При этом на всем пути следования происходили стычки с противником.

Наступление на Уральск командование армии связывало с восстановлением железной дороги, которую казаки систематически разрушали на различных участках. Почти месяц потребовался на то, чтобы очистить от противника станцию Озинки и восстановить железнодорожное полотно. Когда же 10 июня станцию заняли армейские части, казаки 19 июня совершили налет в тылу на станцию Алтата и взорвали железнодорожный мост[243]. Срывая таким образом общее наступление, противник в то же время наносил удары по разобщенным частям, в Николаевском и Новоузенском уездах нарушал работу советских органов, терроризировал и грабил население. 5 июня пал Александров Гай, для его освобождения потребовались дополнительные силы. Но и те, не выполнив задачи, отошли на защиту Новоузенска[244]. 7 июня казаки атаковали 1-й Николаевский полк в Палашах, однако понесли поражение и оставили полку большие трофеи[245]. 10 июня противник снова совершил налет на Палаши, потеряв 65 человек убитыми и около 200 ранеными, отступил[246]. 11 июня на хуторе Петров казаки принуждали мужское население вступить в их ряды. Извещенный жителями, Чапаев выслал кавалерию 2-го полка с пулеметами. Противник бежал, бросив 135 голов скота, отнятого у населения[247].

19 июня до 3 тысяч казачьей конницы проследовало через Семиглавый Мар и хутор Коровин и сосредоточилось в районе хутора Пушкин. С рассвета 20-го числа казаки атаковали 1-й Николаевский полк в Палашах. Завязался ожесточенный бой. Только с помощью 2-го Николаевского полка, ударившего во фланг и тыл противнику, его удалось отбросить и рассеять[248].

В результате мятежа белочехов и активизации уральских казаков нависла угроза над Новоузенском и Николаевском. 18 июня командование армии объявило уезды на осадном положении[249], но продолжало заниматься восстановлением железной дороги. Наконец, 21 июня командарм отдал приказ Николаевским полкам овладеть станцией Семиглавый Мар[250]. С исходного положения части выступили каждая своим маршрутом, которые сходились по мере приближения к Семиглавому Мару. С утра 22 июня противник силою до 16 сотен встретил наступавших

в районе хутора Коровин и первым пошел в атаку. Однако концентрическими ударами полков и огнем артиллерии казакам был нанесен большой урон. Только высокая маневренность их войска и пересеченность местности спасли их от полного уничтожения. В этот же день Семиглавый Мар был взят. Железная дорога от границы с Уральской областью до Семиглавого Мара оказалась разрушенной[251].

Дальнейшее наступление армии было приостановлено в связи с приездом представителя Советского правительства Ф. М. Неусыпова, командированного в Уральск для переговоров о мирном урегулировании конфликта. Но контрреволюционные правители Уральска мириться не хотели. Они в звериной злобе убили Ф. М. Неусыпова, а сопровождавших его красноармейцев, после оскорблений и надругательств, отпустили с угрозами и наказом, чтобы красноармейцы расходились по домам, иначе каждого постигнет та же участь.

Телеграммой от 26 июня Реввоенсовет Восточного фронта потребовал отказаться от восстановления железной дороги[252]. Командующий же по-прежнему был занят ею, подписывал сводки об успешном ее ремонте, о том, что войска стойко отбивают налеты противника, нанося ему большие потери. Николаевскую бригаду держал теперь поблизости, а Московско-Саратовский и Новоузенский полки — непосредственно в Семиглавом Маре. Чапаев стоял в селе Меловое, километрах в 25 северо-восточнее Семиглавого Мара. 27 июня он направил в хутор Цыганов, где разбойничала сотня казаков, 50 кавалеристов и стрелковую роту. Красноармейцы отбили у казаков 20 семей местных жителей, которых те угоняли с собой, захватили косяк лошадей, сотню коров и пять сопровождавших их казаков. На помощь казачьей сотне из хутора Красненький выступили конный и пехотный полки с артиллерией. Чапаев тоже не замедлил выслать для поддержки два батальона с орудиями, которые подоспели раньше, чем подошла помощь противнику.

В долине между высотами Большая Ичка и Малая Ичка бой начался артиллерийской дуэлью. Батарея противника выпустила до 200 снарядов. Его конница ударила по флангам чапаевцев. Атака казаков отражалась на одном фланге стрелковой ротой, на другом — кавалеристами. Пехота обеих сторон двинулась навстречу друг другу. Стреляя на ходу, противники сошлись на 400 шагов, готовясь броситься в штыки. Отличились в этом бою артиллеристы: они разбили вражескую батарею, а потом ударили по коннице. Это решило исход боя. Конница бросилась врассыпную, за ней обратилась в бегство и пехота. Противник понес большие потери[253].

О другом бое командарм Ржевский 1 июля докладывал, что два полка кавалерии и два полка пехоты противника с артиллерией и пулеметами налетели на наши части, стоявшие в Меловом. В результате боя противник, потеряв много убитыми и ранеными, бежал, бросив разбитое орудие, транспорт, канцелярию штаба полка с печатями и перепиской, табун лошадей и гурт рогатого скота[254].

В ночь на 28 июня казаки силой трех конных и одного пехотного полков при поддержке артиллерии и бронепоезда внезапно обрушились на гарнизон в Семиглавом Маре. Нападавшие верили в успех, действовали дерзко, выкрикивали контрреволюционные лозунги. Некоторой части их удалось ворваться в центр Семиглавого Мара. Возникли рукопашные схватки. Но и на этот раз одержать верх противнику не удалось. Оставив до 400 человек убитыми, среди которых оказался и казачий полковник, и бросив до трехсот лошадей, казаки отступили. После этого боя в обращении к бойцам командование армии писало: «…Мы с каждым днем становимся устойчивее и видим, что Николаевские полки-храбрецы по своим боевым задачам встретили мужественных и стойких союзников москвичей, саратовцев, новоузенцев»[255].

Люди воевали самоотверженно. По ходатайству командарма Саратовская армия с 20 июня 1918 года стала именоваться Особой. Но не от рядовых бойцов и командиров зависело положение дел. Значительных перемен в действиях армии от изменения ее названия тоже не произошло. Командарм, объясняя причину пассивности армии, 3 июля докладывал командующему войсками Восточного фронта, что задержка продвижения на Уральск происходит вследствие необходимости восстанавливать железную дорогу. При крайне напряженной работе, докладывал он, восстановлено около 60 верст до станции Семиглавый Мар и далее 8 верст в сторону Шипова[256].

Наступление все же пришлось организовать. Прибыв со штабом в Семиглавый Мар, командующий вызвал командиров частей и 3 июля отдал приказ на наступление. Николаевской бригаде предстояло наступать из занимаемого района (с. Меловое) в общем направлении на станцию Деркул, минуя Шипово; Московско-Саратовскому и Новоузенскому полкам — при поддержке артиллерии бронепоезда овладеть высотой Ичка, обеспечить этим правый фланг и тыл Николаевской бригады. Пензенский полк с комендантской ротой и бронепоездом оставлялись в Семиглавом Маре на прикрытие штаба, отдела снабжения и артиллерийского парка; Тамбовский отряд — на прикрытие второй базы в Озинках[257].

Наступление в начале операции фактически возлагалось только на Николаевскую бригаду. Московско-Саратовскому и Новоузенскому полкам отводилась роль обеспечения наступления в тылу и на фланге Николаевской бригады. Остальные немногие части и подразделения использовались на охране. Рассчитывать на успех наступления с такими силами достаточных оснований не имелось. Так оно впоследствии и получилось.

В 4 часа 5 июля войска армии перешли в наступление. С боями овладели хуторами Цыганов, Красненький, Торопов, высотами Большая Ичка и Малая Ичка[258]. В районе поселка Ермошкино Николаевская бригада отбросила пехотный и конный полки противника с артиллерией, поддерживаемые огнем бронепоезда. Утром 7 июля бригада занимала 1-м полком Ермошкино, 2-й полк находился в 4 километрах северо-западнее форпоста Зеленый и станции Деркул. Чапаев докладывал командарму, что в Зеленом и на станции находятся полки, выбитые из Ермошкина, туда же отошел полк из Шипова. Четвертый по счету полк противника, отошедший в результате боя за хутор Цыганов, находился на фланге в направлении на Таловое. Атаковать силами одного полка, оставив второй на обеспечении своего левого фланга и тыла, Чапаев не решился[259].

С подходом других частей Николаевская бригада вступила в бой за форпост Зеленый. Мост через реку Деркул оказался взорванным. Под огнем пулеметов и артиллерии вражеского бронепоезда переправиться и занять форпост удалось лишь к вечеру[260].

С утра следующего дня наступление продолжалось вдоль линии железной дороги. Через несколько часов пути невыносимая жара и пыль сильно ослабили движение. Люди выходили из строя. Расслабленные бойцы медленно брели, опираясь на винтовки. На обстрел со стороны встречавшихся на пути казачьих разъездов не обращали внимания. Слабые атаки казачьих сотен отбивались пулеметным огнем и артиллерией.

В 3 километрах западнее станции Переметное, на правом фланге двигавшихся войск, из высоких хлебов неожиданно поднялась пехота противника и энергично пошла в атаку на бригаду. Сразу же были потеснены разморенные бойцы правофлангового полка. Завязался сильный огневой бой. Открыла интенсивный огонь прямой наводкой артиллерийская батарея противника. Полки Чапаева, встреченные организованным огнем с подготовленной позиции, уже готовы были залечь. Такие моменты в наступлении всегда неприятны для командиров, а иногда и губительны для войск. Нужен был немедленный толчок, чтобы части бросились вперед. И толчок был дан вовремя. С

обнаженной шашкой скакал вдоль фронта Чапаев с криком: «Вперед!». Бойцы и командиры, хорошо знавшие Чапаева и веривше в него и так нуждавшиеся в этот момент в ободряющем слове, придающем мгновенную решимость, дружно, с криком «ура!» устремились в атаку. Неприятель усилил огонь, но это уже не остановило атакующих. Не чувствуя больше усталости, ворвались они в его окопы. Пехота противника бежала, бросив вещевые мешки, винтовки и даже сапоги. Преследование продолжалось до станции Переметное, где оказала сопротивление спешившаяся казачья конница, но и оно вскоре было сломлено. Переметное было взято. Противник понес большие потери.

Впереди оставался Уральск. Командование Особой армии оценивало противника морально подавленным, дела его расстроенными. Войска нацеливались на решительный бой за город. Большинство командиров и бойцов не сомневалось в успехе. Общее настроение было приподнятое. Велись шутливые разговоры о том, кто на какой улице будет размещаться. Не разделял такого настроения Василий Иванович, предвидя большие трудности.

Армия пошла на Уральск. В авангарде находилась бригада Чапаева. За ней следовали Новоузенский и Московско-Саратовский стрелковые полки. Выбив две сотни казаков из хутора Халилов, Чапаев продолжал движение. При подходе к озеру Камышково повернул бригаду на северо-восток и повел наступление против выдвигавшейся пехоты противника силой до 1000 штыков. С боем противник отходил к Уральску. Новоузенцы продолжали движение на хутор Ревунский, пока не были остановлены организованной обороной противника. С наступлением ночи части остановились в 5—10 километрах от Уральска. В 5 километрах южнее линии железной дороги остановился 2-й Николаевский полк, правее него 1-й, затем Новоузенский. В тылу встал Московско-Саратовский полк.

Казачье «войсковое правительство» готовилось к защите Уральска энергично. Мобилизовало все свои силы, пополнило армию добровольцами из молодежи и людей старших возрастов. Обратилось за помощью к самарским учредиловцам и получило через них от белочехов партию тяжелых пулеметов, большое количество боеприпасов и броневики. Брать Уральск было непросто еще и потому, что подступы к нему неудобны. С севера путь в город преграждают реки Деркул и Чаган, с запада — Чаган, с юга и юго-востока — река Урал. Казачье командование, уверенное в успехе, оборону предусматривало активную, с сильными контратаками и переходом в наступление. С этой целью река Чаган была оставлена позади позиций, отступление

исключалось. На флангах в районе 10–12 километров северо-западнее Уральска и в районе форпоста Круглоозерный, в 19–18 километрах южнее Уральска, сосредоточивалась конница.

Командарм Ржевский отдал приказ Николаевской бригаде взять Уральск, Новоузенскому полку обеспечить правый фланг бригады с юга, Московско-Саратовскому полку — прикрыть тыл и охранять обозы. Когда бригада перешла в наступление, оборонявшиеся встретили ее огнем пулеметов. Особенно метким и губительным был огонь, который вели офицеры. Сразу появились раненые и убитые. Почувствовалась стойкость противника, его намерение дать решительный бой. Артиллерия бронепоезда била по левому флангу 2-го полка. Наступление развивалось медленно. Отходя, казаки оставляли на флангах пулеметы, которые сильным косоприцельным и фланговым огнем прижимали цепи наступавших к земле.

Бригаде удалось продвинуться на 2 километра. Намереваясь поднять полки в очередную атаку, Чапаев послал связного к соседу с просьбой не отставать и ликвидировать образовавшийся разрыв между бригадой и Новоузенским полком. Через час новоузенцы дружно перешли в атаку. Противостоявшие им казаки дрогнули и отступили. Но в разрыв между новоузенцами и бригадой не замедлила ударить казачья конница со стороны форпоста Круглоозерный.

Новоузенский полк с боем стал отходить, а бригаде пришлось отбиваться от казачьей конницы — с тыла и и от перешедшей в контратаку пехоты — с фронта. В бой против конницы был брошен последний резерв бригады — конная разведка полков и пулеметные тачанки. Атака конницы была отбита, но и полки под натиском противника отошли в исходное положение.

Всю ночь противник вел огонь и демонстрировал атаки. С рассветом атаковал конницей с юга обозы в районе хутора Халилов. Обозы защищались четырьмя ротами, выделенными от полков, ранеными красноармейцами и самими обозниками. Атака была отбита прибывшими на помощь броневиками. Во время налета погибло около ста человек. Такие же потери понес и противник. С началом действий казачьей конницы в тылу управление армии перешло в район обозов.

В полдень по приказу командующего части перешли в наступление в том же порядке. Начался упорный огневой бой. До конца дня удалось продвинуться вперед до 3 километров. Левофланговый полк бригады Чапаева вышел к реке Чаган. Но под вечер противник при поддержке броневика и артиллерийского огня с бронепоезда снова заставил полк отойти.

Силы частей за неделю боев заметно убавились, запасы

истощились, подвоза за все время не было. Красноармейцы воевали голодные. Командарм приказал держаться на занятых позициях до прихода транспорта. Но противник перешел в атаку и отбросил части бригады в прежнее их положение.

Сил двух ослабленных полков бригады для преодоления обороны противника и средств борьбы с его пулеметами было явно недостаточно, а сильная казачья конница парализовала действия наступающих и их тылы.

Армия оказалась в тяжелом положении. Измученные боями красноармейцы уже двое суток питались колосьями ржи. В войсках росло недовольство. Надежды на подвоз боеприпасов и продовольствия уже не было. К тому же командование, и раньше проявлявшее пассивность, теперь вовсе бездействовало.

Обеспокоенные создавшимся положением, командиры прибыли в штаб бригады. Из докладов заместителя начальника штаба армии, возглавлявшего полевое управление, и командиров частей выяснилось катастрофическое положение войск, при котором пришлось думать не о наступлении, а о том, как избежать нависшей над армией угрозы полного ее уничтожения. В итоге совещания пришли окончательно к выводу о необходимости отступать. Возглавить управление войсками при отступлении доверили Чапаеву. Тут же на совещании был выработан план отхода, который немедленно начали приводить в исполнение.

В ночь на 13 июля бесшумно снялись с позиций. В окопах оставалась спешившаяся конная разведка полков, продолжавшая вести ружейно-пулеметный огонь. Некоторые участки железной дороги Чапаев приказал заминировать. В полночь чапаевские полки снимались последними, оставив на позициях от каждого полка по роте. До отхода полков артиллерия вела редкий, беспокоящий огонь по противнику, давая понять, что войска стоят на месте, и тем притупляя его бдительность. Оставленное прикрытие вело перестрелку до рассвета, после чего снялось и выступило вслед за ушедшими, частями на Переметное.

В авангарде отходивших частей шел Московско-Саратовский полк, в арьергарде — полки Чапаева. Всю ночь безостановочно двигались войска, отрываясь все дальше от противника. Остановившись утром на привал, бойцы свалились с ног и тут же заснули, не получив даже куска хлеба.

Обнаружив отступление, командование противника направило для преследования конницу, бронемашину и бронепоезд. Когда войска готовились к движению после привала, охранение бригады Чапаева заметило бронемашину, идущую полным ходом со стороны противника. Артиллерийская батарея изготовилась и открыла огонь, но он был не точен. Броневик,

маневрируя, приближался и, выскочив на дистанцию действительного огня, стал безжалостно расстреливать людей из пулемета. Обозы понеслись вперед. Произошло замешательство и в рядах частей, готовых последовать примеру обозников. Появление выехавшего вперед Чапаева, наблюдавшего за действиями машины и батареи, возымело действие. Неразбериха была прекращена. Бойцы успокоились и быстро стали занимать места в боевых порядках. Батарейцы, видя, что они не оставлены пехотой, спокойнее и точнее повели огонь, пока один из снарядов не угодил в машину, и она замерла на месте. Плененный экипаж машины показал, что у разъезда Ростошский подорвался их бронепоезд.

Через некоторое время после того, как было покончено с бронемашиной, показалась казачья конница. Ее полки развернулись и, сверкая обнаженными клинками, пошли в атаку на шедшую в арьергарде бригаду Чапаева. Не рассыпаясь широко, части приняли боевой порядок почти вкруговую. Подпустив конницу на дальность действительного огня, по команде командиров батареи открыли беглый огонь картечью, сметавшей всадников. Буквально косили скакавших конников из пулеметов, большой урон врагу наносили все бойцы. Каждый знал, что все решается минутами. Не отбить атаку, а тем более дрогнуть перед конницей означало верную гибель. И противник не выдержал губительного огня — отхлынул, понеся большие потери, рассыпался по степи. Организованность и стойкость бригады Чапаева передались и другим частям. В них тоже был установлен твердый порядок, и войска за все время отступления отходили организованно, без паники.

Конница противника, оцепив отступавшие войска, весь день продолжала их обстреливать, но бросаться в атаку больше не решалась. Во время одной из ожесточенных перестрелок на рубеже Цыганов — Асерчево (между станциями Деркул и Шипово) был смертельно ранен командир 1-го Николаевского советского полка И. В. Топорков. В командование полком вступил И. М. Плясунков. К вечеру армия достигла станции Шипово и остановилась на ночь в том же порядке, как двигалась. Беспрерывный суточный марш, равный 75 километрам, был совершен голодными людьми под огнем противника с колоссальным напряжением моральных и физических сил. Усталость испытывал и противник и не предпринимал никаких действий, поэтому ночь прошла спокойно.

Утром бойцы были подняты огнем противника. Был отдан приказ продолжать движение, но около четвертой части личного состава стрелковых полков не могли двигаться из-за чрезмерной

усталости, многие бойцы натерли ноги. До полудня размещали больных и обессиленных солдат на подводы в обозах. Движение продолжалось чрезвычайно медленно. При подходе к Семиглавому Мару казаки навязали красным еще один бой, заняв удобные позиции. С севера был атакован Московско-Саратовский стрелковый полк, с юга — Новоузенский. Артиллерия противника била по обозам, подводы которых метались от Московско-Саратовского полка к бригаде Чапаева и обратно. От артиллерийского огня гибли люди, находившиеся в обозах. Противник намеревался разбить изнуренные голодом и походами части, но это ему не удалось. Войска напрягали все силы, чтобы пробиться в Семиглавый Мар. Красноармейцы экономили последние патроны и отражали атаки только организованным огнем. Бой проходил в 6—10 километрах от Семиглавого Мара и длился всю ночь. Утром оттуда пришел на помощь Пензенский полк. С его появлением в тылу противника казаки отошли на фланги и дали возможность продолжать движение. В первой половине дня 15 июля главные силы армии вошли в Семиглавый Мар. Бригада Чапаева остановилась на их прикрытие с юго-востока. Воины, наконец, получили горячую пищу, отдых и боеприпасы.

Противник продолжал распространяться на запад. Опасаясь быть отрезанным от Саратова, командарм приказал Московско-Саратовскому и Новоузенскому полкам в 16 часов 15 июля выступить из Семиглавого Мара и занять Озинки[261]. Через сутки под прикрытием Николаевской бригады с севера до Синих гор и пензенцев с юга из Семиглавого Мара убыли последние поезда. Выполнив задачу сопровождения, 1-й полк Николаевской бригады согласно приказу командарма направился в деревню Столяры, 2-й — в Самовольное[262].

Второй поход на Уральск был окончен. Основной причиной неудач наступательных операций явилась слабая мобилизация сил и средств для их проведения. Противник же использовал все возможности. Расчеты на то, что со взятием казачьей столицы Уральска красными будет одержана победа над контрреволюционным казачеством, были необоснованны. Падение Уральска, находящегося в северной части области, ничего не меняло: у противника все равно оставались территория, людские и материальные резервы, войско и непримиримая ненависть к Советам со стороны казаков. Необоснованность этих расчетов была подтверждена дальнейшей ожесточенной и длительной вооруженной борьбой.

Армейские планы операций по овладению Уральском, поставленные полностью в зависимость от использования

железной дороги, были нереальны. На нее можно было рассчитывать в районе боевых действий при наличии сплошной линии фронта и полной изоляции от противника, но таких условий не было. В первом походе для удержания дороги под своим контролем командование вынуждено было оставить большую часть своих сил и крайне ослабить наступавшие отряды. Распылив силы, оно не удержало дорогу и не могло взять Уральска. Во второй операции командование уже по опыту знало, что противник, располагая большими возможностями своей конницы, воспользоваться железной дорогой не даст. Однако и на этот раз, не удерживая ее за собой совершенно, снова поставило снабжение армии в полную зависимость от железнодорожного пути. В результате армия вторично оказалась в бедственном положении.

Действия командований как первого, так и второго составов были безынициативны и нерешительны. Тактика же уральского войскового командования была правильной, рассчитанной на отрыв малоподвижных частей Саратовской (Особой) армии от базы, путем преднамеренных отходов, а затем на их изоляцию и поражение. Широко использовались при этом возможности конницы.

Наступление частями армии велось прямолинейно с затратами больших усилий при каждом столкновении с противником. Чапаев же использовал маневр.

Плохо велась армейская разведка. Командование пользовалось скудными и запоздалыми сведениями. Самолеты и броневики, как наиболее эффективные и малоуязвимые в тех условиях средства разведки и борьбы с конницей противника, почти не использовались.

Несмотря на трудности, части армии сражались с врагом самоотверженно. Наибольшую боеспособность проявили Николаевские полки. Они бессменно находились в авангарде при наступлении и вели тяжелые арьергардные бои, прикрывая отход армии.

Глубокое понимание обстановки и знание тактики показал В. И. Чапаев. Как командир, он впервые вел бои против сильного и опытного противника. При этом он проявил незаурядные способности и высокие командирские качества. В боях за Уральск полки бригады и их командир приобрели опыт борьбы против белогвардейцев и интервентов.

VI. Первые победы

Когда войска Особой армии вторично вернулись из-под Уральска, со дня начала чехословацкого мятежа прошло уже более полутора месяцев.

Захватив Самару, белочехи вскоре заняли Сергиевск, Бугуруслан, Абдулино, Бугульму, то есть половину Самарской губернии. Дутов 2 июля снова захватил Оренбург и в Бузулукском уезде соединился с белочехами. Белогвардейцы 6 июля заняли Уфу, 22 июля — Симбирск, 7 августа — Казань. Контрреволюционными силами были захвачены значительные районы Поволжья, Урала и Сибири. Белочехи и самарские учредиловцы стали распространять свои действия на юг, стремясь изгнать с левобережья Волги части IV армии, захватить Николаевский и Новоузенский уезды и соединиться с уральским и астраханским казачеством. На правом берегу Волги они вели наступление с целью захвата Саратова, выхода в тыл войскам, действовавшим в районе Царицына, и соединения с донским казачеством.

Военная интервенция расширялась в то время, когда переход от добровольческих частей и отрядов к постоянной, регулярной Красной Армии только начался. Восстание чехословацкого корпуса создало для Советской Республики смертельную опасность. Разрозненные слабые отряды противостоять белочехам не могли. В городах и угрожаемых районах стали создаваться ревкомы, проводилась мобилизация, формировались отряды, местные «армии» и даже «фронты».

Для руководства формированием и боевыми действиями войск против белочехов и белогвардейцев Советом Народных Комиссаров 13 июня 1918 года был образован Реввоенсовет Восточного фронта[263]. В июне на основе боевых отрядов Пензы, Симбирска, Самары началось формирование I регулярной армии. В конце июня из отрядов, действовавших в районе Челябинска, Уфы и Самары, организовалась II армия. Основу III армии составили отряды Северного Урала. С 20 июля 1918 года Особая армия получила наименование IV армии. Несколько позже, в первой половине августа, когда белочехи захватили Казань, из частей, действовавших в этом районе, началось формирование V армии. 11 июля командующим Восточным фронтом (после расстрела предателя левого эсера М. А. Муравьева) правительством был назначен И. И. Вацетис.

29 июля Центральный Комитет РКП(б), рассмотрев вопрос о ходе борьбы с иностранной военной интервенцией и внутренней

контрреволюцией, пришел к выводу, что судьба революции решается на Волге и Урале. В связи с этим ЦК разработал мероприятия по укреплению армий Восточного фронта, обязал местные партийные органы строжайше выполнять распоряжения Народного комиссариата по военным делам, «отдавать лучшие, наиболее стойкие части для отражения опасности на востоке, оставляя на местах лишь минимальное количество вооруженных сил». В основу агитационной работы предлагалось положить разъяснение смысла чехословацкого белогвардейского мятежа, необходимость очищения Волги, Урала, Сибири от контрреволюции. Особое внимание обращалось на создание партийных ячеек в частях Красной Армии, на мобилизацию коммунистов, имеющих военный опыт, в распоряжение Народного комиссариата по военным делам. Всем членам партии предписывалось проявлять в боях стойкость и мужество, готовность бороться до конца[264]. Постановление ЦК партии о мероприятиях по укреплению Восточного фронта было направлено как циркулярное письмо во все комитеты РКП(б).

1 августа В. И. Ленин писал: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого»[265].

На основании декрета Совета Народных Комиссаров от 12 июня 1918 года началась мобилизация трудящихся 1893–1897 годов рождения в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах. Огромную работу по мобилизации вели партийные организации на местах. В Самарской губернии в 1918 году наиболее успешно эта работа велась в Николаевском и Новоузенском уездах, где было сформировано соответственно 10 и 5 полков. Не прекращался приток добровольцев в ряды Красной Армии.

Вторжение белочехов, белогвардейцев и уральских казаков в пределы Николаевского уезда активизировало местное кулачество и все антисоветские элементы. Снова возникли белогвардейские отряды, вспыхнули восстания в Сулаке, Березовке. Балаковские и Вольские белогвардейцы 26 июня захватили Балаково. Начались репрессии, в результате которых было арестовано до пятисот человек[266]. В некоторых селах вокруг Николаевска, Балакова, Баронска (ныне г. Маркс) произошли восстания.

Для борьбы с белогвардейскими отрядами и восстаниями в селах командующий армией Ржевский приказом от 2 июля создал Николаевскую группу в составе Николаевского, Покровского, Балаковского и Балашовского отрядов общей численностью до 1000 человек, военным руководителем группы назначил

инструктора Балаковского батальона С. П. Захарова[267]. Был организован Сулакский отряд. 5 июля сводные отряды Николаевской группы при помощи Покровского отряда и Саратовского бронированного парохода овладели Балаковом, освободили 500 арестованных[268], а чуть раньше были ликвидированы другие очаги контрреволюции.

С окончанием боевых действий группы два балаковских отряда (Семена Шкарбанова и Николая Зубарева) объединились для формирования на их основе 1-го Балаковского полка, командиром которого назначался. С. Д. Шкарбанов. Сулакский отряд составил 1-й батальон вновь создаваемого 3-го Николаевского советского полка, в который включились Николаевские отряды. Командиром полка был назначен И. Н. Гаврилов. Балашовский отряд также предполагалось развернуть в полк. Основы будущих полков были заложены, но формирование шло медленно.

Василий Иванович Чапаев, после боев под Уральском, подтягивал бригаду ближе к Николаевску. Из Семеновки и Клинцовки переместил ее в Корнеевку (Родники) и Клопиху, а затем поставил в непосредственной близости от города, в районе села Давыдовка. Узнав о действиях белогвардейской группы формирования, он направил в село Липовка 3-й батальон 1-го Николаевского советского полка, состоявшего в основном из жителей Липовского района. Люди рвались обезопасить свои семьи от карате-лей и побывать дома. Командир батальона П. Ф. Баулин получил задачу разгромить учредиловцев и на месте развернуть батальон в 4-й Николаевский советский полк. Для этого Чапаев советовал использовать все влияние личного состава батальона как местных жителей. Об успешных действиях батальона белогвардейская разведка 4 августа доносила: «В село Богородское прибыл красноармейский отряд под командованием П. Ф. Баулина и О. М. Шевелева, в который в тот же день вступило 60 добровольцев»[269].

Чапаев и ранее имел намерение развернуть бригаду в дивизию. Начавшийся второй поход на Уральск помешал осуществлению этого замысла, однако командиры Николаевских и Сулакского отрядов были нацелены на собирание сил, что ими и делалось за время уральской операции. Теперь появилась возможность и крайняя необходимость в этой мере, так как противник все больше распространялся от Самары на юг. Его части действовали уже в 35 километрах от Николаевска. Балашовский отряд, посланный навстречу противнику, принял первый бой с белочехами в районе села Большая Таволожка. Балашовцы под командованием С. Ф. Данильченко

геройски сражались. Противник был отброшен, но и отряд понес тяжелые потери. Из 380 человек в отряде осталось 211[270]. От командующего фронтом была получена следующая телеграмма: «От лица Революционного совета благодарю Балашовский отряд за героическую стойкость. Главком Вацетис»[271].

Таким образом, создание частей Красной Армии проводилось срочно и в угрожаемой обстановке. Принимая меры по организации частей, проводимые Чапаевым, как само собой разумеющееся и как бы одобряя его инициативу, командарм требовал от начальника штаба Николаевской группы И. Н. Демидкина немедленно донести о ходе формирования 4-го Николаевского полка, о пополнении других полков и причинах промедления[272]. Причина же, кроме объективных трудностей, заключалась в слабой организации мобилизационной работы. Так, телеграммой командарма от 6 августа Демидкину уже предписывалось в недельный срок доукомплектовать Балашовский отряд до 600 человек, для чего принять самые энергичные меры[273]. Однако через 10 дней командир полка С. Ф. Данильченко просил командарма «сделать распоряжение о пополнении Балашовского полка, так как до сего времени поступление очень слабое. Всего поступило 30 человек»[274]. Аналогичное положение было и в формируемом Балаковском полку группы С. П. Захарова.

Самый молодой из добровольцев — Коля Тужилин.

Эти отряды, получив наименование полков, так и не были укомплектованы до начала разгоревшихся боев.

Чапаев же вместе с командирами занялся формированием и

пополнением понесших потери Николаевских полков со всей энергией. Используя свою известность и влияние в уезде, Василий Иванович установил непосредственную и самую тесную связь с волостными и сельскими Советами, которые сделали в кратчайший срок все возможное. Да и само население уже вело себя иначе. По этому поводу В. И. Ленин 29 июля 1918 года говорил: «Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти на военные действия, замечается перелом. Они, испытав нашествие казаков и чехословаков, испробовав на деле, что такое Учредительное собрание или крики: долой Брестский мир, узнали, что все это ведет к тому, что возвращается помещик, капиталист садится на трон, — и они становятся теперь самыми ярыми защитниками власти Советов»[275].

В такой, более благоприятной, обстановке Чапаев с помощью партийных и советских органов к началу августа в основном заканчивал пополнение бригады и формирование 3-го и 4-го стрелковых и кавалерийского полков, что по тому времени соответствовало организации стрелковой дивизии.

Самый старый из добровольцев, вступивших в полки Чапаева в 1918 г., Т. Нефедов (в центре).

После Октябрьской революции по решению Совнаркома РСФСР в армии установилась выборность командиров (до 21 марта 1918 г.). Особенно широко она распространилась при организации красногвардейских отрядов. По этой традиции на совещании командно-политического состава Николаевских

полков 2 августа были обговорены кандидатуры на замещение должностей командиров соединения и частей. На должность начальника 1-й Николаевской дивизии был выдвинут Чапаев. На основании этого он, как временно исполняющий обязанности начальника дивизии сформированных полков, рапортом в штаб армии донес, что на объединенном собрании Николаевских полков и Балаковского отряда в присутствии командира бригады Чапаева и военного руководителя Захарова нашли нужным на выборных началах и с согласия Захарова назначить начальником 1-й Николаевской дивизии Чапаева, командиром 1-й бригады — Курсакова, 2-й бригады — Гаврилова, командирами полков Плясункова, Данилова, Баулина. Решение собрания просил утвердить[276].

Командование IV армии с кандидатурой Чапаева не согласилось. Сформированные им полки были включены в Николаевскую группу, получившую наименование «Дивизия Николаевских полков».

В. И. Чапаев — организатор Николаевских полков Красной Армии (фото 1918 г.).

Дивизия насчитывала 5414 человек (без кавалерийского полка), в том числе 4659 активных штыков[277]. Начальником дивизии 7 августа был назначен С. П. Захаров, вступивший в командование полками как военный руководитель группы двумя неделями раньше[278]. Чапаев утверждался командиром 1-й бригады этой дивизии. Были присланы дивизионный и полковые

комиссары. В бригаду В. И. Чапаева по-прежнему входили 1-й и 2-й Николаевские полки. Кроме 1-й бригады, в дивизию вошли 2-я бригада И. Н. Гаврилова (3-й и 4-й Николаевские полки), Балаковский полк С. Д. Шкарбанова, Балашовский полк С. Ф. Данильченко и кавалерийский полк.

Вновь назначенный комиссар IV армии Б. П. Зорин в телеграмме комиссару дивизии А. Ф. Семенникову 7 августа писал: «Предписываю Вам немедленно выяснить обстоятельства выбора начальником дивизии Чапаева. Штаб назначил и знает единственного руководителя Николаевской дивизии только Захарова. Напоминаю о декрете Совнаркома об отмене выборного начала. Ответственным за операцию является командарм Ржевский. Согласно декрету ему принадлежит право назначить соответствующих военных специалистов. Мое право санкционировать назначение. Немедленно выясните всесторонне личность Чапаева, его влияние на солдат. Укажите последним на недопустимость кустарным способом делать начальников. Штаб, политком Чапаева начальником дивизии не признают, он не имеет технической[279] подготовки. Кроме того, Чапаев заражен манией самовластия, боевых приказов штаба не выполняет в точности. Это чрезвычайно опасно»[280].

В. И. Чапаев беспрекословно подчинился приказу командующего армией о назначении С. П. Захарова начальником дивизии[281].

Враги двигались к Николаевску. Готовя большое наступление на Саратов, отряды противника растекались от Самары по всем дорогам, захватывая села, проводя в них мобилизацию в свою «народную армию», забирая хлеб, лошадей и все необходимое.

Чтобы не дать противнику возможности захватить Саратов, полки дивизии 2 августа выступили навстречу его отрядам. Бригада Чапаева двинулась в села Ивановка и Большая Таволожка. В Ивановке 2-м Николаевским полком были захвачены уже образовавшиеся земство и 4 офицера, проводившие мобилизацию в белую армию.

3-й и 4-й полки 2-й бригады И. Н. Гаврилова выступили из сел Озинки и Селезниха на Озерки и Левенку, которые и заняли. Обнаружив группировку противника в районе сел Ивантеевка, Николаевка, Чернава, начдив Захаров приказал Балаковскому полку выступить на Бартеневку и 3 августа совместно с 1-й бригадой Чапаева уничтожить противника в указанном районе. Балаковский полк 3 августа занял Бартеневку, 2-й Николаевский полк с боем занял село Чернава. Находившийся перед ним противник отошел в Николаевку. 1-й полк стоял в это время в Большой Таволожке, имея перед собой противника в Ивантеевке.

Балаковский и 2-й Николаевский полки 4 августа повели наступление на Николаевку. В тот же день на рассвете 1-й полк выступил на Ивантеевку, откуда противник начал отходить, не оказывая сильного сопротивления, так как у него в тылу по сходящимся направлениям наступали на Николаевку Балаковский и 2-й Николаевский полки. Отходя от Ивантеевки и Арбузовки, противник обнаружил на своем пути в Бартеневку Балаковский полк. Изменив направление движения на северо-восток, он вскоре столкнулся с колонной 2-го Николаевского полка, следовавшего на северо-запад, на Николаевку. Имея численное превосходство, противник пошел в атаку. Завязался ожесточенный бой. Чапаевцы не уступали. Исход боя решил 1-й полк, преследовавший противника, нанеся удар с тыла. Завершили разгром дрогнувшего противника кавалерийские эскадроны, возглавляемые Чапаевым. В этом бою был убит командир 2-го Николаевского полка Поздняков. В командование полком вступил командир 1-го батальона И. С. Кутяков.

Одновременно с 1-й бригадой и Балаковским полком наступали 3-й и 4-й полки 2-й бригады, которые заняли село Линовка. Противник отходил перед ними на село Духовницкое, частью сил — на Богородское. В ответ на донесение о боях 4 августа командарм Ржевский прислал начдиву Захарову телеграмму следующего содержания: «Благодарю славные Николаевские полки за блестящие подвиги. Надеюсь, что они до конца выполнят свою задачу. На правом берегу Волги у нас сосредоточено более двух полков и из Широкого Буерака перешли в наступление на Хвалынск»[282].

С началом боев севернее Николаевска в район Семеновки и Клинцовки подошли уральские казачьи части с юга. Об этом, кстати, один из работников штаба IV армии запрашивал начдива Захарова: «Сообщите срочно, какие меры вами приняты против Семеновки и Вязовки (Клинцовка имела второе название: Вязовка. — *Авт.*) и где эти пункты расположены?»[283]

Действия казачьих частей в районе Николаевска стали возможны вследствие слабых боевых действий стоявших против них Уральской и Новоузенской дивизий. Командарм ставил им в пример успехи Николаевской дивизии и полков Чапаева. Ободряя начальника Уральской дивизии успехами боев, проведенных 4 августа 1918 года полками Чапаева, он 6 августа писал со станции Урбах, где находился штаб IV армии: «Сообщаю, что отряд чехословаков и казаков, стоявший у Арбузовки, наголову разбит Николаевскими полками, причем было захвачено 14 пулеметов, около 1000 винтовок и масса снарядов. Остатки разбитых чехословаков и казаков бежали на Хворостянку и за

деревню Марьино. Ввиду того, что ваша дивизия и Новоузенская каждая в отдельности имеет значительный численный перевес над казаками, оперирующими к югу от участка железной дороги Алтата — Озинки, предписываю вам совместно с Новоузенской дивизией перейти в решительное наступление с целью оттеснить казаков к казачьей границе. Вам надлежит немедленно совместно с начальником Новоузенской дивизии выработать общий план действий и таковой представить мне на утверждение»[284].

После боев, успешно проведенных частями дивизии Николаевских полков, в начале августа стало известно, что противник выдвигает силы со стороны села Богородское на Селезниху, предположительно — для наступления на Николаевск. В связи с этим начдив Захаров приказал Балаковскому и 2-му Николаевскому полкам, занимавшим Николаевку, отойти на Селезниху и Журавлиху. Но под давлением превосходящих сил противника полки 1-й бригады отошли далее — в Большую Таволожку и Старую Порубежку. Обстановка была напряженной и чрезвычайно сложной.

В ночь на 8 августа отряд «народной армии» выступил из района Духовницкое на Озерки, а с рассветом атаковал 4-й Николаевский полк в Левенке. Охранение было уничтожено. Полк, застигнутый врасплох, не смог сразу вступить в бой организованно. Раньше всех оказала сопротивление вставшая за селом артиллерийская батарея. В создавшейся обстановке не удалось быстро взять в руки управление. Командир полка П. Ф. Баулин был убит. В командование полком вступил командир 1-го батальона Е. П. Новиков, который решительными действиями организовал людей и повел полк в контратаку. В ожесточенном бою противник из Левенки был выбит и отошел в Озерки. В этом бою отличился кавалерийский эскадрон Егора Кулакова, который захватил 2 орудия, 18 пулеметов, 20 тысяч патронов и пленил 75 человек.

Перфил Федорович Баулин — командир красногвардейского отряда, батальона и 4-го Николаевского советского полка. Погиб в бою вместе со старшим сыном Григорием (в центре). Младший сын Федор (крайний справа) погиб в бою с белофиннами в январе 1940 года.

Утром 10 августа противник обошел полки 1-й бригады с востока и, перейдя реку Иргиз, занял села Журавлиха и Камелик. Чтобы приостановить его выход в тыл нашим частям по левому берегу Иргиза, В. И. Чапаев приказал командиру 2-го полка выступить из Старой Порубежки, уничтожить переправившегося противника и овладеть селом Камелик. Полк, в командование которым после гибели Позднякова вступил молодой Кутяков, у села Камелик оказался под сильным огнем противника, залег и стал нести потери. Батарея полка была накрыта артиллерийским огнем врага раньше, чем успела изготовиться к бою. Попытка произвести маневр, чтобы атаковать засевшего в селе противника с флангов, под губительным огнем обошлась очень дорого. Не было возможности не только подняться, но и оказать посильную помощь многочисленным раненым. В таком безвыходном положении полк пролежал дотемна, обливаясь кровью. С наступлением темноты цепи отползли из зоны действительного огня, и полк вернулся в Старую Порубежку, потеряв 135 человек убитыми и более 150 бойцов ранеными В числе раненых были командиры рот Бубенец, Варламов, Отраднов, Петровский, несколько командиров взводов. Противник, видимо, не зная состояния полка и не обнаружив его отхода, от прежнего своего намерения наступать в этом направлении отказался. Оставленный для наблюдения за неприятелем эскадрон обнаружил его отход и занял Камелик без боя.

С рассветом 11 августа белочехи выступили из Ивантеевки и

атаковали 1-й полк в Большой Таволожке. Полк не выдержал удара и откатился в Малую Таволожку. Положение удалось восстановить Чапаеву с помощью двух батальонов и эскадрона 2-го полка. Бойцы 1-го полка, ободренные подошедшей помощью, поднялись в атаку и выбили противника из Большой Таволожки.

После прошедших боев начдив Захаров 13 августа отдал приказ передвинуть 1-й Николаевский полк в Старую Порубежку, откуда перейти в наступление в направлении на Гусиху, Журавлиху, Ивановку, Чернаву, где и закрепиться до особого распоряжения, поддерживая связь с 3-м полком; 2-му Николаевскому полку — выступить на Клопиху, Корнеевку, Семеновку, Клинцовку, Любицкое с целью не допустить вторжения уральских казаков в район Николаевска с юго-востока и обезопасить тылы дивизии.

Командиру 2-й бригады приказывалось перейти в наступление 3-м полком на Ивантеевку, Николаевку, где оставаться до распоряжения, поддерживая связь с 1-м полком. 4-му полку наступать на Левенку, Липовку и Никольское, держа связь с 3-м полком. Командиру Балаковского полка перейти в наступление на Озерки, Липовку, Духовницкое, где оставаться до распоряжения, поддерживая связь с 4-м полком, а слева — с Волжской флотилией. Командирам полков приказывалось держать тесную связь между частями, выставляя промежуточные заставы, не находиться в населенных пунктах, а располагаться биваками.

Таким образом, если и до этого дивизия в течение полумесяца вела бои отдельными полками на фронте протяженностью более 80 километров, то теперь на всем фронте части вставали кордонами севернее Николаевска и один полк должен был патрулировать на юго-востоке, не допуская уральских казаков к Николаевску с тыла (схема 3).

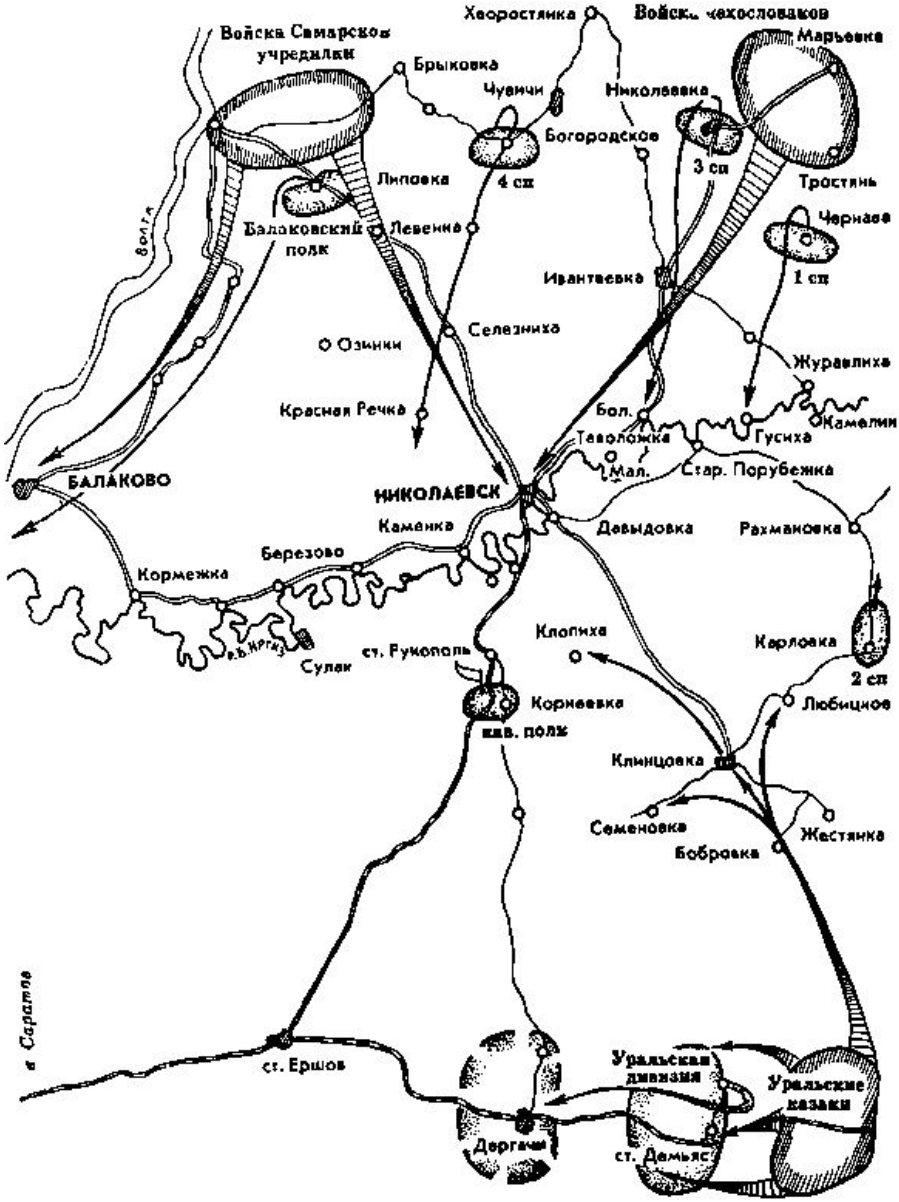


Схема 3. Наступление противника 17–20.VIII.1918 г. и положение войск IV армии.

Полки, разбросанные на расстоянии 20–30 и 40 километров друг от друга по фронту, в случае наступления противника на Николаевском и Балаковском направлениях сдержать его не могли, парировать удары также было нечем: резервов не оставлялось.

Но, получив приказ, части дивизии приступили к его выполнению. 2-й полк, получивший задачу не допускать

проникновения уральских казаков к Николаевску с тыла, выступил из Старой Порубежки на Давыдовку, затем на Клопиху, Корнеевку и Семеновку, не встречая противника. В Клинцовке выбил 2 сотни казаков, которые отступили в Любицкое, и следовал за ними. Из Любицкого казаки ушли на Карловку, затем в Рахмановку. После этого стало известно, что казачья конница появилась в Жестянке, то есть в 70 километрах с противоположной стороны. Таким образом, полк бесцельно промаршировал из села в село полтораста километров, вместо того чтобы стоять на обороне Николаевска. Для наблюдения же за противником можно было использовать стоявший в районе Николаевска кавалерийский полк дивизии. Остальные полки выполнили задачи согласно приказу. Лишь Балаковскому полку не удалось овладеть Духовницким, и он занял Линовку.

К 17 августа группировка противника была следующей (схема 3). Против дивизии Николаевских полков с севера действовали части белочехов с артиллерией и большим количеством пулеметов в районе населенных пунктов Николаевка, Марьевка, Тростянь и части «народной армии» Самарской учредилки, сосредоточившиеся в районе села Духовницкое. Уральское командование, сгруппировав свои силы в районах станций Демьяс и Александров Гай, до времени держало надежную оборону на направлениях Саратов — Уральск и Новоузенск — Сломихинская, отдельными конными полками и сотнями дезорганизовывало жизнь южной части Николаевского уезда, угрожало тылу дивизии и помогало в боях белочехам.

В. И. Чапаев видел всю опасность складывавшейся обстановки, слабые стороны последнего приказа начдива, согласно которому инициатива добровольно отдавалась противнику, части дивизии разбрасывались по фронту на сотню километров, не оставлялось резерва, но оказать какое-либо влияние не мог. Доложив исполкому Совета об опасности, угрожавшей Николаевску, он стал собирать резервы для защиты города. Так, Березовскому Совету была направлена телеграмма с категорическим требованием провести мобилизацию пяти призывных возрастов и направить их для формирования и вооружения в штаб 2-го Николаевского полка в Корнеевку или Семеновку[285]. Аналогичные телеграммы были посланы и в другие Советы. Но было уже поздно.

С рассветом 17 августа уральские казаки, осуществляя общий план действий, перешли в наступление на полки Уральской дивизии, находившиеся на участке станция Демьяс — село Натальино. На флангах двухтысячного отряда пехоты двигалась казачья конница. В результате боя к утру 18 августа Уральская

дивизия отошла в район станции Алтата. Дальнейшего продвижения на этом направлении противник не имел. Командарм Ржевский телеграммой от 18 августа потребовал от начальника Уральской дивизии при подходе Куриловского и 2-го Николаевского полков перейти в наступление на станцию Демьяс[286]. Этим распоряжением 2-й Николаевский полк бригады Чапаева изымался с северного (Самарского) направления и передавался на юг, в Уральскую дивизию[287].

С утра 21 августа казаки силой до 3 тысяч человек пехоты и конницы перешли в наступление из района Александров Гай на Новоузенск. В продолжение 7-часового боя противник успеха не добился. К вечеру новоузенцы сами перешли в наступление и преследовали отступавшего противника 18 километров. Казаки потеряли несколько сот человек убитыми, на поле боя оставили много винтовок и несколько пулеметов. Захваченные пленные показали, что имели задачей взять Новоузенск, выйти к станции Урбах, отрезать от Саратова Новоузенскую и Уральскую дивизии. Но эти планы разбились о стойкость саратовцев и новоузенских крестьян, хорошо знавших, что ожидает их семьи и хозяйства в случае победы казаков.

Одновременно с казаками перешли в наступление белочехи и части «народной армии» Самарской учредилки. Белочехи наступали на Николаевск из района сел Николаевна, Марьевка, Тростянь. Учредиловцы из района Духовницкого силами до 2 тысяч штыков наносили удар на Балаково и до 3 тысяч штыков — на Николаевск. 1-й и 3-й стрелковые полки под натиском противника отступили из Чернавы и Николаевки в Старую Порубежку и Большую Таволожку. Балаковский полк отошел из Линовки в Злобинку, на левый берег реки Малый Иргиз. Оставшись один на прежнем рубеже, почти в тылу у противника, 4-й стрелковый полк в ночь на 20 августа отступил в Селезниху.

Начдив Захаров доносил командарму, что 20 августа в 10 часов противник вновь пошел в наступление из сел Ивановка и Гусиха на село Таволожка, к встрече противника приняты меры[288]. Тем временем белочехи в 2–3 километрах севернее Большой Таволожки вели бой с 3-м Николаевским полком. Полк стойко оборонялся, но с появлением до 1000 штыков обходившей его пехоты с востока и до 500 штыков с запада, отошел в Малую Таволожку. Отбиваясь, он ждал помощи от 1-го полка, но тот сам с раннего утра вел тяжелый бой, удерживая переправу через реку Большой Иргиз в Старой Порубежке. Под давлением превосходящих сил 4-й и Балаковский полки отошли в район села Красная. Речка — на рубеж группы войск, дравшейся за Широкий

Буерак и Натальино на правом берегу Волги.

Вечером 19 августа в Карловке командиру 2-го Николаевского полка было передано устное распоряжение начдива Захарова немедленно выступить на Николаевск, которому угрожает опасность. Полк выступил и на рассвете 20 августа прибыл в Рахмановку.

Белочехи, продолжая наседать на 3-й полк, выбили его из Малой Таволожки в Пузаниху, что в 8 километрах севернее Николаевска. Появившийся в Пузанихе Захаров приказал полку занять позицию на северной окраине села и биться до последнего человека, защищая подступы к Николаевску. Но полк, понесший в боях значительные потери в живой силе и вооружении, не смог сдержать натиска противника. Потеряв большую часть командного состава, не остановившись даже в Николаевске, он откатился к селу Каменка. Отступление было настолько поспешным, что из города не успели выехать не только учреждения, но и отдельные советские работники.

В полдень 20 августа 1918 года белочехи и учредиловцы вступили в Николаевск. Местные буржуи и контрреволюционные элементы встречали «победителей» колокольным звоном и цветами.

На улицах города был расклеен приказ командующего «народной армией» и белочехами, объявлявший город на осадном положении. Приказывалось жителям Николаевска и его окрестностей немедленно выдать сторонников Советской власти. Виновные в их укрывательстве подлежали преданию военно-полевому суду. В городе начался террор: расстреливали коммунистов, советских работников и всех боровшихся за Советы.

Семью Чапаева укрыли надежные люди.

В этот тяжелый для дивизии и армии момент начдив потерял управление полками, раскиданными до самой Волги; командарм и штаб армии не знали, где находятся начальник и штаб дивизии. Получив из Ершова от коменданта станции сведения о взятии Николаевска белочехами, командующий армией 20 августа дал телеграмму военному комиссару Балакова для передачи неизвестно где находившемуся 4-му Николаевскому полку распоряжение двигаться в тыл противнику, прорвавшемуся в Николаевск[289]. Как видно, боевое распоряжение за начдива пришлось посылать командующему. За подписями всего командования армией шли телеграммы начдиву Уральской с требованием выслать один взвод артиллерии на Николаевск через станции Ершов и Рукополь[290].

На другой день на станции Рукополь оказался бывший начальник штаба дивизии Николаевских полков Демидкин,

освобожденный перед этим от занимаемой должности по его просьбе «ввиду нетвердости знаний дела в тяжелый критический момент»[291]. Он передал командарму в Урбах о своем телефонном разговоре с начдивом Захаровым, которому поступили сведения, что командир бригады Чапаев якобы действует в районе Таволожки[292]. Эти небольшие примеры позволяют судить, каково было руководство и влияние командования на ход событий в данный момент. Оно не знало обстановки даже тогда, когда Чапаев нанес поражение противнику бригадой и освободил Николаевск. Так, телеграммой от 21 августа командарм требовал от балаковского военкома донести: «Передано ли распоряжение 4-му Николаевскому полку об отправке последнего на Николаевск»[293].

Чапаев же, когда над Николаевском нависла неотвратимая угроза его падения, а командование проявило растерянность, решил взять на себя управление бригадой и действовать по своему усмотрению[294]. Стремительно помчался он в Старую Порубежку, в 1-й Николаевский полк, одновременно послал гонца в Рахмановку с приказанием 2-му полку срочно следовать на село Гусиха. В Порубежке 1-й полк вел бой с наседавшим противником, овладевшим уже мостом через Иргиз и захватившим плацдарм на левом берегу реки. Весть о прибытии Чапаева быстро облетела бойцов. Командир полка И. М. Плясунков доложил о положении полка и о том, что начдив приказал отводить его к Давыдовне для совместных действий со 2-м полком.

Этого делать было нельзя. Отход грозил полку поражением. Противник немедленно стал бы его преследовать и мог разбить раньше, чем он достигнет Давыдовки. Даже при удачном отходе полкам бригады пришлось бы вести бой за город, имея атакующего противника с тыла. Чапаев потребовал ошибочного приказа начдива не выполнять, а перейти в наступление, сбить противника с плацдарма, овладеть мостом и наступать на Большую Таволожку.

Утром 20 августа командир 2-го Николаевского полка И. С. Кутяков получил приказ о немедленном выступлении из Рахмановки на Гусиху в тыл противнику. В приказании говорилось, что Чапаев во главе 1-го полка будет наступать вдоль правого берега Иргиза на Большую Таволожку, а 2-му полку перейти Иргиз в Гусихе и выйти глубже в тыл действовавшему против 1-го полка противнику. Получив распоряжение, полк выступил по направлению к Гусихе. Но через некоторое время к колонне подъехал начдив Захаров и, сообщив, что противником занято Балаково и, вероятно, занят Николаевск, приказал полку

следовать на Давыдовку для наступления совместно с 1-м полком на Николаевск. С убытием начдива полк повернул на Давыдовку. Василий Иванович, предвидя, что 2-й полк, согласно намерениям начдива, может быть направлен на Давыдовку, послал второго гонца с приказанием выполнять полученную ранее от него задачу. В приказании сообщалось, что противник захватил Николаевск, что план начдива неприемлем: брать Николаевск со стороны Давыдовки означает погубить полки и не выполнить задачи. Город с кирпичными зданиями стоит на противоположном господствующем берегу Иргиза. Бой придется вести с форсированием реки, при отсутствии переправочных средств. Единственной плотиной, захваченной противником, воспользоваться не удастся, он будет удерживать ее всеми силами.

Командиру полка, как и другим хорошо знавшим Николаевск и его окрестности, не согласиться с доводами Чапаева было нельзя. Полк повернул на Гусиху (схема 4).

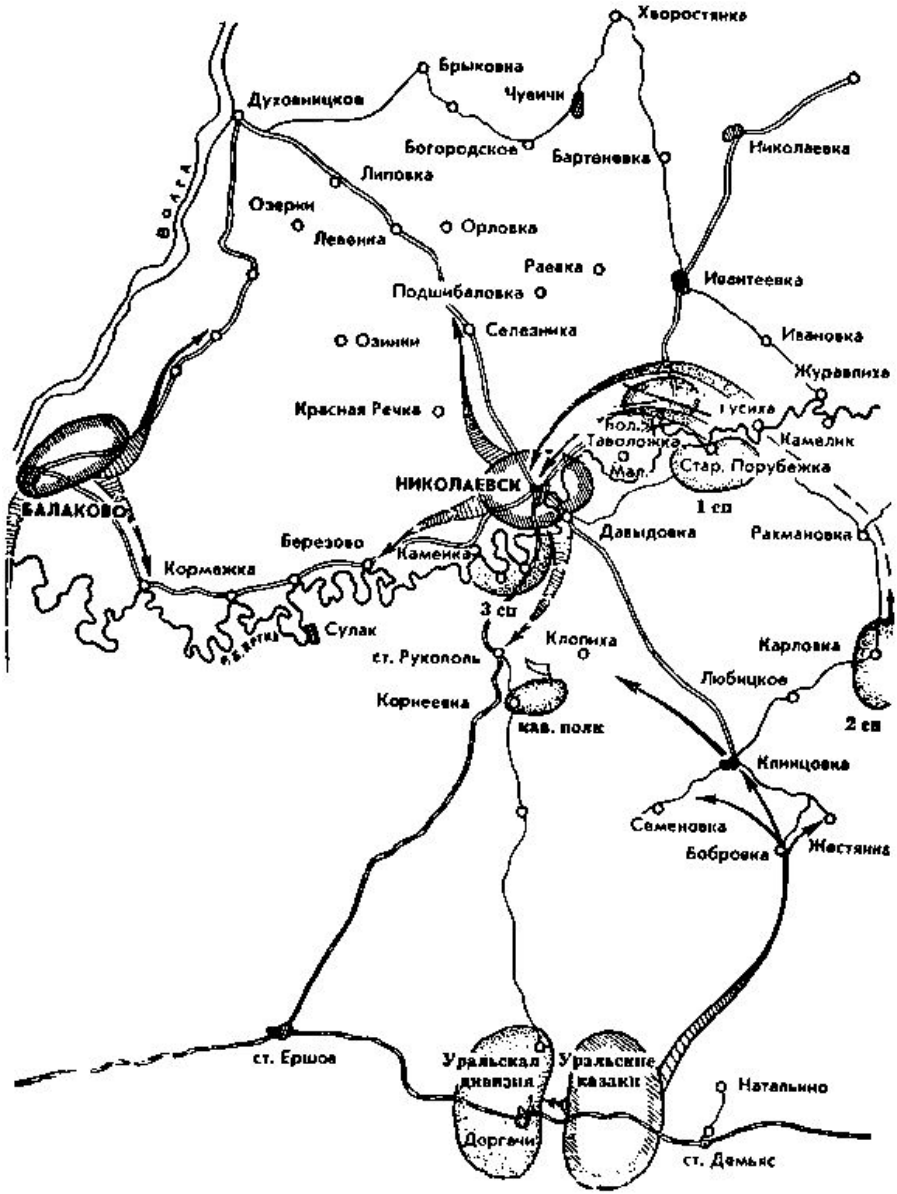


Схема 4. Разгром белочехов и освобождение г. Николаевска 21.VIII.1918 г.

В Гусихе было приказано обозу отстать и следовать за полком в 3 верстах, красноармейцам — сбросить с себя вещевые мешки и все лишнее, двигаться в батальонных колоннах. Налегке, быстро и скрытно, оврагами и лощинами полк вышел в тыл противнику в 2 верстах севернее Большой Таволожки. Впереди была видна тяжелая белочешская артиллерийская батарея, ведущая огонь по 1-му Николаевскому полку. Иван Кутяков решил

воспользоваться удобным моментом и приказал артиллеристам расстрелять батарею противника. Батарея 2-го полка выскочила на галопе и, развернувшись, ударила прямой наводкой. Орудийная прислуга противника бросилась бежать. Этого только и ожидал кавалерийский эскадрон полка, который и завершил дело. Батарея была уничтожена. Некоторые всадники тут же ворвались в Таволожку, и там поднялась паника. Порыв был так велик, что бойцы бежали с криком «ура!» без всяких команд почти 2 версты. В это же время перешел в атаку 1-й полк Плясункова. Белочехи, зажатые стремительным натиском с двух сторон, в ужасе бросали оружие целыми ротами. Разгром противника был полный.

День был на исходе, но, несмотря на сильную усталость бойцов, Чапаев приказал идти на Николаевск. Поздно ночью полки достигли Пузанихи. До Николаевска оставалось 8 верст. Чтобы избежать ночного боя за город, командирам полков пришлось долго упрашивать Чапаева остановиться. Наконец тот согласился, с жестким требованием, что с восходом солнца город должен быть взят. Полки двинулись на исходные положения для наступления: 1-й полк пошел левее, 2-й — правее дороги, ведущей в Николаевск.

Утомленные бойцы заснули, как только полки остановились. Часа в 2 ночи со стороны Николаевска подошли подводы с людьми — их было человек семьдесят. Были они вооружены, на рукавах имели белые повязки. Прибывшие, приняв красных бойцов за белогвардейское охранение, объяснили, что они — мобилизованные офицеры, едут из Николаевска в Самару в распоряжение командования «народной армии». Окруженные ротой сторожевого охранения, они были обезоружены без выстрела.

Еще не умолкли разговоры о происшедшем, как с севера, со стороны Самары, подошла колонна подвод. Она была остановлена невдалеке от огневых позиций артиллерии. К первой повозке подошел командир роты охранения И. К. Бубенец вместе с начальником пеших разведчиков Д. А. Папоновым. На вопрос Бубенца «Кто идет?» ответили сонным голосом, сильно коверкая русские слова, что едет полковник с полком в Николаевск. Находчивый Бубенец, щелкнув каблуками, взял руку под козырек и ответил, что пошлет доложить своему полковнику — командиру добровольческого отряда о прибытии союзников. Сообщение Бубенца подняло всех на ноги. Прибежавшему от него Папонову было приказано возвратиться к Бубенцу и приложить все усилия для того, чтобы занять чехов разговорами. Разбуженным и настороженным людям необходимые распоряжения отдавались

шепотом. Артиллерийские батареи были повернуты на колонну. Два батальона неслышно подведены к колонне до 200 метров для первой неожиданной атаки. Кавалерийский эскадрон направился в хвост колонны. Прошли 20–30 минут спешной подготовки частей и мучительного ожидания Бубенца.

Вновь прибежавший от Бубенца Папонов сообщил, что больше нет никакой возможности, чешский полковник ругается и не хочет ждать. Медлить дальше было нельзя. Грянул условный выстрел. Батальоны сделали пару залпов, цепи и кавэскадрон бросились в атаку на колонну. Дальше все смешалось, невозможно было что-либо разобрать. Только в предрассветных сумерках стала различаться картина побоища. Жители Пузанихи потом не один день убирали трупы. На месте боя противником было брошено все, в том числе пулеметы, и чапаевская бригада ими порядочно обогатилась. С рассветом полки двинулись на Николаевск. В городе уже была тревога, вызванная ночным боем у Пузанихи. С восходом солнца, когда полки бригады подошли к северной окраине города, основные силы противника бежали в северо-западном направлении, к своим союзникам. Уничтожением колонны, захваченной в пути, был завершен разгром противника под Николаевском. Утром 21 августа 1918 года после короткого боя Николаевск был освобожден.

Разгромом чехословаков под Николаевском бригада не только освободила город — базу чапаевских полков, не дав врагу хозяйничать в нем и суток, но и облегчила обстановку в Заволжье. Узнав о поражении белочехов в Николаевске, группа частей Самарской учредилки оставила Балаково.

В боях под Николаевском Василий Иванович Чапаев еще раз проявил умение в тяжелых условиях дать правильную оценку обстановки, показал высокие образцы военного искусства. Действуя самостоятельно, он наметил смелый план разгрома противника и освобождения Николаевска в самый, казалось, неподходящий момент — в момент поражения и растерянности. В обстановке временных побед белочехов этот план многим казался невыполнимым.

Замечательное по замыслу решение В. И. Чапаев блестяще и с поразительной быстротой осуществил. Отыскав единственно правильный путь к победе, он успешно провел боевые части по этому пути. Собрал разбросанные на десятки километров полки бригады и нанес ими противнику внезапный удар в самое уязвимое место, с тыла. Эту операцию Чапаев выполнил, находясь в самом невыгодном положении, лишь двумя полками, за короткий срок — в течение суток. В тяжелый момент он взял на себя всю ответственность за предпринятый им маневр, проявив

при этом непреклонную волю, неутомимую энергию и непоколебимую веру в победу.

Похороны погибших красноармейцев в освобожденном от белочехов г. Николаевске 24 августа 1918 г.

Примечательно высказывание ветеранов чапаевских полков: «И всегда там, где появлялся Чапаев, была победа. Чапаев научил своих командиров, как совершать сложный маневр, как бороться против конных и пеших казаков и еще многому тому, что так важно было знать и уметь командиру. Его способные помощники Кутяков Плясунков, Бубенец и другие, казалось, все это знали и сами, но у Чапаева всегда получалось лучше и всегда без ошибки. В самых трудных условиях он быстро находил путь к победе»[295].

О боях за Николаевск политический комиссар Зорин в телеграмме от 26 августа Совнаркому, в Народный комиссариат по военным делам С. И. Аралову и в газету «Правда» писал: «Революционные Николаевские полки Уральского фронта отличаются товарищеской дисциплинированностью. Под умелым командованием т. Захарова они неоднократно разбивали противника. Среди доблестных Николаевских полков особенно выделяется 2-й Николаевский полк.

Преисполненные революционного энтузиазма товарищи красноармейцы 2 Николаевского полка во главе с командиром Чапаевым особенно отличились в последнем бою под Николаевском, разбивши наголову чехословацкие и казацкие банды. Они отобрали громадный обоз противника, до 2000 снарядов и 4 тяжелых орудия и 6 пулеметов. Я объявил от имени

РСФ Советской Республики благодарность 2 Николаевскому полку и всей Николаевской дивизии.

Ходатайствую перед Совнаркомом о награждении 2 Николаевского полка за отличие боевым Революционным знаменем, а также удовлетворить желание Николаевских полков переименовать их в Пугачевские полки. Отмечая воинскую доблесть командира Чапаева, я уверен, что наша IV армия, получивши необходимое обмундирование и вооружение, проявит чудеса храбрости; и около боевого Революционного знамени николаевцы теснее сомкнут ряды и дружно ударят по белогвардейским бандам…»[296]

О нанесении поражения белочехам и освобождении Николаевска 8 сентября 1918 года был издан специальный приказ командующего войсками Восточного фронта за № 13, в котором говорилось: «С глубоким вниманием следя за боевыми операциями войск вверенного мне фронта, считаю своим долгом отметить доблестную боевую работу славного Николаевского полка.

В минувший период тяжелых боев у г. Николаевска и… когда организованный противник, напрягши свои подкрепленные после предыдущих потерь силы, вновь бросился вперед на участке г. Николаевска, чтобы сокрушить наши изнемогающие в борьбе полки, а с ними и так трудно завоеванную нами дорогую свободу, доблестные части Николаевской дивизии достойно встретили напор осмелевшего врага. Главная тяжесть боя легла на еще молодой, но уже показавший прежде в многочисленных боях свою мощность и доблесть славный Николаевский полк. Герои-николаевцы не только победно отразили отчаянные атаки врага, но сами, перейдя в наступление, нанесли ему громовой удар, и ошеломленный этим противник позорно бежал Блестящему успеху этого боя способствовала нс только самоотверженность и храбрость солдат Николаевского полка, не только их твердая решимость победить или умереть, не только горячая вера в свое правое дело, но и искусное руководство командира полка т. Чапаева.

Верно оценивая боевую обстановку, твердо управляя полком и бесстрашно подавая личный пример своим подчиненным, этот славный начальник смело вел своих храбрых солдат на геройские подвиги. Эти блестящие действия Николаевского полка показали, что николаевцы сознательно относятся к своему революционному долгу и честно несут свои обязанности пред родиной. Они показали, что могут сделать герои-солдаты свободной революционной России, руководимые талантливым героем-командиром.

Честь и слава вам, доблестные солдаты-николаевцы! Родина с радостью прочтет о ваших великих подвигах и будет гордиться своими достойными сынами, храбро стоящими на страже революции. С верой и надеждой взирает на вас революционный народ и ждет от вас избавления от наседающего врага.

Да послужат ваши геройские подвиги примером для нашей молодой, еще не окрепшей армии»[297].

Приказ подписали главнокомандующий Восточным фронтом Вацетис, члены Реввоенсовета Данишевский, Смирнов и начальник штаба фронта Майгур.

Реввоенсовет Восточного фронта высоко оценил героизм чапаевцев и военное искусство В. И. Чапаева, проявленные при нанесении большого поражения бело-чехам и освобождении города Николаевска. 6 сентября 1918 года им было послано в Высший военный совет представление, в котором говорилось: «Ходатайствуем о вручении Красного знамени Николаевскому полку Чапаева, особо отличившемуся в период боевой борьбы в районе Николаевска, Хвалынска. Вместе с тем для поощрения выдающихся подвигов личного характера и полезной личной деятельности Ревсовет считает необходимым создание анналов революционной борьбы с занесением туда выдающихся подвигов личного характера и имен отличившихся и просит занести туда имя Чапаева». На документе резолюция: «В комиссию ЦИК по созданию знака». Реввоенсовет Республики в свою очередь дал ход ходатайству, в результате которого в начале октября 1918 года ВЦИК наградил 2-й Николаевский полк Почетным революционным Красным знаменем (примечательно, что чапаевский полк тогда был второй по очереди частью Красной Армии, удостоенной этой награды)[298].

Таким образом, предпринятое противником 17–20 августа 1918 года наступление успеха не имело. Его войска были не только остановлены, но и потерпели поражение в районах Николаевска и Новоузенска. Однако командование IV армии не использовало благоприятный момент для развития успеха. По-прежнему велись бои отдельными полками и в разных направлениях. Вместо непосредственной работы по организации и проведению наступательных операций командование продолжало «предписывать» войскам наступательные действия. Начальнику Новоузенской дивизии, стоявшей в обороне, предписывалось «без всяких отлагательств и излишних отговорок немедленно приступить к развитию активных действий в направлении на Александров Гай и Николаевну, которые должны во что бы то ни стало быть взяты. Через 3 дня ждем исполнения»[299]. Такое же приказание (не директива и не боевой

приказ, а приказание) было дано начальнику Уральской дивизии. Но войска продолжали оставаться на месте. Предписывалось повторно, но результат был тот же: части дивизии не продвинулись ни на шаг. Наконец, начдив Новоузенской заменен начальником Уральской дивизии Я. А. Штромбахом, а на его место был назначен Мирко Сыч. Но и это не помогло. В течение месяца, то есть до 20 сентября, на участках уральского направления положение оставалось без перемен. Необходимость наступления войска понимали и без требований командования, но не умели наступать. К тому же в штабе IV армии в этот период был раскрыт заговор контрреволюционной группы, проводившей подрывную работу в войсках, в которую входил и заместитель начальника штаба. В телеграмме от 20 августа командующий фронтом И. И. Вацетис командарму-IV и в Высший военный совет М. Д. Бонч-Бруевичу писал: «IV армия открытым заговором приведена в большое расстройство. Прошу срочного распоряжения об усилении этой армии частями Саратовского гарнизона, как пехотными, так и артиллерийскими»[300].

В последующем, 26 сентября, 15 заговорщиков были расстреляны.

После освобождения Николаевска дивизия Николаевских полков, не будучи нацелена на окончательный раз-: гром противника, вела бои полками с переменным успехом, пополняясь личным составом за счет местных жителей. К 24 августа она занимала временно подчиненным ей Краснокутским полком село Клопиха, 1-м и 2-м Николаевскими полками — Малую Таволожку и Пузаниху, 3-м — поселки в 8 километрах южнее Надеждинки, 4-м — Надеждинку, Балаковским — Озинки (севернее Николаевска). Балашовский полк нес гарнизонную службу в Николаевске.

25 августа Балаковский полк занял Николаевку в 25 километрах северо-восточнее Балакова. С утра 26 августа белочехи атаковали 4-й полк и заняли Надеждинку, но с помощью 3-го полка Надеждинка была освобождена. Занял 3-й полк и Селезниху, а 4-й повел наступление на Левенку и Линовку. Балаковский полк 28 августа перешел в наступление из Николаевки и занял Горяиновку. 4-му полку удалось овладеть Духовницким. Батарея полка начала бить через Волгу по Хвалынску и по пароходам, переправлявшим противника на правый берег Волги. Два из них удалось подбить.

Придавая большое значение продвижению полков вдоль левого берега Волги на север, командующий фронтом Вацетис не замедлил дать директиву командарму-IV, требуя наступать также вдоль правого берега реки. В директиве говорилось, что Хвалынск

представляет собой важный подступ к фронту Сызрань — Самара и его необходимо взять. Общее руководство наступлением возлагалось на командарма-IV, в распоряжение которого передавались Волжская группа I армии, Волжская речная флотилия и все находившиеся в районе Хвалынска части. Во исполнение директивы был издан приказ— правобережной Вольской группе И. Аброскина перейти в наступление на Хвалынск с юго-запада; Волжской флотилии — занять Духовницкое и переправить 4-й Николаевский полк на остров Веденякин; Волжской группе I армии, находившейся в районе Дубовый Гай, Акатная Маза, станция Буровка наступать на Хвалынск с запада.

Тем временем 1-й полк Николаевской дивизии с боем занял Большую Таволожку, 2-й полк — Гусиху, кавалерийский полк П. Сурова — Рахмановку. Находившиеся в Рахмановке две сотни казаков отошли в Горелый Гай.

Краснокутский полк занял без боя Любицкое и вел разведку в сторону Жестянки и Клинцовки. Разведка установила, что Клинцовка и Семеновка заняты казаками, но командир полка доложил начдиву о невозможности наступать на обнаруженного в указанных селах противника ввиду массового заболевания личного состава. Только после того, когда на поддержку из Николаевска через Клопиху выступил Балашовский полк, краснокутцы перешли в наступление. Балашовцы овладели Клинцовкой, краснокутцы — Семеновной. Однако противник, подтянув силы, 28 августа выбил полки из занимаемых ими сел, и они откатились в Клопиху и Корнеевку (Родники), затем — на ст. Рукополь. Продвижение казаков серьезно угрожало Николаевску и тылу дивизии Николаевских полков. Резервов не было. Командарм приказал начдиву Уральской немедленно выслать кавалерийский и пехотный полки с артиллерией в направлении Семеновки[301].

Между штабами дивизии и армии по этому поводу начались телефонные переговоры, которые ни к чему не привели. Тогда начдив Захаров приказал Чапаеву, который после блестяще проведенных боев за Николаевск был оставлен командиром 1-й бригады, ликвидировать угрозу силами бригады. Василий Иванович взял из каждого полка по батальону, кавалерийские эскадроны полков и с организованным таким образом отрядом выступил на станцию Рукополь. Следуя 29 августа через Николаевск, он, поддерживавший связь с партийной организацией и Николаевским Советом, завернул на общее собрание николаевских коммунистов. На собрании обсуждали задачи парторганизации по борьбе с контрреволюцией. Василию

Ивановичу, прибывшему с фронта, было вне очереди предоставлено слово. Он сделал сообщение о положении в районе Хвалынска, об успехе 4-го Николаевского полка, овладевшего Духовницким, и заявил, что несмотря на отступление частей из Семеновки, положение наше прочное. Собрание приветствовало сообщение Василия Ивановича аплодисментами[302].

В Рукополе 30 августа Чапаев объединил под своим командованием отступившие туда Краснокутский и Балашовский полки и выступил на Семеновку. Вскоре авангарду его частей противник оказал сопротивление. Основной бой произошел в районе Семеновки. Красные бойцы дрались ожесточенно и, нанеся противнику серьезное поражение, овладели Семеновкой и Клинцовкой. В оперативной сводке IV армии от 1 сентября в штаб фронта сообщалось, что «31 августа наши части Николаевской дивизии под командованием командира бригады тов. Чапаева заняли Семеновку и Клинцовку, что к югу от Николаевска. Казаки в числе 2000 человек бежали на Жестянку»[303].

В начавшемся на правом берегу Волги наступлении группа Аброскина, достигнув рубежа Апалиха, Алексеевка, встретила упорное сопротивление противника и остановилась. Остановилась и Волжская речная флотилия, обеспечивавшая своим огнем правый фланг группы. Затем противник сам перешел в наступление и прорвал фронт в районе Апалихи. Вольская группа отступила на Широкий Буерак и Вольск. Волжская группа I армии отошла на запад, за реку Терешку. 4-й Николаевский полк, вместо высадки на остров, отступил в Липовку. Отступавшие части, преследуемые противником, быстро откатывались вниз по Волге, сдали город Вольск и село Воскресенское. Враг был в 70 километрах от Саратова. Вина за неумелое наступление и понесенное поражение пала на Вольскую группу, подчинявшуюся в это время непосредственно командарму Ржевскому. Командир группы Аброскин был заменен командиром 2-й Николаевской бригады дивизии Николаевских полков И. Н. Гавриловым. Часть командного состава была арестована.

С наступлением войск «народной армии» на правом берегу Волги белочехи сосредоточили в левобережье свои силы в районе Ивановки и Ивантеевки. Кроме того, войсковой разведкой и путем перехвата донесений противника было установлено, что 28 августа в Духовницком высадился 1-й чехословацкий полк 1-й Гусятинской дивизии в количестве 1200 человек[304]. В ночь на 1 сентября белочехи выступили на Гусиху и Большую Таволожку и с рассветом атаковали полки 1-й бригады. 2-й Николаевский полк, занимавший Гусиху, не выдержал удара. Командир полка Кутяков, командир батальона Бубенец и начальник пешей

разведки Папонов были ранены, командир батальона Танюшкин убит. Началось беспорядочное отступление к реке Большой Иргиз. Артиллерийская батарея, обоз и люди бросились к единственному мосту через реку, который, не выдержав нагрузки, рухнул. Всю массу, находившуюся на мосту, поглотила глубокая река. Спастись удалось немногим. Оставшиеся на берегу бросались в воду, но их расстреливал противник. Одному батальону удалось выйти по правому берегу в Старую Порубежку. Потери полка были огромны. Один из батальонов, численностью до 800 человек, почти полностью был уничтожен. В реке и у противника осталось много оружия. Одновременно со 2-м полком был атаковал и 1-й Николаевский полк. Окруженный с трех сторон и прижатый к реке Иргиз, он стойко и долго защищался, но силы были неравны, и полк был выбит из Большой Таволожки. Помогло несчастье. Заметив отходивший батальон 2-го Николаевского полка, бойцы приняли его за подходившую помощь, воспрянули духом и снова овладели Таволожкой. К 14 часам 2 сентября штаб армии доносил в штаб фронта, что под сильным натиском противника наши части отступили, оставив Таволожку, Гусиху, Раевку и Шеншиновку[305].

Чапаев, узнав о разгроме полка, вскипел и помчался в Гусиху. Это событие в боевой жизни бригады отображено в кинокартине «Чапаев»: прибытием Чапаева в Гусиху тройкой на пулеметной тачанке начинается всем известный и получивший признание в стране и за рубежом фильм. В следующей сводке штаба армии уже сообщалось, что командир Николаевской бригады тов. Чапаев, собрав отступившие наши части, перешел в наступление на противника, занявшего Гусиху. Белочехи были выбиты, и красными взято два тяжелых и два легких орудия, три пулемета[306]. За проведенные бои Василий Иванович получил благодарность от командарма-IV: «От лица службы приношу вам искреннюю благодарность за лихой подвиг, оказанный Вами у дер. Гусиха. Николаевскую дивизию необузданные банды белых уже знают. Ваша бригада еще раз доказала доблесть и рвение скорее победить заклятого врага.

Память о полках славной Николаевской дивизии в сердце настоящего революционера никогда не умрет, и я надеюсь, что и в будущем вы оправдаете неоценимые геройства бойцов Николаевской дивизии»[307].

В телеграмме командарма командующему войсками фронта Вацетису говорилось: «За неоднократные геройские подвиги I бригады Николаевской дивизии в течение двух месяцев в боях с чехословаками, где бригада под командой т. Чапаева успела завоевать себе славу, ходатайствую перед высшим

Революционным военным советом о награждении I бригады Николаевской дивизии Революционным знаменем»[308].

Слева направо: командир батальона И. К. Бубенец, командир полка И. С. Кутяков, раненные в бою под дер. Гусиха, В. И. Чапаев, комиссар дивизии А. Ф. Семенников.

Наступление войск Самарской учредилки создало серьезную угрозу Саратову. Воинские части из Саратова, Интернациональный полк из Покровска и другие части выдвигались на линию село Березняки — Баронск. Штаб IV армии переместился в Покровск. Балаковские полки, которых к этому времени было уже два, по приказу начдива Захарова сосредоточились в районе Балакова с целью не допустить высадки белогвардейского десанта на левый берег Волги (по приказу командарма Захаров возглавил группы войск IV армии, оборонявшиеся по обеим сторонам Волги на северном направлении). Положение под Саратовом считалось настолько опасным, что туда стягивались все силы, какие только можно было собрать, чтобы удержать занимаемый рубеж обороны. На правом берегу во время наступления противника был разбит Московский полк, разложился 2-й Саратовский пехотный полк, впоследствии расформированный[309].

Бывший командир Интернационального полка перешел на сторону белых, возглавил части противника и, выйдя с ними в тыл наступавшим войскам, стал наносить им поражения[310]. Командование IV армии понимало опасность еще одного удара — потери Саратова.

Внимание командования было сосредоточено на ближайшей к Саратову правобережной группировке противника. Левобережная группировка была не менее сильной, но более отдаленной от Саратова. Во временное командование дивизией Николаевских полков, действующей против левобережной группировки неприятеля, согласно приказу по дивизии, 6 сентября вступил В. И. Чапаев. Полки дивизии, как обычно, были разбросаны на 100-километровом фронте: Краснокутский полк находился в Клинцовке, Балашовский — в Любицком, кавалерийский — в Рахмановке, 1-й, 2-й, 3-й, и 4-й Николаевские полки — в Ивантеевке, Гусихе, Подшибаловке и Левенке. Конкретных целей перед дивизией не ставилось. Василий Иванович понимал, что время решительного наступления на Саратов, к которому стремился противник, настало. Здесь, за Волгой, также будет нанесен удар — силами белочехов, самарской «народной армии» и уральского казачества — с целью разгрома противостоящих войск, со всеми вытекающими из этого последствиями, и выхода к Саратову на левобережье Волги. Необходимо было нанести поражение группировке белочехов и частям Самарской учредилки, находившимся восточнее Духовницкого, чтобы сорвать замысел противника.

Уральские казаки, сосредоточив основные усилия в направлении Уральск — Саратов и Александров Гай

— Новоузенск, продолжали действовать и в Николаевском уезде, держа постоянно под угрозой Николаевск и тыл дивизии Николаевских полков. Для изоляции казаков от Николаевска и обеспечения тыла дивизии Чапаев приказал Новоузенскому полку, временно входившему в его оперативное подчинение, выступить из Алтаты и занять село Бобровка, в 15 километрах юго-западнее Клинцовки. Но в пути полк был атакован казаками и вернулся в Алтату. Краснокутский и Балашовский полки из района Клинцовки и Любицкого были выбиты противником и отошли на Рукополь. Казаки заняли Клопиху и Корнеевку — в 25–30 километрах юго-восточнее Николаевска. В это время белочехи и части «народной армии» двинулись с севера, заняли Левенку и Орловку. 4-й полк, вытесненный из Левенки, отошел в село Озинки. Сдержать противника с обоих направлений сил не хватало.

Тогда, по обыкновению, Василий Иванович обратился за помощью в уездный комитет партии. На совместном заседании укома и исполкома 7 сентября озабоченный Чапаев докладывал, что противник начал выдвижение с севера и находится в 40 километрах от Николаевска, с юго-востока подошли казаки. Имеется реальная опасность не сдержать наступление противника, если отдать ему инициативу. Просил мобилизовать силы и помочь Балашовскому и Краснокутскому полкам задержать казаков с юга на время боев дивизии с чехословаками, выдвигавшимися с севера. Предложение Василия Ивановича было одобрено. Тут же были выделены члены исполкома для проведения мобилизации в Николаевске и ближайших селах, а также для формирования отряда. Из местного арсенала срочно выдавалось оружие. Через несколько часов вновь созданный отряд уже отправлялся со станции Николаевск на Рукополь.

Выступая в этот же день на общем собрании Николаевской организации РКП(б), где заслушивались телеграммы о здоровье В. И. Ленина после злодейского покушения на него, сообщения о положении на фронтах и о договоре с Германией, предусматривавшем установление демаркационных линий, Василий Иванович говорил, что Германия идет на уступки и тем легче будет бороться с англо-французским империализмом, призывал коммунистов идти на фронт. «Простой невоспитанный крестьянин, — сказал он, — борется за свободу. Тем более должны это делать большевики. Партия должна послать всех своих членов, умеющих быть военными руководителями, на фронт». Собрание решило послать приветственную телеграмму В. И. Ленину, подготовленных в военном отношении лиц направить через комитет партии в военкомат. Члены партии в званиях

унтер-офицеров и фельдфебелей должны были немедленно отправиться на фронт[311].

Чапаев выехал в дивизию сосредоточивать полки для наступления. План боя, который он детально изложил командирам, сводился к следующему: 4-му полку в ночь на 8 сентября выступить из села Озинки и на рассвете атаковать противника в Левенке с юга; главным силам — 1-му, 2-му, 3-му стрелковым и 1-му кавалерийскому полкам — сосредоточиться в районе Раевки — Подшибаловки; в ночь на 8 сентября стрелковым полкам главных сил выступить из района Подшибаловки и на рассвете атаковать противника в Орловке 3-м полком — с юго-востока, 1-м и 2-м полками под личным командованием Чапаева — с северо-востока; кавалерийскому полку выступить в ночь на 8-е из района Раевки и с рассветом атаковать противника в Орловке с севера, то есть с тыла; общим сигналом атаки в установленное время должен служить залп батареи 4-го полка по Левенке (схема 5).

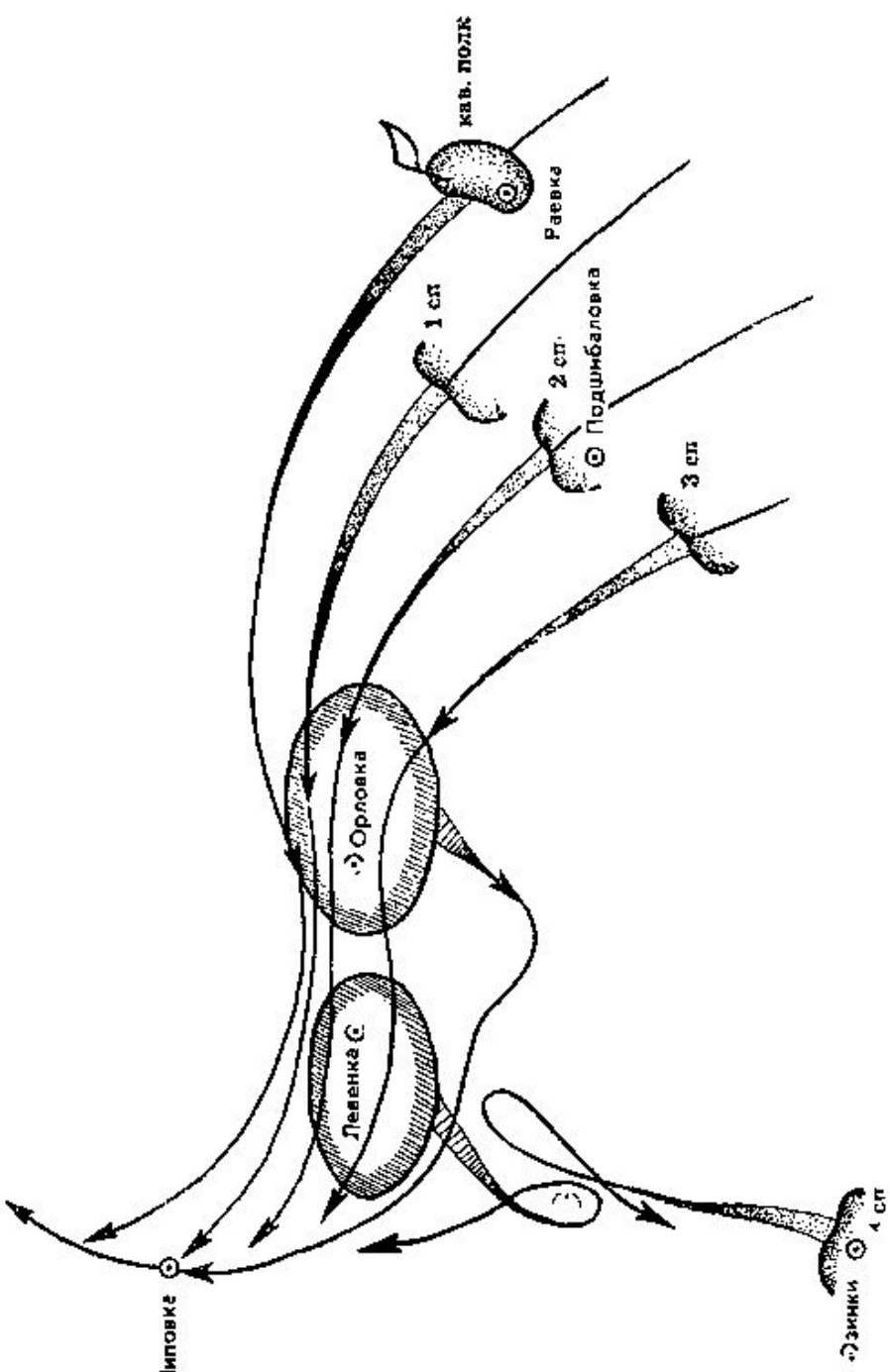


Схема 5. Разгром белочехов и частей армии Самарской учредилки 8.IX.1918 г.

Замысел боя и созданную Чапаевым группировку следует признать образцовыми: оказавшись между двух группировок

противника, двигавшихся навстречу друг другу, он нашел выход из создавшегося положения. Медлить было нельзя. Предпочел наступление обороне. Предпринял решительные действия, чтобы бить противника по частям. Быстро собрал разбросанные на сотню километров полки в кулак численностью до 6 тысяч штыков и 380 сабель[312] и скрытно подвел их на исходное положение для наступления. Для демонстрации атаки с фронта оставил один 4-й полк, то есть одну седьмую часть своих сил (около 900 штыков), а четыре полка сосредоточил для удара во фланг и тыл противнику. На все это Чапаеву потребовалось 24 часа. Проделать такую работу в сложившихся условиях, создать образцовую группировку для боя с решительной целью ликвидировать основную угрозу со стороны врага — мог только действительно талантливый, инициативный и смелый командир. Не следует забывать, что это происходило в 1918 году, когда молодые командиры Красной Армии только приступали к постижению азбуки военного искусства.

Комиссаром дивизии А. Ф. Семенниковым делалось все, чтобы обеспечить выполнение намеченного плана. Комиссары полков, коммунисты и агитаторы разъясняли значение разгрома основной группировки противника, вселяли в людей веру в победу. Воины, информированные о состоянии здоровья В. И. Ленина после злодейского покушения эсерки Каплан, были настроены разгромить ненавистного врага, отомстить за раны вождя.

Темной сентябрьской ночью полки выходили на исходное положение для наступления. Шли бесшумно. У бойцов все было прилажено и подогнано, ничто не гремело, не звякало. Запрещено было курить и громко разговаривать. Команды отдавались вполголоса. Полки встали на места уже далеко за полночь. Все было готово. Люди ждали условленного часа. Тишина нарушалась только слышавшейся перекличкой петухов. Предутренний холодок усиливал легкую нервную дрожь.

Наконец, как только забрезжил рассвет, вдали грохнул артиллерийский залп. Он означал, что наступление 4-го полка на Левенку началось. Послышались негромкие, но властные команды командиров батальонов и рот. Цепи главных сил, не обнаруживая себя, двинулись на редкие огоньки Орловки. Полчаса спустя по селу ударили артиллерийские батареи. Цепи наступавших сразу оживились. Скрытность больше не имела значения. Застучали десятки пулеметов с обеих сторон. Полки пошли в атаку.

4-й полк, подошедший скрытно к противнику, ворвался в линию его окопов. В поднявшейся среди «народников» панике он

нанес им ощутимый урон. Но неприятель оправился от первого удара и его сопротивление стало быстро нарастать. Увидев в наступившем рассвете, что перед ним всего один полк, белые сами перешли в решительную атаку. В этот момент 40 изменников, мобилизованных в селе Богородское, открыли огонь в спину, расстреливая командный состав. Ими был ранен командир батальона, перебита часть командиров рот[313]. Полк стал беспорядочно отступать. Окрыленный успехом противник начал преследование.

В Орловке белочехи, атакованные с трех сторон, защищались ожесточенно. Отбивались главным образом огнем с места. Маневрировать силами им не давали дружные атаки полков, подбадриваемых Чапаевым. В ходе боя он лично управлял частями, отдавал необходимые распоряжения в соответствии со складывавшейся обстановкой. Только такое непосредственное, живое и творческое руководство и могло обеспечить победу. Под ним была убита лошадь, но минутная заминка не могла приостановить управление боем. Полки, поднимаемые в атаки, наносили удар за ударом. Наконец, противник дрогнул и стал в беспорядке отходить в сторону Левенки. Чапаев, имевший ранее дело с казачьей конницей, знал, как преследовать противника. Не только кавалерийский, но и стрелковые полки устремились бегом за отступавшими. В Орловку полки ворвались на плечах противника, выйдя тем самым в тыл Левенской группы белых. Последние, узнав о разгроме белочехов в Орловке, бросились в Липовку, пробивая себе занятый уже путь, не считаясь с потерями. Василий Иванович, ободряя усталых бойцов, направил все четыре полка на Липовку, где противник пытался закрепиться. Одним ударом опрокинули его чапаевцы и в третий раз обратили в бегство.

Командующему IV армией Василий Иванович написал: «Доношу, что бой под Орловкой и Левенкой закончился полным разгромом противника. Участвовало четыре стрелковых полка и один кавалерийский полк т. Сурова. Противник потерял убитыми до тысячи человек, 250 подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок. В бою тяжело ранен вновь назначенный командир 2-го полка Курсаков. Убиты помощник командира 3-го полка т. Спицын и командир батальона того же полка. После боя под селами Орловкой и Левенкой противник занял село Липовку, откуда был выбит и бежал в Брыковку. Чапаев»[314].

В приказе № 25 войскам IV армии Восточного фронта было изложено содержание этого донесения. В нем, в частности, говорилось: «…Бой был жестокий, которым должна была решиться судьба Николаевска и его уезда… В цепи были как

красноармейцы, так и все начальствующие лица, включительно до врид начальника дивизии т. Чапаева, начальника штаба Галактионова и все политические комиссары.

За таковой блестящий бой объявляю т. Чапаеву искреннюю благодарность. Молодецким Николаевским полкам, принимавшим участие в этом тяжелом и славном бою, прокричим мы от всей IV армии громкое „ура“!..»[315]

Разгром белочехов и частей «народной» армии Комуча в районе Левенки и Орловки резко изменил положение не только на левом, но и на правом берегу Волги. Противник, лишившись левобережной группировки, приостановил наступление на Саратов, перешел к обороне и даже оставил село Воскресенское. Уральские казаки прекратили свои настойчивые устремления на Саратов с востока и отвели свои полки от Николаевска. Разгромом левобережной группировки была вырвана инициатива у противника.

Большое значение имело и то, что мобилизованное Самарской учредилкой колеблющееся крестьянство поняло наконец-то сущность белой армии. Многие бросали оружие и расходились по селам. Большую роль в этом играла проводимая политорганами Красной Армии пропаганда. Из разбрасываемых листовок многие солдаты белой армии узнавали правду о классовой борьбе.

Получив 9 сентября донесение от Чапаева, командарм в тот же день телеграфировал в Баронск Захарову: «Ввиду того, что чехословаки на левом берегу вами в составе 6000 человек под Орловкой разбиты наголову и, понеся огромные потери, бежали на Брыковку, предпишите вашим войскам, расположенным на правом берегу, немедленно перейти в наступление и, поскольку возможно, поспешно настигнуть противника. Против правой группы находится не более 1000 человек, вынужденных вследствие резко изменившейся обстановки отступить»[316].

Для развития достигнутого в районе Левенки и Орловки успеха ни командованием армии, ни командиром Поволжских групп ничего не предпринималось. Наоборот, сразу же после боя по требованию Захарова 4-й полк был направлен в Балаково «для обеспечения фланга Николаевской дивизии»[317]. Находившийся же там Балаковский полк был отведен ниже по Волге для переправы его на правый берег[318].

Отрыв 4-го полка от наступавшей дивизии Николаевских полков не вызывался необходимостью. Противник, лишившись левобережной ударной группировки, не только не мог продолжать наступление, тем более высадить десант на левый берег в районе Балакова для наступления в левобережье, но и

вынужден был отступать. Изъятие полка можно объяснить по меньшей мере незнанием противника и постоянным стремлением примитивно обороняться, рассредоточивая силы.

Но оставшиеся в его распоряжении войска Чапаев нацеливал на дальнейшее наступление. Узнав о сосредоточении противника в районе сел Никольское, Чувичи, Богородское, он выдвинул полки ему навстречу, заняв Левенку, Мавринку, Раевку и Федоровку[319]. Противник, не приняв боя, отошел в Хворостянку.

В результате наступления вдоль правого берега Волги организовавшаяся из правобережных частей Вольская дивизия 12 сентября освободила Вольск, после чего, действуя временно в составе I армии, участвовала 17 сентября в освобождении Хвалынска и в операции за Сызрань. Командарму-IV было приказано выделить достаточно сил для действия против Хвалынска и Сызрани по левому берегу Волги, передать их в распоряжение командующего I армией, а остальными войсками организовать решительное наступление на Самару. С севера, после освобождения 12 сентября города Симбирска, на Сызрань и Самару шла Симбирская группа I армии. Таким образом, с 14 сентября, после освобождения Вольска, действия IV армии на правом берегу Волги были закончены.

VII. Тяжелые испытания

С освобождением от белогвардейцев Казани и Симбирска, Вольска и Хвалынска войска Красной Армии с севера и юга нацелились на занятую врагами Самару.

В Саратов, угроза которому уже отпала, 17 сентября приехал председатель Реввоенсовета Республики Троцкий. Посетив затем Хвалынск, он с большой свитой специальным поездом прибыл 20 сентября в Николаевск. С ним приехали временно назначенный командующим IV армии Т. С. Хвесин и вызванный из Вольска С. П. Захаров. Командовавший дивизией Николаевских полков В. И. Чапаев срочно извещался телефонограммой о прибытии в Николаевск наркомвоенмора и о выезде его в полки. В дивизии проводился смотр частей перед наступлением их на Самару. Прибывших встречал, сопровождал и командовал частями на смотре В. И. Чапаев.

Прибывшее воинское начальство повело себя двояко. С одной стороны, в адрес Николаевских полков произносилось много хороших слов, отмечались их боевые заслуги перед революцией. Многие отличившиеся в боях воины награждались подарками. Василию Ивановичу были вручены большие золотые часы. Приказом по IV армии № 38 от 25 сентября 1918 года было объявлено, что, по ходатайству врид начальника Николаевской дивизии Чапаева, народным комиссаром по военным делам от имени Совета Народных Комиссаров 1-й Николаевский советский полк переименован в 1-й Пугачевский советский полк, 2-й Николаевский советский полк — во 2-й Степана Разина советский полк. Сама 1-я Николаевская дивизия, уходившая на Самару, этим же приказом переименована в «Самарскую», а 2-ю, вновь создаваемую Николаевскую дивизию было приказано именовать просто «Николаевской»[320].

С другой стороны, окружение Троцкого хотело искоренить у чапаевцев «партизанщину»[321]. Немало людей в штабе IV армии рядили Чапаева в анархистские и другие мелкобуржуазные одежды. Поэтому, поверив им, не видя и не зная еще Чапаева, в свое время комиссар IV армии Б. П. Зорин писал в телеграмме комиссару дивизии Николаевских полков А. Ф. Семенникову, что Чапаев не имеет технической подготовки, — как будто она в те времена имела для командира дивизии первостепенное значение и другие командиры все были технически грамотными специалистами, — и о том, что он не выполняет в точности приказов, о вредном влиянии его на солдат и о другом. Только месяцем позже, узнав Чапаева по делам, комиссар Зорин послал

воинам дивизии, разгромившим противника в районе Левенки и Орловки, телеграмму в ином духе: «Конференция коммунистов IV армии шлет свой горячий привет стойким борцам Николаевской дивизии во главе со своим командиром тов. Чапаевым»[322].

Смотр в Николаевске был для Василия Ивановича и прощанием со своими боевыми товарищами: решался вопрос о переводе его в новую дивизию. Честное и самоотверженное служение делу революции, славный боевой путь, пройденный Василием Ивановичем, блестящие победы, одержанные под руководством Чапаева сформированными им полками, не брались в расчет Троцким и его окружением. Но авторитет Чапаева был настолько велик, а связь с красноармейскими массами тесна и прочна, что не считаться с этим было невозможно. Выступая перед полками, Троцкий говорил о предстоящем большом наступлении, о необходимости немедленного развертывания новой дивизии, организацию и цементирование которой он может поручить только опытному организатору и талантливому командиру — товарищу Чапаеву.

Широко оповестив о формировании новой дивизии, командование армии не торопилось с этим[323].

В приказе по IV армии от 30 сентября 1918 года говорилось, что для удобства комплектования, спайки и правильности снабжения находящиеся в наличии части IV армии с 3 октября сводятся в две дивизии и два отряда: Самарская дивизия — в составе 9 полков стрелковых и одного кавалерийского, Уральская дивизия — 6-полкового состава, из них 2 полка кавалерийских, отряд Чапаева — по штату отдельной бригады с кавалерийским полком (всего 3 полка), Александров-Гайский отряд Винермана — по штату отдельного полка с двумя сотнями[324].

Как видно из приказа, В. И. Чапаев назначался на несуществующую дивизию, чего он до времени не знал.

С. П. Захаров (слева) и В. И. Чапаев у поезда на станции г. Николаевска.

В первом приказе 22 сентября 1918 года Чапаев писал, что личным приказом временно командующего IV армией (следует понимать устным, иначе говоря — на словах, так как письменного приказа в дальнейшем не последовало) он назначен начальником 2-й Николаевской дивизии и с сего числа вступил в командование ею. В приказе указывалось, что в состав дивизии входят 4-й Николаевский, Пензенский и Балашовский полки из 1-й Николаевской дивизии и вновь формируется 2-й Николаевский кавалерийский полк[325]. На таком же основании днем раньше был отдан приказ начдива Захарова, где указывалось, что из вверенной ему дивизии во 2-ю Николаевскую выделяются те же полки[326]. В новой дивизии быстро создавались отделы и службы, которые приступали к работе без промедления, так как формирование шло в ходе боевых действий. С утра 24 сентября Василий Иванович выехал для приема Пензенского и Балашовского полков в села Жестянка и Бобровка, которые ими были заняты с боем 21 сентября, еще в составе 1-й Николаевской дивизии[327].

Чапаевцы клянутся взять Самару.

Принятые полки были объединены в бригаду, командиром которой назначался Ф. К. Потапов, член Коммунистической партии с октября 1917 года, бывший подпрапорщик старой армии и активный участник походов на Уральск. Штаб дивизии, находившийся в Корнеевке, 25 сентября переместился в бывшее имение Зейферта, ближе к действующим частям[328]. 27 сентября Василий Иванович обратился к врид командарма с просьбой ускорить передачу 4-го Николаевского полка[329]. Сосредоточивая части, предназначенные для Николаевской дивизии, и проводя одновременно мобилизацию, Чапаев 28 сентября приказал 4-му Николаевскому полку выйти из состава Самарской дивизии и следовать в Карловку.

Ядру формируемого 2-го кавалерийского полка имени Гарибальди во главе с Никоном Коноплевым приказывалось выступить в села Клинцовка, Любицкое, Рахмановка, Аннин Верх, Грачев Куст и Смоленка для мобилизации людей, лошадей и подвод. Добровольцев требовалось направлять в штаб дивизии, а мобилизованных сопроводить под командой помощника начальника штаба Ивана Долгушева в Николаевск[330]. Но начальник Самарской дивизии, вопреки решению врид командарма и своему собственному приказу, 4-й Николаевский полк в Николаевскую дивизию не передал, а приказал 28 сентября выступить из Бартеневки через Николаевку в Боровское, откуда установить связь с 1-м Николаевским кавалерийским полком[331].

Из принятых в Николаевскую дивизию полков Пензенский имел всего 1140 человек, 32 пулемета и 4 орудия. Балашовский оставался малочисленным со времени его формирования и состоял из 5 неполных рот — имел 658 человек, 8 пулеметов и 3 орудия[332]. Штаб IV армии и Николаевский военкомат пополнений не давали. Чапаев вынужден был сам вербовать добровольцев, мобилизовать людей, лошадей и подводы, чтобы создать 6-ю роту и иметь Балашовский полк хотя бы 2-батальонного состава, что вскоре и было сделано. Вновь формируемый 2-й кавалерийский полк к концу сентября имел всего 100 человек без пулеметов и орудий. Вся Николаевская дивизия к тому времени имела около 2000 человек, 40 пулеметов и 7 орудий. Вместо обещанной при назначении всесторонней помощи, Чапаев встречал теперь препятствия не только в большом, но и в малом. Например, по просьбе Василия Ивановича Захаров отдал приказ № 45 от 23 сентября об откомандировании к нему делопроизводителя 1-й бригады Федора Андреевича Хренова и начальника связи той же бригады Петра Семеновича Исаева[333]. Считая вопрос решенным, Чапаев назначил их на должность, но начдив Захаров приказом № 48 от 27 сентября свой прежний приказ отменил и только спустя много времени Василию Ивановичу удалось добиться их перевода.

30 сентября Чапаев получил боевой приказ командарма. На пакете и в тексте приказа № 422 от 30 сентября 1918 года адресовалось: «Начальнику партизанского отряда тов. Чапаеву». Таким образом Василий Иванович узнал, что 8 дней назад он был назначен начальником такой дивизии, которую оставили маломощной бригадой в составе двух неукомплектованных полков, а теперь командарм официально именовал ее «партизанским отрядом».

В полученном Чапаевым приказе № 422 говорилось, что, в связи с переходом в наступление на Самарском и Уральском направлениях, отряду следует выступить на Кузебаево, Ишимбаево, долину реки Таловки. Для поддержания связи с частями, действующими к югу и северу, приказывалось иметь ядро отряда с 3 по 4 октября — в Кузебаево, с 5 по 7 октября — в районе Ишимбаево. Отряду ставилась задача к 12 октября перерезать степные дороги на север от Уральска в районе хуторов Наганский, Новоозерный[334]. Какие и где находились части, действовавшие к югу и северу, с которыми предстояло держать связь, в приказе не указывалось. Связи с ними Чапаев не имел и не располагал силами и средствами для того, чтобы ее установить.

Назначение такой «связи» было неопределенно и вряд ли

понятно самому командарму и его штабу, над которыми довлела прежняя тенденция иметь, а вернее, обозначать линию фронта, разбрасывая войска. Так делалось и теперь, вместо того чтобы, сосредоточив силы на Самарском и Уральском направлениях, вести решительное наступление, сковать на каждом из них силы противника и лишить его возможности маневра ими с одного направления на другое, если имелась такая опасность. В данной же обстановке опасности такой не было. После того как войска, освободившие Казань и Симбирск, пошли на Самару с севера, а другая группа войск стала подходить к ней из освобожденной Сызрани и с юга, из Самары началось бегство на Бугуруслан и Бузулук. Самарским «правителям» было не до Уральска, а казаки не могли им оказывать помощь, имея перед собой нацеленную на них Уральскую дивизию. Следовательно, перехватывать 300-километровую рокадную дорогу Уральск — Самара, а затем немногим меньшую дорогу Уральск — Бузулук не имело смысла. Они, эти дороги, для противника не имели значения, и там его не было.

На Николаевскую дивизию возлагалась задача не обеспечивать тыл наступавшей на север Самарской дивизии путем контролирования и удержания занимаемого ею района, а пройти с боями на восток до 200 километров и перерезать упомянутые дороги на участке в 40–65 километрах севернее Уральска. Это была задача чрезвычайной сложности. Предстояло фактически наступать на Уральск, затем выйти несколько севернее его на правый фланг казачьей армии, действуя в отрыве от своих войск. Уральская дивизия, которой предстояло наступать на Уральск, находилась в 150 километрах, в районе станции Демьяс. «Для наблюдения Новоузенского направления» командующим был оставлен отряд Винермана юго-западнее станции Демьяс, также в 150 километрах от Уральской дивизии (схема 6).

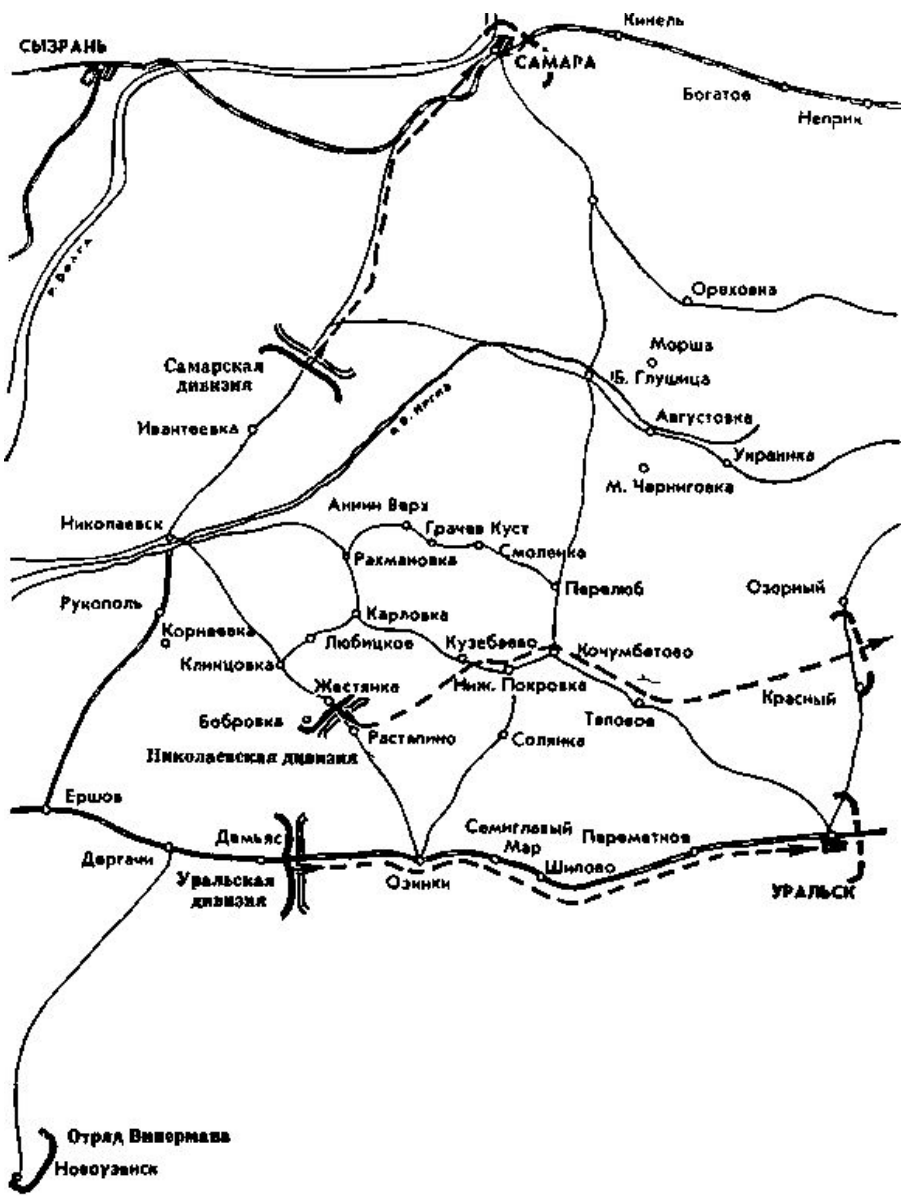


Схема 6. Положение войск IV армии к 30.IX.1918 г. и задачи дивизий.

Между тем 1 октября противник от хутора Растяпина перешел в наступление, пытаясь обойти правофланговый полк Николаевской дивизии южнее села Жестянка. Удачной контратакой Пензенского полка наступление казаков было отбито, но полк, ввиду явного превосходства противника в силах, снова отошел в Жестянку[335].

Рано утром 2 октября Василий Иванович получил телеграмму, в которой сообщалось, что он и комиссар П. Г.

Сидельников вызываются на станцию Рукополь к поезду, которым следуют командарм Хвесин, член военного совета Линдов и член Реввоенсовета Республики Кобозев, выехавшие в 23 часа из Покровска (Энгельс)[336]. Точное содержание состоявшегося разговора не известно, но, несомненно, он касался организации Николаевской дивизии, предстоявших задач и складывавшейся обстановки. Об этом свидетельствуют телеграммы, посланные на другой день командарму Чапаевым.

Дивизии предстояло активными до дерзости наступательными действиями на Уральск максимально отвлечь на себя силы уральских казаков, действовавших против Уральской дивизии, а также обезопасить тыл главных сил IV армии, наступавших на Самару. Ни сил, ни средств во вновь организованной Николаевской дивизии для выполнения такой задачи не было. На учете были каждый человек, лошадь и винтовка. Вести борьбу с конными массами казаков в бескрайних уральских степях не под силу было всей армии. Об этом хорошо знал командарм Хвесин — участник похода на Уральск. Теперь же он посылал туда два слабых полка. Конные части казаков, при отсутствии сплошного фронта, появлялись в любом месте и в любое время, неожиданно перехватывали коммуникации, угоняли обозы, оставляя наши части без продовольствия и боеприпасов. Особенно много беспокойства доставляли имевшиеся у противника броневики, действовавшие совместно с казачьей конницей. При отсутствии эффективных средств борьбы с ними, они действовали почти безнаказанно. Чапаев, испытавший всю тяжесть борьбы с уральским казачеством, добивался включения частей, предназначавшихся в состав дивизии, отстаивал каждого человека, каждый пулемет и машину, но безуспешно.

На следующий день после встречи с командармом на станции Рукополь Чапаев официально доносил, что приказ № 422 выполнить не может: единственный броневик был неисправен и без горючего; снаряды, несмотря на все приложенные им усилия, не получены, так как везде, по его словам, он встречал «тормоз»; в кавалерийском полку всего 100 человек и нет ни одного пулемета. Кроме того, Василий Иванович высказал мнение, что нецелесообразно оставлять уже занятые с боями населенные пункты, чтобы идти в места, указанные в приказе, так как это откроет прямой и ближайший путь уральским казакам в тыл Самарской дивизии. Просил об отмене или подтверждении приказа. В последнем случае, — писал он, — «бросаю броневик (имеется в виду казакам. — (*Авт.*) и иду выполнять задачу». Кроме Чапаева, телеграмму подписали начальник штаба Галактионов, начальник оперативной части Чеков и комиссар

дивизии Сидельников (без подписи которого как комиссара в то время никакие документы не отправлялись и считались недействительными). Таким образом, командование Николаевской дивизии считало, что при такой неукомплектованности и необеспеченности войск отправляться в рейд к Уральску нельзя и оставлять позиции на основном направлении уральских казаков к Самаре нецелесообразно. К тому же стало известно, что белое командование, узнав, что на их фронт прибывает Чапаев, срочно подтягивало к этому участку новые силы, в частности выдвинуло сюда прибывшие из Гурьева как пополнение два полка.

О решении командования содержать вместо Николаевской дивизии отряд в штате отдельной бригады этой же телеграммой запрашивалось: «Над Пензенским и Балашовским полками, которые составляют бригаду, есть бригадный командир т. Потапов…Прошу выяснить, кому оставаться бригадным командиром — т. Потапову или Чапаеву»[337].

Василий Иванович, не желая оставаться и далее в ложном положении, сделал официальный запрос. Врид начальника штаба IV армии ответил, что Потапов остается на своей должности — командира «пехоты», а Чапаев — начальником всего отряда, то есть двух полков пехоты и одного полка кавалерии. Ответ был не убедительный, так как кавалерийский полк входил в штат бригады, а фактически его не было, и ничего для его организации командованием армии не делалось. Следовательно, Чапаев ставился командиром бригады над командиром бригады Потаповым. Хвесина, выехавшего в войска, запрос Чапаева не удовлетворил, и он телеграфировал начдиву: «Отставка ваша от командования дивизией не принимается… Реввоенсовет армии напоминает вам всю важность положения участка, занимаемого вверенными вам частями, и ставит на вид вашу ответственность в случае самовольного оставления командования дивизией и неисполнения приказаний, исходящих от штаба армии»[338]. Необходимости в ответе такого содержания не было: Чапаев о своем желании и тем более самовольном оставлении бригады не писал, а запросил, кому быть бригадным командиром.

Но, получив в такой форме подтверждение приказа вместо его обеспечения, что положено делать отдающему приказ, 4 октября Чапаев отдал свой приказ. Пензенскому полку одним батальоном при двух орудиях приказывалось выступить на час раньше общего наступления, обойти хутор Растяпин с севера и отрезать противнику путь отхода. Командарму он донес, что вышел в наступление на основании приказа № 422, направление движения изменил, ввиду сосредоточения противника в районе

упомянутого хутора, который при выступлении оказывался в тылу, и что, освободив его, двинется в направлении, указанном в приказе[339]. Как видно, Василий Иванович с первого же шага четко приступил к выполнению приказа и не формально, а со знанием дела, сообразуясь с обстановкой. В 21 час того же дня он донес, что неприятель встретил наши полки артиллерийским огнем, который затих лишь с наступлением темноты[340]. 5 октября в штаб армии было донесено, что после жаркого боя, продолжавшегося 5 часов, заняты хутора Растяпин, Масловский и Каменский. В бою со стороны противника участвовали 3-й Уральский учебный казачий конный полк, Гурьевский пехотный дивизион и белогвардейская пехотная дружина из четырех рот; у них имелось 14 пулеметов и 4 орудия.

При первом ударе с помощью броневика было захвачено 3 вражеских орудия, но была подбита сама машина. Воспользовавшись этим, противник перешел в контратаку, вернул свои орудия, захватил и бронемашину. Повторной атакой у белоказаков были отбиты броневик, 3 орудийных передка и 2 пулемета. Орудия противник сбросил в реку и, оставив около 200 убитых, отступил. Взято 32 человека пленных, из них 2 офицера, и 5 возов со снарядами. Наши потери — 3 человека убитых и 9 раненых, убито 15 лошадей. В бою участвовали все командиры и работники штаба вместе с рядовыми красноармейцами. В цепи шли начальник штаба и начдив Чапаев с серьезно поврежденной рукой.

Вечером 5 октября Чапаев приказал Пензенскому и Балашовскому полкам к 18 часам 6 октября взять село Кузебаево. Кавалерийскому полку, с занятием Кузебаева, установить связь с упомянутыми полками и выступить на Ишимбаево. Разведку выслать на село Перелюб. Штаб дивизии переместить в хутор Кочетки, в 8 километрах восточнее села Любицкое[341].

В связи с продвижением частей от города Николаевска к границе Уральской области более чем на 100 километров Василий Иванович просил штаб IV армии прикомандировать к нему для связи телеграфное отделение[342]. С самого начала формирования дивизии, которое велось в ходе боевых действий, Чапаев регулярно сообщал в штаб армии об ожесточенных боях с превосходящими силами противника, о том, что части несут потери, просил пополнять людьми, укомплектовывать вооружением, транспортом, обеспечивать боеприпасами. Но штаб на все эти просьбы не реагировал.

Положение между тем все более осложнялось. И без того скудное обеспечение дивизии из-за большой удаленности от баз снабжения и отсутствия механизированного транспорта резко

ухудшилось. Маневренный характер боевых действий, быстрые изменения часто неблагоприятно складывавшейся обстановки вызывали необходимость непрерывного и твердого управления частями, действовавшими в большом отрыве от всех войск армии. Управление же полками, при слабых и ограниченных средствах связи, осуществлялось главным образом подвижными (конными) средствами и личным общением. Но везде бывать не представлялось возможным.

Василий Иванович, видя, что его просьбы командармом и его штабом не принимаются во внимание, в 20 часов 5 октября телеграфировал командарму, что будет жаловаться на него Центральному Исполнительному Комитету. В телеграмме говорилось, что ему ставят задачу, но не обеспечивают ее выполнение. Вместо давно обещанных автомашин в дивизии имеется одна, и та негодная. Настаивал на выделении дивизии автомобилей. Для личного управления частями просил дать мотоцикл с коляской, так как передвижение на лошади не обеспечивало оперативности в управлении, к тому же он не мог и этого делать из-за поврежденной руки. Предупреждал, что, при неудовлетворении необходимым, будет вынужден сложить с себя обязанности, несмотря на приказы[343].

Настаивая на обеспечении дивизии крайне необходимым, Василий Иванович в то же время делал все возможное по выполнению полученной задачи. Полки с боями продвигались вперед. К 9 часам 7 октября Балашовский полк овладел Нижней Покровкой. Пензенский наступал на Агеевку, кавалерийский освободил села Ишимбаево и Перелюб[344]. В 19 часов 8 октября Чапаев сообщал в штаб армии, что полки Николаевской дивизии заняли Николаевку, Кузебаево, Ишимбаево. Разведка достигла хутора Бенардак. Противник отступил на хутор Вечномолоканский, в 3 километрах западнее села Таловое. В поселке Юрьевский — до 400 белоказаков.

В переживаемый дивизией критический момент местное население, несмотря на большую для себя опасность в случае ее поражения, всячески поддерживало героические части. В тот же день, 8 октября, Чапаев сообщал штабу армии: «…Из башкирских деревень в наши полки вступает много добровольцев, для которых требуются винтовки, а винтовок в полках не имеется и шинелей нет. Прошу прислать. Настроение населения хорошее. В русских деревнях встречали Красную Армию со звоном колоколов…»[345]

Испытывая большие трудности и не получая поддержки от штаба армии, Чапаев доносил, что дальнейшее про-движение дивизии вперед невозможно: нет средств связи; подвозить

боеприпасы, продовольствие и фураж за 150 верст не на чем, с помощью крестьянских подвод такая задача невыполнима; автомобилей нет ни одного, недостает винтовок, люди идут в цепи безоружными[346].

Штаб армии сообщал об отправке 28 сентября в Николаевскую дивизию 7 автомобилей из Покровска[347], но это сообщение, как и многие другие, не соответствовало действительности. Упомянутые автомобили, как и обещанный взвод тяжелых орудий, были отправлены им в Самарскую дивизию[348].

Возмущенный Василий Иванович писал Троцкому, что командарм-IV не дает возможности успешно вести боевые действия и что он, Чапаев, желает воевать по-настоящему или быть отставленным. «Вы, — писал он, — назначили меня начальником дивизии, но вместо дивизии мне дали растрепанную бригаду…» Людей для пополнения полков не дают. Поступающих добровольцев вооружать нечем. Имеется около 600 человек невооруженных. Шинелей нет, люди раздеты. Во вновь сформированном кавалерийском полку всего лишь один пулемет, в Балашовском — 9, из них 2 — без станков. Хлеб, снаряды подвозить не на чем. Он просил дать ему возможность в скором времени взять Уральск, в чем видел выполнение своей задачи[349].

Командарм донес Троцкому, что развертыванию отряда Чапаева не только не препятствует, но всеми мерами способствует. Чапаев снабжается всем необходимым и, к сожалению, часть грузов, направляемых в Самарскую дивизию, систематически по дороге задерживает[350].

Это донесение также не соответствует действительности. Состояние частей Николаевской дивизии характеризуется сводками того времени. Сообщение о развертывании отряда Чапаева, о чем идет речь в донесении командарма, также не обоснованно. Никаких мер по развертыванию отряда в дивизию не производилось. Создавался заново единственный кавалерийский полк, формировавшийся Чапаевым по деревням, без участия командования и штаба армии. Нельзя даже допустить, что Василий Иванович был способен на подобные действия. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в несостоятельности этого заявления. Чапаев шел на юг и вел бои в 70 километрах от Уральска, тогда как Самарская дивизия шла на север и была к тому времени в освобожденной ею Самаре. Расстояние между дивизиями, действовавшими в противоположных направлениях, составляло 300–350 километров. Откуда и какими путями шли грузы к Самаре, которые мог перехватывать Чапаев, находившийся под Уральском

и не имевший возможности держать крайне необходимую ему связь даже до Николаевска, куда, следовательно, его действия уже не распространялись?..

Положение Николаевской дивизии становилось с каждым днем тяжелее. В этой обстановке, вместо помощи, из дивизии были отозваны без замены комиссар дивизии Сидельников, комиссар штаба дивизии Баныкин и другие работники. За Сидельникова и Баныкина остались политработники Стаувер и Базанов, назначенные в дивизию политотделом армии всего лишь 5 октября. Начальник штаба дивизии Петр Галактионов, выехавший в штаб армии, был оставлен в Самаре и больше в дивизию не вернулся. Однако, несмотря на все трудности, дивизия продолжала наступление и 11 октября Пензенским полком овладела селом Таловое, Балашовским — хутором Вечномолоканским, пройдя за 7 дней с боями более 100 километров[351].

Приказом по IV армии № 01 от 12 октября командующий подтверждал ей прежнюю задачу. Этим приказом определялись дальнейшие действия всей армии после освобождения Самары. Приказ позволяет судить о складывавшейся обстановке, об уровне оперативного мышления и руководства, лучше понять дальнейшие события и весь драматизм положения Николаевской дивизии.

«Войска IV армии, — говорилось в приказе, — заняли Самару, ст. Кинель и Семиглавый Мар. Дальнейшая задача армии: наступление правым флангом на Уральск и главными силами — на Бузулук и Оренбург. Ближайшей задачей армии ставлю овладение Уральском… для чего:

1. Самарской дивизии удерживать линию Н. Семейкино, дд. Падовка, Сырейка, И. Студенцы, ст. Кинель, Бобровка, Спиридоновка и Никольское (Домашка).

2. Вольской дивизии перейти через Марьино и Пестравка в район Большая Глушица, согласно телеграмме № 1609.

3. 4-му Малоузенскому полку войти в состав Вольской дивизии, немедленно перейти из Яблонного Гая в Б. Глушицу и удерживать ее до подхода Вольской дивизии, заняв сильными заставами дд. Ореховка, Морша, Пестравский Выселок и Августовка (Лемеховка).

4. Отряду Чапаева (по телеграфу) энергично продвинуться на линию Игумново, Умет Переметный, имея дальнейшей задачей перерезать дорогу из Ореховки к Уральску на участке Новоозерный, Красный.

5. Уральской дивизии (по телеграфу) продолжать энергичное наступление на Уральск. Ближайшей задачей ставлю овладение

ст. Шипово, для чего вторую бригаду направить с фронта вдоль железной дороги и Мусульманский полк по дороге от форп. Чижинский 1-й на Шипово для удара во фланг, а остальные два полка 1-й бригады перевести в форпосты Чижинский 2-й и 1-й. Конную бригаду направить для захвата Переметного.

6. Отряду Винермана (по телеграфу), обеспечивая правый фланг армии, прочно удерживать занимаемое положение.

7. Всем дивизиям и отрядам поддерживать тесную связь по фронту»[352].

Как мыслилось командующим и его штабом поддерживать тесную связь по фронту между дивизиями и отрядами, находившимися друг от друга в 150 и более километрах, в приказе не указывалось. Не касаясь языка приказа, а лишь основного его содержания, заметим следующее.

Главными силами армия наступала в направлении на Бузулук, Оренбург. Однако ближайшей ее задачей командарм ставил не разгром противостоящего противника в направлении действий главных сил и овладение городами Бузулуком или Оренбургом, а городом Уральском. Таким образом, главные силы армии к выполнению ближайшей задачи, от успешного выполнения которой во многом зависит ход и исход всей и каждой операции, не привлекались. Больше того: им приказывалось не наступать, а удерживать линию. Если добавить, что противник в этом направлении отходил, почти не оказывая сопротивления, то удерживать указанную в приказе линию вообще не имело смысла. Последовавшие затем приказы и распоряжения тяжело отразились на войсках, и не была достигнута цель. При неиспользовании сил Самарской и плохом руководстве Уральской дивизиями Уральск не был взят.

В IV армию для развития успеха намечалась передача Вольской дивизии из-за Волги. Приказом командарма-IV требовалось вывести ее в район Большой Глушицы, в 100 километрах южнее главных сил армии и в 150 километрах севернее направления удара на Уральск. Ввод Вольской дивизии, таким образом, намечался не на направлении действий главных сил армии и не на Уральск.

Вводить соединение в бой или сражение для развития успеха на направлении, где нет ни боевых действий, ни противника, было нелогично, развивать там было нечего. Отсюда, как следствие, и требование приказа 4-му Малоузенскому полку занять и удерживать подступы к Б. Глушице, надо думать, в качестве рубежа ввода Вольской дивизии, должно было отпасть. Но решение о включении Вольской дивизии в состав IV армии вскоре было изменено[353]. Ее направили на юг, под Царицын. 4-й

же Малоузенский полк продолжал стоять в указанном районе в течение месяца, не ведя боевых действий.

Командование белоказачьей уральской армии, зная, что Самара взята красными войсками и наступает очередь Уральска и Оренбурга, не ждало своей участи пассивно. Помимо связи и согласования действий с оренбургским казачеством и другими предпринимаемыми им мерами, решило уничтожить настойчиво пробивавшийся к Уральску отряд Чапаева, пока не подошли другие части. Уральская дивизия, имевшая задачей овладеть Уральском, не преуспевала. Заняв 6 октября на границе Уральской области станцию Семиглавый Мар, она до 17 октября совершенно не продвигалась. Такая инертность способствовала осуществлению замысла противника. В ночь на 13 октября в районе села Таловое, где находились полки Чапаева, сосредоточились казачьи части. По сведениям, полученным от местных жителей, подошли два полка на хутора Панков и Юрьевский. С утра 13 октября противник при поддержке артиллерии перешел в наступление пехотой и конницей с юго-восточной и северной сторон. В результате боя он был остановлен в трех километрах от Талового, где его пехота и окопалась[354].

Подтянув силы, 14 октября противник начал энергичное наступление с целью решительного разгрома частей Николаевской дивизии и, в частности, уничтожения Пензенского полка, оборонявшего Таловое. С юго-восточной стороны на село пошли в атаку два конных казачьих полка, с восточной — до двух тысяч человек пехоты. Кроме того, два конных полка подходили с севера. Один из них двигался на реку Таловку со стороны Ново-Васильевского поселка, другой, занимая село Перелюб, частью сил выступил вдоль реки Камелик на Николаевку, Холманку и, случайно встретив обоз со снарядами, двигавшийся из Нижней Покровки в Таловое, атаковал его. Охрана обоза в количестве 80 человек успела изготовиться и встретила противника ружейно-пулеметным огнем, а повернувший обратно обоз дал знать о налете штабу дивизии, откуда была выслана на помощь команда разведчиков и конная связь. Обоз, попавший к противнику, был отбит.

Всего в бою за Таловое 14 октября со стороны противника действовало пять полков, из них два конных полка оренбургских, два конных и один пехотный — уральских казаков при 8 орудиях и 20 пулеметах. После отражения атаки противник снова обрабатывал позиции дивизии артиллерийским огнем (схема 7).

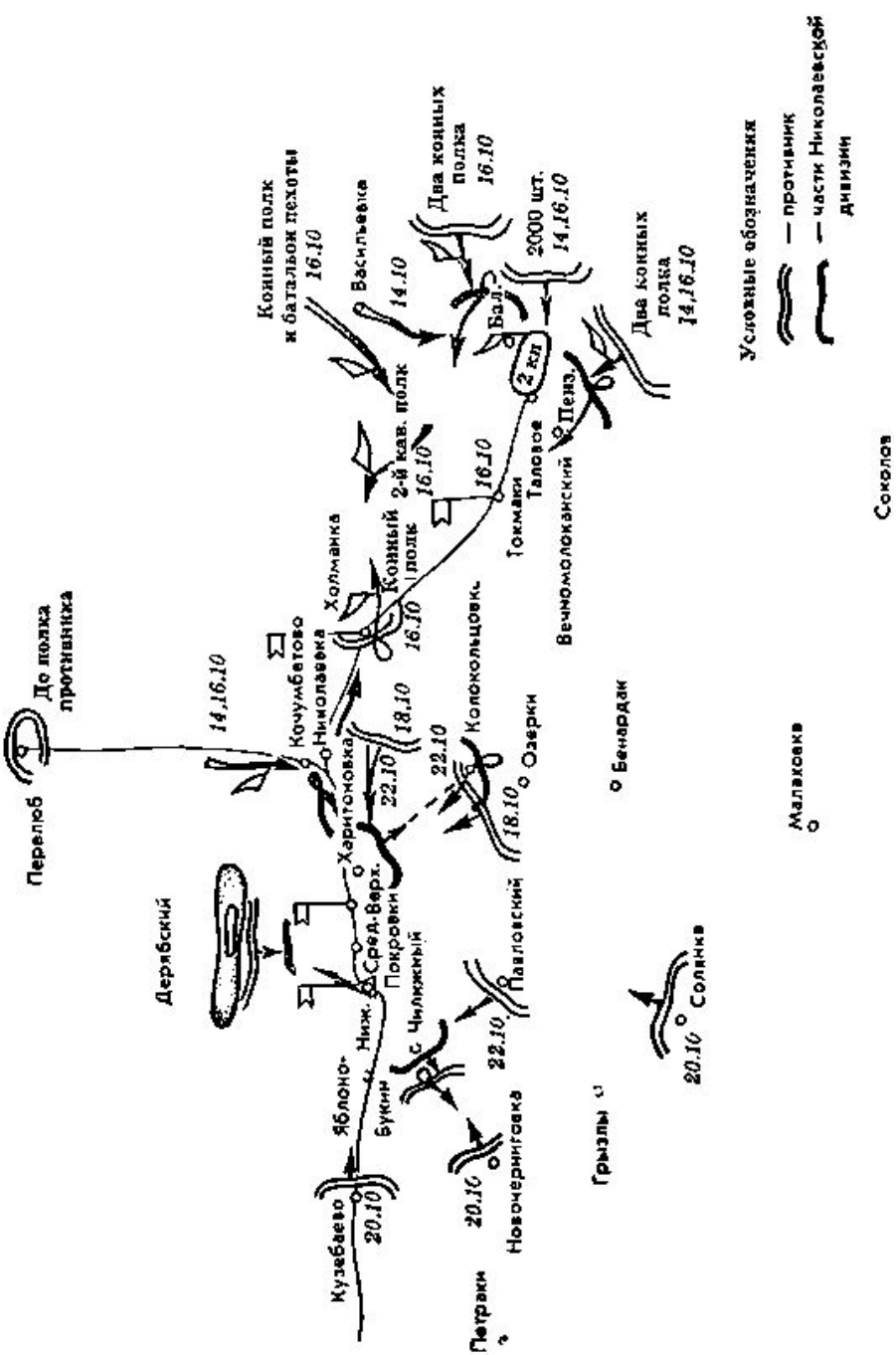


Схема 7. Боевые действия Николаевской дивизии с 14 по 31.X.1918 г.

Докладывая о результатах боя и сложившейся тяжелой обстановке, Чапаев доносил и о том, что ввиду перевеса противника и сильной его конной разведки, он лишен

возможности направлять в полки транспорты с боеприпасами и продовольствием, так как они перехватываются противником: в дивизии не имеется сил для выделения охраны транспорта. Просил распоряжения выслать 800 человек из прибывших в Николаевск мобилизованных, иначе будет вынужден отойти в Ишимбаево и Николаевку[355]. Просьба была предельно ясна. Однако штаб армии завел переписку о том, нужны ли 800 человек как пополнение или как организованная часть и т. д., а затем не дал ни одного человека.

На следующий день, 15 октября, противник повел наступление на Таловое с северо-востока и почти одновременно с юга, со стороны хутора Волчанский, вдоль реки Солдатка. Наступление поддерживалось сильным артиллерийским огнем с востока. Два орудия Пензенского полка были выведены из строя. Но и на этот раз совместными усилиями Пензенского и Балашовского полков все попытки противника овладеть их позициями были отбиты[356].

16 октября Пензенский полк продолжал удерживать Таловое, Балашовский — хутор Канаевский, а кавалерийский имени Гарибальди полк после тяжелого для него боя встал в одном километре южнее Балашовского. Штаб дивизии переместился из Нижней Покровки ближе к полкам — в деревню Холманка. Радиостанция осталась в Нижней Покровке, а телеграф из-за отсутствия кабеля по-прежнему находился в Новочерниговке, в 15 километрах от штаба дивизии. Просьба Чапаева о пополнении силами и средствами связи, как и другие просьбы, не удовлетворялась. Несмотря на это, начальник оперативной части штаба дивизии П. Ф. Чеков сводки отправлял регулярно, в установленные сроки.

Командующий и штаб армии в течение всего времени были полностью осведомлены о трудностях Николаевской дивизии, но мер не принимали.

А положение было поистине отчаянное. В этот же день, 16 октября, при перемещении штаба дивизии из Нижней Покровки в Холманку пришлось выбивать противника, в том числе и силами штаба, из Холманки и Ишимбаева, захваченных им в тылу наших частей. Выбитый противник отходил в северо-восточном направлении к хутору Дмитриевский. Кавалерийский полк, отрезая путь отступления противнику, столкнулся с конным полком оренбургских казаков и батальоном пехоты с артиллерийской батареей, двигавшимися от хутора Дмитриевский на хутор Канаевский. Слабый и не имевший необходимой выучки полк имени Гарибальди не выдержал удара двух конных полков и батальона пехоты противника и потерпел

серьезное поражение. Во встречном бою казаки зарубили 30 человек, захватили 2 орудия, 2 пулемета и обоз полка. К месту боя прибыл Василий Иванович с учебной командой, в которой он с начала формирования Николаевской дивизии готовил младших командиров. Кавалерийский полк был им остановлен, спешен (в конном строю он действовал слабее) и повернут в контратаку. Противника удалось отбросить, но захваченные им орудия, пулеметы и обоз со снарядами и продовольствием не отбили. Вслед за этим с восточной стороны два конных полка казаков атаковали Балашовский полк, который ошибочно принял их вначале за своих. Это позволило казакам ворваться в ряды балашовцев и зарубить до 200 человек. Положение в полку стало ужасным. В схватке помощник командира полка П. И. Касьяненко лично убил 10 казаков и от удара пики погиб сам. Погибли командир 1-й роты А. Марчук, его помощник А. Камышанский, командир 5-й роты К. Сурков и его помощник Ф. Жемчугов и многие другие отважные воины.

Пензенский полк не мог оказать помощи балашовцам, так как сам вел бой: с восточной стороны его атаковали два конных полка и полк пехоты противника, от которых он с трудом отбивался и нес большие потери. Поддержка Балашовскому полку была оказана штабами дивизии, бригады и резервной ротой. Положение с большим трудом было восстановлено. Выпустив до 400 снарядов, противник продолжал атаки, но чапаевцы удерживали свои позиции. Чапаев всюду поспевал лично. Участвуя в отражении атак, он вселял в бойцов уверенность, умножал их стойкость. Посланный в тот день за продовольствием транспорт тоже не мог миновать противника. Невдалеке от села Кочумбетово, в районе устья реки Таловка при впадении ее в реку Камелик, на транспорт с отрядом сопровождения напал со стороны села Перелюб казачий конный полк и окружил его. На помощь был поднят весь Балашовский полк, но и он там вел бой дольше, чем можно было ожидать. Полки оказались разобщенными. Оставлять их в таком положении было нельзя, и Чапаев приказал отвести Пензенский полк в Харитоновку.

О крайне тяжелой обстановке Николаевской дивизии, сложившейся 16 октября, в тот же день было подробно сообщено штабу армии в двух донесениях. Сообщалось, что бои идут непрерывно четвертые сутки, силы противника превышают в пять раз. Необходима срочная помощь броневиком, орудиями, пулеметами. Но, как и прежде, вместо срочной помощи, появилась холодная резолюция командарма: «Наштарму. Выяснить положение, в случае необходимости выслать

Малоузенский полк». Исполнявший обязанности начальника штаба Лазаревич в свою очередь адресовал оперативному дежурному: «Прошу выяснить истинное положение отряда и доложить». Невольно возникают вопросы: что в положении дивизии было неясного и требовало выяснения? Какие имелись основания ставить под сомнение поступающие два раза в сутки донесения за двумя-тремя подписями, в том числе и обязательно комиссара штаба или комиссара дивизии?

Сомневаться в осведомленности командования невозможно, так как командармом и его штабом для оказания помощи Николаевской дивизии были «отданы» десятки приказаний и распоряжений. Но если это так, то почему в течение 17 суток не оказывалась помощь и не была оказана вообще? Почему и по чьей вине ни один приказ и ни одно распоряжение об оказании помощи не были выполнены?[357]

В приказе командарма по армии № 02 того же 16 октября требовалось: «Отряду Чапаева выдвинуться к вечеру 16 октября на линию Игумнов, Умет Переметный, имея дальнейшей задачей перерезать дорогу на Уральск вдоль реки Чаган на участке Новоозерный, Красный»[358].

На следующий день Чапаев сообщил, что находится в кольце, силы противника по сравнению с отрядом огромны — до 10 полков. Противник все больше наседает. «Решили все умереть на месте, но не отступать», — писал он. На этом донесении есть резолюция В. В. Куйбышева, бывшего членом Реввоенсовета IV армии с 16 сентября (со времени организации наступления на Самару) до 31 октября: «Отдать приказ о выступлении Малоузенского полка согласно распоряжения». А ниже и сутками позже другая резолюция: «Воздержаться. Лазаревич»[359].

Эти сутки проходили в ожесточенных схватках с противником, наседавшим на Николаевскую дивизию со всех сторон. 18 октября с севера неприятель захватил сырт (высоту) со стороны хутора Тепловский и с востока — Ишимбаево, с юго-востока — хутор Бруслянский на реке Солдатка. Артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь не затихал ни днем, ни ночью. Особенно сильное давление противник оказывал с юго-востока, со стороны хутора Бенардак. Части дивизии отбивались, занимая Харитоновну, Верхнюю и Нижнюю Покровки. Настроение бойцов резко упало. Нужна была срочная поддержка людьми, вооружением, боеприпасами и продовольствием. Но на донесениях Чапаева стало только еще одной резолюцией больше: «Дать пополнение 500 человек с винтовками, 500 без винтовок», — и не указывался срок исполнения[360].

В труднейшей обстановке непрерывных боев и окружения,

отражая тяжелые удары противника, Василий Иванович видел невысокую боеспособность необученных крестьян и думал о необходимости боевой выучки и воспитания личного состава, о реальном для того времени и скорейшем пути повышения боеспособности дивизии. По этому поводу он обращался к народному комиссару по военным и морским делам с предложением и просьбой иметь при дивизии учебный полк, который мог бы ежедневно обучаться и являться хорошим резервом дивизии, а также служить примером стойкости в защите социалистической революции. «Вижу, — писал он, — большой недостаток в войсках революционного духа в воспитании». В подтверждение правильности предлагаемого сообщал, что его «учебная команда в 48 человек выбила 500 казаков, а 300 простых солдат выбить не могли… С полком же, — заверял он, — смело пойду на дивизию, но для этого нужны обучение военному искусству и революционное воспитание»[361].

19 октября противник, продолжая сжимать кольцо окружения Николаевской дивизии, овладел в тылу деревнями Уразаево и Кузебаево, но до наступления темноты Уразаево удалось отбить[362].В тот же день Чапаев телеграфировал, что бой продолжается, казачьи разъезды появляются в Новочерниговке, и потребовал ответить, будет ли дан броневик и подкрепление. «Иначе, — говорилось в телеграмме, — вынужден буду отступить и приеду в штаб IV армии»[363]. В ответ на это очень тревожное обращение врид наштарма В. С. Лазаревич поспешил сообщить, успокаивая Чапаева, что командарм приказал для усиления Николаевской дивизии передать один броневик из Уральской дивизии[364].

Чапаев на основании этого поставил задачу командиру запасного батальона в Николаевск о немедленном выступлении с батальоном в 800 человек[365]. Согласно телеграмме штаба армии он обратился к командованию Уральской дивизии с просьбой выслать на поддержку броневик[366].

На основании телеграммы штаба армии за № 1638 от 18 октября[367], в которой говорилось о подчинении конницы Уральской дивизии Чапаеву, Василий Иванович поставил об этом в известность командира 1-го Саратовского кавалерийского полка, сообщал о расположении полков Николаевской дивизии, занимавших Харитоновну, Верхнюю и Нижнюю Покровки. Предложил ему доложить о получении распоряжения начдиву Уральской и выступить на Новочерниговку, где находился телеграф Николаевской дивизии[368].

Всю ночь с 19 на 20 октября шел бой. 20 октября противник вновь овладел Уразаевом, занял хутор Шмидт и село Солянка,

южнее Покровки, перерезал связь между Нижней Покровкой и Новочерниговкой. Линия от Новочерниговки до Боброва Гая также была перерезана. Телеграфная связь со штабом армии прекратилась. Радиостанция Уральской дивизии, находившаяся в Алтате, на связь с Николаевской дивизией не выходила. Двое суток бились воины дивизии, отрезанные от всех и не имея связи со штабом армии[369]. Чапаев пытался связаться с 1-м Саратовским кавалерийским и 4-м Малоузенским полками помимо штаба армии для согласованных действий с ними[370], но безуспешно. Помощи по-прежнему не было.

Силы дивизии убывали, но малочисленные и слабо вооруженные ее полки продолжали стойко защищаться. Они в свое время создавались из добровольческих отрядов Красной гвардии, в которые вступали рабочие ж передовая часть беднейшего крестьянства. Теперь лучшие из них стали коммунистами. В Пензенском полку имелось 320 и в Балашовском — 250 членов партии. При всех недостатках партийно-политической работы в сложившихся условиях, при малочисленности политработников, среди которых политкомиссаров было всего 7 человек, они и командиры во главе с беззаветно храбрым коммунистом и трезво мыслящим военачальником, каким был В. И. Чапаев, умело управляли красноармейскими массами[371].

В обстановке окружения и изоляции 21 октября в Верхней Покровке состоялось дивизионное собрание представителей рот, эскадронов, батарей и команд, на котором присутствовали коммунисты, командиры и комиссары всех полков и командир бригады Потапов. С коротким докладом выступил Василий Иванович, который доложил, что согласованные действия со штабом армии невозможны. Связь потеряна. Но штаб и до этого не интересовался положением дивизии и не оказывал ей помощи. Дивизии не дают вооружения, боеприпасов, автомашин и продовольствия, не говоря уже о жалованье личному составу. В частях падает дисциплина, особенно во вновь сформированном кавалерийском полку. При отходе из Талового 40 человек дезертировало. В Верхней Покровке дезертирство повторилось. Выход из создавшегося положения мог быть только в одном — в наступлении. И Василий Иванович предложил наступать. Необходимость наступления диктовалась и потребностью в хлебе, который можно было достать в селах и на хуторе Бенардак, где имелись мельницы, хлебопекарня и запасы зерна. В заключение он призвал всемерно крепить товарищескую дисциплину, ибо только она могла спасти дивизию в создавшемся положении, и просил высказываться по затронутым вопросам.

Секретарем собрания врид начальника штаба Гагаевым были оглашены телеграммы Чапаева в штаб армии о состоянии дивизии и с просьбами о помощи, которые начистоту объясняли людям причины их бедственного положения. По докладу выступило 6 человек. Руководитель парторганизации Пензенского полка Вевер заявил: «Выслушав доклад тов. Чапаева, пришел к заключению, что тов. Чапаев выше всяких похвал». Петр Исаев отметил преданность Чапаева делу революции, его большую организаторскую работу по созданию частей Красной Армии, его борьбу с саботажниками, которые имеются всюду, в том числе и в штабе армии. Его больно задевает слово «анархист», которым называют Чапаева те, которые сами мало что делают.

Петр Семенович Исаев — начальник связи бригады, порученец В. И. Чапаева (в фильме «Чапаев» показан как ординарец Петька).

Комиссар штаба дивизии Базанов подчеркнул, что все требования Чапаева к штабу армии справедливы. Хотя в штабе

армии Чапаеву мало доверяют, но «мы, видя всю деятельность Чапаева, можем выразить ему полное доверие». На собрании было принято решение, направленное на укрепление дисциплины и повышение боеспособности дивизии[372].

Положение войск на другом участке фронта несколько менялось. В приказе по IV армии № 03 от 19 октября говорилось следующее: «Вследствие изменившихся условий наступление в направлении от Самары на Бузулук возложено на I армию, правофланговые части которой занимают Пешково, Богатое. Частям IV армии продолжать наступление на Уральск и обеспечить наступление правого фланга I армии, для чего:

1. Самарской дивизии с утра 20 октября перейти в наступление и к вечеру 23 октября занять линию Ефремовна, Антоновка, Несмеяновка, Каралыцкий Умет, имея бригаду дивизионного резерва в районе Морша, Пестравский Выселок. Конницей оказать содействие Николаевской дивизии, выдвинув ее в район Украинка, М. Черниговка.

2. 4-й Малоузенский полк придается временно Николаевской дивизии.

3. Николаевской дивизии, вместе с 4-м Малоузенским полком, удержаться на линии Перелюб, Кочумбетово.

4. Уральской дивизии продолжать энергичное наступление на Уральск и к 23 октября занять Переметное. Обеспечить свой правый фланг занятием форпоста Чижинского 1-го.

5. Отряду Гербе (Гербе вступил в командование после гибели Винермана. — *Авт.*) удерживать занимаемое положение, обеспечивая правый фланг армии»[373].

Как видно из приказа, на оренбургском направлении теперь наступала I армия. Части ее правофланговой 24-й дивизии занимали на линии железной дороги станцию Богатое. Частям же IV армии приказывалось продолжать наступление на Уральск и обеспечить наступление правого фланга I армии. Следовательно, освобождавшуюся с оренбургского направления наиболее сильную и боеспособную Самарскую дивизию необходимо было направить на выполнение главной задачи IV армии, на Уральск, тем более, что там не было успеха. Частью же сил обеспечить правый фланг I армии.

Однако части Самарской дивизии направлялись не на Уральск, а в район Большой Глушицы. Кроме находившегося там 4-го Малоузенского полка, по приказу начдива № 20 от 20 октября туда выступила 3-я бригада и кавалерийский полк для «дальнейшего преследования и полнейшего поражения противника»[374]. За ними следовала 2-я бригада, составлявшая резерв дивизии.

Прибыв в район расположения, 22 октября части заняли пункты строго согласно приказу, в котором указывалось, что «всякое запоздание и упущение влечет за собой предание виновных революционному суду». Кавалерийский полк занял село Морша, Интернациональный полк — Ореховку, 5-й Краснокутский — Несмеяновку, 1-й Саратовский стрелковый полк — Каралыцкий Умет[375].

Но так как на этом направлении противника, за исключением разъездов 13-го Оренбургского казачьего полка, действовавшего против Николаевской дивизии[376], не было, приказом начдива № 21 от 22 октября части возвращались к Бузулуку. Приказ был доведен до командиров частей с опозданием (кроме командира 1-й бригады) от 3 до 5 суток. Вследствие этого 2-я бригада продолжала движение к Большой Глушице. Воины шли по раскисшим дорогам полураздетые и почти босые. Когда же, пройдя до 100 километров на юг, они узнали о приказе, требовавшем возвращения обратно, пришли в негодование, потребовали шинели и обувь. В книге «Разгром уральской белой казачьей армии» И. С. Кутякова, который был в то время командиром 1-й бригады Самарской дивизии, говорится: «… Посредственный шахматный игрок более внимательно относится к перестановке фигур, чем начдив тов. Захаров — к переброске целых бригад с одного фланга на другой, да еще при наличии грязных осенних дорог»[377].

О нецелесообразности направления войск в район Большой Глушицы, куда первоначально намечалось направить и Вольскую дивизию, В. И. Чапаев сообщал, указывая, что противника там быть не может. Против него же, писал он, действуют силы врага, численно превосходящие в 5 раз. Приходится отбивать до 5 атак в день. Имеются большие потери. Две недели он ежедневно просит помощи, но не прислали ни одного солдата[378].

Полки 1-й бригады Самарской дивизии, вовремя приостановленные от выступления на Большую Глушицу, продолжали наступление на Бузулук. Шли они одними дорогами с частями 24-й дивизии I армии. Так, командир 1-й бригады Кутяков 23 октября, встретившись на станции Неприк с командиром 2-й бригады 24-й дивизии А. И. Седякиным для согласования действий, сообщил, что ему приказано овладеть селом Б. Алдарка. Седякин ответил, что он его уже занял без боя[379]. В район Бузулука отходили остатки учредиловской армии силами, равными одному полку, и те оставили Бузулук за сутки до прихода наших частей[380]. Утром 26 октября тот же комбриг Седякин шутливо сообщил, что он с ординарцем без боя занял Бузулук, захватил трофеи, в том числе бронированную

площадку с паровозом[381]. Самарская дивизия, таким образом, двигалась на Бузулук бесцельно, в то время как она крайне нужна была на Уральском направлении для выполнения задачи IV армии согласно приказу № 03 и для помощи Николаевской дивизии, через которую лежал бы ее кратчайший путь.

Нецелесообразное использование Самарской дивизии на оренбургском направлении, в хвосте правофланговых частей I армии, было очевидным. В телеграмме от 26 октября командующий войсками Восточного фронта С. С. Каменев запрашивал командарма-IV: «Какие меры приняты к улучшению положения Николаевской дивизии, а также правильно ли я понимаю, что на Бузулук идут ваши части и части I армии? Если это так, то полагаю более полезным ваши части, следующие за частями I армии, использовать для улучшения положения вашего фронта, так как, по разведывательным сводкам, все же имеются против вас значительные силы противника»[382]. Но и после этого предложения ничего не изменилось, и положение Николаевской дивизии не улучшилось.

С восстановлением связи 22 октября через промежуточную радиостанцию в Алтата Чапаев доложил о причинах ее отсутствия, о состоянии частей, находившихся в окружении, о непрерывных атаках противника, о перехвате им транспортов с продовольствием и фуражом. После объезда полков, сообщал он, настроение воинов несколько поднялось, но положение крайне тяжелое. Для расширения кольца окружения было предпринято наступление в юго-восточном направлении на Колокольцовку, что в 10 километрах южнее Кочумбетова. Из Колокольцовки противника удалось выбить. Занят также хутор Чилижный, в 5 километрах юго-западнее Нижней Покровки. Противник в свою очередь, подтянув еще два полка, нанес удар с восточной стороны от Ишимбаева на Харитоновку. В итоге боя все полки дивизии вынуждены были отойти в район Нижней Покровки[383].

Положение дивизии осложнилось до предела, но и на этот раз требования о помощи не возымели действия. Вместо нее Чапаеву передали приказание: «Дальнейшего отхода не допускаю (хотя отступать и без этого приказа было некуда, все полки были окружены в районе одного села. — *Авт.*). Приказываю вместе с временно приданным вам 4 Малоузенским полком выполнить поставленную вам приказом № 03 задачу и к вечеру 23 октября занять линию Перелюб, Кочумбетово для дальнейших действий в полосе Перелюб, Игумнов, Новоозерный и с юга Кочумбетово, Таловый, Красный с целью перерезать сообщение между Бузулуком и Уральском по дороге, идущей вдоль р. Чаган. Требую самых энергичных действий. Задача должна быть выполнена

точно к указанному сроку, после чего безостановочно продвигаться вперед, для занятия следующих рубежей: Игумнов, Таловый»[384].

На это распоряжение командарма Василий Иванович резонно ответил, что указанной линии к 23 октября занять не может и считает распоряжение неразумным, так как штаб армии не знает, где находится 4-й Малоузенский полк, который в Николаевскую дивизию не прибыл. «Может быть, 4-й Малоузенский полк так же „быстро“ подойдет ко мне, — писал он, — как уральская конница и бронированный автомобиль?» Указал, что подобные распоряжения могут отдаваться людьми, стоящими не в курсе своего дела. Требовал не деморализовать его отряд обещаниями, а дать пополнение. Выполнять же задачу будет по прибытии упомянутого полка[385].

Прошел месяц после того, как наспех созданная, несформированная и неукомплектованная Николаевская дивизия стала действующим соединением войск IV армии, месяц ведения ею непрерывных ожесточенных боев и бесплодной переписки со штабом армии об укомплектовании и требовании помощи. Чапаев, доведенный до крайнего предела терпения, послал командарму, Реввоенсовету IV армии и начальникам дивизий радиограмму следующего содержания: «Доношу, что противник занял в тылу с обходной стороны с. Новочерниговка… Находимся в кольце. Сообщение с тылом все порвано. Прошу прекратить всю доставку — все, что будет доставляться из тыла, перехватывают казаки. Спасти положение можно только добавкой полков и пробиться к нам. Настроение солдат ужасное.

Жду два дня. Если не придет подкрепление, буду пробиваться в тыл. До такого положения дивизию довел штаб 4 армии, получавший ежедневно по две телеграммы с требованием помощи, и до сего времени нет ни одного солдата. Я сомневаюсь, нет ли той закваски в штабе 4 армии в связи с Бурениным на два миллиона.

Прошу обратить внимание всем начальникам дивизии и революционным советам, если вам дорога товарищеская кровь, напрасно ее не проливайте. Я обманут мерзавцем командармом 4 армии, который мне сообщил, что идет ко мне подкрепление — вся конница Уральской дивизии и бронированный автомобиль, и 4-й Малоузенский полк, с которым мне дан приказ наступать на с. Перелюб 23 октября, но я не только не мог выполнить задачу с Малоузенским полком, но до сего времени не знаю, где он находится. Стою в Нижней Покровке, со всех сторон окружен казаками. Кузебаева занимают казаки, Новочерниговку тоже. С тыла, со станции Ершов, двигалась какая-то рота в количестве 90

человек с 5 пулеметами, одним орудием, которая не знаю куда делась — или забрали казаки, или отступила назад. Из Николаевска были посланы 4 автомобиля, которые тоже, наверно, попали в руки казакам. В Клинцовке находятся пять орудий, прошу спасти их»[386].

Но радиограмма даже и такого содержания ничего не изменила, а дала возможность командарму Хвесину использовать ее против Чапаева. Продолжалась переписка. Начдиву Самарской 24 октября было приказано «немедленно» направить сильный конный разъезд от кавалерийского полка дивизии из деревни Морша, но маршруту 4-го Малоузенского полка, выступившего из Большой Глушицы на помощь Николаевской дивизии. Задача разъезда — найти 4-й Малоузенский полк и передать ему приказание: прорвать сеть разъездов противника и присоединиться к Николаевской дивизии, которая, по мнению командования, к тому времени предположительно находилась в районе Ишимбаево, Ивановский, Волчанский, Бруслянский. Дивизии с 4-м Малоузенским полком занять и удерживать фронт от Талового до Бруслянского и установить связь с Уральской дивизией[387].

Из приказания видно, что в штабе армии, несмотря на донесения, не знали о местонахождении Николаевской дивизии. Читая приказание Малоузенскому полку «присоединиться к Николаевской дивизии», можно предположить, что полк выступил, не получив этой задачи, а поэтому неизвестно куда и зачем направился. В приказании также подчеркивалось, что дивизия окружена сетью разъездов, а не войсками противника, и следует понимать, что она не предпринимает необходимых действий. На следующий день, в дополнение к этому приказанию, требовалось выслать конные разъезды на поиски Малоузенского полка уже по трем направлениям[388]. Еще через сутки приказывалось «срочно» донести: передано ли распоряжение кавалерийскому полку о розыске 4-го Малоузенского полка[389].

Неизвестно, сколько бы продолжалась переписка о поисках «пропавшего» полка, если бы 29 октября в штаб армии не прибыл представитель этого полка и доложил, что полк по-прежнему стоит в Большой Глушице и ждет, какие ему будут даны распоряжения. Приказаний через Самарскую дивизию он не получал[390].

Но даже и после этого 4-й Малоузенский полк на помощь Николаевской дивизии не был направлен. Продолжались «требования» к начальнику Уральской дивизии немедленно выслать от Верхней Солянки на Волчанский, Краюшкин, Новочерниговку 1-й Саратовский кавалерийский полк, которому

войти в связь с Николаевской дивизией и поддержать ее[391]. Затем из штаба армии запрашивался штаб Уральской дивизии о следующем: телеграммой № 0115 сообщалось о занятии 23 октября в 19 часов 1-м Саратовским кавполком Верхней Солянки. Телеграммой № 0133 доносится, что 1-й и 2-й Саратовские кавполки 25 октября в 20 часов расположены в селении Дергачи (т. е. в 120 километрах у себя в тылу. — *Авт.*) «Прошу донести причины передвижения Саратовских кавполков из Верхней Солянки в Дергачи»[392].

Тем временем события на фронте Николаевской дивизии продолжали развиваться своим чередом. Начальник телеграфного отдела штаба IV армии, находившийся в Корнеевке, 24 октября передал начальнику связи армии следующее: «Сообщаю, что еще в ночь на 24 октября потерял связь со штабом Николаевской дивизии (провода перерезаны, и, как видно, дивизия окружена). Идет сильный артиллерийский бой. Депеши, исходящие из штаба армии, в дивизию не попадают. Высылал небольшую разведку, которая, заметив сильные разъезды (противника), вернулась обратно»[393].

Начальник оперативной части штаба Николаевской дивизии Чеков 25 октября, сообщив о местонахождении Николаевской дивизии в Нижней Покровке[394], передал для командира Сердобского полка в Озинки следующую радиограмму: «Выходите со ст. Озинки вдоль р. Камышлак, на Муравли, хут. Попов, на Петраки, с Петраков на Новочерниговку. Проводников выслать не могу. Посылал целый батальон, который был встречен противником большими силами. Батальон был вынужден вернуться обратно. При движении запасайтесь в большом количестве снарядами и патронами»[395]. Одновременно просил начальника артиллерийского парка Туркина присоединить пополнение, присланное из Николаевска, к Сердобскому полку. Вооружить всех, если есть оружие, и дать им большой запас патронов[396].

Однако там, где сила не брала, выручали смелость и находчивость. На другой же день в Озинки Чеков сообщил, что проводником для встречи Сердобского полка и пополнения послан из Нижней Покровки Антон Золотов с группой товарищей[397]. Тем временем дивизия, не теряя надежды на помощь, с утра 25 октября предприняла попытку прорвать кольцо окружения в направлении хутора Чилижный с целью выхода кавалерийского полка в Солянку и установления им связи с 1-м Саратовским кавполком. Но после того как кавполком имени Гарибальди был пройден хутор Чилижный, противник повел атаку со стороны хутора Павловский силою до четырех

полков. Казаки были встречены организованным ружейно-пулеметным огнем батальона с места и артиллерийским огнем батареи, бившей прямой наводкой. Атака была отбита. Однако, стремясь не допустить выхода из окружения, противник снова атаковал. Положение было спасено подошедшим вторым батальоном, с которым прибыл и Василий Иванович. После этого, подтянув и организовав силы, противник в третий раз атаковал батальоны и кавалерийский полк. Завязался ожесточенный бой, переходивший в рукопашные схватки и длившийся около часа. Оставив более 300 человек убитыми и ранеными, противник отступил, но и наши, видя его твердое намерение не выпустить из окружения, идти снова на прорыв не решились[398]. В тот же день в штаб армии радировалось: «Едим вареную пшеницу, хлеба нет».

Командарм-IV и его штаб о положении Николаевской дивизии в штаб фронта не доносили. Но по приказанию главкома от 26 октября им пришлось это сделать[399]. На другой день на имя командарма из штаба фронта пришла телеграмма следующего содержания: «Вчера ваши сводки говорили о сложном положении Николаевской дивизии, якобы окруженной казачьими разъездами. В сводке же к 24 часам говорится глухо, что изменений в положении на фронте армии не наступило. Реввоенсовет считает, что такое донесение совершенно неудовлетворительно, так как не представляется возможным судить, что делается в Николаевской дивизии (означается ли она окруженной) и какие меры вами приняты для облегчения этой дивизии»[400].

Ответ главкому (копия Чапаеву) 27 октября был следующим: «На поддержку Николаевской дивизии направлен Малоузенский полк от Большой Глушицы через Грачев Куст в район Ивановский, Холманка (не прямым путем, составлявшим 100 километров, а в обход с северо-запада, на 150 километров, с целью избежать встречи с так называемыми „разъездами“ противника, а на деле — оттянуть время оказания помощи. — *Авт.*). Отправляется 1-й Саратовский кавполк из Уральской дивизии от Верхней Солянки на Волчанский, Черниговку (кавалерийский и Малоузенский полки, как увидим дальше, направлены не были. — *Авт.*). Из Покровска (за 400 километров. — *Авт.*) направлено пополнение вооруженных 800 человек, из Николаевска — 600 человек с частью вооружения (также не были высланы. — *Авт.*). Отдается распоряжение о направлении бригады Самарской дивизии из района Алексеевка, Ореховка, Ильчевка на Игумнов, Умет Переметный»[401]. Таким образом, это донесение в большей своей части не соответствовало действительности. Ни одна воинская часть, кроме запоздавшего пополнения, на помощь дивизии не

высылалась и не пришла. В этот же день, 27 октября, происходил следующий разговор оперативного дежурного штаба IV армии по прямому проводу с комиссаром телеграфа станции Рукополь:

— Пригласите комиссара к аппарату. Просит дежурный по полевому управлению штаба армии.

— Комиссар телеграфа здесь, у аппарата.

— Имеете ли вы связь с Николаевской дивизией (отрядом Чапаева)?

— Не имеем. Направляем депеши на Николаевск.

— Не имеется ли у вас о ней каких-либо сведений?

— Были одни сведения № 194/бс. У вас читали его? Если нет, могу дать его.

— Прошу.

— «Штарм из 2-й Николаевской дивизии, 27 октября, 8 час. 40 мин. Штаб IV армии. Политический отдел. Товарищи, помощь нужна. Нет никакой возможности. Невозможно установить связь со штабом дивизии. Здесь нет ни одного вооруженного человека. Дивизия у противника, положение безвыходное. В хуторе беспрерывно слышен сильный артиллерийский бой по направлению Горюнова. Спасите храброго, верного командира тов. Чапаева. Он дороже золота. В тылу, за малым исключением, растерянность. Транспорт задерживается в Любицком за неимением прикрытия, никакого подкрепления пока не прибыло. Шлите броневики. Замечены шпионы. Политком (Николаевской дивизии) Стаувер». Больше никаких сведений не имеем.

— Не поступали ли к вам какие-либо телеграммы из частей отряда Чапаева?

— Еще никаких телеграмм не поступало. Если поступят, то они вне очереди будут направляться вам.

— Хорошо[402].

Василий Иванович продолжал отбиваться от наседавшего со всех сторон противника с измученными до предела и голодными людьми. В двух других дивизиях армии в это время происходили внутренние неурядицы, вызванные недовольством бойцов. Для ликвидации инцидента во 2-й бригаде Самарской дивизии, вызванного необдуманными ее передвижениями, командарм приказал начальнику дивизии Захарову с комиссаром Семенниковым отправиться в ее полки[403]. Неблагополучно было и в Уральской дивизии. Требовалось вмешательство старшего командования. Военный совет армии предложил выехать в дивизию командарму Хвесину. Но тот, свободно распоряжавшийся жизнями других, потребовал обеспечить безопасность своей личности[404]. Однако выехать пришлось, правда, он не проследовал дальше ст. Озинки, не переступая

границ Уральской области и держась вдалеке от своих собственных войск.

В радиограмме штаба армии Чапаеву 28 октября говорилось: «Сообщите ваше положение. Подошел ли к вам 4-й Малоузенский полк и 1-й Саратовский кавалерийский? Прибыло ли пополнение? Сегодня из Покровска в Уральскую дивизию выехал командарм Хвесин, установите с ним связь»[405]. На это Василий Иванович ответил, что положение Николаевской дивизии критическое, указанные полки не пришли, пополнений нет[406].

Настойчиво добиваясь поддержки слабым измученным частям, Чапаев думал и о возможных последствиях для соседней Уральской дивизии, если противник обрушит высвободившиеся от Николаевской дивизии силы против нее. Поэтому продолжал держаться до последней возможности, приковав, таким образом, эти силы к себе.

Об этом он доносил 28 октября в Уральскую дивизию командарму на станцию Озинки: «Доношу, что из-за неподхода подкреплений держаться более нет сил. 30 октября в 6 часов утра открываю фронт на ст. Алтата, что может быть катастрофой для Уральской дивизии»[407].

Каковы же были представления соседей о положении не имевшей выхода из кольца окружения и бедствовавшей Николаевской дивизии и какова была помощь с их стороны, можно судить по следующей радиограмме начдива и комиссара Уральской дивизии от 30 октября: «Прошу срочно приступить к разгрузке станции Озинки, ибо масса груза, предназначенного в вашу дивизию, третий день стоит без разгрузки… Высылайте приемщиков, транспорт на станции Семиглавый Мар и Озинки»[408].

Выслать приемщиков Чапаев не мог. Он строго учитывал остатки сил и возможностей. Это видно из его приказов. В приказе № 23 от 28 октября 1918 г. записано: «Мною замечено, что командиры полков не знают численного состава вверенных им полков, количества имеющегося у них вооружения, боеприпасов, лошадей и продуктов. Представленные в штаб дивизии сведения резко разнятся в итогах, хотя представляются на одно число. За такое халатное отношение к делу объявляю на первый раз строгий выговор…»[409] В приказе № 24 от 30 октября требовалось: «Для точного выяснения личного состава полков… командирам полков немедленно образовать комиссии из трех человек, в которые должны войти два человека из состава батальонов и один из штаба полка. Комиссиям точно выяснить списочный и наличный состав полков и сообразно с этим правильность получаемых ими продуктов»[410].

Получив радиограмму Чапаева о намерении с утра 30 октября прорываться из окружения, находившийся на станции Озинки командарм 29 октября отдал начдиву Уральской следующее распоряжение: «Предписываю отправить из Верхней Солянки завтра, 30 октября, на рассвете пополнение 805 человек и 1-й Новоузенский полк в распоряжение товарища Чапаева. Требую категорически исполнения сего приказа без оговорок. Об исполнении донести»[411].

Однако распоряжение с «категорическим» требованием исполнения было отправлено начдиву Уральской только в 18 часов 40 минут 30 октября. Следовательно, никакой поддержки к утру 30 октября быть не могло, и удары противника при прорыве Чапаеву предстояло выдержать своими силами. В тот же день, 29 октября, Василий Иванович донес, что может держаться не более двух дней[412]. На радиограмму командарма от 30 октября за № 37 с требованием сообщить о положении частей и получен ли в подкрепление Малоузенский полк Чапаев долее: «Подкрепления никакого до сего времени не получено, 4-й Малоузенский полк стоит в Б. Глушице, формирует Самарскую бригаду. 1-й Новоузенский полк неизвестно где. 805 человек пополнения не прибыло. Настроение солдат в Николаевской дивизии ужасное, в Балашовском полку было восстание против командного состава. Подстрекателей удалось выявить. 10 человек расстреляно. Связь восстановить не удается. Казаки в тылу. 31 октября выступаю из села Нижняя Покровка (она же Ивановка) пробивать кольцо противника. Как удастся и в какую сторону, не известно»[413].

Малоузенский полк не высылался, а был привлечен для наведения порядка во 2-й бригаде Самарской дивизии.

В связи с изменением времени выхода Николаевской дивизии из окружения, которое вначале намечалось на 6 часов 30 октября, а затем перенесено более чем на полтора суток, распоряжение командарма начдиву Уральской об оказании помощи Чапаеву успело дойти, несмотря на задержку. На основании его и распоряжения от 25 октября о помощи конницей 1-му Саратовскому кавалерийскому и 1-му Новоузенскому полкам, находившимся всего в 20–30 километрах от Николаевской дивизии, Чапаевым были поставлены боевые задачи. В приказе дивизии на прорыв говорилось:

Кавалерийскому полку имени Гарибальди в 14 часов выступить в дер. Акурова, с батареей, откуда бить ею во фланг противника; кавалерии перерезать путь отступления из Верхней Покровки, выслать дозор на сырт севернее дер. Акурова, чтобы противник не мог ударить с тыла.

Далее указывалось, что Балашовскому полку в 14.30 двумя

батальонами наступать в восточном направлении, на Верхнюю Покровку. Один батальон оставить в резерве. С занятием Верхней Покровки продвигаться на Харитоновну, где и остановиться.

Пензенскому полку без батальона одновременно с Балашовским полком наступать на Колокольцовку, держать тесную связь с Балашовским полком. О занятии Колокольцовки и Озерков донести. 3-й батальон оставить в резерве, в Нижней Покровке, одну роту которого развернуть в направлении хутора Чилижный.

Эскадрону Балашовского полка следовать на правом фланге Пензенского полка.

1-му Саратовскому кавполку в 14 часов выступить на хутор Бенардак, при занятии которого связаться с Пензенским полком. Исполнение донести.

1-му Новоузенскому полку, оставаясь в Малаховке, одним батальоном содействовать Саратовскому кавалерийскому полку в овладении хутором Бенардак, с занятием которого закрепиться (схема 8)[414].

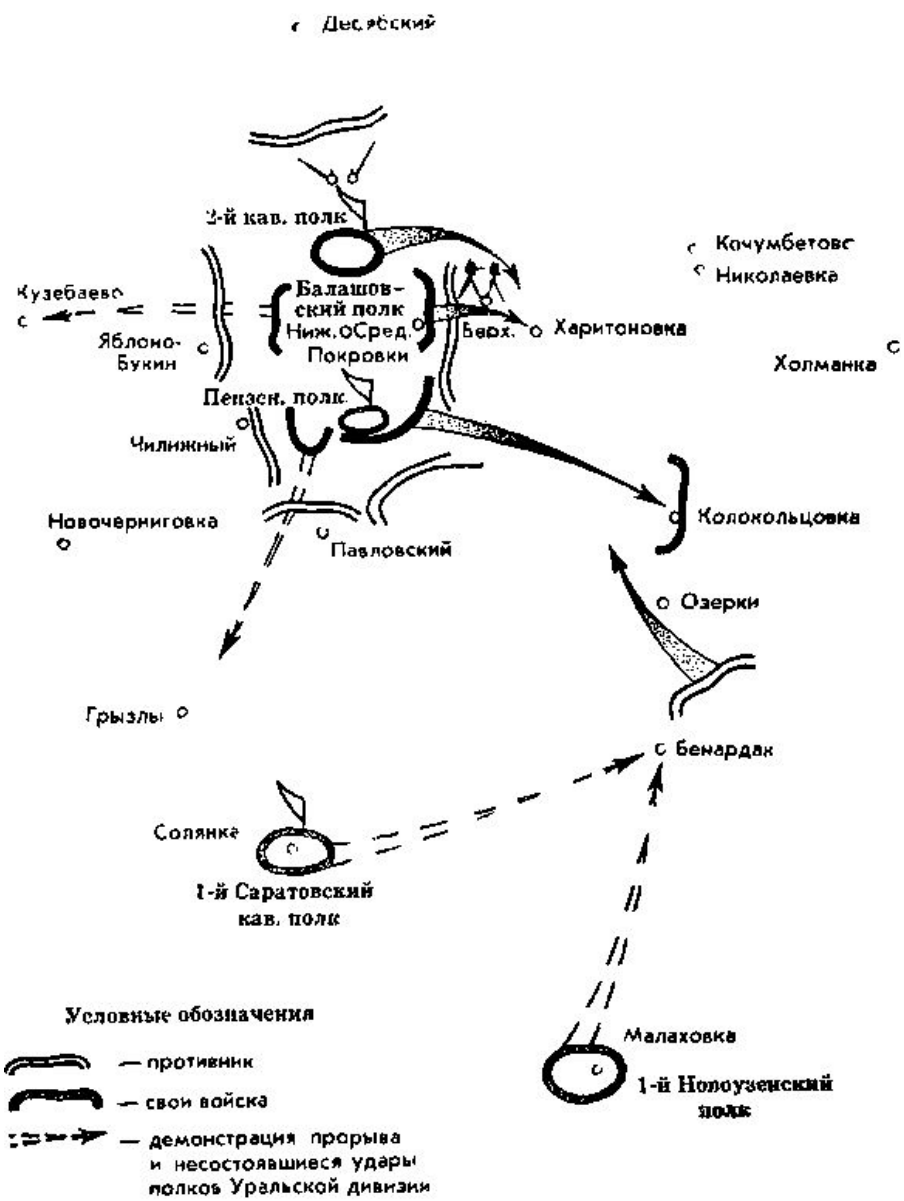


Схема 8. Прорыв из окружения Николаевской дивизии 31.X.-I.XI.1918 г.

В распоряжении командиру батальона Пензенского полка, оставленного в Нижней Покровке в качестве резерва, указывалось: «По приказанию начдива сейчас же одну роту оставьте для прикрытия со стороны Новочерниговки, а остальных — в конец Средней Покровки, где занимал позицию Пензенский полк. Наблюдать за противником, чтобы не зашел в тыл нашим частям на переходе к Верхней Покровке»[415]. План выхода из

окружения продуман был Чапаевым, как видим, до деталей. Но Хвесин сделал очередной ход не в пользу Николаевской дивизии. В самый последний момент он отменил свое распоряжение о направлении 1-го Новоузенского полка в распоряжение Чапаева и даже не поставил последнего об этом в известность. Начдиву Уральской дивизии он приказал: «Во изменение отданного мною распоряжения об отправке в Николаевскую дивизию 1-го Новоузенского полка предписываю означенный полк оставить в составе вверенной вам дивизии»[416].

Части Николаевской дивизии выступили для прорыва из окружения согласно приказу 31 октября во второй половине дня и завязали бой. В донесении сообщалось, что дивизия перешла в решительное наступление. Противник стоял упорно, но со своих позиций сбит. Потери с его стороны значительны, с нашей, ввиду наступления темноты, не выяснены, но небольшие. Несколько раз сходились в рукопашных схватках. Бой продолжается. Перевес на нашей стороне[417]. Продвижение дивизии шло успешно, но противник начал обходить части правого фланга, южнее Колокольцовки, для нанесения удара. Там же, в 12–15 километрах южнее Колокольцовки, оставались на месте 1-й Саратовский кавалерийский и 1-й Новоузенский полки и бездействовали. Это было равносильно предательству. Дивизия, рассчитывавшая на их удар справа, теперь оказалась в тяжелом положении.

Чапаев, не зная об отмене командармом распоряжения о поддержке Новоузенским полком, сообщал ему о ходе прорыва и о том, что начдив Уральской не выполняет распоряжения: 1-й Новоузенский полк стоит на месте и не предпринимает никаких действий против неприятеля. «Требую, — настаивал он, — немедленного участия в бою 1-го Новоузенского полка. Задача означенному полку — занять хутор Бенардак»[418].

Комиссар дивизии В. А. Стаувер обратился в политический отдел армии: «Немедленно сообщите, на каком основании 1-й Новоузенский полк совершенно неожиданно, в самый критический момент всей Николаевской дивизии, без всякого предупреждения снова остался в распоряжении Уральской дивизии»[419]. По требованию политотдела штаб армии, не будучи в курсе дела, «разъяснил», что Новоузенский полк никогда в распоряжение начдива Николаевской не передавался[420].

Так, командарм Хвесин и его штаб, лишавшие Николаевскую дивизию всякой поддержки на протяжении всех ее боевых действий, поставил ее под удар и в последний, решающий момент. 1 ноября части дивизии овладели Харитоновкой и Колокольцовкой. В итоге 8-часового боя, переходившего пять раз в рукопашные схватки, противник отступил, потеряв до 400

человек и 300 лошадей. Преследовать противника не представилось возможным из-за отсутствия боеприпасов и пополнения[421]. 2 ноября полки заняли Харитоновку, Колокольцовку и Верхнюю Покровку. Штаб дивизии оставался в Нижней Покровке. На донесении об этом начальник штаба армии А. А. Балтийский 3 ноября написал:

«1. Потребовать схему расположения отряда до роты включительно.

2. Потребовать подробный доклад, как удалось освободиться от окружения и кому принадлежит слава этого деяния»[422].

Резолюция примечательна тем, что командование армии было в изумлении: как все-таки удалось дивизии вырваться из окружения без оказания помощи? На требование штаба армии исполняющий обязанности начальника штаба Николаевской дивизии С. М. Гагаев ответил, что подготовка выхода из окружения была проведена начдивом Чапаевым и весь план разработан им лично. Всей операцией руководил лично Чапаев, ему и принадлежит слава этого деяния[423].

В продолжение переписки о помощи из штаба армии Чапаева 1 ноября запрашивали: «По донесению начдива Уральской утром 30 октября на поддержку вашей дивизии послано из Верхней Солянки 805 человек. Из Большой Глушицы направлен 4-й Малоузенский полк. Срочно донесите, прибыло ли подкрепление? Командарм приказал установить связь с левым флангом Уральской дивизии, расположение которой: 1-й Саратовский кавполк— в Верхней Солянке, 1-й Новоузенский полк направлен в Равнополь, что в 5 верстах южнее хут. Камышанский, Московско-Саратовский — хутор Меловое, что в 15 верстах юго-восточнее Верхней Солянки, 2-й Новоузенский полк — с. Красненькое, что в 10 верстах на север от станции Шипово»[424].

Эта телеграмма наштарма еще раз подтверждает, что армейским командованием даже в момент прорыва дивизии на помощь было направлено только пополнение, которое, кстати говоря, подошло на третий день после выхода из окружения в количестве 720 человек. Многочисленная переписка, длившаяся более трех недель: приказы, распоряжения и сообщения командарма и его штаба — о помощи Николаевской дивизии — есть не что иное, как попытка создать видимость предпринимаемых мер.

2 ноября радиограммой из Николаевска, где через военкома стало известно об успешных действиях Николаевской дивизии в первый же день боя, Василий Иванович приглашался председателем горисполкома от имени комиссии на собрание, посвященное 1-й годовщине Великой Октябрьской

социалистической революции, в качестве почетного гостя[425].

Но совсем по другому поводу ждали Чапаева в штабе IV армии. Командарм Хвесин, видя, что Николаевская дивизия из окружения все-таки вырвется, срочно убыл в Самару в штаб IV армии и с утра 2 ноября в спешном порядке вынес на заседание военного совета армии вопрос о Чапаеве. В протоколе № 16 в пункте 4 значится: «Постановили: 4. Переносится на 2 ноября в 7 часов вечера, когда будут готовы материалы по его делу»[426]. К вечеру «материалы» были готовы. Главным козырем в них была радиограмма Чапаева. На заседании присутствовали Линдов, Хвесин, Берзин, член Реввоенсовета Республики Кобозев, Баранов, Эльтман. В протоколе № 17 от 2 ноября записано:

«Слушали: дело Чапаева.

Постановили: 1. Дисциплинарным порядком отстранить тов. Чапаева от должности и по имеющимся документам предать суду.

2. Отстранение поручить командарму-IV тов. Хвесину.

Примечание. При обсуждении вопроса о Чапаеве, принимая во внимание разложение Николаевской дивизии и IV армии вообще, товарищ Кобозев внес следующее предложение: ввиду возможного эксцесса при отстранении тов. Чапаева от должности, обратиться за содействием к тов. Троцкому, предложив ему временно вызвать тов. Чапаева к себе для доклада.

Тов. Берзин (вновь прибывший и назначенный политкомиссаром и членом Реввоенсовета IV армии с 31 октября 1918 года. — *Авт*.) указал, что общее мнение совета таково, что Чапаев — человек такой, который не подчиняется распоряжениям совета.

Тов. Хвесин: Я не могу работать в таком составе Военно-Революционного Совета и потому ухожу.

Председатель тов. Линдов: Все-таки Вы, как командарм и член Реввоенсовета, обязаны оставаться на заседании и уйти не должны.

Тов. Хвесин: Но я все-таки дальше в заседании Реввоенсовета участвовать не могу, ухожу.

Председатель: Заседание продолжается.

Тов. Хвесин ушел, а потом вернулся обратно.

Тов. Берзин предложил Хвесину повторить свои слова.

Тов. Хвесин, уже в другом тоне, продиктовал секретарю: „Я довожу до сведения Военно-Революционного Совета, что при создавшейся обстановке, при данном составе Военно-Революционного Совета работать не могу. Подаю сейчас рапорт командующему фронтом об отставке или скорейшем откомандировании меня из IV армии. В заседаниях Военно-Революционного Совета присутствую только по вопросам,

касающимся меня непосредственно, как командарма“.

Тов. Берзин заявляет, что это заявление тов. Хвесина не подходящее к первому его заявлению, и повторяет первое заявление тов. Хвесина: „Вы заявили, что Вы больше при таком составе Реввоенсовета оставаться не можете и потому уходите“.

Тов. Хвесин: Я предлагаю членам Реввоенсовета относиться к своим заявлениям осторожнее, и то, что здесь говорится тов. Берзиным, далеко неправильно. И я присутствую на заседании Реввоенсовета только тогда, когда это меня касается, как только командарма»[427].

Однако замечание присутствовавшего на заседании военного совета Кобозева о неприглядном состоянии всей IV армии, за что должен нести ответственность военный совет и прежде всего он, командарм Хвесин, заставило задуматься об авторитете командования армии не только в глазах Чапаева. Нельзя было не учитывать и то, что наспех организованная и слабая Николаевская дивизия не относилась к числу разложившихся, о ней было упомянуто из определенных соображений (чтобы не противопоставлять ее другим соединениям в пользу Чапаеву). На самом же деле дивизия показала себя в боях с самой лучшей стороны. Утративший выдержку Хвесин не захотел согласиться с доводами членов военного совета. Судьбу Чапаева он уже решил единолично и на военный совет вынес этот вопрос для соблюдения формальности. Еще до заседания военного совета адъютант Хвесина передал командиру Покровской бригады Дунаеву: «Реввоенсовет армии решил освободить тов. Чапаева от занимаемой должности начдива Николаевской. Командарм Вас назначает начальником Николаевской дивизии. Вам надлежит немедленно туда отправиться и принять командование дивизией. Примите все меры, чтобы это прошло без осложнений и инцидентов. По сдаче дивизии Чапаев должен быть направлен в распоряжение штаба армии в Самару. Политком Баранов выехал туда по этому делу, и Вы его встретите или в Покровском, или в дивизии». И далее добавил: «Тов. Дунаев, пожалуйста, когда приедете в дивизию, говорите по прямому проводу, чтобы командарм знал о ходе дела, порученного Вам».

Дунаев: «Хорошо. Завтра отъезжаю с первым отходящим поездом. Все будет исполнено».

После заседания военного совета адъютанту пришлось давать Дунаеву «отбой»: «Ввиду изменения решения тов. Чапаев остается на месте. Вам ехать туда не нужно. Все, что передавал по прямому проводу, теперь отменяется»[428].

Командарм отказался от армии, которая была ему и не по плечу. Реввоенсовет Восточного фронта телеграммой от 4 ноября

освободил Хвесина от командования IV армией[429].

С утра 3 ноября части Николаевской дивизии продолжали наступление. Во второй половине дня кавалерийский полк имени Гарибальди с боем занял хутор Бенардак. Противник, потеряв 50 человек убитыми, бросив 3 пулемета, 12 лошадей и мобилизованные им крестьянские подводы, в панике бежал в направлении села Таловое. В бою был ранен вновь назначенный командармом кавполка И. С. Долгушев. Во время этого боя Василию Ивановичу доложили о прибытии долгожданного пополнения и об установлении связи с 1-м Новоузенским полком[430]. К 7 часам 30 минутам 4 ноября полки дивизии с боем заняли Кочумбетово, Ишимбаево и Холманку. В 9 часов выступили вслед за разведкой, высланной в составе кавалерийского эскадрона, на Таловое. В 5 часов 20 минут 5 ноября ими с боем и без потерь взято Таловое. Противник оставил 1 пулемет, 6 лошадей и отступил на Васильевку и Климовское коллективное товарищество, что северо-восточнее села Таловое. С юга противник занимал Красные Талы, хутора Соколов и Цыганов; с западной стороны — урочища Большой и Малый Ивняк; с севера — хутор Дмитриевский, Умет Камеликский, делал набеги на тылы, не давая возможности продвигаться вперед[431].

Чапаев просил командарма обеспечить ему фланги, дать распоряжение Уральской дивизии занять урочище Малый Ивняк, гору Булакты Сай, выйти на р. Гаврилина, дать в его распоряжение полк для занятия хуторов Дмитриевский и Каменка[432]. В тот Же день, 5 ноября, он ориентировал командира 1-го Новоузенского полка, что Николаевская дивизия занимает Кочумбетово, Ишимбаево, хутора Канаевский и Бенардак, и предлагал занять Малаховку, откуда установить связь с кавполком имени Гарибальди и совместно с ним 6 ноября занять хутора Соколов и Цыганов. О согласии просил известить его. «По занятии указанных пунктов, — писал он, — легко держать связь с Таловым, где будут находиться главные силы дивизии, и, при выравнивании фронта, легче будет перейти в наступление на Уральск». Ближайшей задачей дивизии Чапаев считал занятие Умета Переметного и станции Переметное. Тогда разрыв между Николаевской и Уральской дивизиями в 50 километров можно будет перекрыть двумя их фланговыми полками и общими силами двух дивизий возможно взять Уральск[433].

В донесении командарму 6 ноября из Холманки Чапаев сообщал о необходимости занять частями Самарской дивизии Игумнов и Перелюб, что позволит пресечь налеты на транспорты

со стороны хутора Дмитриевский и Васильевки, в каждом из этих пунктов стояло по конному полку казаков[434]. Наштарм 8 ноября извещал Чапаева, что Игумнов занят 1-м Саратовским сводным полком, и запрашивал сведения о 4-м Малоузенском полке, которому необходимо занять Перелюб и в дальнейшем — Дмитриевский[435]. Между тем командир 4-го Малоузенского полка 8 ноября доносил в штаб армии из Смоленки: «Нашей усиленной разведкой занято с. Перелюб, и конные разведки выдвинуты вперед за Перелюб. Штаб полка находится в селе Смоленке. Завтра с утра переходим в село Перелюб и держим направление на поселок Верхний Переметный, где надеемся соединиться с частями дивизии Чапаева»[436].

Чапаев, столько времени ожидавший злополучный 4-й Малоузенский полк, узнав о его местонахождении и имея для него задачу, поставленную штабом армии, отдал приказ о немедленном выступлении его на хутор Дмитриевский в направлении юго-восточнее Перелюба через Умет Камеликский и требовал по прибытии дать связь в Таловое[437]. Но командир Малоузенского полка по-прежнему не торопился, и Василий Иванович снова запросил командование армии, будет ли этот полк придан дивизии или нет[438]. Перед Николаевской дивизией находился сильный противник, и такая неорганизованность возмущала Чапаева. Вступивший после Хвесина в исполнение обязанностей командарма Балтийский в тот же день, 10 ноября, ответил: «4-й Малоузенский полк включается в состав Николаевской дивизии, командиру полка приказано из села Смоленки следовать через Перелюб для занятия хутора Дмитриевского»[439].

Василий Иванович был полон энергии: Пензенскому полку приказал выступить в 5 часов 10 ноября и занять Нижний Переметный, выполнить приказ в срок, минута в минуту, по занятии указанного пункта иметь связь с соседями. Обязывал командиров полков точно знать расположение своих и соседних частей. Незнание обстановки и плохое взаимодействие между полками позволяло противнику бить дивизию по частям. Командиру Пензенского полка Ильину за незнание расположения соседнего Балашовского полка объявил выговор и потребовал немедленно разобраться в обстановке[440], которая заслуживала серьезного внимания. Перед Балашовским полком, занимавшим хутора Климовское товарищество, 1-е и 2-е Зябкино по реке Северная Таловая, находились 6-й и 13-й Уральские казачьи полки. Против Пензенского полка, занявшего поселки Нижний и Верхний Переметный (Красовский) по реке Правая Таловая восточнее хутора Волчанский, находились 10-й казачий полк и

полк неустановленной нумерации. Против нашего полка, занимавшего хутора Першин и Волчанский по реке Трубица, находились 3-й учебный Уральский казачий полк и Гурьевский дивизион пехоты с броневиком[441]. 10 ноября противник производил атаки на всем фронте дивизии, но был отбит (схема 9).

Схема 9. Положение частей Николаевской дивизии на 10.XI.1918 г.

На запрос штаба армии о положении Николаевской дивизии и готовности ее к наступлению совместно с Уральской дивизией на Уральск В. И. Чапаев 11 ноября доложил свой приказ от 10 ноября следующего содержания: 4-му Малоузенскому полку в 6 часов 11 ноября выступить с хутора Маслова на поселок Новониколаевский и Нововасильевский, стоящий на реке Таловке северо-восточнее с. Таловый. При занятии указанных пунктов выслать связь вправо — в Балашовский полк, занимающий Климовское товарищество, влево — в Саратовский стрелковый полк, в хутор Игумнов. Балашовскому полку оставаться в поселке Климовское товарищество, выслать вперед усиленную разведку.

Пензенскому полку оставаться на пос. Верхний Переметный, держать связь с соседними полками и выслать разведку на Умет Переметный. Кавполку имени Гарибальди оставаться на хуторе Першин, держать связь с Уральской дивизией, при подходе Уральской дивизии на линию полка срочно донести, после чего будет отдано распоряжение для общего наступления[442].

В тот же день был отдан специальный приказ, в котором говорилось:

«Товарищи красноармейцы!

Уже более года вы бьетесь с бандами буржуазии, более года льется ваша кровь за святое дело освобождения всех угнетенных и трудящихся от ига капиталистов, от власти кровожадных хищников.

И вот уже близка ваша победа, один за другим падают оплоты буржуазии, все больше и больше редеют ее ряды, тогда как наши, наоборот, растут, ибо в каждом освобожденном городе и селе к нам примыкают новые бойцы.

Товарищи, перед вами один из предпоследних оплотов контрреволюции — Уральск.

Он падет в ближайшие дни, ибо вы хотите этого, ибо вы храбры и настойчивы. Но, товарищи, вы должны проявить величайшую сдержанность и благородство при вступлении в город, как честные борцы за святое дело освобождения родных братьев — трудовых казаков, рабочих и крестьян. Вы должны поддерживать образцовый порядок и быть примером для других. Помните, вы — бойцы славной ныне железной Николаевской дивизии, начавшей одной из первых бить банды контрреволюционеров и всегда отличавшейся на полях сражений.

При вступлении в город не должно быть никаких насилий, никаких грабежей и никакого хулиганства с нашей стороны.

Пусть знает буржуазия, что солдаты Красной Армия не дают пощады лишь только кулакам, золотопогонникам и прочим

мерзавцам, гнавшим виселицами и расстрелами трудовое казачество драться с нами. Но бедняки — обездоленные наши братья, и им не может быть чинимо никаких насилий, а также грубостей.

Повторяю, порядок в городе должен быть образцовый. Вы должны оправдать данное мною дивизии новое наименование и на деле доказать, что вы действительно солдаты железной дивизии, крепко спаянные товарищеской дисциплиной друг с другом, и не допустите никаких безобразий и грубостей по отношению к населению, как истинные защитники угнетенных.

Только при этом условии, только при таком поведении вам будет поручена охрана города и восстановление порядка в нем.

Надеюсь, товарищи, что вы оправдаете мое доверие. Итак, смело вперед, в Уральск. Вам нет преград.»[443]

На следующий день, 12 ноября, Чапаев объявил приказ о включении в состав дивизии 4-го Малоузенского полка, образовал 2-ю бригаду в составе 4-го Малоузенского и кавалерийского полков. Командиром 2-й бригады назначил командира Пензенского полка Е. И. Ильина. Этим же приказом требовалось передать в состав кавалерийского полка, для его усиления, по одной роте от Балашовского и Пензенского полков. Таким образом, в кавалерийском полку был создан батальон пехоты, командиром его назначен И. К. Бубенец[444].

Тем временем в штаб армия поступила разнарядка выбрать из числа лучших командиров и комиссаров кандидатов для направления их на ускоренный курс Академии Генерального штаба РККА. В связи с этим 4 ноября Реввоенсовет IV армии принял решение в числе других послать в Москву на учебу и В. И. Чапаева. Перед членом Реввоенсовета Берзиным кандидатуру Василия Ивановича поддержал политкомиссар штаба армии, член партии с 1912 года П. И. Баранов, также рекомендованный слушателем в академию. Вот часть разговора, состоявшегося между ними по прямому проводу (Баранов находился в Покровске):

«Берзин:…Согласно решению Реввоенсовета-IV в Академию Генерального штаба командируется, согласно его просьбе, также т. Чапаев. Ему уже послана телеграмма. Начальником дивизии вместо Чапаева назначен командир Малоузенского полка Дементьев. Все ли благоприятно в Чапаевской дивизии? Жду Вашего ответа.

Баранов: — За себя и Чапаева очень рад. Чапаев стоит того, чтобы его откомандировать в Академию. В дивизии все благополучно…

Берзин: — Очень рад, что вы поддерживаете кандидатуру

Чапаева…»[445]

Ставя задачи Николаевской дивизии, штаб армии продолжал требовать доклада о том, как удалось ей выйти из окружения[446]. Василий Иванович, уже зная, что его отзывают из дивизии, 13 ноября ответил: «Доклад да № 148 сделаю лично при приезде в Самару»[447]. Однако написать все-таки пришлось, и он донес следующее: «Вся операция по ликвидации окружения была произведена под моим личным руководством. В момент окружения Николаевская дивизия занимала село Таловое, противник же занимал хутор Дмитриевский и поселок Кочумбетово. Под натиском противника со стороны вышеназванных пунктов мы оттянули свои силы на Харитоновку, противник же стал занимать хутора Бруслянский, Волчанский и поселки Кузебаево, Акурово и Новочерниговку, зайдя, таким образом, нам в тыл и отрезав нас от подходившего из Покровска подкрепления. При дальнейшем нашем отходе на село Нижняя Покровка противник распространился на юг от Нижней Покровки и занял поселки Ветелки и Грызлы и, таким образом, зажал нас в кольцо. Выбраться из него можно было только, пробившись на юго-запад от Нижней Покровки через Новочерниговку, но преградившая путь в этом направлении река Камышлак отнимала эту возможность. В это же время в рядах войск под влиянием зловредных элементов началось волнение, но после моих разъяснений зачинщики были выданы и расстреляны[448].

Дабы разорвать кольцо в направлении на Новочерниговку, мною были посланы отряды в направлениях на Кузебаево и на Ветелки и Грызлы, которые, вступив с противником в бой, заставили его оттянуть силы с участка Новочерниговки.

Это дало возможность подходившему из Покровска подкреплению в количестве 800 человек соединиться с нами через Новочерниговку. После этого наши войска перешли в решительное наступление и отбросили противника в направлении села Талового…»[449].

Из короткого и безыскусного доклада ясно основное: 1) части, отбиваясь от превосходившего в силах противника, вынуждены были постепенно сдавать свои позиции, не отступая в тыл, пока все полки не оказались полностью окруженными в районе Нижней Покровки: 2) не получив помощи по линии командования IV армии и товарищеской выручки частей других дивизий, Николаевская дивизия, исчерпав до предела свои возможности держаться, пошла на прорыв; 3) вероятность успеха предпринимаемого прорыва была ничтожна; кулацкие и неустойчивые элементы в одном из полков пытались призвать бойцов к неповиновению, чтобы спасти свои жизни по милости

врага, но сцементированный в боях коллектив с честью вышел из этого испытания; 4) ложной демонстрацией прорыва на северо-запад к Николаевску и на юг, к частям Уральской дивизии, Чапаев ввел противника в заблуждение и заставил его оттянуть силы с истинного направления прорыва — на восток; 5) затем был осуществлен прорыв не к своим, в тыл, а в сторону противника, куда он меньше всего ожидал удара[450]; 6) в ходе боя противник перебросил свои силы восточнее, и тем самым стал возможен подход прибывшего пополнения с юго-запада и соединение его с дивизией.

Этим докладом Василия Ивановича подводился итог успешного единоборства Николаевской дивизии с уральскими казаками.

В приказе № 29 от 13 ноября 1918 года Чапаевым было объявлено назначение командира 4 Малоузенского полка А. А. Дементьева начальником Николаевской дивизии. Василий Иванович вызвал командиров и комиссаров частей в штаб по поводу своего убытия из дивизии. Во всех частях проводились короткие прощальные митинги и собрания, на которых говорились теплые слова и добрые пожелания своему командиру. На собрании представителей эскадронов, рот и команд кавалерийского имени Гарибальди полка, посвященном отъезду В. И. Чапаева, 12 ноября принято следующее постановление: «Мы, представители эскадронов, рот и команд кавалерийского имени Гарибальди полка, собравшись сего числа, обсуждали вопрос об отъезде от нас начальника дивизии тов. Чапаева, постановили: приветствовать его, одного из передовых борцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как успешного организатора деревенской бедноты. Не считаясь с тем, что в нашем забитом степном уголке царила полудикая темнота, он успешно сумел создать боеспособные полки, которые сдержали натиск чехословаков, с одной стороны, и казаков-белогвардейцев — с другой. Геройски третий раз подходим к Уральску. Выгоняли из Николаевска и из всего Николаевского уезда несколько раз контрреволюционные банды, что послужило великой поддержкой всей рабоче-крестьянской революции. А посему и приветствуем дорогого вождя тов. Чапаева за его храбрость, доблесть и отвагу, выражаем доверие и поддержку. Вместе с тем просим рабоче-крестьянскую власть в дальнейшем тов. Чапаева иметь в виду, как одного из передовых бойцов Красной Армии»[451].

В приказе по Николаевской дивизии № 31 от 15 ноября 1918 года по линии политического отдела, образованного к этому времени, объявлено: «Согласно постановлению Военного революционного совета IV армии, т. Чапаев командируется в

красную Академию Генерального штаба для усиления своих дарований специальными военными знаниями. Заслуги т. Чапаева перед революцией велики. Немного подобных ему революционеров имеет Республика, и мы, чапаевцы, должны гордиться его именем…

Многие товарищи из-за своей горячей преданности к т. Чапаеву, быть может, впадут в уныние и, быть может, позволят ряд дезорганизаторских выступлений, нарушающих дисциплину и боеспособность части, на радость нашему врагу.

Учитывая подобные обстоятельства, призываю всех товарищей красноармейцев к порядку. Полагаю, что мы должны оправдать надежды и усилия по воссозданию дивизии, затраченные т. Чапаевым, и еще честней должны находиться на своих постах.

Коммунисты! Я твердо верю, что все отнесутся с должным сознанием к уходу т. Чапаева, ибо рабоче-крестьянская власть заинтересована в скорейшем создании кадра своего, красного командного состава.

От имени политического отдела выражаю горячую благодарность т. Чапаеву за его труд и геройскую работу…

До свидания, дорогой товарищ!»[452].

Приказ подписали начальник дивизии Дементьев и политический комиссар Кропалев.

Военный совет IV армии свое решение о привлечении В. И Чапаева к судебной ответственности отменил и в числе других направил его на учебу в Академию Генерального штаба.

В. И. Чапаев перед отъездом в академию. Ноябрь 1918 г. Сидят (слева направо): И. С. Долгушев — помощник начальника

штаба Николаевской дивизии, командир кавалерийского полка; И. К. Бубенец — помощник начальника штаба дивизии, командир батальона; В. И. Чапаев; П. Ф. Чеков — начальник оперативной части дивизии; Семен Туркин — начальник артиллерийского снабжения дивизии. Стоит первый справа — сын П. Ф. Чекова.

Врид командующего армии А. А. Балтийский в характеристике, данной В. И. Чапаеву 19 ноября 1918 года, писал:

«Начальник Николаевской пехотной дивизии Василий Иванович Чапаев, ныне командируемый в Академию Генерального штаба, известен мне как военный вождь революционных войск, обладающий следующими свойствами:

Умение в боевой обстановке владеть современной массой личным обаянием героя, подвигами беззаветной храбрости, твердостью воли и решимостью заставить исполнить приказание.

Умение ориентироваться в боевой обстановке. Ясное понимание необходимости для победы координировать действия боевых единиц. Понимание маневра и удара. Смелость в принятии решений. Военный здравый смысл.

Все изложенное усвоено т. Чапаевым исключительно в боевой практике войны дореволюционной и современной революционной с ее исключительными особенностями.

Отсутствие общего и военного образования сказывается в технике управления войсками и отсутствии широты охватить военное дело. Полный инициативы, но пользуется ею неуравновешенно, вследствие отсутствия военного образования. Однако ясно обозначаются у т. Чапаева все данные, на почве которых, при соответственном военном образовании, несомненно явится и техника, и обоснованный военный размах.

Стремление получить военное образование, дабы выйти из состояния „военной темноты“, а затем вновь стать в ряды боевого фронта.

Можно быть уверенным, что природные дарования т. Чапаева в сочетании с военным образованием дадут яркие итоги»[453].

Председатель Реввоенсовета IV армии Г. Д. Линдов дал Василию Ивановичу следующую характеристику:

«Предъявитель сего т. Чапаев Василий Иванович работал в революционных рядах со времен Октябрьского переворота. Он был послан на фронт в качестве агитатора в Заамурские полки, по выполнении этой задачи Николаевским исполнительным комитетом он был делегирован на окружной Казанский съезд Советов, откуда был вызван для принятия должности командира 138 запасного полка. Затем он был назначен уездным Николаевским исполнительным комитетом военным

комиссаром Николаевского уезда. В бытность свою в этой должности т. Чапаев сформировал отряд Красной Армии в 300 человек.

Когда на юго-востоке России казаки объявили войну пролетарской революции, т. Чапаев организовал под своим руководством три отряда революционных войск, командиром которых он и был назначен уездным исполкомом. Сдавши командование своему помощнику, т. Чапаев принялся за формирование 2 полка и был назначен командиром бригады.

В июле месяце им был сформирован 4 Николаевский и 1 кавалерийский полки, зимой — Балаковский полк. В сентябре сего года председателем Реввоенсовета Республики он был назначен начальником 2 Николаевской советской дивизии, им самим сформированной.

Военно-революционный совет IV армии знает т. Чапаева как отважного солдата революции и для пополнения его военных знаний делегирует его как представителя IV армии в Академию Генерального штаба»[454].

В удостоверении от 16 ноября 1918 года записано: «Дано сие т. Чапаеву в том, что он действительно делегируется в Академию Генерального штаба от IV армии Восточного фронта по постановлению Военного революционного совета таковой, что подписью с приложением печати удостоверяется»[455].

С такими документами Василий Иванович Чапаев отправился на учебу в Москву.

VIII. В Академии Генерального штаба

Коммунистическая партия и Советское правительство понимали, что Республика Советов сможет отстоять свою независимость только в тяжелой и длительной борьбе. Империализм готовил новое вторжение в нашу страну.

Перед лицом растущей военной опасности особо встал вопрос об укреплении Красной Армии. В. И. Ленин говорил, что для победы над врагом Красная Армия нужна более всего. В письме объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 года В. И. Ленин отмечал: «Армия создается, Красная Армия рабочих и бедных крестьян, готовых на все жертвы для защиты социализма. Армия крепнет и закаляется в битвах с чехословаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно, надо спешить с возведением самого здания.

Мы решили иметь армию в 1000000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь»[456].

Для создаваемой массовой регулярной армии необходимо было подготовить многочисленные командные кадры. «Важнейшей задачей в деле создания армии, — подчеркивалось в постановлении V Всероссийского съезда Советов, — является воспитание нового командного состава, целиком проникнутого идеями рабочей и крестьянской революции»[457].

На командные должности в Красной Армии выдвигались организаторы и командиры Красной гвардии, военные работники партии, испытанные, показавшие себя в революционных боях и на фронтах гражданской войны солдаты, матросы и унтер-офицеры старой армии. Но и их не хватало. На командные, штабные и другие должности, для подготовки новых командных кадров приходилось привлекать под контролем комиссаров военных специалистов — бывших генералов и офицеров.

Система военно-учебных заведений развертывалась вместе с созданием Красной Армии. С открытием первых курсов для подготовки красных командиров (февраль 1918 г.) сеть военных учебных заведений, готовивших младший и средний командный состав, быстро расширялась. Совершенствовалось и управление ими. Возникла острая необходимость подготовки начальствующего состава Красной Армии с высшим военным

образованием. По указанию В. И. Ленина 7 октября 1918 года был издан приказ Реввоенсовета Республики № 47 об открытии к 1 ноября 1918 года в Москве Академии Генерального штаба — ведущего учебного заведения Красной Армии. Предусматривалось, что «Академия Генерального штаба должна давать не только высшее и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни»[458].

Срок обучения в академии устанавливался трехгодичный. Одновременно намечалось открыть ускоренные (одногодичные) курсы[459], с тем чтобы как можно быстрее дать Красной Армии подготовленные командные кадры. Организационная комиссия приказом по Академии Генштаба № 5 от 20 октября установила следующий цикл предметов на ускоренных курсах академии: основы современной стратегии, тактика (общая и родов войск), основы военной психологии, история первой мировой войны, служба Генерального штаба, военно-географический обзор театров войны, организация войск, военных управлений и учреждений, военное хозяйство, снабжение, транспорт, теория съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийского дела, сведения по технике железнодорожного дела, основы политической экономии[460].

Комиссия широко оповещала командования фронтов и военных округов о предстоящем приеме в академию. «Командированию, — говорилось в телеграмме от 26 октября, — подлежат лица, исключительно выдающиеся активным участием в боевой и политической жизни Красной Армии, способные в будущем занять должности в Генштабе. Дабы значительно не ослаблять фронты, первое время в академию будет принято около двухсот человек, почему на выбор таковых следует обратить самое серьезное внимание»[461].

Отбор слушателей из числа прибывших в академию начался в первой половине ноября. Принимали тех, кто действительно стремился содействовать строительству Красной Армии на новых началах, твердо стоял на платформе Советской власти, активно участвовал в политической и боевой жизни РККА и имел достаточное общее развитие. При отборе работали мандатная и общая комиссии. Мандатная, возглавляемая комиссаром академии, используя рекомендации партийных организаций, политорганов и командования, а также беседуя с кандидатами, выясняла политическое лицо командиров, их революционные заслуги и степень участия в борьбе за Советскую власть. Общая

комиссия под председательством начальника академии проверяла уровень общеобразовательной и боевой подготовки будущих слушателей. Делалось это для того, чтобы правильно определить содержание и методы обучения[462].

Прибыл для прохождения ускоренного (одногодичного) курса обучения и В. И. Чапаев. Комиссия, ознакомившись с его документами, после собеседования вынесла 3 декабря 1918 года заключение: «Зачислить как имеющего революционно-боевой стаж»[463]. Приказом по академии № 44 от 6 декабря 1918 года Василий Иванович Чапаев был зачислен «в число слушателей Академии Генерального штаба как удовлетворяющий всем условиям приема». При этом было оговорено, что он и слушатель А. М. Чевырев зачислены с обязательством через два месяца с начала обучения сдать экзамены по программе командных пехотных советских курсов[464].

Василий Иванович тяжело переживал свой отъезд с фронта и в первые дни пребывания в Москве скучал по боевым делам и товарищам. Этот момент его жизни так описан генералом армии И. В. Тюленевым, обучавшимся в то время вместе с Чапаевым:

«В конце ноября 1918 года я прибыл в Москву. Красная военная академия помещалась в Шереметьевском переулке, в здании бывшего охотничьего дома.

Комната, в которой мне предстояло жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. Первое, что я увидел, — в два ряда вдоль стен узкие кровати. В проходе между ними взад-вперед шагал, вернее, не шагал, а метался, как тигр в клетке, щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно, на пробор причесанный.

Увидев меня, он остановился и громко, с едкой издевкой, сказал:

— Еще одна птичка пожаловала! Как пчелы на мед летят! Что, брат, фронт тебе надоел?

В ответ я только безнадежно махнул рукой. Тот, кто „поддел“ меня, горячо выпалил:

— Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду!

Это был Василий Иванович Чапаев.

Мне досталась койка через одну от него. Много вечеров просидели мы вместе над учебниками и топографическими картами»[465].

8 декабря состоялось официальное открытие академии. На церемонию были приглашены все преподаватели, слушатели и обслуживающий персонал[466]. От имени ЦК РКП(б) и ВЦИК с приветственной речью к коллективу академии обратился председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов. Он указал на

исключительное значение, которое придает академии Коммунистическая партия. «…Только тогда, — сказал он, — когда мы сможем здесь, в Советской России, создать сплоченную Красную Армию из рабочих и крестьян, только тогда, когда мы сможем дать этой Красной Армии коммунистический пролетарский командный состав, отдельные представители которого вышли из среды самого рабочего класса, отдельные представители которого сами веруют в то великое учение коммунизма, в которое веруем и мы, отдельные представители которого являются нашими идейными товарищами, такими же членами Коммунистической партии, как и мы, только при этих условиях, когда мы создадим такой командный состав, мы завершим, мы закончим построение нашей Красной Армии». Напомнив слушателям об их высокой ответственности за создание действительно боеспособной и крепкой Красной Армии, Я. М. Свердлов закончил свою речь словами; «Вы должны вновь явиться в ту Красную Армию, из рядов которой вы вышли, с которой вы спаяны кровью. Все те знания, которые почерпнете здесь, вы должны будете перенести в армию, чтобы вы, коммунисты-генштабисты, могли создавать ее действительно боеспособной и крепкой»[467]. Яркая и содержательная речь Я. М. Свердлова произвела огромное впечатление на присутствовавших.

День 8 декабря 1918 года стал днем рождения академии[468]. Из 400 с лишним кандидатов были отобраны 183 слушателя. По социальному происхождению более половины из них являлись рабочими и крестьянами, что соответствовало классовому принципу строительства Красной Армии. Подавляющее большинство слушателей состояло в рядах Коммунистической партии. 88 процентов слушателей окончили военные школы, училища или курсы, 94 процента имели боевой опыт. Более пестрой была картина общеобразовательной подготовки: только 5 процентов слушателей имели общее высшее образование, 70 процентов — среднее и 25 процентов — начальное[469].

Война и ограниченные возможности вновь создаваемых военно-учебных заведений не позволяли дать обучаемым глубокие знания: для этого не было ни условий, ни времени. Ускоренный курс обучения безусловно был рассчитан на сообщение самых необходимых сведений для новых командиров. Да и контингент слушателей был различен по образованию не менее, чем их внешний вид.

В. И. Чапаев, можно сказать, впервые в жизни переступил порог учебного заведения. Не с Академии Генштаба нужно было ему начинать. Короткая, однако насыщенная программа

требовала соответствующего образования, которого у Василия Ивановича не было. А учиться он хотел. Он всегда хотел, чтобы учились и его товарищи, а также дети. В октябре 1918 года в сражениях под Уральском, будучи даже в окружении, он с горечью думал о слабой выучке воинов Николаевской дивизии и просил разрешения создать при дивизии учебный полк.

Как и многие другие командиры, Василий Иванович постоянно испытывал острый недостаток необходимых ему знаний, что так мешало в работе и чем он так тяготился. Д. А. Фурманов писал, что они, наивные с Чапаевым люди, хотели заниматься и в боевой обстановке. Стремление Чапаева к знаниям правдиво и предельно четко выражено в фильме «Чапаев», когда он говорит комиссару: «Ты-то вот знаешь (кто такой Македонский), и я знать должен!» Отсутствие образования в конечном счете мешало Чапаеву проявить и развить в полной мере свои способности.

К учебе в академии Чапаев относился очень серьезно. Его сокурсник С. М. Мищенко, знавший Василия Ивановича по совместной службе в IV армии и приезжавший как политработник в Николаевскую дивизию, так о нем вспоминал:

«Чапаев оказался на редкость старательным учеником, усердно и аккуратно выполнял все задания, проявлял особый интерес к истории и географии. Он очень внимательно слушал лекции»[470].

К занятиям по тактике Чапаев готовился усердно. Он терпеливо выслушивал замечания руководителей, которые главным образом касались документального оформления решения и меньше всего — идейной стороны. Идея самого решения у Чапаева всегда была тщательно продумана и обоснована. Руководитель обычно говорил по работе: «Против вашей идеи решения у меня никаких возражений не имеется — она замечательна и оригинальна. Но оформление ее страдает рядом недостатков»[471].

Увы, «оформить» должным образом графически свое решение Василий Иванович, не владевший искусно пером, не мог при всем его желании. Это угнетало. Не имея необходимых первоначальных знаний для продолжения учебы, он все больше задумывался о возвращении на фронт.

Основным методом обучения в академии был лекционный. В течение недели слушатели получали знания по двенадцати-четырнадцати дисциплинам. Усвоить такое количество нового и обычно сложного материала было трудно, особенно тем, кто, как Чапаев, имел лишь начальное образование. Практические занятия проводились в классах и в поле. Накануне слушатели получали

тактические задания и на следующий день представляли преподавателю письменные решения, затем в течение трех часов излагали их устно. В конце занятий под руководством преподавателя производился разбор решений[472].

До сих пор в литературе, посвященной В. И. Чапаеву, о его пребывании в академии упоминается лишь вскользь, и все авторы при этом приводят всевозможные варианты надуманных рассказов (чаще всего связанных почему-то с экзаменом по географии), сводящих всю учебу Василия Ивановича к различным анекдотическим случаям и спорам со старыми профессорами академии[473]. А дело обстояло куда сложнее. Ряд преподавателей подходил к своим занятиям с меркой старой николаевской академии, слушателями которой являлись офицеры, имевшие хорошее общее и среднее военное образование, не один год послужившие в армии. А теперь был иной контингент. Слушатели новой академии в большинстве своем пришли на командные должности в армии в ходе революции. Многие из них зачастую недооценивали теорию военного дела, не понимали значения некоторых дисциплин.

Учебный процесс осложнялся еще и тем, что руководители практических занятий создавали подчас обстановку для тактических задач неумело и упрощенно, придерживаясь опыта первой мировой войны. Между тем в академию пришли слушатели с полей войны совсем иной, маневренной, и по характеру — войны гражданской, революционной.

Разрабатывая тактические задачи, руководители практических занятий обычно исходили из полной штатной численности стрелковой дивизии по 10–12 тыс. штыков, имевшей в своем составе многочисленную артиллерию. В действительности же на фронтах гражданской войны действовали дивизии, в которых насчитывалось по 5–6 тысяч бойцов и два-три артиллерийских дивизиона. Слушатели академии хотели знать, как вести бой именно такой, реальной, а не придуманной дивизией, да еще в полосе наступления 30–40 километров. На эти и подобные им вопросы красные командиры не всегда получали ответы.

Недостатки в преподавании ряда военных дисциплин, естественно, вызывали у слушателей недовольство и протесты. Это недовольство обострялось тем, что молодые командиры пришли в академию, чтобы овладеть действительно необходимыми военными знаниями и методами вождения войск для успешной вооруженной борьбы против белогвардейцев и интервентов, а их стремились учить «чистой военной науке», с ее «вечными и неизменными принципами», предусматривающими, в

частности, что армия была и должна быть вне политики[474].

В. И. Чапаев, имевший богатый боевой опыт в новых, революционных, условиях, в письме председателю Реввоенсовета IV армии Г. Д. Линдову писал из академии: «То, что здесь преподают, я прошел на практике»[475].

По воспоминаниям другого сослуживца Чапаева А. Ф. Федорова, в дни учебы в академии Василий Иванович близко сошелся с Александром Михайловичем Чевыревым[476]. Чевырев был членом большевистской партии с 1908 года, принимал активное участие в установлении Советской власти на Урале, во главе им же сформированного отряда геройски сражался против белоказаков и белочехов, был несколько раз ранен. После преобразования отряда в полк регулярной Красной Армии А. М. Чевырев стал его командиром. За героический штурм Ижевска полк был награжден Почетным революционным красным знаменем, а его командир — орденом Красного Знамени и золотыми часами.

По воспоминаниям сокурсников, Чевырев, как и Чапаев, тоже стремился на фронт. Не потому Чапаев рвался в бой, что чувствовал себя «дезертиром» с фронта, как трактуют авторы некоторых публикаций. Ему просто не хватало необходимых знаний для продолжения учебы. Об этом, обращаясь в Реввоенсовет IV армии с просьбой отозвать его на фронт, он написал сам вернее всех, что нуждается в общеобразовательной подготовке, которой в академии не получает. На фронт стремился потому, что не хотел, по его выражению, «лежать без дела», а желал «приносить пользу»[477]. Наибольшую пользу он мог принести только на фронте и действительно ее принес.

Интересуясь военным положением страны, Василий Иванович особенно внимательно следил за событиями под Уральском.

В начале 1919 года возобновились бои за овладение этим городом. До этого времени наступление на Уральск с ноября месяца было приостановлено, т. к. производили отправление Уральской дивизии на Южный фронт, передачу некоторых ее полков в Николаевскую дивизию, перегруппировку частей в полосу убывавшей Уральской дивизии. Не обошлось и без осложнений, вызванных нежеланием некоторой части личного состава ехать на Южный фронт. Уральская дивизия, как и другие соединения IV армии, формировалась из местных красногвардейских отрядов, а затем из таких же полков и бригад Красной Армии. Добровольцы, многочисленное батрачество и беднота Поволжья, испытавшие беспощадную эксплуатацию помещиков и кулаков, зверство белогвардейцев и интервентов, были замечательными бойцами, проявлявшими образцы мужества

и героизма в борьбе за свою родную рабоче-крестьянскую власть. Но личный состав был неоднороден по классовой принадлежности. Далеко не всегда и не везде строго соблюдался принцип классового отбора в армию, что приводило к большой засоренности чуждыми элементами — кулаками и эсерами, проводившими подрывную работу среди бойцов. Кроме того, все эти местные формирования имели один существенный недостаток: стойко защищая родные места и свои семьи, они неохотно шли, а иногда вовсе отказывались воевать вдали от своих мест, говоря так: «там» пусть другие так же воюют. Эти настроения, подогреваемые подстрекательством несознательных и неустойчивых элементов, особенно сильно проявлялись в моменты неорганизованности, необеспеченности, тяжелой обстановки и военных неудач.

Такие организаторы и командиры, как В. И. Чапаев, умели держать эти массы в руках, поднимать и водить на большие дела, вдохновлять на героические подвиги. Позже Д. А. Фурманов в своей книге написал: «Чапаев этим даром управления обладал в высокой степени, — именно управления такой массой, в такой момент, в таком ее состоянии, как тогда»[478]. Там же, где не было необходимого влияния командно-политического состава и коммунистов, не было твердого руководства, организованности и боевых успехов, начинали распространяться нездоровые настроения, проникать чуждые влияния, контрреволюционная агитация и прямые призывы кулаков и эсеров к неповиновению и восстанию. В Уральской дивизии, не отличавшейся высокой дисциплиной, организованностью и боеспособностью, как повод к беспорядкам враги Советской власти использовали распоряжение об отправке дивизии на Южный фронт. В этом, в частности, была и одна из причин слабого продвижения дивизии на Уральск и вынужденного выезда в нее командарма Хвесина в конце октября 1918 года, когда Николаевская дивизия рядом находилась в окружении, а Уральская дивизия не оказала ей помощи. В декабре 1918 года в Ново-Орлово-Куриловском полку этой дивизии были убиты прибывшие из политотдела IV армии для наведения порядка комиссары Челыхаев и Букреев[479].

В январе 1919 года, после отправления Уральской дивизии (без бригады) на Южный фронт и подчинения 25-й дивизии I армии, из действующих войск в IV армии остались только Николаевская дивизия и Александров-Гайская бригада, сформированная на базе отряда Винермана. В Николаевскую дивизию из убывшей Уральской была передана ее 1-я бригада (1-й Мусульманский, 2-й Новоузенский, 3-й Ново-Орлово-Куриловский стрелковые полки), а также Покровско-

Туркестанский стрелковый полк[480].

Численность Николаевской дивизии возросла, однако боеспособность ее до времени не повышалась. В некоторых полках, принятых из Уральской дивизии, продолжались открытые контрреволюционные выступления. В Покровско-Туркестанском полку были убиты один за другим два командира полка. Выехавший в дивизию председатель Реввоенсовета IV армии Линдов на станции Озинки был ранен и от паралича сердца умер. Покровско-Туркестанский полк, вступивший в связь с уральскими казаками, 28 января был разоружен другими полками дивизии[481]. Участие в освобождении Уральска Николаевская дивизия могла принять только в своем прежнем составе, в каком она была при В. И. Чапаеве. Остальные полки, вошедшие в ее состав, получили задачу «поддержать своих боевых товарищей 1-й бригады», обойти Уральск с юга и не дать возможности казакам отходить на Лбищенск[482]. Но и эта задача ими не была выполнена. Собравшиеся по этому поводу и по поводу убийства Линдова, а также работников политотдела армии Мяги и Майорова член Реввоенсовета IV армии Берзин, начальник политотдела армии Кучмин, начальник Николаевской дивизии Дементьев, бывший начальник 25-й дивизии Захаров и другие на станции Деркул (в Зелененьком) 25 января во время проведения собрания представителей частей были ими арестованы, но вскоре выпущены[483].

Для совместных с Николаевской дивизией действий из 25-й дивизии были назначены 1-я бригада и кавалерийский полк, наступавшие на Уральск с севера, через Красный. Николаевская наступала с запада и северо-запада. Глубокий снег затруднял движение казачьей коннице. В пешем же строю казаки действовали слабее. Бывшие чапаевские полки обеих дивизий наступали решительно. Смело обходили очаги сильного сопротивления, атаковали противника с фланга и тыла. Несмотря на упорное сопротивление противника, к 14 часам 24 января Уральск был взят. Первыми в город вошли Пугачевский и Разинский полки 25-й дивизии, которыми командовал И. М. Плясунков, а двумя часами позже вступили и полки 1-й бригады Николаевской дивизии.

Взятие Уральска, как административного центра области и узла важных путей, имело большое значение. Оно впервые нанесло непоправимый удар по уральской контрреволюции, отбрасывало ее в глухие степи. Однако уральские казаки, как и оренбургские, сохранили большую часть своих сил и территории областей, откуда могли получать людские и материальные ресурсы и помощь интервентов через Гурьев.

Контрреволюционное казачество еще долго боролось и неоднократно пыталось вернуть себе Уральск. Первая попытка была предпринята уже 26 января, то есть через двое суток после падения города. Подтянув и перегруппировав войска, казаки повели наступление на Уральск с трех сторон значительными силами. Зная о неблагополучии в Николаевской дивизии, они рассчитывали также на поддержку Покровско-Туркестанского полка и других. Бой длился 10 часов. Восточная часть города горела от артиллерийского огня. Противник настойчиво рвался в город, но все его атаки были отбиты.

Части Николаевской и 1-й бригады 25-й дивизии продолжали наступление и в первой неделе февраля овладели Круглоозерным и Барбастау.

В. И. Чапаев стал свидетелем победоносного наступления созданных им дивизий. Произошло это следующим образом. Из академии в армии Восточного фронта один за другим уезжали знакомые и товарищи. Еще в конце декабря в IV армию вернулся П. И. Баранов. Вслед за ним, в начале января 1919 года, получив отпуск, на Восточный фронт убыл и В. И. Чапаев. 14 января он послал из Вязовки (Клинцовки) телеграмму в Самару в Реввоенсовет-IV о том, что он болен и ехать в Москву в Академию Генерального штаба не может. Просил разрешения явиться в Самару с докладом[484].

Пребывание Чапаева в Москве в академии, хотя и кратковременное, несомненно, дало определенную пользу: не могло быть для него лучших условий для знакомства с военно-политической обстановкой в стране, как в Москве и в военно-академической среде. Это расширило его политический и военный кругозор. Приобретение определенных сведений из области тактики, военного искусства и других военных дисциплин, безусловно, способствовало успеху его дальнейшей деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует и такой факт, что он потом, в августе 1919 года, решительно возражал против требований командования армии, направленных на рассредоточение его войск, в нарушение устава[485].

Его возвращения в Москву ждали долго, и лишь 14 мая 1919 года В. И. Чапаев был официально отчислен из академии[486].

О том, что он был слушателем этого высшего учебного заведения Красной Армии, ныне напоминает мемориальная доска с надписью «Герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев в 1918–1919 гг. учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе», установленная на фасаде ее здания.

IX. Командир Александров-Гайской группы

31 января 1919 года в командование IV армией вступил М. В. Фрунзе. Приказ о его назначении был отдан еще 26 декабря 1918 года, но дела комиссара Ярославского военного округа не позволили ему освободиться раньше. Однако и в этот срок он сделал много полезного для IV армии, например, создал рабочий отряд, ставший основой 220-го Иваново-Вознесенского полка.

Вступив в командование армией, М. В. Фрунзе с первых дней начал энергичную работу по ее организации и изучению частей. Отдал приказ, запрещающий производить непредусмотренные и не обеспечиваемые всем необходимым формирования. Добился оставления в составе IV армии 1-й бригады 25-й дивизии. Проводя работу по укреплению армии, положил конец и пассивным ее действиям по «обеспечению путей, ведущих с юго-востока на Самаро-Сызрань»[487], проводившимся по директиве штаба фронта.

7 февраля М. В. Фрунзе выехал к войскам в Уральск. Штаб Николаевской дивизии и ее 1-я бригада к его приезду находились в Уральске; 2-я бригада располагалась в районе хуторов Серебряков и Круглоозерный со штабом бригады в последнем; 3-я — в хуторах Паника, Широков, Астраханский, Чернухин со штабом на станции Деркул; Александров-Гайская бригада занимала поселки Вербовский и Таловка Киргизская[488].

Став командующим IV армией, М. В. Фрунзе поставил конкретные задачи перед частями: Александров-Гайской бригаде овладеть Сломихинской, Николаевской дивизии разгромить группировку противника южнее Уральска, овладеть Лбищенском и установить связь с Александров-Гайской бригадой, 1-й бригаде 25-й дивизии, составляющей армейский резерв, одним полком занять Барбастау, остальными частями — Уральск и Круглоозерный, обеспечив тыл и левый фланг Николаевской дивизии. Отряду особого назначения — продолжать охрану Уральска, выделив конную часть в личное распоряжение командарма в Круглоозерный, где должны были находиться штаб Николаевской дивизии и командный пункт Фрунзе (схема 10)[489].

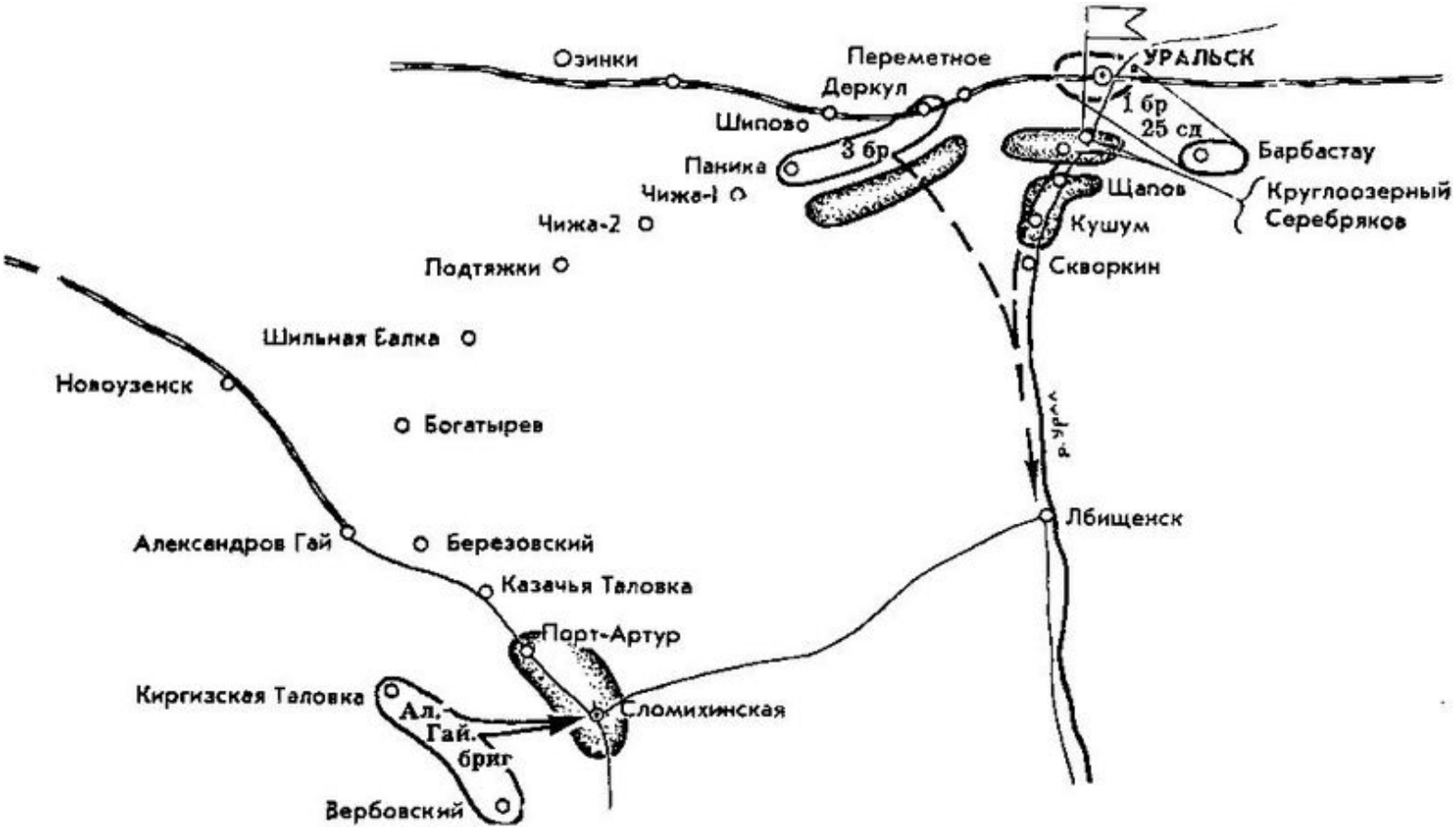

Озинки
Переметное
УРАЛЬСК
Деркул
1 бр
25 сд
Шипово
3 бр
Барбастау
Паника
Чижа-1
Щапов
Круглоозерный
Серебряков
Чижа-2
Кушум
Подтяжки
Скворкин
Шильная Балка
Новоузенск
Богатырев
р. Урал
Лбищенск
Александров Гай
Березовский
Казачья Таловка
Порт-Артур
Киргизская Таловка
Ал.-Гай. бриг
Сломихинская
Вербовский

Схема 10. Положение войск IV армии на 15.11.1919 г. и их задачи.

До начала операции было решено в ночь на 16 февраля предварительно овладеть населенным пунктом Щапов. Выполнение задачи возлагалось на 2-ю бригаду Николаевской дивизии и Мусульманский полк. Куриловский и Малоузенский полки бригады с выступлением запоздали и начали атаку в светлое время, когда внезапность уже исключалась. Противник встретил атакующих огнем на всем фронте. Поднявшаяся снежная метель с сильным встречным ветром лишила возможности наблюдения и ведения артиллерийского огня. Нарушилась связь и взаимодействие между частями. Несмотря на усилия личного состава, успеха добиться не удалось. К середине дня части возвратились в исходное положение. Указывая на неточное выполнение приказа по времени, на имевшиеся недостатки и несогласованность в действиях частей, М. В. Фрунзе отметил доблесть воинов и потребовал ответственности от командиров[490]. Однако для дальнейшего наступления нужна была более основательная подготовка. Встретив значительное сопротивление противника, который, по сведениям, полученным от перебежчиков, стянул сюда лучшие части, М. В. Фрунзе решил произвести перегруппировку и заняться пополнением частей.

Сделать предстояло многое. Причины невысокой боеспособности армии М. В. Фрунзе видел в плохой подготовленности частей, чрезвычайно слабом командном составе, в исключительной малочисленности ее войск, не превышавших 6 тыс. штыков, и в недостатке вооружения, особенно артиллерии. Для доведения линейных частей до боеспособности им привлекалось все, что можно было взять из тыла армии. Настоятельно добивался он помощи в укомплектовании личным составом и вооружением у командующего войсками фронта. Необходимость усиления армии диктовалась и обстановкой. Противник проявлял все большую активность. Его 18 полков (13 уральских, 5 илецких) и несколько батальонов 33 пехотного полка имели общую численность 10 тыс. штыков и сабель. Им проводилась реорганизация частей и мобилизация населения[491]. М. В. Фрунзе готовился к разгрому противника, как только будет получено пополнение и оружие.

Направляя работу на повышение боеспособности войск, М. В. Фрунзе умело и настойчиво искоренял неисполнительность и недисциплинированность. Одним из примеров сочетания убеждения и жесткой требовательности является его приказ от 3 марта, в котором говорилось, что за время всего лишь месячного

командования он натолкнулся на целый ряд фактов, свидетельствовавших о крупных нарушениях порядка службы и дисциплины иногда лицами старшего командного состава и даже военными комиссарами. Среди них упоминается и случай, имевший место с комбригом 25-й дивизии Плясунковым.

Анализируя нарушения, говорилось в приказе, каждый раз приходится убеждаться, что совершались они не по злому умыслу, не из желания проявить неповиновение, а по непониманию основ службы, взаимоотношений между начальниками и подчиненными, из-за превратного толкования требований дисциплины. Предупреждалось, что впредь всякое нарушение долга службы и дисциплины будет беспощадно наказываться[492].

Проводя комплектование частей, пересматривая и подбирая командно-политический состав, М. В. Фрунзе получил сообщение о прибытии Чапаева в штаб армии. Д. А. Фурманов, будучи в это время уже в Уральске, 26 февраля записал в дневнике: «Недавно у Фрунзе обсуждался вопрос о том, чтоб Чапая пригласить сюда, в нашу армию, и поручить ему боевую задачу… Фрунзе хотел свидеться с ним в Самаре и привезти оттуда сюда, в район действий нашей армии»[493].

В Самару в штаб IV армии В. И. Чапаев прибыл в начале февраля 1919 года. На время отсутствия командующего, который находился в войсках и возвращения которого ему предложили дожидаться, Василий Иванович 4 февраля получил удостоверение о разрешении выехать в Николаевский уезд для устройства домашних дел[494]. В Николаевске он повидался с друзьями в уездном комитете партии и исполкоме, встречался с некоторыми командирами, находившимися на излечении и в командировках, от них узнал подробности о положении на фронте. В Клинцовке (Вязовке) был занят семейными делами.

Возвратясь 23 февраля в Самару, М. В. Фрунзе впервые встретился с В. И. Чапаевым. В беседе Василий Иванович рассказал об учебе в военной академии, о причинах ухода из нее, как и о мотивах поступления, о проведенных им боях в составе IV армии. Рассказал о себе все, что интересовало командующего. М. В. Фрунзе поделился с ним результатами своей поездки и впечатлениями от войск. Василий Иванович со знанием дела охарактеризовал командующему части и их командиров. М. В. Фрунзе разглядел в нем незаурядного командира. В заключение беседы он объявил о предстоящем наступлении и о назначении В. И. Чапаева командиром Александров-Гайской бригады и группы.

Продолжая комплектование и подготовку частей, М. В. Фрунзе приказом № 8 от 26 февраля 1919 года предусматривал

иметь Николаевскую дивизию в составе 3 бригад и каждую бригаду — 3-полкового состава за счет включения в них по одному полку из расформировываемой Покровской бригады. Александров-Гайскую бригаду предполагалось развернуть в дивизию за счет развертывания в полки Иваново-Вознесенского, Самарского отрядов и Балаковского батальона; в каждой дивизии сформировать кавалерийскую бригаду двухполкового состава, инженерный батальон и батальон связи. Этим же приказом производился ряд назначений и замен в командном и политическом составе, назначался и Чапаев[495].

Несмотря на принятые меры, М. В. Фрунзе к началу марта армию достаточно готовой не считал. Но обстановка, складывавшаяся на Восточном фронте, требовала активизации действий. Приказом командарма № 012 от 2 марта ставилась задача на наступление, разгром противостоящего противника и овладение Лбищенском. К этому времени несколько пополнились отряды иваново-вознесенских ткачей и самарских рабочих. Ими была сменена находившаяся в армейском резерве, испытанная в боях и наиболее боеспособная 1-я бригада 25-й дивизии, выдвинутая в первый эшелон для наступления. Правой группе войск в составе Александров-Гайской бригады и вновь формируемого Балаковского полка предстояло овладеть станицей Сломихинской и выходом в тыл основной группировки противника отрезать ей путь отхода; совместно с Николаевской дивизией и 1-й бригадой 25-й дивизии, наносивших удар от Уральска на Лбищенск, уничтожить основную группировку противника южнее Уральска[496].

В частях и штабе Александров-Гайской бригады, организованной на базе отряда Винермана, не все было благополучно. Части все еще были засорены чуждыми эсероменьшевистскими и кулацкими элементами. После гибели в октябре 1918 года первого командира отряда, Винермана, в Савинском полку сформированной уже бригады был убит мятежниками его преемник Гербе. Заведующий политотделом бригады Ефимов и комиссар полка Федулов были арестованы. В бригаде до конца 1918 года продолжала иметь место выборность командиров. На общих собраниях решался и допуск назначавшихся в бригаду лиц командного и политического состава. Например, назначенный комиссаром бригады Лебедев не был допущен, а занял эту должность тот же заведующий политотделом Ефимов. Бывших офицеров в бригаде «решили» вообще не принимать[497]. Теперь бригадой командовал не преуспевавший в делах бывший полковник Андросов. Бригада 4 месяца стояла на месте. В такую недостаточно боеспособную

правофланговую группу армии, от которой во многом зависел теперь успех предстоящей операции, и назначался Чапаев.

Василий Иванович остался доволен встречей с М. В. Фрунзе и своим назначением. Делясь потом со своими товарищами впечатлениями от этой встречи, он говорил, что понимал и видел, как изучал его командующий, как он сам изучал командарма.

Получив назначение, Василий Иванович выехал в Уральск. Встреча с боевыми товарищами была оживленной. И. С. Кутяков вернулся после лечения и вновь командовал 1-й бригадой 25-й дивизии. И. М. Плясунков, бравший с этой бригадой Уральск, принял 1-ю бригаду Николаевской дивизии, которой командовал Чапаев до отъезда в академию. Некоторые, узнав о приезде Василия Ивановича, приезжали повидаться с ним с позиций. Собрались командиры и комиссары первых бригад 25-й и Николаевской дивизий, другие товарищи. Василий Иванович рассказал друзьям о Москве, об учебе, о встрече с Фрунзе, который произвел на него большое впечатление. Сообщил, что с разрешения командующего возьмет ряд командиров и штабных работников для формирования штаба и управления Александров-Гайской бригады и группы.

Согласовав с начальником Николаевской дивизии вопросы предстоящей операции, взяв с собой более двух десятков человек из Николаевской дивизии, Чапаев служебным вагоном выехал в Александров Гай. С ним уезжали Федор Потапов, Петр Чеков, Петр Исаев, Семен Туркин, Иван Долгушев, Алексей Васильев, Яков Володихин и другие.

В пути, который был не так далек, но в те времена продолжителен, был оформлен штаб, изучался приказ командарма, уточнялись данные о противнике и о своих войсках, готовились карты. Между работниками штаба производилось распределение функциональных обязанностей и инструктаж, так как некоторые не имели никакого опыта работы и были взяты как близкие, проверенные и надежные люди. Чапаев проинформировал о положении в частях Александров-Гайской бригады и состоянии ее управления. Рано утром 9 марта чапаевский вагон был доставлен на станцию Александров Гай. Подали лошадей. Чапаев, Потапов, Чеков, Исаев направились прямо на квартиру к Д. А. Фурманову, ожидавшему приезда Чапаева.

Д. А. Фурманов пришел в армию впервые. Родился он в 1891 году в селе Середа Костромской губернии (ныне г. Фурманов Ивановской области) в семье крестьянина. Окончил в Кинешме реальное училище. Обучался на филологическом факультете Московского университета. Затем работал в санитарных поездах и

летучках братом милосердия. Шла мировая война. В 1916 году возвратился в близкий ему город Иваново-Вознесенск. Преподавал на рабочих курсах. В 1917 году, по выражению самого Фурманова, «пламенные настроения, при малой политической школе» привели его в партию максималистов, а затем анархистов. В июле 1918 года по рекомендации М. В. Фрунзе вступил в Коммунистическую партию. После этого около шести месяцев был секретарем губкома РКП(б) и членом губисполкома в Иваново-Вознесенске[498].

Дмитрий Андреевич Фурманов, назначенный для ведения политической работы в Александров-Гайской группе, комиссар 25-й стрелковой дивизии.

В день приезда Чапаева в Александров Гай, 9 марта 1919 года, Фурманов записал: «Утром, часов в семь, я увидел впервые Чапаева. Передо мной предстал типичный фельдфебель, с длинными усами, жидкими, прилипшими ко лбу волосами; глаза иссиня-голубые, понимающие, взгляд решительный. Росту он среднего, одет по-комиссарски, френч и синие брюки, на ногах прекрасные оленьи сапоги. Перетолковав обо всем и напившись чаю, отправились в штаб. Там он дал Андросову много ценных

указаний и детально доразработал план завтрашнего выступления. То ли у него быстрая мысль, то ли навык имеет хороший, но он ориентируется весьма быстро и соображает моментально. Все время водит циркулем по карте, вымеривает, взвешивает, на слово не верит. Говорит уверенно, перебивая, останавливая, всегда договаривая свою мысль до конца. Противоречия не терпит. Обращение простое, а с красноармейцами даже грубоватое»[499]. «Доразработав» план бывшего полковника Андросова и его штаба, Чапаев приказал:

Краснокутскому стрелковому полку выступить в 19.00 9 марта из Казачьей (Русской) Таловки на Порт-Артур, откуда, после двухчасового привала (с 23.30 до 1 ч. 30 мин.), на Сломихинскую и к 6.00 10 марта подойти к пункту в 7,5 верстах от нее, установив связь с Интернациональным полком для одновременного удара.

Интернациональному стрелковому полку выступить из Саракупа 9 марта в 22.00 на Моч. Кожан и далее (после привала с 1.00 до 3.00) на Сломихинскую. К 6.00 10 марта подойти к пункту в 7,5 верстах северо-западнее Сломихинской и установить связь с Савинским полком.

Савинскому стрелковому полку в 20.30 9 марта выступить из Вербовского и к 1.00 подойти к месту двухчасового привала — южной оконечности озера Рыбный Сакрыл. К 6.00 10 марта выйти к М. Кара-Уткуль, в 7,5 верстах юго-восточнее Сломихинской, установив связь с Интернациональным полком для нанесения одновременного удара по противнику.

Артиллерии (прямой наводкой) открывать огонь по взводу от батареи, не допуская одновременного подавления артиллерией противника всей батареи. При обнаружении батарей противника немедленно заставить их замолчать вторыми взводами (схема 11)[500].

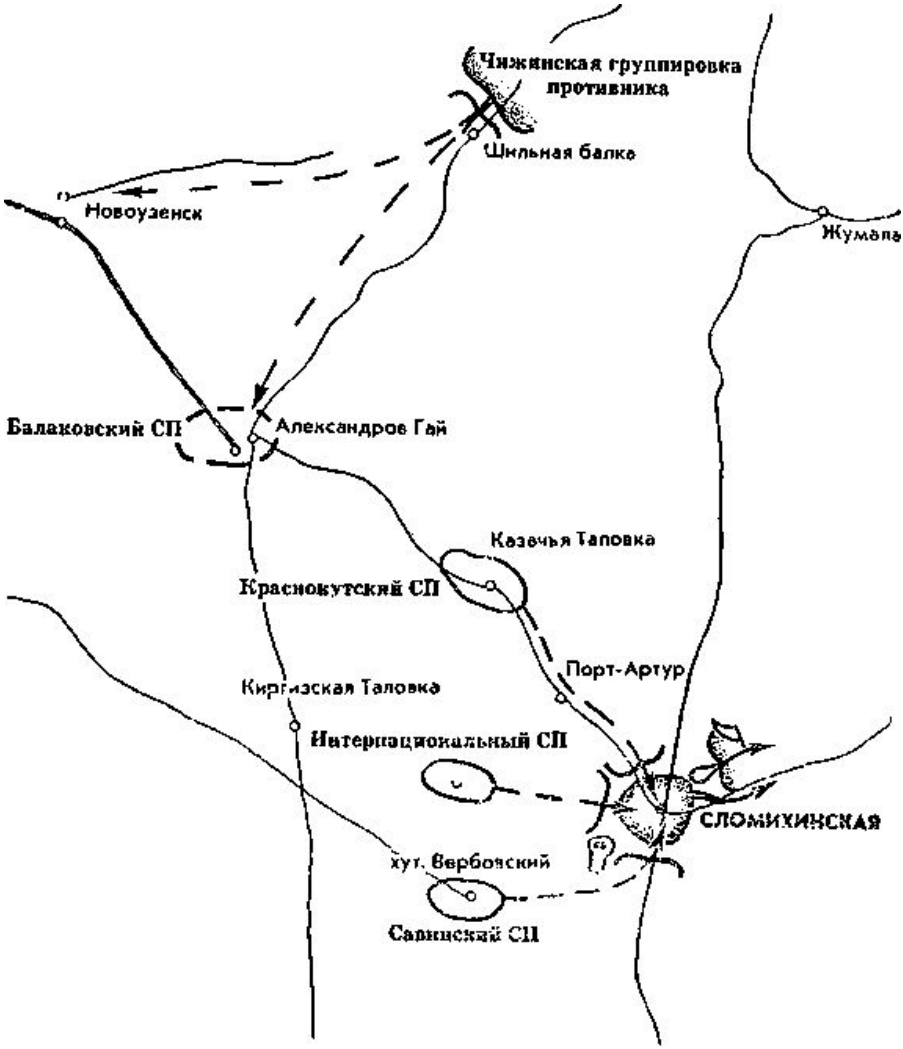


Схема 11. Взятие станицы Сломихинская 10.III.1919 г.

Формировавшийся Балаковский полк находился еще в городе Красный Кут и по приказу Чапаева срочно перебрасывался для участия в проводимой операции в Александров Гай, а затем в Казачью (Русскую) Таловку[501]. Месяцами сидевший здесь и не сумевший овладеть Сломихинской Андросов скептически улыбался. Чапаев продолжал диктовать, не обращая на это внимания.

Внимательно наблюдал за Чапаевым Фурманов. Стоял, присматривался, восторгался и опасался новой для него среды.

«Чапаев — герой, — рассуждал он с собою. — Он олицетворяет собою все неудержимое, стихийное, гневное и протестующее, что за долгое время накопилось в крестьянской среде. Но стихия… черт его знает, куда она мо…»

<В оригинале отсутствует стр. 215. — Прим. авт. fb2>

…хорошо окопан, укрыт за домами и другими постройками. Наступавшие же залегли под огнем на снегу и, видные как на ладони, оказались в трудном положении. В этот напряженный момент слева показалась казачья конница. Глубокий снег не позволил ей развить стремительную атаку, и Чапаев успел перебросить на левый фланг полка пулеметную команду. Конница была встречена плотным огнем пулеметов и артиллерийской батареи, бившей картечью. В рядах конников образовалась свалка, замешательство, а в следующий момент они уже гнали лошадей обратно, неся большие потери.

Отбив контратаку, артиллеристы перенесли огонь по пулеметам на мельницах и, как только ослаб их губительный огонь, бойцы Краснокутского полка перебежками стали сближаться с противником, чтобы затем устремиться в атаку.

Интернациональный полк тем временем вышел к Сломихинской с запада и завязал бой на ее окраине. Противник ожесточенно сопротивлялся, вел огонь из окон и с крыш домов, но интернационалисты, уничтожая огневые точки, настойчиво пробивались к центру станицы. В Краснокутском полку уже дружно гремело «ура!». Бойцы устремились в атаку. Сопротивление противника заметно ослабло, а вскоре и окончательно было сломлено. Всюду были видны разгоряченные боем красноармейцы.

С юга с запозданием подходил к Сломихинской недисциплинированный Савинский полк, «усомнившийся» в своем командире, который якобы уводил их к противнику. С наступлением надолго задержались, шумели, «выясняли», ко времени не подоспели, в бою не участвовали, дали возможность противнику отвести свои силы. Возмутительное поведение полка много доставило хлопот Чапаеву, который во время боя гнал туда гонцов, не имея с полками связи и не зная, в чем дело.

Тяжело переносил сломихинский бой Д. А. Фурманов. «Отлегло, стало дышаться легче», — отметил он в дневнике, когда узнал о взятии Сломихинской[502].

Но как бы ни было в бою, а через два часа в штаб армии доносили:

«Сегодня в 13 часов станица Сломихинская занята войсками Александров-Гайской группы. С нашей стороны потери незначительные. Силы противника в два раза превышают численность наших войск. Техническое вооружение противника — 5 трехдюймовых орудий, одно — 11,2 дюйма и более 30 пулеметов. Противник отступил по направлению Мар Тазуба в 25 верстах северо-восточнее Сломихинской.

Комбриг Чапаев, военком Фурманов»[503].

После боя пришлось заниматься не только Савинским полком. Если Савинский полк не участвовал в овладении Сломихинской, то Интернациональный полк отказывался наступать дальше. Он был укомплектован бывшими военнопленными австро-германской армии, работавшими в 1915–1918 годах в приволжских городах — Самаре и Симбирске — и изъявившими желание вступить добровольцами в Красную Армию. Большинство их стремилось на Западный фронт, чтобы принять участие в революционном движении у себя на родине, в Австрии, Венгрии и Германии. В данный момент этот вопрос был остро поднят приехавшей из Астрахани делегацией военнопленных с целью отправки интернационалистов полка в Астрахань и далее на запад. С их уходом в Александров-Гайской группе осталось бы 700 штыков при отсутствии специалистов — пулеметчиков и артиллеристов. Это грозило срывом начатой операции, о чем 11 марта М. В. Фрунзе сообщал телеграммой в Реввоенсовет Восточного фронта[504]. В конце концов интернационалисты, поняв необходимость, остались. Многие из них позднее прекрасно сражались в составе Чапаевской дивизии.

Не обошлось в Сломихинской и без случаев грабежей, хотя и мелких. Отдельные бойцы позволяли себе брать вещи даже совершенно ненужные, «просто так», по распущенности. Узнав об этом, В. И. Чапаев распорядился провести утром следующего дня митинги во всех полках. Красноармейцы поклялись впредь не допускать подобного, борясь с этим злом в своей среде самым беспощадным образом[505]. На митинге Фурманов впервые слушал Чапаева и описал потом воздействие его речи на бойцов в романе «Чапаев».

Недостойно вело себя и бывшее командование бригады. Со взятием Сломихинской напились пьяными и вели себя недопустимо бывший командир бригады Андросов, начальник штаба бригады и другие лица. Чапаев приказал всю пьяную компанию арестовать и отправить в Александров Гай. Заведующий политотделом бригады Ефимов занял при этом неправильную позицию. Его обеспокоили не поведение Савинского полка, не выступления в Интернациональном полку, не случаи грабежей населения красноармейцами и бесчинства пьяных «руководителей», в чем и его вина, заведующего политотделом, а возмутили меры, принятые Чапаевым по наведению дисциплины и порядка в бригаде. Признавая арест правильным, он в то же время заявил, что Чапаев вносит дезорганизацию и анархию и что работать с ним он не желает. Между Ефимовым и работником политотдела армии Мюратом по

поводу ареста произошел следующий разговор по прямому проводу.

«Мюрат: Зав. политотделом армии тов. Кучмин предлагает сообщить подробности ареста штаба бригады, так как из политических известий ничего толком понять невозможно. Сообщите, можете ли из ваших сотрудников назначить временно заведующим политотделом до приезда нового?

Ефимов: Я сообщал, что начальник бригады и начальник штаба, зав. оперативным отделом, комендант станицы Сломихинской, врид политкома бригады арестованы помощником политкома кавалерийского дивизиона за пьянство. Арестованы они при выходе из штаба бригады. Политком связи, тоже бывший в пьяном виде, скрылся неизвестно куда. Пять арестованных под конвоем прибыли в Александров Гай. Штаб бригады тоже прибыл в Александров Гай.

Прошу вас, чтобы вы назначили вместо меня на должность политкома бригады. Я работать в этой должности с партизанами не могу. Желаю остаться зав. политотделом. На должность политкома бригады временно можно назначить одного из сотрудников или комиссаров части. Сейчас затрудняюсь назвать кого, так как сейчас в бригаде полный хаос. Завтра созываю собрание всех политкомов и политсотрудников, тогда только могу сказать, кого назначить врид комиссаром бригады, но боюсь, что желающих заступить на эту должность, возможно, не окажется, так как все сотрудники и политкомы резко осуждают дезорганизованность и взгляды на армию чапаевских помощников, которые находятся в бригаде, в частности, вновь назначенный начальником бригады Потапов.

Мюрат: За сведения благодарю. Вызывать охотников на вашу должность не рекомендую. Скажите, ваш уход объясняется последней причиной или есть еще другие?

Ефимов: На три четверти повлияли последние путаные распоряжения штарма-IV и анархия, внесенная Чапаевым. Об этом завтра представлю протокол нашего заседания. Кроме того, я занимаю две должности, истрепался нервами и думаю, что необходима моя замена другим, более хладнокровным работником. А меня прошу заменить как в должности политкома бригады и в последующем заведующего политическим отделом.

Мюрат: Скажите, существует ли единство мнений по отношению к чапаевцам между вами и Фурмановым? А также как относитесь к аресту штаба бригады, и не примешано ли тут что-нибудь другое? Рекомендую по окончании разговора взять ленту нашего разговора. Вопросы, поднятые вами, поставлю на обсуждение и отвечу завтра.

Ефимов: Между мною и Фурмановым почти не было никакого разговора о Чапаеве, за исключением моих слов, что я с Чапаевым работать не могу. Арест поименованных лиц произведен правильно, так как некоторые бесчинствовали и были в бессознательном состоянии. Как работники они сейчас были бы, ввиду перегруппировки, крайне необходимы»[506].

Между тем группировавшийся в районе Чижинских форпостов противник предпринял наступательные действия на город Новоузенск. Ему противостояли только небольшие силы, собранные новоузенским военкомом[507]. Успешное наступление белых по тылам Александров-Гайской группы могло привести к захвату Новоузенска и Александров Гая, к нарушению железнодорожного сообщения с Саратовом и Уральском, к изоляции Александров-Гайской группы в степях, к срыву ее дальнейшего наступления на Лбищенск — в тыл основной уральской группировки противника. От Чапаева требовалось срочно перегруппировать свои силы навстречу противнику в район Шильной Балки.

Фурмановым в то время сделана следующая запись о Чапаеве: «Насколько он быстр в решениях, настолько же тверд и в проведении этих решений. Свое дело знает, в себя верит крепко, в чужих советах не нуждается и делает все самостоятельно. Работник он неутомимый. Голова не знает иных забот, кроме своего дела. Оно его поглощает всецело. В ночь моего отъезда, например, он сидел до 6 часов утра и все разрабатывал план переброски полков на Шильную Балку, писал приказы, говорил по прямому проводу с центром, а меня будил через каждый час, чтобы подписать тот или иной приказ. Работник, повторяю, неутомимый. Инициативы в нем много. Ум у него простой и ясный, схватывает все быстро и схватывает за самую сердцевину. В нем все простонародно и грубо, но и все понятно. Лукавства нет, за лукавство можно по ошибке принять требуемую иногда обстоятельствами осторожность. Словом, парень молодец. Натура самобытная, могучая и красивая»[508].

Командарму Чапаев 12 марта доносил, что в 5 часов Балаковский и Савинский полки выступили на Шильную Балку под руководством командира Балаковского полка Зубарева[509]. На следующий день, 13 марта, через дежурного по штабу армии Чапаев доложил, что путь в той местности испортился совершенно. Дорога на Лбищенск через чижинские разливы залита водой. Люди в валенках. На санях ехать невозможно, фургонов нет. Выступить на Лбищенск ранее, чем через четверо суток, не сумеет. Главные силы направлены в Шильную Балку и на их возвращение потребуется не менее четырех суток. В

Сломихинской же всего 700 человек, с которыми идти на Лбищенск, при всей слабости противника, недопустимо. К тому же через 4 дня чижинские разливы отрежут путь и, в случае неуспеха и вынужденного отхода, люди могут погибнуть. От Сломихинской до Шильной Балки, как и до Лбищенска, 150 верст. Для перехода всеми силами потребуется 10 суток. Наступление станет возможным, если в течение недели будут морозы[510].

Понимая создавшиеся для Александров-Гайской группы условия, М. В. Фрунзе из Самары к исходу того же дня ответил: «Сегодня Уральской группой занят Скворкин, где опять сдалось 200 человек. Это доказывает полную деморализацию противника и диктует вместе с тем необходимость скорейшего окончательного удара. Я хочу не допустить отхода хотя бы части сил его к югу и главное — увоза оружия. Вот почему при первой возможности атакуйте. Ничего больше сказать не могу, полагаясь на то, что, зная общую задачу, вы сами на месте решите, как ее лучше выполнить»[511].

Одновременно 13 марта 1919 года Фрунзе отдал приказ № 014, в котором говорилось, что боевая задача армией частью уже выполнена, войска Александров-Гайской группы овладели районом Сломихинской, войска Уральской группы — Скворкином. Взяты трофеи и 800 пленных, часть из которых сдалась в конном строю и с оружием. Войскам выражалась благодарность и приказывалось: Александров-Гайской группе, удерживая район Сломихинской, овладеть районом Богатырев, Шильная Балка, Чижинский 3-й для обеспечения тыла, продолжать, насколько возможно, наступление в направлении на Мергеневский, Лбищенск, угрожая тылу главных сил противника. Уральской группе продолжать наступление и овладеть Лбищенском[512].

Понимая общую задачу армии, Чапаев принимал все меры, стремясь выполнить приказ, но безуспешно. Через сутки он доложил, что наступление на Лбищенск приостановлено: дороги совершенно испортились, кругом вода, снег сошел весь. Лошади в санях через 5 верст попадали. Через чижинские разливы перебраться невозможно. Направленные батальон пехоты и эскадрон кавалерии перейти их не смогли. По сведениям, полученным от местных жителей, выйти к Уралу будет невозможно до мая. Просил распоряжения формировать транспорт для летней операции или перебросить на другой участок, так как бездействовать целый месяц невозможно. Дислокацию группы пока наметил в Сломихинской, Киргизской Таловке, Шильной Балке и Чижинском 3-м, так как

более остановиться негде. На донесении — резолюция Фрунзе: «Действия Алтайской группы, по-видимому, засыпались»[513].

В разговоре по прямому проводу с командующим войсками фронта 18 марта М. В. Фрунзе сообщал, что «к югу от Уральска мы почти у Лбищенска (на следующий день Лбищенск был взят. — *Авт.*). Должен сказать, что противник все время оказывал ожесточенное сопротивление, особенно упорно отстаивал форпост Кожехаровский. В одном переходе от Лбищенска, где бой шел почти целый день и где он переходил в наступление, у нас в 1-й бригаде 25-й дивизии выведен из строя почти весь командный состав и вообще потери значительны, но и противнику досталось здорово. Указанную бригаду отвожу в тыл для отдыха и пополнения, а также для подготовки к будущим операциям».

На это сообщение командующий войсками фронта С. С. Каменев ответил Фрунзе: «Работа вашей армии превзошла все ожидания — единственная светлая страница нынешних дней фронта. Меня бы очень устроило, если бы 1-я бригада расположилась в районе Кинель, но опасаюсь ее слабости, привязанности к месту. Вот из-за этого приходится довольствоваться, если она расположится где-либо между Самарой и Саратовом, хотя если опасений в этом отношении у вас нет, то Кинель особенно желателен исключительно из-за обстановки на фронте»[514].

У М. В. Фрунзе, узнавшего полки 25-й и Николаевской стрелковых дивизий, как и самого Василия Ивановича, опасений не было. Бригада была направлена в Кинель. В тяжелейших условиях весенней распутицы и необеспеченности войска армии достойно выполнили поставленные им задачи. В обращении М. В. Фрунзе 19 марта 1919 года к воинам говорилось: «Войска IV армии овладели районами Лбищенска и Сломихинской, ближайшая поставленная им задача, таким образом, выполнена. Главные силы врага разбиты и рассеиваются на мелкие отряды.

Поздравляю все части геройской IV армии с победой. Отмечаю высокодоблестное поведение при тяжелой обстановке всего состава войск, начиная от рядовых и кончая командирами.

Особо должен оттенить деятельность частей 1-й бригады 25-й дивизии, потерявших за время многодневных боев значительную часть командного состава и тем не менее геройски бивших и гнавших врага вплоть до Лбищенска.

Именем рабоче-крестьянской Советской России приношу благодарность всему составу войск Уральской и Александров-Гайской групп. Россия труда может быть гордой своими товарищами»[515].

В ходе боевых действий командованием вносились изменения в организацию войск, вызываемые обстановкой. В приказе М. В. Фрунзе № 1 от 17 марта 1918 года объявлялось о назначении его командующим Южной группой войск, в которую, кроме IV армии, вводилась Оренбургская дивизия, развертываемая в Туркестанскую армию в составе стрелковой и кавалерийской дивизий. Реввоенсовет и управление IV армии становились одновременно Реввоенсоветом и управлением Южной группы.

Определялся состав соединений и частей группы. По IV армии в Николаевскую дивизию (в этом же приказе объявлено о присвоении ей № 22), помимо отдельных частей и подразделений, включались: 1-я бригада — Пензенский, Балашовский и Покровский стрелковые полки; 2-я бригада — Ново-Орлово-Куриловский, Малоузенский и 2-й Покровский стрелковые полки; 3-я бригада — Новоузенский, Мусульманский, 3-й Покровский стрелковые полки. В 25-ю дивизию (управление формировалось за счет управления бывшей 25-й стрелковой дивизии, переданного в IV армию): 1-я бригада — 217-й, 218-й, 219-й стрелковые полки; 2-я бригада формировалась особым распоряжением; 3-я бригада — Иваново-Вознесенский, Самарский и 224-й стрелковые полки. В Александров-Гайскую отдельную бригаду входили Интернациональный, Савинский, Краснокутский и Балаковский стрелковые полки[516].

Времени на организацию отводилось мало. Через двое суток последовал приказ, в котором требовалось от Туркестанской армии с Александров-Гайской бригадой, без одного полка, оборонять Оренбургскую область, заняв Актюбинск, Илецк, Ново-Илецкую, Илецкий Городок; 22-й дивизии с полком Александров-Гайской бригады — удерживать от противника Уральскую область, выдвинувшись на линию Джамбейтинская Ставка, Сахарная, пос. Кызыл-Убинский, Сломихинская.

Александров-Гайской бригаде, оставив полк с батареей в районе Сломихинской, следовать по железной дороге в Уральск и далее походным порядком в район Илецкого Городка.

25-й дивизии составить резерв Южной группы и, следуя по железной дороге из Уральска через Саратов и Самару, сосредоточиться: 1-й бригаде с Самарским полком — в районе станции Богатое, Алексеевское; Иваново-Вознесенскому полку — в Самаре; 3-й бригаде — в районе Борская, Благовещенская; 224-й полк бригады направить в указанный район через Новое Сергиевское и далее по железной дороге, после смены его в Илецком Городке частями Александров-Гайской бригады. Управлению 25-й дивизии прибыть в Кинель[517].

Из приказа видно, что М. В. Фрунзе, оставляя минимальные

силы для удержания занимаемого войсками положения в Уральской и Оренбургской областях, выводил 25-ю дивизию в резерв по линии железной дороги Самара — Бузулук. Резерв ставился на самарском направлении вероятного наступления противника и к тому же обеспечивал тыл Южной группы от возможной ее изоляции от войск фронта.

Подводя некоторый итог боевых действий IV армии в зимний период 1918–1919 годов, можно сказать следующее. Ее частями были освобождены важные в оперативном отношении Уральск, Сломихинская, Лбищенск и большой район Уральской области. В проведенных боях контрреволюционное казачество понесло тяжелое поражение. Но и на этот раз ему удалось избежать полного и окончательного разгрома. Полки IV армии снимались с уральского участка фронта и направлялись против войск Колчака. Уральское казачество снова получило передышку и возможность восстановления сил.

X. На Колчака!

В 1919 году в строительстве Советского государства и его обороны важную роль сыграл VIII съезд партии. Он принял новую программу, определившую задачи на весь переходный от капитализма к социализму период, обсудил военное положение и военную политику, вопрос о работе в деревне и другие. Вопрос об отношении к среднему крестьянству был одним из важнейших на съезде. Политика нейтрализации середняка, проводившаяся в период подавления буржуазии и утверждения диктатуры пролетариата, заменялась политикой союза с ним. Прочный союз с середняком, при опоре на бедноту, для борьбы с кулачеством и всеми другими врагами Советской власти являлся одной из ответственных задач социалистического строительства в стране, где преобладало мелкое земледелие. В условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции это был союз военно-политический, на основе которого создавалась массовая Рабоче-Крестьянская Красная Армия и от чего во многом зависел ход и исход войны. Решения съезда по вопросам военного строительства вооружили партию четкой программой создания регулярной Красной Армии, организации в ней партийно-политической работы и подготовки резервов. Съезд осудил извращения военной политики партии Троцким, порочную практику привлечения в армию бывших офицеров без должной проверки их благонадежности. Были отклонены требования «военной оппозиции», выступившей против создания регулярной дисциплинированной Красной Армии, централизованного военного управления и единого командования всеми вооруженными силами. Съезд указал, что партизанские методы борьбы необходимы пролетариату, когда он завоевывает власть. Но завоевав власть, рабочий класс получил возможность использовать государственный аппарат для планомерного строительства централизованной армии. В этих условиях проповедь партизанщины как военной программы выглядит как проповедь возвращения от крупной индустрии к кустарному ремеслу.

Дальнейшее укрепление Красной Армии остро диктовалось положением Советской страны, ведущей тяжелую войну и борьбу с разрухой. К весне 1919 года правительства стран Антанты выработали новый план задушения Советской республики. В нем главная роль отводилась армиям внутренней контрреволюции и силам малых государств, граничащих с Советской Россией.

Главный удар предполагалось нанести силами Колчака,

отвлечь часть сил советских войск с юга, дать возможность Деникину нанести удар на Москву. Нанесение вспомогательного удара на петроградском направлении возлагалось на Юденича. В объединенном походе должны были принять участие смешанные войска интервентов и белогвардейцев на севере и в Туркестане, предусматривались активные действия против Советской Республики вооруженных сил Польши, Финляндии и прибалтийских государств. Антанта же, оставляя свои войска в захваченных районах, брала на себя всестороннее обеспечение всех контрреволюционных сил.

Наступление Колчака началось 4 марта 1919 года. Им было выставлено против советских войск Восточного фронта 130–145 тысяч штыков и сабель, 1300 пулеметов, 211 орудий. Советские войска на 1800-километровом фронте имели 100 тыс. штыков и сабель, 1882 пулемета, 374 орудия[518]. Некоторое преимущество советских войск в пулеметах и орудиях сводилось на нет недостатком боеприпасов.

Особенность группировки войск сторон заключалась в том, что на правом крыле фронта (Сибирская армия) белые уступали в численности, на левом силы были примерно равны. В центре (Западная армия), на Уфимском направлении, противник имел пятикратное превосходство в людях, двойное — в артиллерии против слабой V армии и нависал над ее открытым левым флангом, где был у нее разрыв со II армией в 50 километров. Для войск Восточного фронта, вытянутых в линию и при отсутствии резервов, в такой группировке таилась большая опасность.

При разработке плана предстоящего наступления среди военных представителей Антанты и в колчаковском командовании мнения разошлись. Представитель Англии настаивал на нанесении главного удара Сибирской армией Колчака на Вятку и Вологду — с целью соединения с английскими войсками на севере, оттуда — через Ярославль на Москву. Это усилило бы влияние Англии на Колчака, так как снабжение его войск стало бы осуществляться через Архангельск, находившийся в руках английских интервентов. Представитель Франции и некоторые лица из колчаковского командования предлагали нанести главный удар силами Западной армии Колчака на Среднюю Волгу, чтобы соединиться с войсками Деникина для совместного удара на Москву с востока и юга. Колчак, зависевший больше от англо-американских агрессоров, должен был считаться в первую очередь с ними. Кроме того, он был заинтересован овладеть Москвой без участия Деникина, считая, что «кто первый войдет в Москву, тот будет господином положения»[519].

В середине февраля Колчак поставил армиям задачу занять к началу апреля более выгодное положение для решительного весеннего наступления: Сибирской армии предстояло разбить II армию и овладеть районом Воткинск, Ижевск, Сарапул; Западной армии — районом Бирск, Белебей, Стерлитамак, Уфа; армии Дутова — овладеть Оренбургом и соединиться с Уральской белоказачьей армией.

Наступление колчаковских войск началось ударом Сибирской армии в стык между II и III армиями. С захватом (7 и 8 марта) Оханска и Осы армия стала развивать наступление на сарапульском направлении. В течение марта II и III армии вели ожесточенные оборонительные бои, сдерживая натиск противника, но 1 апреля начался отход за Каму, 7 и 10 апреля были сданы Воткинск и Сарапул. За месяц боев II армия потеряла до 10 тысяч человек. Большие потери имела и III армия. Сибирская армия Колчака, также с большими потерями, сумела продвинуться на 80—130 километров.

Западная армия Колчака нанесла удар в центре Восточного фронта по левому флангу V армии и 6 марта смяла его. 10 марта колчаковцы захватили Бирск, 14 марта — Уфу. В Уфе в руки белых попали большие запасы хлеба, фуража, суда речной флотилии. Мост через реку Белую остался неповрежденным. Это позволило противнику воспользоваться железной дорогой и в тот же день захватить станцию Чишма. Центр Восточного фронта оказался прорванным. Потеряв половину своего состава, V армия отходила по двум расходящимся направлениям вдоль железных дорог на Бугульму и на Белебей, что еще больше расширяло прорыв. В тылу советских войск, в Самарском, Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском уездах, 8 марта вспыхнули контрреволюционные мятежи. В ночь на 11 марта в Самаре взбунтовался и захватил склады с оружием 175-й полк[520].

Белогвардейское командование попыталось использовать благоприятную для него обстановку, но после захвата Уфы войска противника встретились со все возраставшим сопротивлением советских войск. Ожесточенные бои вели 26-я и 27-я дивизии V армии и подошедшие им на помощь части I армии, задержавшие на 12 дней противника на важнейших направлениях: через Бугуруслан на Самару и через Бугульму на Симбирск. Но сдержать нараставший натиск противника советские части не смогли и 1 апреля снова начали отход. Были оставлены Мензелинск, Бугульма, Белебей, Стерлитамак. Отступление V армии вынудило к отходу и I армию, глубоко продвинувшуюся к Южному Уралу. Казачья армия Дутова 11 апреля захватила

Актюбинск, перерезав железную дорогу Оренбург — Ташкент. К середине апреля наступление войск Колчака достигло наивысшего напряжения. Его армии находились в 85 километрах от Казани и Самары, немногим более 100 километров от Симбирска. В образовавшийся 150-километровый разрыв между II и V армиями устремились войска противника. Продвижение белых к Волге, в район Самары, ставило под угрозу охвата все правое крыло Восточного фронта, а отход советских войск за Волгу привел бы к соединению Колчака с Деникиным[521]. Положение осложнялось наступательными действиями контрреволюционных сил на других фронтах.

Надвигавшаяся грозная опасность потребовала огромного напряжения всех сил, мобилизации людских и материальных ресурсов, укрепления Красной Армии. Программу действий Коммунистической партии по мобилизации сил против Колчака Центральный Комитет изложил в «Тезисах ЦК в связи с положением Восточного фронта». По призыву Центрального Комитета развернулась мобилизационная работа в губерниях, уездах и волостях. Большая работа по мобилизации коммунистов, рабочих, членов профсоюза и комсомола проводилась в Петрограде и Москве. Необходимо было создать превосходство в силах над Колчаком, не отрывая сил с юга. «Для Восточного фронта, — говорил В. И. Ленин на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 17 апреля 1919 года, — мы соберем новые армии, и для этого объявлена нами мобилизация»[522].

Мобилизация, объявленная в девяти центральных губерниях, должна была срочно дать десятки новых полков и пополнять действующие части. Всего в Красную Армию было направлено в этот период более 877 тыс. человек[523]. Были приняты меры к увеличению производства вооружения и боеприпасов.

Мобилизация позволила уже в апреле оказать помощь Восточному фронту. Коммунистические и рабочие части и подразделения направлялись прежде всего из прифронтовых районов, а также группы коммунистов и добровольцев — из центральных губерний.

Но для того, чтобы возможно быстрее остановить продвижение белых армий к Волге, необходимо было найти силы на самом Восточном фронте. Такие силы имелись на правом его крыле, где действовали почти не затронутые колчаковским наступлением и имевшие меньшие потери IV и вновь созданная Туркестанская армии.

По предложению фронтового командования 7 апреля 1919 года М. В. Фрунзе принял командование Южной группой в

составе I, V, VI и Туркестанской армий. Членами Реввоенсовета этой группы армий были назначены В. В. Куйбышев, заместителем командующего — Ф. Ф. Новицкий.

Михаил Васильевич Фрунзе — командующий IV армией, Южной группой войск Восточного фронта, Восточным и Туркестанским фронтами.

Валериан Владимирович Куйбышев — член Реввоенсовета IV армии Южной группы войск Восточного фронта, Туркестанского фронта.

Создание Южной группы более сильного состава и принятие плана Фрунзе было важнейшим шагом в организации разгрома Колчака. Замысел Фрунзе сводился к решительному приостановлению дальнейшего продвижения противника, скорейшему созданию сильной ударной группировки из наиболее боеспособных частей I, IV и Туркестанской армий в районе города Бузулука, нанесению удара в северном направлении во фланг и тыл выдвинувшейся к Бугуруслану Западной армии генерала Ханжина, наступавшей на самарском направлении, ее разгрому и воспрещению отхода на восток.

Несмотря на весеннюю распутицу, части ударной группы выдвигались в район Бузулука. Сюда же направлялась 25-я стрелковая (бывшая Самарская) дивизия в новом составе. Дело было в том, что в конце 1918 года она была передана I армии. По ходатайству вступившего в командование IV армией М. В. Фрунзе Реввоенсовет Восточного фронта 3 февраля 1919 года вынес решение о передаче 1-й бригады и кавалерийского полка 25-й дивизии, находившихся в районе Уральска, в IV армию[524]. В последующем командующий I армией 2-ю и 3-ю бригады (кроме 224-го стрелкового полка 3-й бригады) включил в состав 20-й дивизии. Таким образом, известная в Среднем Поволжье дивизия перестала существовать.

Став командующим армиями Южной группы, М. В. Фрунзе 25-ю стрелковую дивизию воссоздал. Оставшееся без войск управление дивизии и 224-й полк также были возвращены в IV армию. Приказом от 17 марта 1919 года определялся состав соединений и частей Южной группы, порядок их комплектования и формирования[525]. Этим приказом положено и начало воссоздания 25-й стрелковой дивизии.

В день подписания приказа В. И. Чапаев и Д. А. Фурманов уже выехали по вызову М. В. Фрунзе из Александров Гая в Самару. «Путь грандиозный, свыше четырехсот верст, — писал в своем дневнике Фурманов. — Мы были в пути четыре дня: выехали семнадцатого в час дня, приехали двадцать первого в три часа дня.

Чапая всюду крестьяне встречали восторженно; в Совете лишь только узнавали, что приехал Чапай, — начинали говорить шепотом, один другому передавал, что приехал Чапай, и молва живо перебрасывалась на улицу. Стекался народ посмотреть на героя, и скоро Совет сплошь набивался зрителями. А когда

уезжали, у ворот тоже стояли любопытные и провожали нас взорами. Популярность его всюду огромная, имя его известно решительно каждому мальчугану. В одном селе как раз попали на заседание Совета. Его пригласили „хоть что-нибудь сказать“, и он рассказал крестьянам о положении наших дел на фронте. Крестьяне шумно выражали ему свою благодарность»[526].

В Самаре М. В. Фрунзе коротко ознакомил прибывших с обстановкой и тяжелым положением, создавшимся на Восточном фронте, с вытекавшими из него задачами Южной группы и IV армии. Вечером пригласил к себе во флигель рядом со штабом (теперь в этом здании музей М. В. Фрунзе) пить чай. Там, выслушав мнение и Д. А. Фурманова, он объявил Василию Ивановичу о назначении его начальником 25-й дивизии.

Сведение прежних пяти боевых полков вновь в 25-ю дивизию, оказание доверия этим полкам, как и ему, Чапаеву, назначение начальником именно той дивизии, от которой его изолировали, — все это никто не мог понять, прочувствовать и оценить лучше, чем сам Василий Иванович.

Непринужденная обстановка, в которой происходил разговор с командующим, простое обращение переполнили сердце Чапаева чувством величайшей благодарности к этому человеку. Большое уважение и любовь к М. В. Фрунзе Чапаев сохранил до конца своей жизни, а его выбор и доверие блестяще оправдал, как оправдали и созданные им полки. Комиссаром дивизии назначался Д. А. Фурманов. В итоге разговора и обмена мнениями на следующий день Александров-Гайская бригада приказом войскам Южной группы № 2 от 22 марта 1919 года была включена в состав 25-й стрелковой дивизии как 2-я ее бригада. Интернациональный полк бригады этим приказом расформировывался. Савинский полк, согласно ранее отданному приказу № 015 от 19 марта 1919 года, оставался в оперативном подчинении начальника 22-й (Николаевской)[527] дивизии в районе Сломихинской; остальные части бригады, согласно тому же приказу, должны были отправиться в Илецкий Городок, в оперативное подчинение командующего Туркестанской армией[528].

Чапаев и Фурманов, не задерживаясь в Самаре, выехали в Уральск. Попутно, как и при следовании в Самару, заехали в Клинцовку, к семье Василия Ивановича. В тот день провели в селе митинг, а вечером по случаю приезда гостей в Народном доме был показан спектакль, поставленный участниками художественной самодеятельности. С утра следующего дня выехать не смогли: нездоровилось Д. А. Фурманову, но днем он выступил в том же Народном доме с лекцией о Парижской

Коммуне. Из Клинцовки убыли через день после приезда. Это был последний приезд Василия Ивановича в семью.

В Уральске было много неотложной работы. Расформировывался Интернациональный полк. Интернационалисты с полным вооружением отправлялись в распоряжение штаба IV армии в Самару, остальной личный состав полка распределялся по частям внутри бригады. Все части дивизии требовалось срочно отправлять в районы Самары, Бузулука, Илецкого Городка. Подвижного состава на железных дорогах не хватало. Отправлять части без промедления своим ходом не представлялось возможным: санный путь кончился, колесный транспорт в войсках отсутствовал. Необходимо было повсеместно мобилизовать крестьянские подводы. Нужна была кожаная обувь.

1-я бригада дивизии была отправлена в район Бузулука только 27 марта, то есть через 8 суток после подписания приказа, походным порядком. Артиллерию удалось отправить железной дорогой. Александров-Гайская бригада перевозилась по железной дороге в Уральск для дальнейшего следования в Илецкий Городок своим ходом. Не закончившие формирование Иваново-Вознесенский и Самарский полки отправлялись в Самару. Управление дивизии, бывшее до этого в I армии, находилось в Илецком Городке и, вследствие оторванности от войск, в перегруппировке частей не участвовало. Для некоторых это было и не столь важно, их интересовало другое, о чем свидетельствует разговор по прямому проводу комиссара штаба дивизии Чакина и заведующего политотделом Шунякова с адъютантом М. В. Фрунзе Сиротинским.

«Сиротинский: Тов. Чакин, тов. Кучмин поручил мне вас выслушать.

Чакин: Здравствуйте, товарищ. Я хотел бы выяснить более ясно положение в нашей дивизии. В настоящее время у нас имеется три начальника дивизии: т. Восканов, т. Луговенко (начальник штаба дивизии Луговенко оставался за Восканова. — *Авт.*) и, по последним сведениям, т. Чапаев. Тов. Восканов производит закупку в Москве для дивизии различных необходимых вещей. Тов. Луговенко управляет сейчас дивизией. Тов. Чапаев тоже издает приказания, которые в некоторых случаях расходятся с приказаниями т. Луговенко. Кроме того, штаб группы делает распоряжения как Чапаеву, так и Луговенко и тоже иногда противоречивые. Еще желательно узнать, кто у нас сейчас политком дивизии? До сих пор у нас был Куклин, который сейчас находится в Самаре. Но за последнее время мы стали получать телеграммы на имя политкома дивизии т. Фурманова,

который находится при Чапаеве и уже подписывает телеграммы совместно с Чапаевым. Если вы на это мне ответите, то я еще буду с вами разговаривать. Еще будет говорить заведующий политодивом тов. Шуняков.

Сиротинский. Приказом по армии начдивом назначен т. Чапаев, а военным комиссаром дивизии т. Фурманов Дмитрий Андреевич. Это я вам сообщаю официально, и, следовательно, все ваши недоумения по вопросу, кто начальник дивизии и кто комиссар, — отпадут. Во всяком случае, весь разговор передам и командарму, и т. Кучмину. Какие вопросы есть еще? У тт. Фурманова и Чапаева имеются соответствующие мандаты о назначении того и другого. Куклину это известно.

Шуняков: У аппарата заведующий политодивом. Здравствуйте, т. Сиротинский. Мы на днях получили в распоряжение 25-й стр. дивизии первую бригаду, бывшую до сего времени в распоряжении Николаевской дивизии. Бригада в боевом отношении хорошая, по в смысле дисциплины и всего остального сильно разложена. Наблюдаются партизанские замашки, что, как видно, есть результат временной работы бригады в Николаевской дивизии. Когда 1-я бригада находилась в нашем распоряжении, таковая была передана Николаевской дивизии по образцовому порядку в смысле дисциплины. Теперь к нам как раз назначен начдивом т. Чапаев, который, как нам известно, благодаря своему психологическому свойству, всю работу во всех частях не централизовал, а придавал ей характер партизанской работы. С назначением его к нам в дивизию его работа будет продолжаться, как видно, и у нас. Мы не являемся сторон никами партизанства и до сего времени таковую централизовали по общему плану и со своей стороны не можем быть спокойны за судьбу нашей дивизии.

Сиротинский: Как понять вас, что вы одновременно говорите, что бригада в боевом отношении хороша и далее — сильно разложена? Поясните.

Шуняков: В смысле храбрости и отваги стоит на должной высоте. Но в подчинении никакой дисциплины нет. Когда части находятся на мирном положении, наблюдается поголовное пьянство, насилие к мирному населению.

Сиротинский: Хорошо, доложу. Но вопрос о назначении т. Чапаева считайте окончательно решенным. До свидания»[529].

Известно, что 1-я бригада 25-й дивизии сначала находилась в оперативном подчинении командарма Фрунзе, а затем снова вошла в IV армию. Никогда в состав Николаевской дивизии она не входила, а находилась в непосредственном подчинении командующего. Ее полки под командованием И. М. Плясункова

при личном руководстве и непосредственном участии в бою начальника 25-й дивизии Г. К. Восканова, в котором он был ранен, овладели Уральском и отстаивали его от противника. Даже начальником гарнизона в Уральске, вместо начдива Николаевской Дементьева, М. В. Фрунзе назначил комбрига Плясункова. От Уральска бригада прошла 130 километров с упорными боями на юг и овладела Лбищенском. Воины бригады были особо отмечены в приказе М. В. Фрунзе. После взятия Лбищенска изнуренная в боях, понесшая большие потери, полуразутая бригада направлена за 350 километров по раскисшим в весеннюю распутицу дорогам в район Бузулука, чтобы встать на пути наступавших войск Колчака. Ею руководили такие люди, как комиссар Г. А. Горбачев — питерский рабочий, член РСДРП с 1905 года, награжденный впоследствии орденом Красного Знамени; организатор и комиссар 219-го Домашкинского полка, 44-летний Ф. П. Антонов, уважаемый не только в бригаде, но и во всей дивизии (прозванный любовно «Дедушкой»; память о нем в Куйбышевской области хранят и теперь, а на родине героя в селе Домашне поставлен памятник). Большого уважения заслуживают и другие комиссары полков, а также преданные, проверенные в боях командиры — коммунисты И. С. Кутяков, И. М. Плясунков, С. Я. Михайлов и другие.

Гавриил Афанасьевич Горбачев — комиссар 73-й бригады, командир 220-го Иваново-Вознесенского полка 25-й стрелковой

дивизии.

Федор Прохорович Антонов — организатор и комиссар Домашкинского партизанского отряда, комиссар 219-го Домашкинского полка.

Это они вели непосредственную и повседневную работу, цементировали большевистским словом и делом ряды воинов, помогали им переносить все лишения, поднимали и вели их в бой, увлекая личным примером.

По распоряжению члена Реввоенсовета I армии все ненужные разговоры о Чапаеве после приведенного выше разговора были прекращены[530].

В. И. Чапаев и Д. А. Фурманов на некоторое время задержались в Уральске в связи с положением 22-й стрелковой дивизии.

Согласно ранее отданному приказу № 015 22-я дивизия должна была продолжать наступление от Лбищенска на юг и овладеть станицей Сахарная. Первого апреля выступили Новоузенский, Мусульманский и Балашовский полки с артиллерийскими и кавалерийскими дивизионами. Двигались тремя разобщенными колоннами, Вначале полки имели успех. Предпринятая противником контратака была отбита.

Однако затем, при подходе к форпосту Мергеневский, казаки перешли к более решительным действиям. Охватив правую колонну, они нанесли ей поражение и вынудили к поспешному

отступлению. Затем ударили в открытый фланг средней колонне, которая последовала за первой. Наконец, отрезали от остальных выдвинувшуюся значительно вперед левую колонну, и ей с трудом удалось пробиться к своим. Общие потери полков — 869 человек, 2 орудия, 4 пулемета и 180 лошадей — превысили все потери, понесенные Уральской группой в течение месяца.

После целого ряда успешных боев, проведенных к югу от Уральска, такое поражение от ослабленного противника выглядело особенно тяжелым. Основными причинами его явились: отсутствие должного руководства со стороны командования дивизии, которое сочло возможным оставаться в Уральске, в 150 километрах от наступавших частей, отсутствие разведки о силах и действиях противника, отсутствие не только огневой, но и тактической связи между полками, что дало возможность противнику бить их порознь. Не проявили стойкости и наступавшие части, особенно правая колонна, показавшая тыл коннице противника.

Для расследования причин поражения М. В. Фрунзе назначил комиссию[531], в состав которой вошли Чапаев и Фурманов под председательством последнего. Чапаев, разобравшись в происшедшем, сделал обоснованные выводы и написал доклад. Председателю, признавшему доклад детальным и умным, но намеревавшемуся внести исправления, Чапаев предложил писать доклад отдельно и отправил материал только за своей подписью[532].

В связи с понесенным 22-й дивизией поражением, дальнейшей активизацией боевых действий уральских белоказаков, а также резким ухудшением положения на фронте V и I армий, 3-я (Александров-Гайская)[533] бригада, направлявшаяся в Илецкий Городок, согласно приказу М. В. Фрунзе № 017 от 3 апреля, была задержана в районе Уральска, что в дальнейшем имело важное значение.

Положение на фронте V и левом фланге I армии (20-я стрелковая дивизия) с каждым днем осложнялось. Если со времени оставления Уфы до конца марта эти войска еще сопротивлялись, то с апреля снова началось беспорядочное отступление под ударами противника.

Смежные фланги I и У армий были разбиты. Большие потери понесли 26-я и 27-я дивизии V армии.

Командующий армией Тухачевский, сменивший Блюмберга, 6 апреля докладывал, что 26-я дивизия снова сбита с позиций превосходящими силами противника, а 27-я, после упорных боев на нескольких рубежах, оставила город Белебей. Широкий фронт армии сильно затруднял маневрирование частями, а наседавший

противник делал это почти невозможным.

В этот тяжелый момент М. В. Фрунзе, в подчинение которого I и V армии еще не входили, обратился к командующему фронтом С. С. Каменеву со следующим предложением:

«Первая бригада 25-й дивизии мною сейчас сосредоточена между Бузулуком и Оренбургом; два полка в Сорочинском и один в Бузулуке. Я хочу эту бригаду предоставить в ваше распоряжение, конечно, временно, ибо сил у меня совсем немного. Вместе с ней даю товарища Чапаева, начдива 25-й, со штабом дивизии, имея в виду его популярность среди частей этой бригады и предполагая, что с придачей частей по вашему усмотрению под его командованием могла бы создаться ударная группа. Во всей бригаде к настоящему дню насчитывается около 2700 штыков с артиллерийским дивизионом и хорошо снабженных пулеметами; при них же кавалерийский дивизион в 300 сабель. Артиллерия идет по железной дороге через Саратов. К сожалению, части бригады не имеют кожаной обуви… почти полное отсутствие у бригады обоза. Так, относительно командования ударной группы что вы скажете в ответ на мое предложение? Думаю, что с Чапаевым она будет драться хорошо и вообще, как руководитель ударной группы, в таком составе он будет на месте.

Каменев: Я вообще вам говорил, что несколько опасаюсь Чапаева, почему и считаю, что он будет хорош только со своими частями; что же касается 3-й бригады (24 сд), то она очень хороша, и ее направить в удар Гая. Так что 3-ю бригаду я думаю не подчинять Чапаеву, потому что здесь будет много недоразумений. К приходу вашей бригады в V армию надеюсь, что некоторые части 3-й и 2-й бригад 26-й дивизии уже будут приведены в порядок и боеспособность; таким образом, они тоже должны помочь и принять участие в намеченном ударе. Дело в том, товарищ Фрунзе, что обстановка на Самарском фронте еще не так неприятна. Все же здесь удается хоть что-нибудь делать. У меня много осложнилось дело на Мензелинском направлении, где никакими путями я не могу сосредоточить что-нибудь. Едет в Казань Блажевич. Я только на него рассчитываю.

Фрунзе: Значит, Чапаев и штаб дивизии вам не нужны?

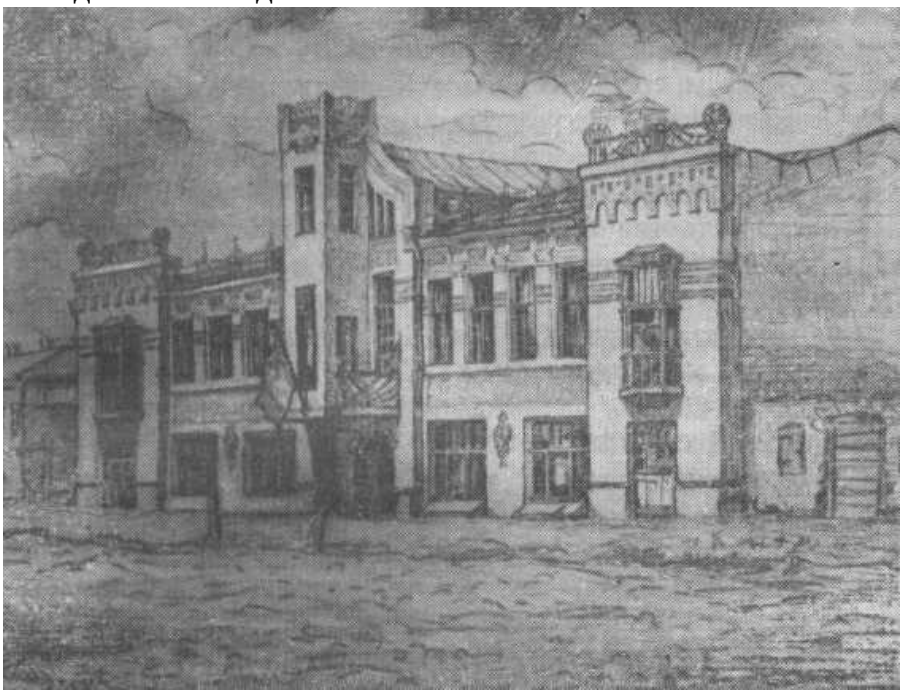
Каменев: Нет, я считаю, что пускай он идет, так при Чапаеве бригада 25-й дивизии будет драться наверное хорошо, кроме того, я говорил, что ему могут быть приданы наиболее окрепшие части 2-й и 3-й бригад 26-й дивизии.

Фрунзе: А штаб дивизии оставить у себя? Не передавать вам?

Каменев: Нет, я бы хотел и штаб дивизии получить. В V армии все время происходили недоразумения именно в вопросах

управления; там ведь начальник 26-й дивизии Матиясевич заболел, после чего командовали бригадные и, по-моему, не совсем успешно»[534].

В. И. Чапаев и Д. А. Фурманов 6 апреля вечером срочно вызывались телеграммой М. В. Фрунзе в Бузулук, к месту нахождения штаба дивизии.



Здание в г. Бузулуке, в котором находился в апреле 1919 г. штаб 25-й стрелковой дивизии.

Выехали с рассветом 7-го, а вечером 8-го были на месте, покрыв в течение полутора суток 200 верст.

В Бузулуке Чапаев не задерживался. Выяснив в штабе дивизии обстановку, поспешил в полки узнать положение дел и состояние частей на месте, поставить задачу командирам, встретиться со старыми боевыми товарищами и своими первыми полками, поднять людей на предстоящие дела.

«Обстоятельства вынудили измученных дорогою, не отдохнув, ехать снова, — писал Фурманов в дневнике. — Мы поехали в Сорочинское, где разместились Пугачевский и Домашкинский полки.

Кутяков, командир 1-й (73-й) бригады, — нервный, измученный вояка, израненный, перенесший уже много боев на своей спине.

Кутяков с Чапаевым работает давно. У Чапая есть определенный план — везде и всюду ставить своих — на

командные и даже на штабные должности. Возле него находятся всегда несколько человек из „свиты“, которые моментально и беспрекословно выполняют все его приказания. Он с собою привез таких ребят несколько десятков человек. Вот почему у него все создается и разрешается так быстро и точно — ему есть на кого положиться, есть кому поручить.

Кутякову, совсем еще молодому человеку, годов 22–24, он поручил бригаду.

Приехав в Сорочинскую, распорядились, чтобы созвали командный состав в кинематограф „Олимп“. Когда армейцы узнали, что приехал Чапай, повалили в кинематограф и заполнили его до предела: всего присутствовало человек тысячу. Митинг прошел великолепно, все остались очень довольны. А когда окончился митинг, на сцене появилась гармошка, загремел-зарыдал „камаринский“, и Чапай уже отделывал на все корки. Он пляшет браво и красиво. Армейцы хлопали ему без конца; скоро появились другие плясуны — и тут пошла писать губерния. Поднялось такое восторженное веселье, что и не описать. Армейцы были рады и счастливы тем, что вот, мол, дивизионный начальник, и тот, посмотри-ка, пляшет „русского“. Это обстоятельство служило цементом, который еще ближе, еще крепче спаивал командиров с красноармейскою массой. Одно время, с самого начала, мне было несколько неловко, что Чапай выступил в качестве плясуна, а потом я увидел и понял, что в данных условиях и в данной среде это прекрасно и весьма, весьма полезно. Полки, все время находившиеся в боях и передвижениях, не знающие совершенно долгих стоянок, они теперь отдыхали и радовались, а с ними веселились и командиры. Дальше, за пляской, открылся кинематографический сеанс. Я слышал разговоры армейцев — они в восторге от митинга и вообще от всего вечера; у них получилось самое лучшее впечатление от этой неподдельной, очевидной дружбы с ними их, даже высших, командиров. Наутро мы вернулись в Бузулук»[535].

Так прошла встреча Василия Ивановича с первой своей бригадой.

На митинге, на совещании командиров и комиссаров, как и всюду в войсках, люди нацеливались на решительные бои с армиями Колчака. Через несколько дней части были ознакомлены с обращением М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева от 10 апреля 1919 года к войскам Южной группы. В нем, в частности, говорилось, что внимание трудовой России вновь приковано к событиям на Восточном фронте. Колчак мечтает стать новым державным венценосцем. Но этому не бывать. Армии Восточного фронта, опираясь на мощную поддержку всей трудовой России, не

допустят торжества паразитов. Слишком велики жертвы, принесенные рабочим классом и крестьянством, слишком много крови пролито ими, чтобы теперь, накануне своей полной победы, позволить врагу вновь сесть на плечи трудового народа. Дело идет о его настоящем и будущем. В обращении был призыв: «…На последний решительный бой с наемником капитала — Колчаком!»[536]

Реввоенсовет Восточного фронта 19 апреля указал политотделам IV и Туркестанской армий, 22-й, 25-й и 31-й дивизий воспользоваться наступлением затишья на фронте для развертывания агитационно-организаторской работы, шире привлекать в качестве агитаторов беженцев из местностей, занятых неприятелем[537].

На смотре войск Самарского гарнизона и частей 2-й (74-й) бригады 25-й дивизии, отправлявшихся на фронт, М. В. Фрунзе говорил о великой цели, во имя которой сражается Красная Армия, о неминуемой гибели врага. В. В. Куйбышев в пламенной речи произнес: «Унесите на своих штыках Колчака за Урал, навстречу восставшему там рабочему и крестьянину»[538].

Вступив в командование Южной группой, М. В. Фрунзе в приказе № 021 от 10 апреля 1919 года поставил войскам следующую задачу: «Удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего I армией, с тем чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу». Для выполнения этой задачи V армии приказывалось, «приведя войска в порядок с применением самых решительных мер, во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской железной дороги, прикрыв тракт Бузулук — Бугуруслан — Бугульма». Ударная группа создавалась: из Туркестанской армии без одного полка 31-й дивизии, находившегося на обороне Оренбурга вместе с местными рабочими полками; бригады 24-й дивизии 1 армии, две бригады которой также предназначались для наступления, но из района Шарлык; лучшей (по определению заместителя командующего и члена Реввоенсовета Южной группы войск Ф. Ф. Новицкого) не только в IV армии, но и на всем Восточном фронте 25-й стрелковой дивизии под командованием В. И. Чапаева.

В состав ударной группы намечалось включить две трети всей имевшейся пехоты и артиллерии и всю армейскую конницу Южной группы войск. Район сосредоточения ударной группы прикрывался с востока 20-й стрелковой дивизией I армии, с севера — 73-й бригадой 25-й стрелковой дивизии, куда ей

приказывалось прибыть не позже 18 апреля. В приказе требовалось от всех «проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успеха противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение»[539]. Рассчитывая на содействие ожидавшихся из областей подкреплений, М. В. Фрунзе не ставил начало наступления в зависимость от их прибытия. Нельзя было упускать время. Сосредоточение ударной группы требовало значительной перегруппировки войск в сжатые сроки. Перебрасывалось 18 полков пехоты и конницы по железным дорогам и походным порядком на расстояние от 300 до 500 и более километров, в том числе и 75-я (Александров-Гайская) бригада из Уральска через Саратов, Сызрань и Самару. В условиях ограниченных возможностей железнодорожного транспорта того времени эта задача была не из легких. Ее выполнение М. В. Фрунзе взял под свой личный контроль.

С большими трудностями было связано всестороннее обеспечение войск. «Доводим до вашего сведения, — докладывали М. В. Фрунзе из политотдела Реввоенсовета Южной группы, — что, согласно сообщению завполитодивом 25-й стрелковой дивизии от 22-го сего месяца, вновь прибывшие в Бузулук на пополнение полков части присылаются тылом разутыми и раздетыми»[540].

Сосредоточение войск шло медленно, с большими трудностями. Опасаясь за оборону Бугуруслана, М. В. Фрунзе 14 апреля сообщал командарму-V, что направляет из Самары формировавшуюся там 74-ю бригаду 25-й дивизии в составе не менее 3,5 тысячи штыков, артиллерийского дивизиона и саперной роты. «Части эти, — предупреждал он, — не обстреляны, но по составу хорошим ядром полков являются: одного — Иваново-Вознесенский батальон, а другого — батальон интернационалистов; оба полка пополняются за счет мобилизации местных рабочих. Крайне важно, чтобы до их прибытия Бугуруслан нами удерживался. При помощи их и того, что сумеете набрать у себя, я думаю, можно нанести, по крайней мере, короткий, но сильный удар противнику, двигающемуся вдоль линии железной дороги. Этот удар будет поддержан ударом с юга на север от Бузулука частями 1-й (73-й) бригады той же дивизии. К сожалению, мне не удалось до сих пор сосредоточить в Бузулуке более крупных сил…»[541]

Нанести удар не удалось. 16 апреля, до подхода частей, Бугуруслан пал. На помощь из Самары на станцию Толкай был направлен 17 апреля 223-й полк 75-й бригады.

По настоятельной просьбе командарма-V командование фронта требовало от М. В. Фрунзе передать 25-ю дивизию в эту армию. Это, во-первых, резко ослабляло силы ударной группы, так как части 31-й дивизии Туркестанской армии, предназначавшиеся для удара совместно с 25-й дивизией, по мнению М. В. Фрунзе, были «сравнительно плохо снабжены и подготовлены»[542]. Во-вторых, выхолащивало идею замысла операции — мощного удара во фланг и тыл главной группировке противника, приводило к его фронтальному вытеснению. Однако под давлением командования, продолжавшего опасаться за бугульминское направление, выводившее к Симбирску, где находился штаб фронта, дивизию без 73-й бригады из ударной группы пришлось отдать. Передавая, М. В. Фрунзе потребовал использовать ее на правом фланге V армии, где она могла принять участие в предстоящем ударе.

Части ударной группы вошли в соприкосновение с противником. В 73-й бригаде 25-й дивизии, выдвинутой к 18 апреля на прикрытие бузулукской группировки с севера, конной разведкой в тот же вечер были задержаны трое вестовых противника с двумя боевыми приказами. Приказы были доставлены начдиву Чапаеву и немедленно, ночью, им лично переданы по телеграфу в штаб М. В. Фрунзе. В них широко раскрывалась группировка противника, так как на обороте были выписаны все части, в которые приказы рассылались[543].

Располагая сведениями о противнике, М. В. Фрунзе 19 апреля отдал приказ по Южной группе войск, согласно которому V армия, усиливаемая 25-й дивизией (без 73-й бригады), получала задачу не только остановить наступление противника в направлениях Бугульминской и Самаро-Златоустовской железных дорог, но и овладеть районом Бугуруслана. Ударной группе в составе 73-й бригады 25-й дивизии, 31-й дивизии (без бригады) и Оренбургской казачьей бригады из района севернее Бузулука наступать в направлении на фронт Заглядино, Бугуруслан; во взаимодействии с V армией разгромить бугурусланскую группировку противника и отбросить ее к северу, отрезав сообщение с Белебеем. Конницей обеспечить правый фланг группы, держать связь с I армией, развивать действия в тыл противника в район Сарай-Гир. Контрудар был назначен на 28 апреля[544].

XI. В решающих боях

Утром 21 апреля Чапаев и Фурманов в сопровождении десятка полтора всадников выехали в 73-ю бригаду, к комбригу И. С. Кутякову. Двигались медленно. Дорога через Сухоречку на Ждановку была тяжелой, грязной, местами покрытой льдом и рыхлым снегом. Лошади скользили, спотыкались, проваливались. В Крутенькую, неподалеку от Ждановки, где находился штаб бригады, прибыли под вечер. Уточнили расположение частей, а потом до глубокой ночи изучали по карте возможные направления удара противника и наиболее выгодные позиции для своих войск. С утра следующего дня выехали на местность. Путь лежал на Александровку и далее на Казаковку. На позиции жизнь шла по-боевому. Не умолкала перестрелка, велась разведка.

Противные стороны разделяла река Боровка. На левом ее берегу были свои, на правом — противник. Ночами агитаторы призывали обманутых колчаковских солдат переходить на сторону красных. Конники бригады систематически проникали в тыл противника с разведывательными целями. А комиссар бригады Г. А. Горбачев переправился вплавь через вздувшуюся в половодье реку Боровку с целым эскадроном. Собрав необходимые сведения и оставив там группу для ведения дальнейшей разведки, грязные и мокрые, вернулись обратно. «Вот как работают настоящие комиссары, — записал в своем дневнике Фурманов. — Его работа слита неразрывно с работой командира бригады, функции объединяются, сплетаются, перевиваются»[545].

Проведя рекогносцировку и ознакомившись с положением дел на месте, Чапаев и Фурманов отдали необходимые распоряжения. Поздним вечером вернулись в Бузулук, а затем до двух часов ночи были у прямого провода на переговорах с заместителем командующего Южной группы войск Ф. Ф. Новицким: требовалось срочно выехать с оперативной частью штаба дивизии в распоряжение командующего V армией. Изъятие дивизии из состава ударной группы, снятие ее с направления главного удара и передачу в V армию Чапаев, как и М. В. Фрунзе, встретил с неудовольствием. В разговоре с Ф. Ф. Новицким он заявил: «Люди воюют, а я буду кататься из одной армии в другую»[546]. 73-й бригаде Кутякова предстояло действовать в отрыве от своей дивизии, в составе Туркестанской армии.

До перехода в наступление боевые действия Южной группы войск Восточного фронта сводились к активной обороне, но в ходе их с 23 по 28 апреля было немало достигнуто успехов в деле победы над Западной армией генерала Ханжина. Этому

способствовала вся предшествовавшая организационная, оперативная и политическая работа. Войска были выдвинуты навстречу противнику в необходимой группировке. Так, группировка I армии была рассчитана на удержание Оренбурга, поддержание с ним связи развернутой по правому берегу реки Салмыш 20-й дивизией и на активные действия 24-й дивизии на левом фланге армии. Части 24-й дивизии, сосредоточившиеся юго-западнее Шарлыка, продвигались в северо-западном направлении, охватывали левый фланг противника в районе Романовское. В боях было взято до 200 пленных 12-й дивизии, несколько пулеметов и 2 орудия. На другом участке фронта I армии наступал противник. Часть 2-й дивизии корпуса Бакича переправилась через реку Салмыш с целью выхода на железную дорогу у станции Переволоцкая, в 70 километрах западнее Оренбурга. Другая часть этой дивизии пошла на юг, через реку Сакмара, на помощь двум Оренбургским казачьим полкам, наступавшим на Оренбург с северо-востока, где 277-м Орским полком 31-й дивизии и Оренбургским рабочим полком была разбита.

Затем западнее устья реки Салмыш ими же была разбита во встречном бою еще одна часть этой дивизии. Совместно с подошедшими частями 20-й и 24-й дивизий разгромлена переправившаяся через Салмыш 5-я дивизия противника. В бою взято 3 орудия, 20 пулеметов и 1500 пленных. Таким образом, был разбит левый фланг Западной армии, обнаружилась слабая боеспособность и плохое политико-моральное состояние частей противника[547].

Но между I и V армиями оставался разрыв, достигавший 140 километров. В него устремились войска противника. В глубине и слева от направления их движения, в районе Бузулука, сосредоточилась ударная группа. Ее сосредоточение прикрывалось 73-й бригадой в 30–45 километрах северо-восточнее Бузулука.

В ночь на 24 апреля подошли части 11-й дивизии противника и повели наступление на фронте Александровна, Ждамировка в 45 километрах северо-восточнее Бузулука. Вынудив конницу 73-й бригады, занимавшую Ждамировку, отойти на Якутино, они затем сами были отброшены в Чекалино. Через сутки противник на подходе к бузулукско-бугурусланскому тракту захватил села Куроедовку и Мотовиловку. Попытки дальнейшего наступления на фронте 73-й бригады успеха не имели. Подразделения бригады местами вышли на северный берег реки Боровки. Ее конники лихим налетом на Сергиевское (Жилино) захватили пулеметы и пленных. На правом фланге было

освобождено Чекалино, 41-й и 43-й полки противника 25 апреля отброшены в район Луговое, Красногорье. С утра 26-го бригада продолжала настойчивые атаки в районе Жилино, Ягодное. Потери противника, по сводке белых, были «весьма велики». 27 апреля разбитая 11-я дивизия отошла на северо-восток, к верховью реки Малый Кинель, оставив открытым тракт от Бузулука на Бугуруслан, и оторвалась от левого фланга 3-го корпуса более чем на 50 километров[548].

На правом фланге V армии 23–26 апреля атаки противника были отражены. Части 26-й и бригада 27-й дивизий продвинулись несколько вперед. Бригады 25-й дивизии к вечеру 25 апреля подошли в район станций Муханово и Алтухово. Таким образом, до начала общего наступления правый фланг V армии значительно укрепился. Потерпели поражение войска 6-го Уральского корпуса и Южной группы генерала Белова.

На левом фланге V армии положение продолжало оставаться тяжелым. Возникла большая опасность потери сообщения в районе станции Кротовка с Самарой и поражения частей севернее станции Кинель. В этих условиях особое значение приобретало время перехода в контрнаступление.

Общее наступление Южной группы войск, как предусматривалось планом, началось с утра 28 апреля только в У армии. 24-я дивизия и 73-я бригада, как уже говорилось, наступление начали раньше, а 31-я дивизия запоздала. Части 73-й бригады, продолжая наступать, 28 апреля взяли несколько сот пленных, 10 пулеметов и 1 орудие.

Остатки 11-й дивизии противника отошли за реку Кинель. Командир 6-го корпуса белых 30 апреля докладывал командующему Западной армией, что потери дивизии граничат с полным уничтожением: в полках осталось по 7—10 офицеров и по 250–300 штыков. Егерский батальон шесть раз ходил в атаку и фактически прекратил существование. Все влитые в последнее время пополнения перешли на сторону красных и даже участвовали в бою против нас[549].

1 мая 73-я бригада продолжала добивать части 11-й дивизии и 48-й полк 12-й дивизии. У Мукменево переправилась через реку Кинель, обходя левый фланг 3-го Уральского корпуса белых. По сводкам противника, его «41-й полк и Егерский батальон совершенно выбыли из строя; в 43-м и 44-м полках насчитывалось не более 150 человек в каждом, настроение… подавленное»[550].

Решение М. В. Фрунзе назначить на правый заходящий фланг ударной группы полки 25-й дивизии блестяще оправдалось. Бригада двигалась теперь не на Заглядино, а восточнее, на Сарай-Гир, охватывая глубже левый фланг 3-го Уральского корпуса

противника.

Из восьми полков 31-й дивизии, входившей в ударную группу, к 28 апреля подошли семь и только три полка (92-я бригада) успели занять исходное положение к началу наступления. К первому мая эта бригада шла уступом слева за ведущей 73-й бригадой. Остальные части 31-й дивизии остались в районе Троицкое на реке Боровке и без боя затем шли на Заглядино за наступающими частями 73-й бригады. Отдельная кавбригада, действовавшая на правом фланге ударной группы, 28 апреля только выдвигалась из района Игнаткино, Ждамировка, но 30 апреля была уже на уровне передовых частей в районе Васильевки и с утра 1 мая выступила на Сарай-Гир.

На фронте V армии 74-я и 75-я бригады 25-й дивизия к вечеру 27 апреля сменили 2-ю бригаду 26-й дивизии на участке Языково, Лазовка. Штаб дивизии остановился в Коханах. С утра 28 апреля бригады Чапаева совместно с 3-й и 1-й бригадами 26-й дивизии перешли в наступление и быстро продвинулись до Подколошной, а 30 апреля заняли Пилюгино и Куроедово, в 20–30 километрах южнее Бугуруслана. 1 мая продолжали движение на Заглядино, обходя Бугуруслан с юга, 3-я бригада 26-й дивизии наступала с запада непосредственно на Бугуруслан. Части 1-й и 2-й бригад этой дивизии действовали севернее реки Кинель и 1 мая заняли Аманакское, Моховое, Васильевку.

Но противник продолжал теснить 1-ю бригаду 27-й дивизии. В то время, когда правый фланг V армии (две бригады 25-й, 26-я стрелковая дивизия, бригада 27-й дивизии) подходили к Бугуруслану, 4-я Уфимская и часть 6-й Уральской дивизии противника охватывали левый фланг наступавших, угрожая отрезать сообщение У армии с Самарой в районе Кротовки, где находился штаб V армии. Теснимая противником, бугульминская группировка тоже отходила.

1 мая М. В. Фрунзе получил директиву командующего войсками фронта № 01706 с указанием, что Туркестанская армия (73-я бригада) слишком резко поворачивает на северо-восток, что ведет к рассредоточению сил и не способствует выполнению основной задачи — разгрома 3-го Уральского корпуса, и с требованием, чтобы с овладением Бугурусланом правофланговую группу V армии повернуть на северо-запад, в общем направлении на Шалашниково, а ударную группу — на Бугульму.

Во исполнение этой директивы М. В. Фрунзе 1 мая отдал приказ № 023, в котором говорилось, что противник, пытавшийся овладеть Оренбургом, отброшен частями оренбургской группы, понес большие потери, в том числе более полутора тысяч пленными. На левом фланге I армии части 24-й дивизии

отбросили 12-ю дивизию противника в районе Богородское (Пономареве). Наступление Туркестанской и правого фланга V армии идет успешно. 73-я бригада 25-й дивизии разбила 11-ю дивизию, а ее 74-я и 75-я бригады с 3-й бригадой 26-й дивизии — 6-ю дивизию противника. В то же время бугурусланская (в районе Сергиевска) и бугульминская группы V армии под напором противника продолжают отходить. При содействии передаваемых в подчинение подкреплений надлежит уничтожить группу противника, действующую юго-восточнее Сергиевска, затем отбросить и бугульминскую на север, отрезав ей сообщение с Уфой(схема 12)[551].

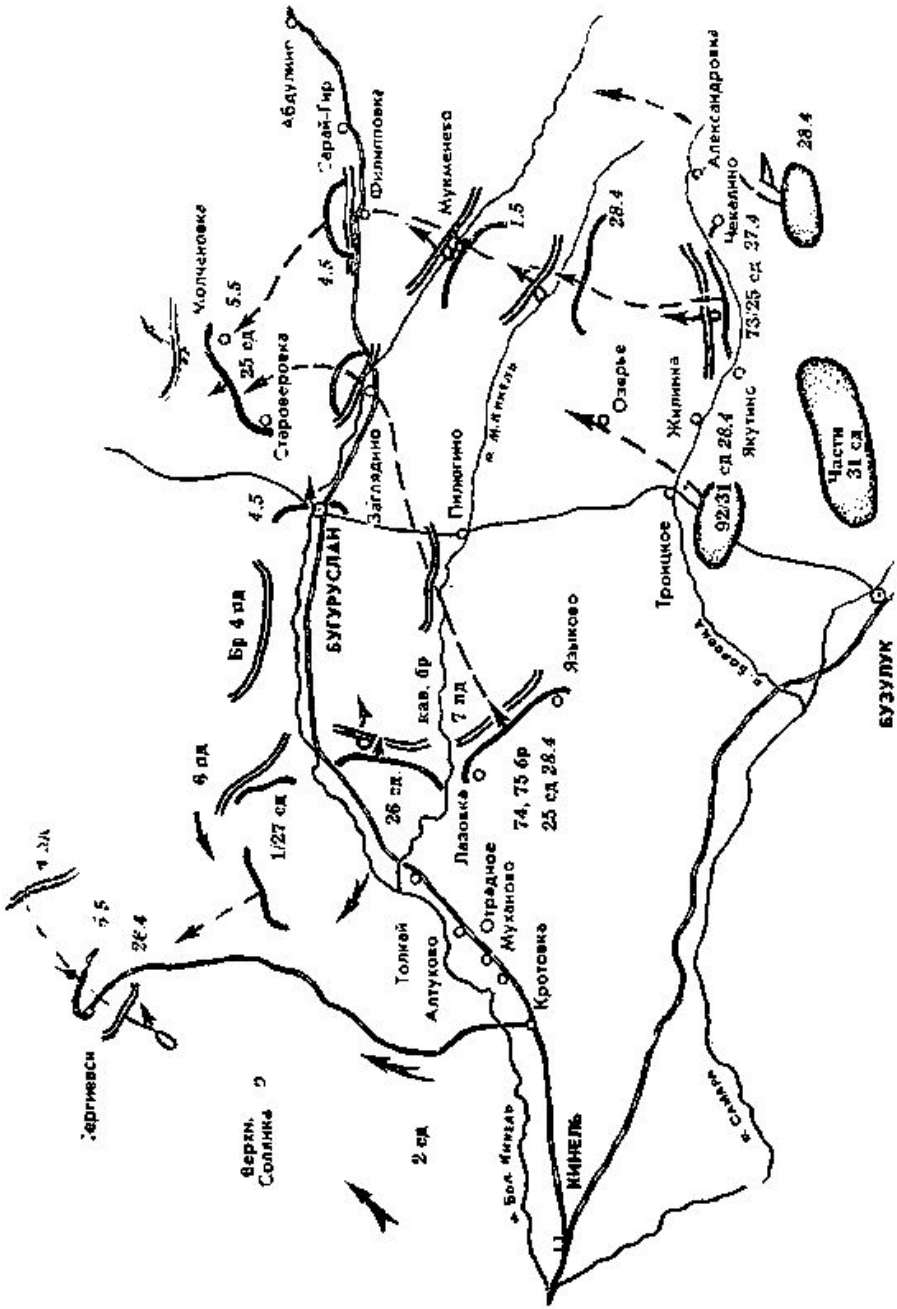


Схема 12. Боевые действия в районе Бугуруслана.

Приказ, вызванный решениями командования фронта и главкома, вновь вносил нежелательные коррективы в план М. В. Фрунзе. Поворот 25-й дивизии с северо-восточного направления на северо-запад резко уменьшал глубину охвата 3-го Уральского корпуса. Единственная резервная 2-я дивизия, предназначавшаяся

для развития наступления ударной группы на Белебей, была отдана в V армию против выдвинувшейся юго-западнее Сергиевска 4-й Уфимской дивизии белых. Ударная группа не выводилась в тыл бугурусланской группе белых, что позволяло противнику произвести своевременный отход.

Таким образом, вместо направления основных усилий на северо-восток, во фланг и тыл Западной армии, войска поворачивались на северо-запад, на вклинившегося противника. Это привело к разделению единой по замыслу операции на две самостоятельные — бугурусланскую и белебейскую.

Однако повернуть всю Туркестанскую армию на северо-запад М. В. Фрунзе не решился. Взял из нее двумя днями позже только 73-ю бригаду и присоединил к 25-й дивизии в V армию. В разговоре 2 мая с начальником штаба фронта М. В. Фрунзе сообщил: «…Я глубоко расхожусь с комфронтом, который от меня требовал под давлением, по моим предположениям, главкома, обращения всей Туркармии на северо-запад. Направлению на Белебей я придаю настолько серьезное значение, что убедительно настаиваю на немедленной передаче мне бригады 4-й дивизии, ибо сейчас у меня никаких резервов нет».

На замечание начальника штаба фронта о вялых действиях Туркестанской армии Фрунзе ответил: «Вялое действие флангов V армии, включая сюда и части Туркармии, нервируют и возмущают и меня самого; для придания им большей активности я решился на следующие меры: командирую в 25-ю дивизию и во 2-ю дивизию своих специальных представителей для толкания их вперед. Надо вам сказать, что 25-я дивизия есть продукт в значительной своей части прежнего быта IV армии с целым рядом свойственных этой армии недочетов, и в силу этого, при управлении такими частями, приходится считаться больше, чем следовало бы, с моментами персонального свойства. Сейчас вызываю к аппарату командарма-V, которому еще раз хочу подтвердить необходимость стремительного захождения в направлении на Бугульму и ст. Дымка… Я постараюсь толкнуть правый фланг V армии самым ускоренным темпом вперед, и, возможно, нам удастся отрезать противника от Уфы где-нибудь в районе Бугульмы, что вызовет отход его к северу. Этот отход должна бы не допустить своими решительными действиями наша бугульминская группа, но, признаться, такой прыти я от нее не ожидаю»[552].

Решение командования фронта не только вносило изменения в план и намерения М. В. Фрунзе, но сказывалось, в свою очередь, на войсках, как непосредственных исполнителях. Они и без того не всегда успевали за устремлениями военачальников. Претензии

М. В. Фрунзе к войскам в данном случае объяснялись и тем, что с изменением решения они оказывались не там, где бы хотелось их иметь. Всего сутками раньше приказом отмечались их успешные действия на главном направлении. Но за это время 25-я дивизия, наступавшая на Заглядино, взяла направление северо-восточнее, на Белебей, а теперь требовалось повернуть на северо-запад. К тому же не следует забывать и о сопротивлении противника, и об условиях наступления в весеннюю распутицу, в пору разлива рек и речушек. Так, например, для переправы через реку Кинель Чапаевым было приказано мобилизовать у населения все бочки для наведения саперами «понтонных» переправ. В ночь переправы были наведены, и большая часть пехоты переправлена неожиданно для противника. Трудное положение 25-й дивизии еще более усугублялось тем, что командир вновь сформированной в Самаре 74-й бригады перешел к белым, раскрыл группировку советских войск и решение командования, изложенное в последнем боевом приказе.

В первые дни мая I армия оставалась почти в прежнем положении. В ударной группе 73-я бригада, форсировав р. Кинель, 4 мая находилась на рубеже Н. Аширово (Бакирово), Тарханово, Мукменево, Любавино. Отдельная кавбригада 4 мая вышла в район Сарай-Гир. Из частей 31-й дивизии Туркестанской армии только 92-я бригада 2 мая подошла к р. Кинель, где была остановлена огнем противника. С утра 3 мая ей удалось переправиться и выйти несколько севернее Алексеевки. Другие части дивизии двигались медленно. Некоторые из них находились не далее 25 километров от Бузулука. К 5 мая 92-я бригада продвинулась в район Григорьевка, Покровское, Полибино северо-западнее Сарай-Гира. Другой бригаде этой дивизии в тот же день было приказано выступить из района Рамзана, Карловна (в 30 километрах северо-восточнее Бузулука) в район Сарай-Гир, ст. Якупова, то есть пройти 100 километров. Из частей 3-й кавдивизии только 12-й кавполк 5 мая находился в пути на ст. Алексеевка[553].

На фронте V армии в течение 2 и 3 мая 75-я бригада продвинулась с боями более 30 километров и заняла Верхнее и Нижнее Заглядино, в полосе 26-й дивизии шли бои на подступах к Бугуруслану. В ночь на 4 мая части 6-й и 7-й дивизий 3-го Уральского корпуса белых отошли на 15 километров севернее Бугуруслана. С утра 4 мая 3-я бригада 26-й дивизии заняла Бугуруслан, части 1-й бригады 27-й дивизии и Сергиевский сводный полк— Сергиевск. Бригады 2-й дивизии только еще развертывались на пути наступления противника, который не только не шел дальше, но и отступал.

Развертывание дивизии и ее движение, принятое по настоянию командований фронта и V армии, были теперь бесцельны. Противник, оказывая местами упорное сопротивление на фронте правой группы V армии, планомерно отступал, как отходил и на бугульминском направлении: поняв угрозу в районе Бугуруслана, чему прежде особого значения не придавал, и располагая данными об организации наступления и группировке советских войск, он своевременно принял меры к приостановлению своего наступления и перегруппировке сил. Одновременно шли перевозки в район Белебея не закончившего формирования резервного корпуса Каппеля. На 2 мая все части 3-го Уральского корпуса были подчинены командиру 2-го Уфимского корпуса генералу Войцеховскому, который возглавил командование всеми войсками в районе Бугуруслана, Сергиевска и Волго-Бугульминской железной дороги. В 4 часа 2 мая им был отдан приказ о приостановлении наступления и переходе к обороне. Однако разгром 6-го Уральского корпуса и выдвижение 25-й дивизии в обход Бугуруслана с востока вынудили Войцеховского в тот же день отдать приказ об отходе.

Меры, принятые противником, расстроили расчеты командования фронта и главкома, считавших все время фланговый удар малоэффективным, а потому стягивавших войска для преграждения пути движения противнику с фронта. Теперь нужны были силы для воспрещения отхода и разгрома противника, но для этой цели частей на месте не оказалось.

В сложившейся обстановке М. В. Фрунзе 4 мая отдал приказ № 024, смысл которого заключался в требовании ликвидации бугурусланской, сергиевской и бугульминской групп противника. Приказывалось передать 73-ю бригаду из Туркестанской в У армию, на присоединение к своей дивизии; Туркестанской армии — овладеть железной дорогой на участке Сарай-Гир, Филипповна с целью прикрытия операции V армии; V армии — развивать наступление правым флангом в направлении ст. Дымка, отрезать противнику пути отхода и уничтожить его бугурусланскую, сергиевскую и бугульминскую группы[554]. Этим приказом в корне менялась идея задуманного Фрунзе контрудара. Главная задача теперь возлагалась на V армию. Задача же ударной группы в составе пяти полков 31-й дивизии Туркестанской армии сводилась к обеспечению операции V армии на окружение и разгром противника (схема 13).

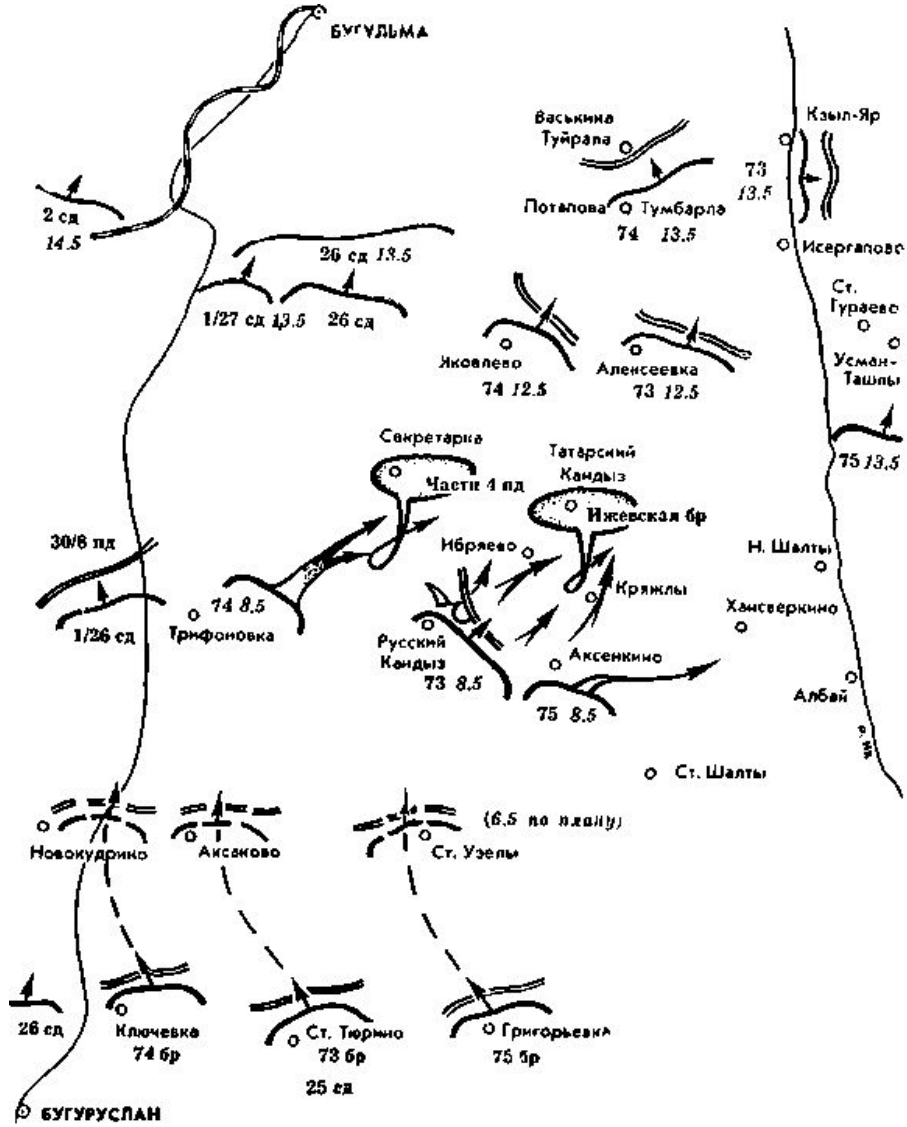


Схема 13. Боевые действия 25-й стрелковой дивизии в Бугульминской операции.

Бугурусланская операция с вносимыми в ее план, по настоянию командования фронта, изменениями не могла дать и не дала желаемых результатов. В ней преобладало стремление командования фронта прикрыть подступы к Волге над решением нанести сокрушительный фланговый удар. Считалось, что противник способен будет развивать дальнейшее наступление через Бугуруслан и Сергиевск, несмотря на контрнаступление со стороны Бузулука.

Тем не менее операция, проведенная с 28 апреля по 4 мая,

положила начало решительному перелому в борьбе с главной ударной силой контрреволюции — белогвардейской армией Колчака.

Достигнутый успех во многом зависел от действий I армии и 73-й бригады 25-й дивизии, нанесших поражение дивизиям 6-го Уральского корпуса и частям генерала Белова в подготовительный период. Однако не только этих успехов, но и ударов по 6-й и 7-й дивизиям 3-го Уральского корпуса оказалось недостаточно, чтобы остановить продвижение противника.

Только наступление 25-й дивизии и частей ударной группы, направленное во фланг и тыл бугурусланской группы, и нависшая угроза сообщениям с Белебеем и Уфой вынудили противника к приостановлению наступления и отходу. Общий смысл действий противника при отступлении сводился к выводу сергиевской группы (4-й Уфимской дивизии) на левый фланг войск генерала Войцеховского. Остальные части 2-го Уфимского корпуса действовали на бугульминском направлении, имея задачей оторваться от частей Красной Армии и прикрыть Бугульму с запада, а тыл — с юга. По сторонам тракта Бугуруслан — Бугульма, получившего важное значение, ставились 7-я и 8-я дивизии.

С началом общего отхода противника М. В. Фрунзе свой приказ № 024 уточнил, Туркестанской армии 6 мая поставил задачей наступать из района Сарай-Гир на Белебей, в дальнейшем выйти на Бугульминскую дорогу севернее Белебея; I армии — 24-й дивизией наступать на Шафраново, 20-й дивизией — на Стерлитамак. V и IV армиям задачи не менялись.

Как один, так и другой приказы уже запаздывали, так как противник с 4 по 5 мая из района Сергиевск, Шентала, Сок-Кармалинское уже вышел. Отрезать Сергиевскую группировку от Бугульмы стало невозможно, да и своевременный выход на коммуникации бугульминской группы, при имевшейся расстановке войск, был трудновыполним.

Движение Туркестанской армии задерживалось неподготовленностью, медленным подтягиванием частей 31-й стрелковой и 3-й кавалерийской дивизий.

На фронте V армии 25-я дивизия наступала на заходящем правом фланге, 5 мая она прошла с боями от 25 до 35 километров. Наибольшее напряжение пришлось выдержать ее 73-й бригаде, подходившей из Туркестанской армии. Вечером того же дня все три бригады под командованием В. И. Чапаева вышли на рубеж Молчановка, Староверовка. Перейти с утра 6 мая в наступление, как требовалось, дивизия из-за неподготовленности не могла. Но на 7 мая достигла рубежа, на который должна была

выйти за два дня. Внезапным ударом 73-й бригады было взято Дмитриевское (Русский Кандыз) и разбита бригада 30-й Оренбургской кавалерийской дивизии белых. Были захвачены пленные, 5 орудий, 3469 снарядов, 10 пулеметов, снаряжение и много другого имущества[555]. Левее, в направлении тракта Бугуруслан — Бугульма, наступала бригада 26-й дивизии. 2-я дивизия шла, не встречая сопротивления, строго на север к реке Сок. На волго-бугульминском направлении бригада 5-й дивизии, 2-я и 3-я бригады 27-й дивизии вышли на линию ст. Челны и селение Старые Челны.

8 мая 75-я бригада 25-й дивизии овладела населенными пунктами Нижнее и Верхнее Павлушкино и продолжала наступать на Кабаево. 74-я бригада овладела Пашкином, где захватила пулемет и пленных, и, повернув в последующем на северо-запад, повела наступление 221-м полком на Чекмарево, Сок-Кармалинское, а 220-м и 222-м полками овладела Трифоновкой. Противник, избегая окружения западнее бугурусланo-бугульминского тракта, отходил на северо-восток. Командарм-V приказал дивизии выйти на рубеж Кановеркина, Кряжлы, Маторино, держась слева разграничительной линии, установленной еще 4 мая, а правый фланг растянуть восточнее, почти до реки Ик. Это значило наступать на фронте более чем в 50 километров. «Отлично понимая значение нанесения удара на северо-восток, — писал заместитель командующего Южной группы Ф. Ф. Новицкий, — В. И. Чапаев по своей инициативе изменил наступление своей дивизии с северного на северо-восточное направление, стремясь перехватить пути отхода противника на Белебей. Движение это не ускользнуло от командования белых, которые очень опасались за свои тылы в результате нашего уклонения на северо-восток»[556].

Генерал Войцеховский решил разгромить 25-ю дивизию находившимися на его левом фланге наиболее боеспособной 4-й Уфимской дивизией и не менее боеспособной и державшейся в резерве Ижевской бригадой.

С 6 мая в район Белебея стали прибывать войска 1-го Волжского корпуса генерала Каппеля. 3-я Симбирская дивизия этого корпуса с 9 мая уже могла принять участие в операции. Такая обстановка благоприятствовала замыслу Войцеховского. 8 мая он отдал приказ 8-й, 7-й и 4-й Уфимской дивизиям быть в готовности с рассветом 9 мая перейти в наступление. Все силы сосредоточивались против 25-й и 26-й дивизий. 4-й Уфимской дивизии предписывалось отбросить 25-ю дивизию красных за линию Чекмарево, Пашкино, Дмитриевское (Русский Кандыз); Ижевской бригаде под командованием генерала Молчанова —

оказать решительное содействие 4-й дивизии из района Ибряево на Дмитриевское, обеспечив себя со стороны Андреевки и Кряжлы.

Наступление советских войск тем временем продолжалось. 25-я дивизия двигалась 75-й правофланговой бригадой на Николкино (Албай) на реке Ик, 73-й бригадой в центре — на Татарский Кандыз, 74-й левофланговой бригадой — на Секретарку, Черновку к северо-востоку от Сок Кармалинского.

Предпринятая белыми попытка наступления привела к встречным боям на правом фланге V армии. На 221-й Сызранский полк 74-й бригады, подходившей 9 мая к деревне Секретарка, обрушились два полка 4-й Уфимской дивизии. Полк развернулся и встретил противника метким ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем с места. Разгорелся сильный огневой бой. Противник атаковал, неся потери. На помощь сызранцам был направлен 220-й полк, который совместно с кавалерийским дивизионом бригады нанес удар во фланг и смял два батальона противника. В это время перешел в атаку и 221-й полк. Полки Уфимской дивизии, еще не битые до этого, сильно сопротивлялись. Завязался ожесточенный бой, длившийся целый день. 74-я бригада продолжала атаки, доходившие местами до рукопашных схваток. С наступлением темноты, понеся большие потери, противник отступил. В центре полосы наступления 25-й дивизии, у деревни Ибряево, 73-я бригада разбила Ижевскую бригаду противника: направляясь из Татарского Кандыза на Аксенкино походной колонной, она оказалась охваченной с обоих флангов 73-й бригадой, двигавшейся 217-м Пугачевским полком на Сергушкино и 218-м Разинским — на Кряжлы. Противнику удалось вырваться ценою больших потерь. Была брошена артиллерийская батарея, пулеметы, многие попали в плен. В сводке штаба фронта значилось: «Захвачен целиком Ижевский полк»[557]. Подошедшие на поддержку части 4-й Уфимской дивизии были встречены двумя полками с фронта, а 219-й Домашкинский полк и кавалерийский дивизион бригады нанесли удар с правого фланга. Противник снова был отброшен со значительными для него потерями: не считая убитых, в плен взято 100 человек, захвачено 2 пулемета[558]. До конца дня 73-я бригада овладела деревней Татарский Кандыз и вследствие наступившей темноты и сильного утомления бойцов далее противника не преследовала. Наступавшая правее ее 75-я бригада, стремясь охватить открытый левый фланг противника с востока и отрезать ему пути отхода за реку Ик, заняла Николкино (Албай).

М. В. Фрунзе не удовлетворяли действия Туркестанской

армии и ее 31-й дивизии. В разговоре 8 мая с командующим фронтом Михаил Васильевич сообщил: «Туркестанская армия является предметом и причиной моего крайнего недовольства. Несмотря на мои категорические требования, ее продвижения не заметно и кавалерия ее бездействует. Здесь опять-таки сказываются привходящие обстоятельства, а именно плохая организация частей 31-й дивизии, совершенно не успевших организоваться и перейти от форм партизанщины к организованному типу, и сугубо партизанский характер Оренбургской казачьей бригады, прибывшей к нам с северного участка и занимающейся теперь митингованием, а не движением вперед. Завтра еду лично в штаб V армии и в штаб Туркармии, перешедший в Бугуруслан. Если удастся, побываю в штабе 3-й дивизии и казачьей бригаде»[559].

10 мая М. В. Фрунзе и член Реввоенсовета В. В. Куйбышев были в 25-й дивизии и остались весьма довольны ее боевыми действиями. В приказе Чапаева 10 мая 1919 года говорилось: «Командюжгруппы т. Фрунзе, прибыв лично 10 мая в район боевых действий 25 дивизии, с чувством гордости отметил высоко доблестное поведение всех войск 25-й дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение врагу, целиком разгромив всю Ижевскую бригаду противника и пленив свыше 1500 человек. Поздравляя войска дивизии с победой, командующий благодарит именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, всех командиров и комиссаров.

На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака, а с ним и всей контрреволюции. Еще одно небольшое усилие полков 25 дивизии, и враг будет окончательно сломлен.

Вперед, товарищи! Вся Россия и трудящиеся всех стран смотрят на вас, избавления от гнета буржуазии ждут от вас трудящиеся»[560].

В донесении командующему фронтом М. В, Фрунзе 11 мая писал: «Я сейчас вместе с членом Реввоенсовета Куйбышевым на пути из района расположения 25-й дивизии в Туркестанскую армию. Сегодня на фронте 25-й дивизии закончился полным разгромом врага встречный бой с его частями, сосредоточившимися в районе к востоку от Бугульмы и обрушившимися на 25-ю дивизию. Нами разгромлена 4-я Уфимская дивизия, целиком уничтожена Ижевская бригада и разбита отдельная Оренбургская бригада. Взято свыше 2000 пленных, три орудия, много пулеметов. Преследование врага энергично продолжается. Настроение войск выше похвал; крестьянство озлоблено поборами белогвардейцев, отбиравшими

без всякой платы хлеб, фураж и лошадей, оказывает Красной Армии всемерную помощь. Войска Южной группы уверены в близости полного и окончательного крушения колчаковщины»[561].

В тот же день М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев написали обращение к войскам Туркестанской армии с пожеланием успехов 25-й дивизии и призывом добить врага, не дав ему ускользнуть[562].

Успехи и высокая оценка М. В. Фрунзе боевых действий 25-й дивизии еще больше воодушевили ее личный состав. К 12 мая все три бригады достигли района Нижние Шалты на реке Ик. Выполняя приказ во что бы то ни стало достичь района железной дороги, отрезать путь отступления противнику на Уфу, Чапаев требовал: «Комбригу 74 во что бы то ни стало и не останавливаясь ни перед какими трудностями, не теряя ни одного часа и минуты, стремительным натиском отбросить противника, который слабыми частями прикрывает путь отступления своим войскам…

Во время движения 74 кавдивизиону, не жалея ни себя, ни лошадей, пробраться хребтами гор, расстреливая с тыла и фланга задерживающегося противника.

Около дер. Тумбарла-Потаповка у противника два 6-дюймовых орудия и два 3-дюймовых, которые приказываю во что бы то ни стало взять со стороны Туйрала-Васькина, двигаясь совершенно скрытно для захвата этих орудий…»[563]

К 14 мая 25-я дивизия заняла 74-й бригадой населенные пункты Акбаш, Каракашлы, Ташлу; 73-й бригадой — Кзыл-Яр, Старые Чути и Апсалямово у реки Ик, разбив при этом 21-й полк противника и захватив 5 орудий, снаряды и 10 пулеметов[564].

Командир 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии Иван Семенович Кутяков с шашкой, подаренной ему В. И. Чапаевым за успешные боевые действия бригады в Бугурусланской и Бугульминской наступательных операциях.

Севернее и на противоположном берегу реки Ик противник сосредоточил силы, преграждая путь наступления.

Соседняя слева 26-я дивизия 9 мая вышла к реке Сок и овладела на некоторых участках плацдармами на северном берегу, но затем вынуждена была перейти к обороне. 2-я дивизия продолжала продвигаться, не имея перед собой неприятеля. На Бугульминском направлении бригада 5-й и две бригады 27-й дивизий не встречали серьезного сопротивления. 13 мая враг, отведя свои войска на восток, за реку Ик, оставил Бугульму.

Под Бугульмой противнику было нанесено серьезное поражение, но ему снова удалось уйти от полного разгрома. Лишившись 2-й резервной дивизии на нужном направлении для развития успеха, трудно было отрезать пути его отхода. Но и при этих условиях могли бы быть достигнуты более решительные результаты, если бы штабом фронта не устанавливалось северное, даже северо-западное направление правому флангу V армии, на котором наступала 25-я дивизия, и не слабое обеспечение со стороны Белебея Туркестанской армией, вследствие чего 25-я дивизия была под конец скована свежими силами противника. Однако, несмотря на все недостатки и ошибки, войска Южной группы добились большого успеха.

25-я дивизия в этих боях была на правом фланге в прямом и переносном смысле, на нее равнялись остальные войска. Боевой настрой воинов с самого момента воссоздания дивизии был все время высок. Этому способствовали и сам факт ее воссоздания, и более организованная, чем раньше, партийно-политическая работа, и доброжелательное отношение населения, и одерживаемые дивизией победы. В начале мая 1919 года в ее бригадах организовались политотделы[565]. В партийных организациях полков имелось по нескольку десятков и даже сотен коммунистов и в два-три раза больше сочувствующих.

Организаторами всей партийно-политической и воспитательной работы в массах были комиссары. Они проявляли внимание к нуждам воинов и заботу о них. За политико-моральное состояние войск, своевременное их обеспечение в тех тяжелых условиях крайне необходимым они были лично ответственны. Особая ответственность лежала на комиссаре полка, как одном из руководителей основной и самостоятельной воинской части армии. «На полковых комиссарах должен держаться фронт», — говорилось в одном из требований Реввоенсовета IV армии[566]. Опираясь на партийную организацию полка, на командно-политический состав, на всех передовых, сознательных воинов, комиссар при всех условиях обязан был обеспечить выполнение боевой Задачи. С другой стороны, он обязывался решительно пресекать всякие отклонения от норм поведения советского воина, наносящие вред армии, делу победы над врагом.

Одной из важнейших задач комиссаров являлась забота о своевременном снабжении частей питанием, обмундированием и другими видами довольствия. «Больше всего нуждается наша армия в снабжении: в одежде, обуви, оружии, снарядах», — писал в суровое время гражданской войны В. И. Ленин[567]. Главным содержанием политдонесений и сводок 25-й дивизии в период

разгрома Колчака являлись сообщения о боевом настроении войск и о недостатках в снабжении. Вот несколько выдержек из них.

9 мая 1919 года: «Настроение в полках 73-й бригады удовлетворительное, в боевом отношении — бодрое. Красноармейцы стремятся идти в наступление, покончить с Колчаком. Население относится хорошо, помогает, чем может. В 219-м полку налетом на Алексеевку взято в плен около 100 колчаковцев при 2 пулеметах»[568].

10 мая: «75-я бригада. Настроение бойцов хорошее. Нужда в летнем обмундировании, кожаной обуви. Несвоевременно доставляется продовольствие, недостаток табаку, спичек. Недостает мусульманской литературы»[569].

11 мая: «Настроение частей 25-й дивизии отличное; отсутствует интернациональная литература, поступающая — запаздывает»[570].

13 мая: «Настроение в 73-й бригаде хорошее, в боевом отношении — превосходное. Недостает хлеба, табаку, чаю, сахару. В 218-м полку проведен митинг о международном положении Советской республики. Победное продвижение подняло дух.

219-м полком при взятии Дмитриевского разбиты два полка противника, захвачено 5 орудий, 3469 снарядов, 10 пулеметов и много имущества.

В 74-й бригаде быстрое продвижение затрудняет подвоз провианта и боеприпасов. Мусульманский батальон не имеет шанцевого инструмента. Политработники проводят собрания с крестьянами»[571].

24 мая: «В полках 73-й бригады настроение боевое, но вследствие больших переходов части устали, нуждаются в отдыхе.

В 74-й бригаде настроение хорошее, приказы выполняются беспрекословно, ясно учитываются задачи борьбы с Колчаком»[572].

26 мая: «В полках 73-й бригады настроение боевое, превосходное. Литературы поступает мало. Красноармейцы особенно охотно читают газеты „Бедноту“ и „Красноармейскую звезду“»[573].

В частях не хватало партийно-политических работников, невысок был их политический уровень, скудны средства информации для ведения агитации и пропаганды, особенно с воинами нерусской национальности. Крайнее затруднение вызывало отсутствие опыта работы в боевых условиях при большой разбросанности войск, при передвижениях и в ходе боев. Но все это в какой-то мере компенсировалось самоотверженной

работой, большевистской страстностью партийно-политических работников, коммунистов, всемерно поддерживавших революционный подъем армейских масс.

Партийные собрания, красноармейские митинги, беседы, армейская печать — все было направлено на поддержание высокой сознательной воинской дисциплины, на точное выполнение приказов, на преодоление всех трудностей и достижение победы. Документы тех лет позволяют проследить за организацией и содержанием проводившейся в частях работы и ее результатами.

Так, в 25-м кавалерийском дивизионе 1 мая был проведен митинг, посвященный Дню международной солидарности трудящихся. В 16 часов того же дня получен приказ о выступлении дивизиона — и занят аул Кульшарыпово. В ауле проведено партийное собрание ячейки перед предстоящими боями. В последующие дни дивизионом заняты Суходол, Молчановка. В резолюции другого партсобрания, проведенного 5 мая в ауле Старошарыпкино, сказано: «Мы, члены и сочувствующие Коммунистической партии большевиков… клянемся в том, что не положим своего оружия, мстя своим угнетателям до последней капли крови». 9 мая дивизион участвовал в бою при взятии Кряжлы, 10 мая — Селихова. В бою за Селихове со второй атаки взято 50 пленных с оружием. Противнику контратакой удалось их отбить, но с помощью подоспевшего 217-го Пугачевского полка пленных взято в несколько раз больше, а также 3 пулемета и 500 винтовок. Командир 2-го эскадрона в единоборстве убил офицера[574].

Большое влияние на воинов имел личный пример командиров, комиссаров, рядовых коммунистов, лучших красноармейцев и боевых групп. В решающие моменты боев они вели за собой бойцов, по-большевистски вдохновляя, увлекая примером личной храбрости и отваги.

Но такой способ управления войсками, когда командиры увлекают их за собой, находясь во время боя впереди, приводил к неоправданно высоким потерям командного состава. В. И. Чапаев вынужден был провести специальное совещание по вопросу управления войсками. Много лет спустя, на основании рассказа об этом совещании И. С. Кутякова, военного консультанта фильма «Чапаев», в нем появился великолепный эпизод показа Чапаевым на картофелинах, где должен находиться командир в бою.

27 марта 1919 года В. И. Чапаев в газете политотдела Реввоенсовета IV армии опубликовал (вместе с Ф. Хреновым) статью «К годовщине Пугачевского советского полка», в которой

описал его славный боевой путь. Статья заканчивалась призывом к бойцам и командирам полка стойко стоять и расчищать от врагов дорогу социалистической республике[575].

Воинов 25-й дивизии, ушедших на борьбу с Колчаком, на родине не забывали. Президиум Пугачевского исполкома 15 апреля 1919 года постановил: «Знамя и адрес преподнести полкам, какие организовались в Пугачеве в 1918 году»[576]. В 217-м Пугачевском полку — первом полку дивизии — 27 апреля состоялось празднование годовщины со дня его организации и боевой деятельности. По этому случаю политотделом пугачевцам было вручено знамя. После официальной части торжества оркестр играл в каждом батальоне. Настроение воинов полка было праздничное[577].

На другой день полк в жарком бою овладел селом Преображенское (ныне Бузулукского района Оренбургской области). Комиссар полка Панкратов в донесении комиссару 73-й бригады о поведении в бою личного состава ходатайствовал представить к награде командира 1-го батальона Петрова, который, будучи ранен, продолжал вести за собой батальон, находясь впереди; командира полка Рязанцева, который вел себя точно так же в течение всего дня 28 апреля; красноармейца ударного десятка Табакова, помощника политкома Щербакова, начальника десятка Нестерова, которые кинулись на взвод пехоты противника в конном строю, а когда офицер взвода выстрелом ранил Табакова, тот на предложение товарища вынести его из боя ответил: «Погоди, я еще выстрелю». Далее комиссар просил о представлении к награде начальника пулеметной команды Тулумбаева, проявившего особую храбрость, будучи с пулеметом впереди тяжело раненным; фельдшера 8-й роты Ивана Силова, ординарцев Якова Привалова и Михаила Крамова, ворвавшихся в село с ударниками под сильным огнем и захвативших по три человека пленными; 4-й пулеметный расчет под командой Александра Кукишина в составе А. Силкина, Г. Рябушева, Ф. Захарова и некоторых других красноармейцев, вдохновлявших своим примером товарищей.

Список представленных к награде этим не заканчивается, но продолжать его здесь не представляется возможным[578]. Сам комиссар Панкратов взял в бою в плен офицера и 10 солдат, захватил офицерскую повозку. Рапорт Панкратова по инстанции передан в политотдел Реввоенсовета Южной группы войск. Используя его данные, газета «Красноармейская звезда» напечатала корреспонденцию под заголовком «Красные герои»[579], а воины полка были представлены к наградам.

Примеров героизма в народе всегда было немало, но в боях с

контрреволюцией он приобрел массовый характер, потому что впервые в истории был направлен партией коммунистов на защиту Советской власти.

Поражения, нанесенные противнику войсками Южной группы под Бугурусланом и Бугульмой, расценивались Троцким как «лишь небольшие частичные успехи». В телеграмме Реввоенсовету Южной группы он требовал вести борьбу с дезертирством, обратить внимание на саратовское направление, где «восстания казаков разрастаются, не встречая немедленного сокрушающего отпора», предлагал сообщать о ходе работ по укреплению Самарского оборонительного района, потерявшего к этому времени свое значение[580]. Новый командующий Восточным фронтом А. А. Самойло, назначенный в период боев за Бугульму, был такого же мнения.

На правом крыле фронта, на оренбургском и особенно на уральском направлениях, положение создавалось тяжелое. На левом крыле, севернее Камы, и того хуже. Противник там не имел поражений и продолжал наступать, тесня II армию. Поэтому командование фронта директивой № 166/с от 10 мая изымало V армию в полном ее составе из подчинения М. В. Фрунзе и направляло на север, на Мензелинск, против левого фланга Сибирской армии генерала Гайды.

Южной группе в составе I, IV и Туркестанской армий предлагалось наступать левым флангом на Белебей, Стерлитамак, обеспечивая операцию V армии и перерезая Бугульминскую железную дорогу. Остальными частями группы требовалось обеспечить оренбургское и уральское направления, подавить восстания в Оренбургской и Уральской областях. Такая задача для Южной группы, из которой изымалась V армия в составе четырех дивизий и двух бригад, была непосильной. Левым флангом группы требовалось обеспечить уфимское направление на участке фронта от Белебея до Стерлитамака протяженностью в 100 километров, тогда как на этом направлении сосредоточились войска противника, отошедшие от Бугульмы, и резервный корпус генерала Каппеля. Севернее же Белебея, между левым флангом Южной группы и правым флангом V армии, образовался разрыв до 80 километров, что ставило «обеспечение» операции V армии под сомнение.

Директива командования вызывала возражения со стороны М. В. Фрунзе. В разговоре 12 мая с командующим фронтом по прямому проводу он доложил, что сбит директивой с толку и поставлен в неопределенное положение, так как командование фронта, несмотря на неоднократные просьбы, не информирует его о своих намерениях в предстоящих операциях. Просил

оставить в его подчинении только IV армию — для обеспечения оренбургского направления или передать ему из V армии 25-ю и 2-ю дивизии — для обеспечения уфимского направления и прикрытия операции V армии. Высказал свое отрицательное мнение относительно удара от Бугульмы на север, который в лучшем случае мог привести к отходу противника, но не к его уничтожению. Предлагал наносить удар глубже, то есть восточнее, отрезая пути отхода.

Разговор по телеграфу ни к чему не привел, и М. В. Фрунзе вынужден был ехать в штаб фронта. Поездка оказалась успешной. 14 мая он добился возвращения в Южную группу 25-й и 2-й дивизий. Тут же из штаба фронта им было отправлено распоряжение своему заместителю Ф. Ф. Новицкому, в котором говорилось, что директивой командования фронта на Южную группу возложена задача разбить белебейскую группировку противника и подавить восстания в Оренбургской и Уральской областях. Для осуществления первой задачи в распоряжение штаба Южной группы передаются из состава V армии 25-я и 2-я дивизии, выполнение второй задачи возлагается на два Самарских полка, Казанский мусульманский полк, бригаду 33-й дивизии и Московскую кавдивизию. Требовал провести подготовительную работу к приему дивизий из V армии в Туркестанскую, соответствующим приказом поставить задачу командармам IV и I армий, отправить Самарские полки в район Соболево, подготовить железнодорожный состав для отправки Казанского полка в Оренбург. Сам М. В. Фрунзе выезжал с двумя батальонами этого полка в Самару, куда прибыл 15 мая.

Для разгрома белебейской группировки противника и овладения Белебеем им был отдан 15 мая приказ, согласно которому 31-я дивизия Туркестанской армии во взаимодействии с левофланговой 24-й дивизией I армии должна была вести наступление с фронта, а 25-я дивизия — охватить Белебей с севера и отрезать противнику пути отхода на Уфу. Вся наличная конница бросалась в тыл противнику для перехвата его сообщений с Уфой.

М. В. Фрунзе не исключал возможности, что противник, после целого ряда поражений, не окажет упорного сопротивления в боях за Белебей, а потому требовал решительных действий, особенно от 25-й дивизии и конницы. Расчет оказался верным. С выходом 25-й дивизии в тыл правому флангу противника в районе Абдулово и Сулли (в 55 и 40 километрах северо-западнее Белебея) генерал Каппель, возглавлявший к этому времени среднюю группу Западной армии, оставил город.

От 25-й дивизии требовалось большое напряжение. До

подхода 26-й дивизии У армии, выдвигавшейся для обеспечения левого фланга Южной группы, 220-й и 222-й полки 74-й бригады были оставлены в районе Апсалямово и вели там упорные бои. На правом фланге дивизии восточнее реки Ик ожесточенно сражался 223-й полк 75-й бригады с 15-м Стерлитамакским полком белых за Старотураево, Усман-Ташлы и Суккулово и овладел ими. 225-й полк с боем занял Старое Шахово.

Полки 73-й и 74-й бригад 15 мая форсировали реку Ик в районе Кзыл-Яр. В 15 часов 219-й полк повел наступление на Уязы-Таман, в тыл 13-му Уфимскому полку 4-й Уфимской дивизии, и захватил его артиллерийскую батарею. Противник стойко оборонялся, но был выбит со своих позиций и отступил на Андреевку (Леонидовку). У деревни Муллино кавалерийский дивизион бригады захватил 4 пулемета и 70 пленных того же Уфимского полка. С целью воспрепятствовать форсированию реки Ик частями 25-й дивизии противник бросил в район Кзыл-Яра 16-й Уфимский полк, но и он не приостановил наступления.

16 мая 217-й Пугачевский полк занял Андреевку (Леонидовку), 13-й Уфимский полк отступил на Троицкий Завод. В тот же день на правом фланге дивизии 25-й и 75-й кавалерийские дивизионы заняли Елань-Чишму в 25 километрах западнее Белебея.

На левом фланге части 25-й дивизии, стремительно наступая, заняли один за другим населенные пункты Верхние и Нижние Башниды, Константиновку, Такаево; южнее — Верхнетроицкий Завод, Карамалы, Тузлукуш, Смоилово.

Федор Константинович Потапов — командир 75-й бригады 25-й стрелковой дивизии.

17 мая кавалеристы и полки 75-й бригады Ф. К. Потапова, выбив противника из Дмитриевки, вошли с севера и запада в Белебей. С юга в город вступили части 2-й бригады 31-й дивизии.

Чапаев приказал полки 75-й бригады вывести из города и занять 223-му полку Михайловку и Илькино, 225-му полку — Исмагилово, 25-му кавалерийскому дивизиону П. А. Сурова вместе с кавдивизионами бригад — деревню Тузлукуш; 73-я и 74-я бригады обходили Белебей с севера и, несмотря на сопротивление противника, вышли на указанные им рубежи (схема 14).

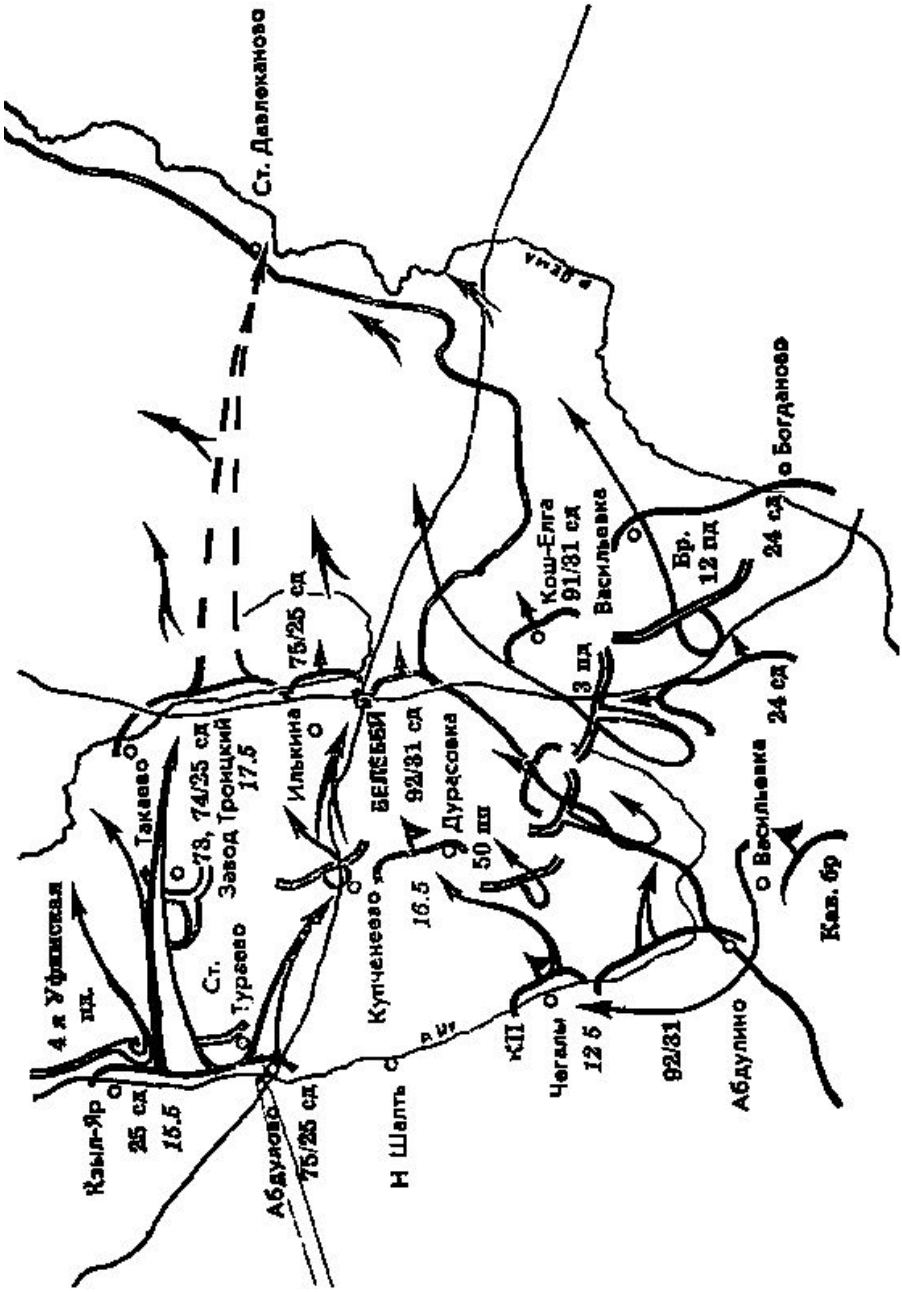


Схема 14. Бои в Белебейской операции.

Через два дня, 19 мая, Д. А. Фурманов записал в дневнике: «Чапай устал. Он переутомился мучительной, непрерывной работой. Так работать долго нельзя — он горел как молния. Сегодня подал телеграмму об отдыхе, о передышке. Да тут еще пришли вести с родины, что ребята находятся под угрозой белогвардейского нашествия, — ему хочется спасти ребят.

Телеграмму я ему не подписал. Вижу, что мой Чапай совсем расклеился. Если уедет — мне будет тяжело. Мы настолько сроднились и привыкли друг к другу, что дня без тоски не можем быть в разлуке. Чем дальше, тем больше привязываюсь я к нему, тем больше привязывается и он ко мне. Сошелся тесно я и со всеми его ребятами. Все — молодец к молодцу — отважные, честные бойцы, хорошие люди. Здесь я живу полной жизнью»[581].

В боях за Белебей войска Южной группы одержали новую победу, хотя и на этот раз не добились полного, уничтожения противостоящего противника. Недостаточное развитие наступления для изоляции противника от Уфы зависело от медленного продвижения Туркестанской армии, стремления частей, как, например, 75-й бригады, овладеть городом, а не обходить его, однако более всего — от фронтового командования, поставившего задачей Южной группы не решительное наступление на Уфимском направлении, а разгром противника в районе Белебея. После взятия Белебея противник не преследовался. Командующий фронтом в приказе № 184/с от 18 мая требовал принять все меры, чтобы не подвергать части сосредоточенным ударам противника, действовать осторожно и указанной им линии без его разрешения не переходить. Таким образом, развитие операции было приостановлено. Оборонческое настроение Троцкого и робкие, нерешительные действия командующего войсками Восточного фронта Самойло не способствовали успеху.

Обстановка же требовала напрячь все усилия, чтобы не дать возможности Колчаку привести свои войска в порядок и вновь перейти в наступление. Быстрый разгром его армий позволил бы высвободить войска Восточного фронта для переброски их на юг страны и для оказания помощи Петрограду. В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта 29 мая В. И. Ленин писал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы…» По просьбе Реввоенсовета фронта и по указанию В. И. Ленина командующим войсками Восточного фронта вновь был назначен С. С. Каменев.

Бесцельная остановка войск не могла долго продолжаться. Потеря времени была на пользу только противнику. М. В. Фрунзе, предлагая командующему фронтом план дальнейшего наступления, писал: «Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы. С другой стороны, усиливающееся движение поднявшегося казачества требует принятия немедленных мер для обеспечения

Оренбургского и Уральского районов и железной дороги Самара — Оренбург»[582].

Для овладения районом Уфы он решил привлечь 2-ю, 24-ю, 25-ю, 31-ю стрелковые и 3-ю кавалерийскую дивизии; наступление вести на фронте Стерлитамак — Уфа, имея на правом фланге 24-ю дивизию, а на левом — 25-ю для непосредственного овладения Уфой. Прикрыть операцию с севера предлагал 26-й дивизией V армии, которой следовало предварительно овладеть переправой на реке Белой у Ахлыстина и не допустить движения боевой флотилии противника; справа и с тыла — бригадой 20-й дивизии, овладев городом Стерлитамак. Операцию в районе Оренбурга возложить на I армию и части, оборонявшие Оренбург.

В последовавшей затем директиве фронта о наступлении всех армий говорилось: «События последних дней выяснили, что главный резерв противника — войска Каппеля — был введен в бой по частям для задержки нашего наступления и, принужденный к отступлению, отходит на восток. Наступление противника на Казань остановлено на реке Вятке II армией. На оренбургском и уральском направлениях намечается восстание казаков, и их войска проявляют все большую активность»[583]. На Южную группу войск возлагалась задача продолжать преследование противника и овладеть районом Уфы. Ввиду особой важности задачи, которая ложилась в предстоящей операции на Туркестанскую армию, командование ею М. В. Фрунзе взял на себя, оставаясь одновременно и командующим Южной группой. В состав этой армии была им включена 24-я дивизия из I армии. В обращении к войскам Туркестанской армии Фрунзе писал: «У меня нет и тени сомнения в том, что закаленные в битвах славные бойцы 24-й, 25-й, 31-й и 3-й кавалерийской дивизий с указанной задачей справятся в кратчайший срок. Порукой в этом являются блистательные страницы их прежней боевой работы, завершившейся недавно разгромом ряда корпусов противника на полях Бузулука, Бугуруслана, Бугульмы и Белебея. Уверен, что и молодые войска 2-й дивизии, впервые получающие боевое крещение, пойдут по стопам своих славных соратников и учителей»[584].

Перед началом операции белые имели на уфимском направлении до 47 тыс. штыков и сабель, 700 пулеметов, 119 орудий[585]. Используя остановку в районе Белебея и нерешительное продвижение наступавших, противник, прикрываясь сильными арьергардами, отвел свои главные силы за реку Белую. Для выигрыша времени на подготовку обороны за рекой часть сил им была оставлена на выгодной местности и

хорошо оборудованных позициях юго-западнее Уфы. Войска поддерживались артиллерией, бронепоездами и бронемашинами. План сводился к тому, чтобы, остановив красных, нанести им контрудар с юга и с севера.

25 мая М. В. Фрунзе отдал приказ № 011, которым требовал начать наступление 28 мая, отрезать противостоящему противнику пути отступления на Уфу, отбросить его на юго-восток и прижать к реке Белой[586]. Выполнение этой задачи в основном возлагалось на 25-ю дивизию, которая должна была охватить противника с севера. В приказе В. И. Чапаева от 26 мая указывалось: «Для задержки нашего движения противник ухватился за узел бугурусланской и бугульминской железных дорог в Чишме. Но мы будем бить противника не так, как он хочет, а так, как мы хотим…»[587]

«Вчера началось грандиозное движение пяти дивизий на Уфу, — записал Фурманов в дневнике. — Снова кочующая жизнь, снова непрерывное передвижение, грохот орудий, бряцание ружей, транспорта, обозы, полки, полки, полки…»[588]

Начавшееся 28 мая наступление развивалось успешно. 25-я дивизия с боями решительно продвигалась вперед. Противник, стремясь задержать ее, разрушал мосты и дороги, переходил в контратаки. Особенно сильный бой разгорелся в районе Новой Каргалы, где со стороны белых участвовали броневики, затем и бронепоезда. Но несмотря на ожесточенное сопротивление противника, полки и бригады наступали неудержимо. К 30 мая части 25-й дивизии вышли к узловой станции Чишма и после упорного боя овладели ею, выполнив приказ на двое суток раньше установленного дивизии срока. Путь отступления группировке противника из района Самаро-Златоустовской железной дороги на Уфу был отрезан. Оборонявшиеся на подступах к Уфе войска были разгромлены, остатки спасались бегством. Готовившийся белыми контрудар по флангам выдвинувшейся Туркестанской армии удалось упредить.

На южном участке 20-я дивизия I армии к вечеру 29 мая заняла город Стерлитамак. Противник был отброшен за реку Белую, лишившись позиций для удара с юга. На севере в течение 28–29 мая белогвардейцы потерпели крупное поражение от войск V армии.

Войска Туркестанской армии к 30 мая находились в одном-двух переходах от реки Белой. Угроза контрудара по флангам армии была ликвидирована, но главные силы противника находились за рекой Белой, и М. В. Фрунзе отдал приказ на ее форсирование.

Преодоление водной преграды шириной в ее среднем

течении от 150–180 до 300 и более метров без переправочных средств, под огнем подготовленной обороны противника было делом нелегким.

Фронт форсирования достигал по прямой 75 километров. Главный удар, в соответствии с директивой командующего фронтом, наносился на правом фланге, южнее Уфы, силами 24-й и 2-й стрелковых и 3-й кавалерийской дивизий. По достижении р. Белой, на которую войскам армии было приказано выйти 4 июня, 24-й дивизии предстояло форсировать ее на участке устье реки Сим— Кабаково, выйти в тыл уфимского района обороны и поддержать действия кавалерии.

2-й дивизии, без 1-й бригады, форсировать реку на участке Вознесенское, Аксаково, для ближайшего обхода Уфы с востока.

3-й кавалерийской дивизии не позднее 5 июня занять завод Архангельский, 7 июня выйти в тыл противнику и перерезать железную дорогу на участке Балашова, станция Урман.

25-й дивизии, выйдя в полосе от устья реки Дема до Красного Яра, огнем артиллерии не допустить движения противника по реке и железной дороге восточнее города, стремиться овладеть Уфой с ходу, приняв меры к сохранению мостов и устройству переправ.

31-й дивизии, составлявшей армейский резерв, занять район Казанское, Пономарево, Асаново, Сухарево, Нурлино, обеспечить уступным положением левый фланг 25-й дивизии и движение 26-й дивизии на Бирск (схема 15).

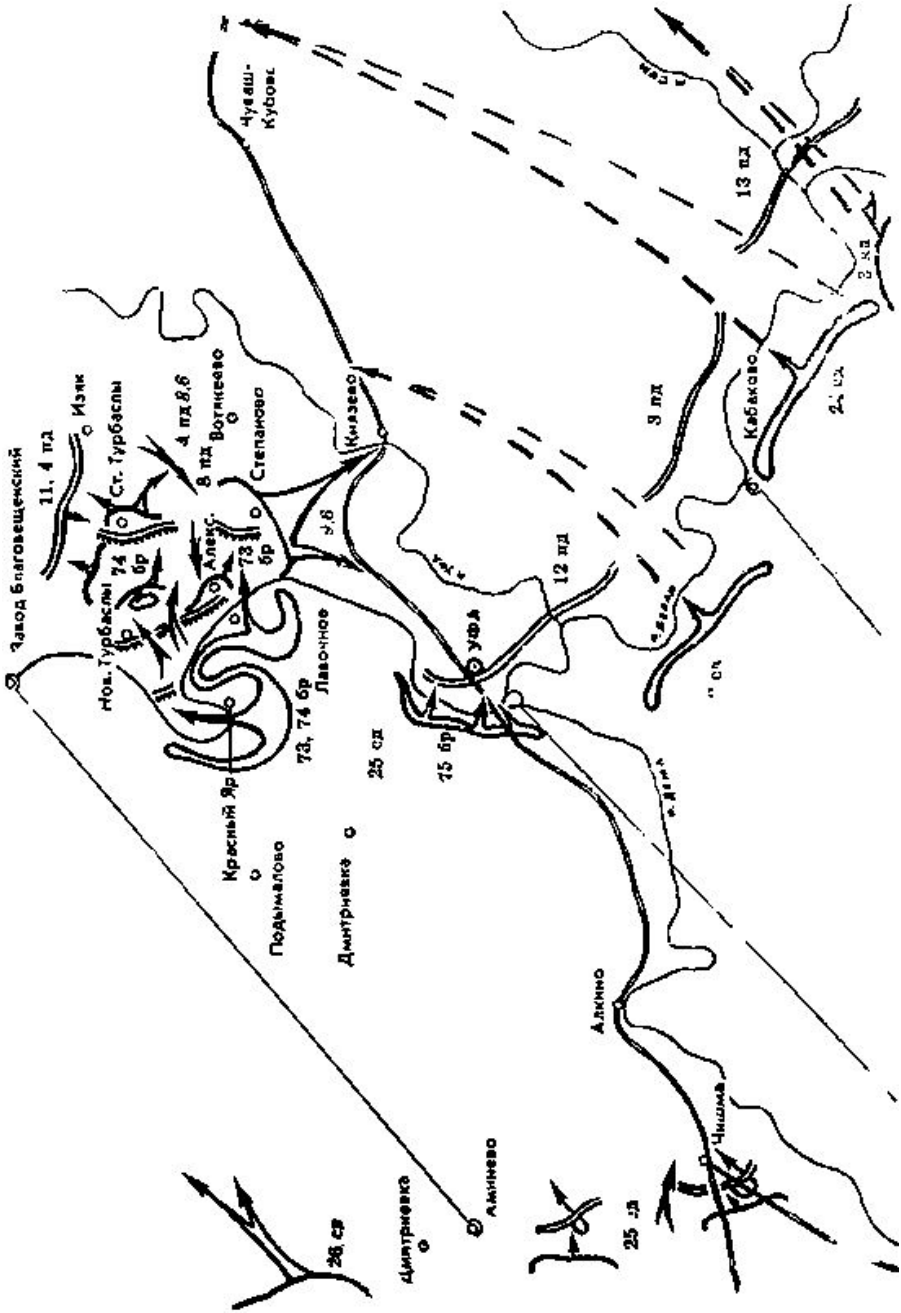


Схема 15. Бои 25-й стрелковой дивизии за Уфу.

Главные силы 25-й дивизии (73-я, 74-я бригады и 25-й кавалерийский дивизион) были направлены В. И. Чапаевым севернее Уфы, в район Красного Яра, 75-я бригада — фронтально на Уфу. Дивизия вышла к Белой одними-двумя сутками раньше других дивизий армии и, столкнувшись с сильным

оборонительным рубежом войск Колчака, немедленно начала подготовку к форсированию реки, прежде всего — подготовку переправочных средств из подручного материала. Помогли средства, захваченные у противника. Случилось это прямо-таки по пословице «На ловца и зверь бежит». Первые подразделения 217-го и 220-го полков, вступившие 2 июня в Красный Яр, увидели шедший по реке буксирный пароход, название которого «Потеха» вызвало у красноармейцев смех. Пароход обстреляли и заставили причалить к берегу. На нем оказалось военное имущество. Огонь противника с противоположного берега подавили ответным огнем. Через некоторое время из-за поворота реки показался второй пароход — «Помощник». И «потеха» была продолжена. На борту его оказались колчаковцы, а на буксире — баржа. Под угрозой расстрела и потопления пароход был также причален к берегу. Офицеры, находившиеся на пароходе, бросались в реку, чтобы добраться до противоположного берега, но их настигали пули. Добытые трофеи сослужили неоценимую службу при форсировании. Кроме того, с противоположного берега был уведен поврежденный паром, который тоже впоследствии был исправлен и использован. В течение нескольких дней противник пытался артиллерийским огнем и авиацией захваченные плавсредства разбить, но принятыми мерами их удалось уберечь.

В ночь первого же дня прибытия была проведена разведка, возглавляемая лично командиром 220-го полка Г. А. Горбачевым[589], а затем — повторная. Захвачен небольшой плацдарм, который постепенно расширялся. Передний край обороны противника оказался в глубине, у основания излучины реки, образовавшей петлю в сторону Красного Яра, и закрывал выход с ограниченного рекой полуострова.

Тем временем 73-я бригада занимала населенные пункты 217-м полком — Красный Яр, 218-м — Ключевку, Демидово, Тарбеевку, 219-м — Куровскую, Вавилово, Иванключевскую, Лавочное; 220-й, 221-й и 222-й полки 74-й бригады занимали соответственно — Красный Яр, Подымалово и Камышинскую. 3 июня к Уфе, в район железнодорожного моста через Белую, вышли 223-й и 225-й полки 75-й бригады.

Несколько суток шла напряженная подготовка к наступлению с форсированием серьезной водной преграды. Когда 25-я дивизия в основном была готова к наступлению, все попытки главных сил армии зацепиться за противоположный берег реки Белой успеха не имели.

В создавшихся условиях М. В. Фрунзе решил использовать возможности 25-й дивизии. 6 июня он прибыл в деревню Авдон,

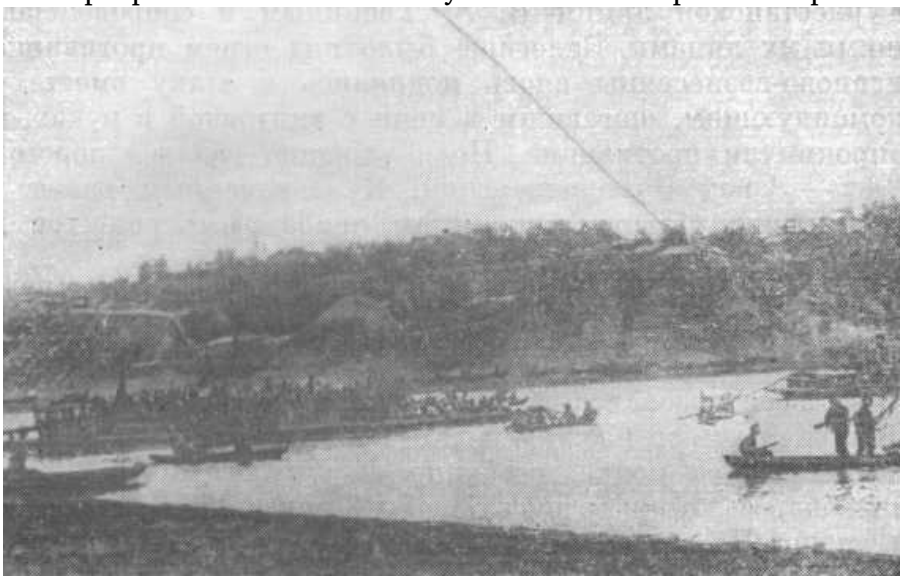
где находился штаб дивизии, заслушал В. И. Чапаева о готовности к наступлению и его решение. Василий Иванович, много вложивший труда в подготовку и тщательно продумавший план боевых действий, обстоятельно и со знанием дела доложил. Он был горд, когда М. В. Фрунзе, убедившись в готовности дивизии и разумном решении ее командира, это решение утвердил. Фрунзе приказал начать наступление в ночь на 8 июня, на сутки раньше назначенного срока. Уверенный в успехе 25-й дивизии, он отдал распоряжение подтянуть армейский резерв ближе к месту ее переправы[590].

В 2 часа 7 июня Чапаев отдал боевой приказ, в котором требовалось: саперными ротами 73-й, 74-й бригад и 31-й дивизии, приданными на время операции, подготовить причалы для пароходов, паром для переправы бронемашин и артиллерии, привести в проезжее для машин состояние дорогу на противоположной стороне реки на Александровку. Командиру 73-й бригады — возглавить ударную группу в составе 217-го, 218-го, 220-го и батальона 219-го полков, бронеотряда из 3 машин и 73-го кавалерийского дивизиона. В 21 час 7 июня начать переправу по наведенному мосту и в 2 часа 8 июня овладеть позициями противника на рубеже Александровка, Новые Турбаслы. В последующем 220-м полком захватить Старые Турбаслы, основными силами — Вотякеево и железнодорожный мост через реку Уфу, направив один полк в город с тыла, для содействия 75-й бригаде, наступавшей с фронта. Командиру 219-го полка одновременно с переправой на плотах в районе Лавочное вести демонстрацию, мало отличавшуюся от действительной, но с минимальным расходом снарядов, 74-й бригаде переправиться за ударной группой, занять Новые Турбаслы и, подчинив 220-й полк, быть в готовности к развитию наступления, частью сил — к отражению возможных контратак с левого (открытого) фланга. В последующем оказать содействие 26-й дивизии в овладении Заводом Благовещенским. 75-й бригаде с началом операции демонстрировать форсирование, готовя действительную переправу под прикрытием огня артиллерии и бронепоезда. После переправы ударной группы ворваться в город по железнодорожному мосту, не допустить отрыва противника и отхода его из города. 25-му кавдивизиону переправиться за 74-й бригадой и занять Верхние и Нижние Изяки.

Полки Чапаева, бившие уральских казаков, белочехов и колчаковцев, имели огромный боевой опыт и были закалены. Но успех предстоявшего наступления зависел от того, насколько успешно будут переправлены войска через водную преграду, при отсутствии в дивизии штатных переправочных средств и крайне

скудных трофейных. Выполнение этой задачи Чапаев взял на себя лично, и М. В. Фрунзе с ним согласился. 7 июня Михаил Васильевич прибыл в Красный Яр и сам всю ночь находился на переправе, откуда с 20 часов Чапаевым осуществлялось управление дивизией.

Переправа началась точно в установленное приказом время.



Переправа частей 75-й бригады 25-й стрелковой дивизии через р. Белую под Уфой.

Переправившиеся на плацдарм полки ударной группы ночью подошли к переднему краю противника без выстрела. С рассветом на его позиции, преграждавшие выход с плацдарма, обрушился плотный огонь артиллерийских дивизионов, а через 30 минут полки устремились в атаку. Участникам боев запомнились грохот орудий в предрассветных сумерках, султаны взлетавшей от разрывов земли, бегущие бойцы и громкое «ура!», потом — обрывки колючей проволоки, окопы, брошенные кое-где пулеметы и обезумевший от страха офицер с болтавшимся на шнурке пенсне. С развитием боя начались первые неприятности: заминка правофланговой роты, засевшее орудие, забуксовавший броневик, появились раненые, убитые.

Но неудержимым было общее движение вперед. Быстро была преодолена первая позиция, взяты Александровка и Новые Турбаслы, а за этим пунктом находилась высота, с которой противник вел плотный ружейно-пулеметный огонь. Часам к 8 в 220-й Иваново-Вознесенский полк прибыл М. В. Фрунзе с командиром ударной группы И. С. Кутяковым, заведующим политотделом Туркестанской армии В. А. Трониным и

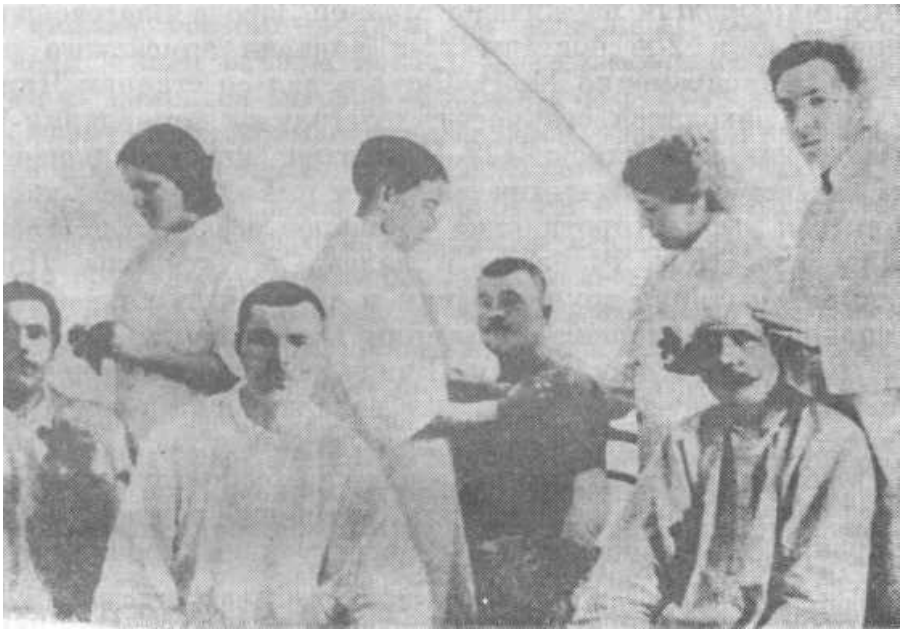
сопровождавшими их лицами. Залегшие было под огнем противника иваново-вознесенцы вновь поднялись в атаку вместе с командующим, шагавшим в цепи с винтовкой в руках, и опрокинули противника. Полк успешно овладел дорогой Уфа — Завод Благовещенский. К захваченным ранее у противника четырем пулеметам прибавилось еще три и несколько тысяч патронов.

Жаркий бой разгорелся справа, на участке 217-го Пугачевского полка, движение его замедлилось. Между 220-м и 217-м полками образовался разрыв. Противник этим воспользовался и нанес удар по левому флангу 217-го, стремясь изолировать его и прижать к реке. Движение 220-го полка, особенно его правофлангового батальона, с которым шел М. В. Фрунзе, было приостановлено. На помощь пугачевцам в образовавшийся разрыв был направлен батальон 219-го полка, и положение удалось восстановить.

К полудню в Новые Турбаслы подошел переправившийся 218-й Разинский полк и привел с собой застрявшие броневики. Один из его батальонов был немедленно выдвинут под Старые Турбаслы на обеспечение открытого левого фланга 220-го полка.

К 14 часам наступление возобновилось. 220-й полк занял Старые Турбаслы. Однако противник, стремясь остановить наступавших в обход Уфы с севера, вновь нанес удар силою до двух полков между 220-м и 217-м полками, по батальону домашкинцев. По инициативе командира полка Г. А. Горбачева противник в свою очередь тоже был атакован с фланга 220-м полком и общими силами отброшен в исходное положение. К 16 часам наступление вновь пошло успешно.

М. В. Фрунзе вернулся к переправе. Район переправы бомбила авиация противника, стремясь потопить переправочные средства, наносила урон войскам, расстреливая людей из пулеметов. Близко взорвавшейся бомбой М. В. Фрунзе был контужен, лошадь под ним убита. В медицинском пункте, развернутом в Красном Яре, ему была оказана первая помощь. В тот же день огнем с самолета был ранен в голову В. И. Чапаев. Пуля застряла в черепе. Вынимали в том же медицинском пункте.



В. И. Чапаев на перевязке после ранения в голову с самолета на переправе через р. Белую у Красного Яра. Перевязывает Михаил Васильевич Жемков. Крайняя слева — его жена Екатерина Федоровна Ильина.

И М. В. Фрунзе, и В. И. Чапаев остались в строю и продолжали руководить войсками. Был ранен в грудь заведующий политотделом Туркестанской армии В. А. Тронин, находившийся в бою вместе с М. В. Фрунзе.

В течение 8 июня главные силы 25-й дивизии в районе Красного Яра были переправлены. Два небольших парохода работали с предельной нагрузкой. 221-й Сызранский полк переправился только к вечеру, однако к полуночи уже занял позиции в районе Старые Турбаслы, сменив батальон 218-го Разинского полка. 222-й полк переправился раньше у деревни Дмитриевка.

Положение 75-й бригады против Уфы оставалось прежним. Попытки ворваться в город по железнодорожному мосту отражались сильным огнем противника. Артиллерии бригады для подавления огневых средств противника не хватало.

Главные силы Туркестанской армии до 9 июня включительно стояли на левом берегу Белой, не могли переправиться. Положение оставалось напряженным. Связи между 25-й дивизией и правым флангом V армии не было. Ее правофланговая 26-я дивизия, наступавшая в направлении Завода Благовещенского, отстала, и противник беспрепятственно группировался за левым

флангом 25-й дивизии. Потери 25-й за 8 июня, по донесению штаба Туркестанской армии в штаб фронта, были значительные. Учитывая складывавшуюся обстановку, 9 июня командующий перебросил в район Завода Благовещенского 1-ю и 2-ю бригады 31-й дивизии армейского резерва. Одновременно М. В. Фрунзе дал со станции Чишма, где находился его поезд, телеграмму командарму-V, в которой говорилось: «25-я дивизия, переправившаяся на рассвете 8 июня на правый берег р. Белая, после упорного боя выбила противника из окопов и заняла д. Александровна, Нов. Турбаслы и далее Ст. Турбаслы. Противник, подтянув крупные силы и артиллерию, оказывает упорное сопротивление на линии Ниж. Изяки, Степанова, переходя в контратаки. Ввиду затруднения подвоза боевых припасов и переброски подкреплений прошу вас оказать содействие частям 25-й дивизии, находящимся в тяжелых условиях, путем возможно быстрого выдвижения частей 26-й дивизии для активной поддержки со стороны Благовещенского. О последующем прошу срочно уведомить»[591].

Несмотря на недомогание после контузии, М. В. Фрунзе в тот же день дал В. И. Чапаеву телеграмму, в которой сообщал об успехе У армии, освободившей город Бирск, объявлял благодарность 220-му, 217-му и 218-му полкам за их быструю, храбрую переправу через Белую и продвижение вперед. Командующий благодарил также начдива Чапаева и комбрига Кутякова за энергичное и умелое руководство боевыми действиями. Выражал уверенность, что революционный дух и настроение, которые он нашел в частях 25-й дивизии, вдохновят и послужат примером для остальных войск Туркестанской армии, призывал дружным натиском сломить упорного врага[592].

Благодарность и призыв командующего придали войскам большую веру в свои силы, веру в окончательную победу.

В ночь на 9 июня чапаевцам стало известно от перебравшегося через линию фронта уфимского рабочего о подготовке белыми удара. Не доверяя прибывшему человеку, все же приняли необходимые меры. Сведения оказались верными: на следующий день противник, сосредоточив крупные силы на левом фланге дивизии, пошел в атаку. Против 221-го и 220-го полков первого эшелона 74-й бригады двинулись шесть пехотных полков и один кавалерийский. Нужно было выстоять, удержать позиции, огнем с места нанести максимальные потери противнику, а затем решительным ударом разгромить его. И эту задачу дивизия выполнила блестяще. С приближением к затихшим позициям колчаковские батальоны принимали боевой порядок, расчленялись, рассыпались в цепи и шли в свою последнюю

«психическую» атаку, один из моментов которой отображен в фильме «Чапаев». По всему фронту дивизии завязался ожесточенный бой, длившийся несколько часов. Особенно тяжелое положение сложилось в левофланговой 74-й бригаде. Не считаясь с потерями, противник снова и снова бросался в атаки, пытаясь сломить сопротивление. Но каждый раз воины находили в себе силы и отбрасывали врага. Большую помощь пехоте оказывали пулеметные команды, артиллеристы, броневики спешили туда, где было труднее всего.

Наконец противник стал ослабевать. Все чаще оборонявшиеся поднимались в решительные контратаки, пока их броски не перешли в общее безостановочное движение вперед. Противник был сломлен окончательно. Полки 74-й бригады преследовали его на внешнем левом фланге, а 73-я бригада решительно двинулась в обход Уфы с севера. Ее правофланговый Домашкинский полк, без батальона, шел непосредственно на город для содействия 75-й бригаде. В Уфе поднялась паника. Части 75-й бригады, заметив растерянность противника, усилили огонь своей артиллерии и пулеметов и смело устремились по взорванному белыми железнодорожному мосту, переправлялись по воде и вскоре ворвались в город. Встречи уфимцев с освободителями были трогательны.

Решающую роль в победе под Уфой сыграла 25-я дивизия. В приказе войскам Южной группы Восточного фронта за № 0390 от 10 июня 1919 года говорилось: «9 июня после ряда упорных боев доблестными полками 25-й стрелковой дивизии взят г. Уфа. Нами взято много пленных, пулеметов, оружия. Разбитый и понесший огромные потери противник обращен в бегство и спешно уходит на северо-восток параллельно железной дороге»[593].

Командующий войсками Восточного фронта докладывал В. И. Ленину: «Уфа занята нашими частями 9 июня в 20 часов после упорного боя. Овладели Уфой части 25 дивизии, причем 1 и 2 бригады этой дивизии перешли в наступление в районе Ст. Турбаслы и к 19 часам вышли к железной дороге в районе ст. Ураково. Около того же времени разведчики 3 бригады 25 дивизии, видя слабый огонь противника с южной стороны города, вместе с пулеметной командой переправились через р. Белая у железнодорожного моста и двинулись к городу. Батальон 219 полка, стоявший у Киржацкой, переправился на лодках на восточный берег реки и также цепью двинулся на город. Противник бежит на север и на северо-восток. Днем перед наступлением темноты наш аэроплан, посланный для ознакомления с положением на фронте, видел в беспорядке несущиеся обозы противника на север и северо-восток…»[594].

В приказе войскам Туркестанской армии отмечалось: «После разгрома противника на полях Бузулука, Бугуруслана и Белебея новыми мощными ударами дивизий Туркестанской армии противнику нанесено повое решительное поражение. Уфа вновь возвращена Советской Республике. Противник, разбитый, отступает, очищая Уфимскую область, и Уфимская операция близится к концу. Геройская, потерявшая почти половину своего состава, 25-я стрелковая дивизия во главе со своим доблестным начальником тов. Чапаевым еще раз покрыла себя славой в этой операции»[595].

Приказом № 0398 от 10 июня 1919 года М. В. Фрунзе вывел 25-ю стрелковую дивизию в резерв Южной группы и сосредоточил ее в районе Ураково, Богородское, Таралыкино, Глумилино и частью в Уфе, т. е. расположил «ближе к железной дороге, имея в виду предстоящую погрузку эшелонов». Было приказано «принять немедленно меры к пополнению всем необходимым»[596]. Временно выбывшего из строя по ранению В. И. Чапаева заменил комбриг-73 И. С. Кутяков. Но уже 13 июня поступил приказ командующего Южной группой войск сменить 75-й бригадой выводимую с позиций бригаду 2-й стрелковой дивизии, которая срочно перебрасывалась из-под Уфы на Южный фронт[597].

Выздоровев, 14 июня 1919 года В. И. Чапаев вступил в командование дивизией[598]. Командование Восточного фронта решило направить ее на ликвидацию белоказачества[599]. В связи с этим предстояла серьезная подготовка в поход. 15 июня В. И. Чапаев созвал в Уфе совещание командно-политического состава соединения, по окончании которого Василий Иванович сфотографировался в окружении своих боевых соратников. Хотя по тем или иным причинам собраны не все чапаевские командиры-участники разгрома Колчака, но все-таки снимок является важным историческим документом, запечатлевшим этих героев.

В освобожденной от колчаковцев Уфе. В центре, с перевязанной головой, В. И. Чапаев.

На снимке пятеро прилегли, одиннадцать человек сидят, остальные разместились сзади них. Внизу, в первом ряду, слева направо, мы видим комиссара штаба дивизии Ивана Васильевича Чакина, помощника комиссара дивизии Ивана Автономовича Крайнюкова, инструктора штаба дивизии, личного порученца начдива Петра Семеновича Исаева, инструктора для поручений штаба дивизии Семена Федоровича Садчикова командира 74-го кавалерийского дивизиона Степана Васильевича Митяева. Во втором ряду сидят командир 217-го Пугачевского полка Алексей Карпович Рязанцев командир 218-го Разинского полка Степан Яковлевич Михайлов, комиссар 73-й бригады Александр Николаевич Маслов, командир той же бригады Иван Семенович Кутяков, военно-политический комиссар дивизии Дмитрий Андреевич Фурманов, В. И. Чапаев, командир 75-й бригады Федор Константинович Потапов, командир 74-й бригады Федор Андреевич Зубарев, комиссар той же бригады Василий Александрович Пестов, командир 220-го Иваново-Вознесенского полка Гавриил Афанасьевич Горбачев, комиссар того же полка Ефим Яковлевич Капустянский. За ними (в третьем ряду) стоят комиссар 217-го Пугачевского полка Дмитрий Архипович Михайлов, комиссар 218-го Разинского полка Андрей Иванович Мазурин, командир 73-го легкоартиллерийского дивизиона Константин Степанович Ранецкий, комиссар того же артдивизиона Федор Фомичев, начальник штаба дивизии Иван Михайлович Снежков, комиссар батальона связи при штабе дивизии Яков Трофимович Матвеев, начальник штаба 75-й бригады Франц Рихардович Лей (немец-интернационалист), командир батальона 222-го Интернационального полка Людвиг

Людвигович Немет (венгр-интернационалист), комиссар 74-й бригады Петр Яковлевич Брауцей, комиссар 221-го Сызранского полка Дмитрий Алексеевич Уваровский, инструктор для поручений штаба дивизии Василий Яковлевич Графов. В четвертом ряду — командир 219-го Домашкинского полка Сергей Васильевич Сокол, помощник комиссара того же полка Рувим Дмитриевич Галесник, помощник командира 218-го Разинского полка Иван Константинович Бубенец, командир 74-го легкоартиллерийского дивизиона Николай Михайлович Хлебников, командир батальона 218-го Разинского полка Василий Аркадьевич Киндюхин, командир 25-го кавалерийского дивизиона Пантелей Алексеевич Суров, комиссар 74-го артдивизиона Павел Иванович Петренко, помощник командира 225-го полка, комендант Уфы Александр Афанасьевич Ефремов, помощник начальника штаба 73-й бригады Игнатий Сергеевич Мельников, помощник комиссара 222-го Интернационального полка Матвей Михайлович Ледковский, командир 221-го Сызранского полка Петр Яковлевич Лазда, командир 222-го Интернационального полка Сергей Емельянович Мальцев, комиссар того же полка Иштван Ротт (венгр-интернационалист), комендант штаба дивизии Золтан Приходо (венгр-интернационалист)[600].

По разным причинам на указанном выше совещании отсутствовали и поэтому не сфотографировались некоторые известные чапаевские командиры и комиссары. Так, комиссар 219-го Домашкинского полка Ф. П. Антонов («Дедушка») и военный комиссар 75-й бригады Леонтий Шумаков были тяжело больны и находились в госпиталях. К северу от города, на реке Уфе, вели боевые действия части 75-й бригады: 223-й полк имени Винермана (командир И. В. Ершов, комиссар Г. Я. Шарапов), 225-й Балаковский полк (командир И. Т. Решетников, комиссар С. И. Аллянов), 75-й артдивизион (командир А. Г. Павлинов, комиссар Григорий Костичев) и некоторые другие подразделения. Командиров этих частей на совещание не вызывали. Отсутствовали на нем также начальники штабов: 73-й бригады — А. С. Чернов, 74-й бригады — Н. М. Рябцов[601].

В эти же дни Реввоенсовет Южной группы войск возбудил ходатайство о награждении орденом Красного Знамени начальника 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаева и комбрига 73-й И. С. Кутякова за умелое руководство войсками и личную храбрость[602]. К наградам были представлены и славные чапаевские полки.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил все девять полков дивизии и 25-й кавалерийский

дивизион Почетными революционными красными знаменами. М. В. Фрунзе и В. И. Чапаев, многие командиры и бойцы награждены орденами Красного Знамени.

В приказе Реввоенсовета Республики № 137 от 14 июля 1919 года говорилось:

«Награждается орденом Красного Знамени начальник 25 стрелковой дивизии Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

Сорганизовав по революционному почину отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 года упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков… Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам, Александров-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25 стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан. Настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июня сего года) при форсировании р. Белая лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием г. Уфа»[603].

В одерживаемых победах крепла вера воинов в скорое окончание войны. Она придавала силы, смелость и решительность их действиям.

В этих условиях все больше задумывались командиры и над своим будущим. 25 июня 1919 года Чапаев писал в Реввоенсовет Южной группы: «Мне неоднократно приходилось принимать заявления от старшего командного состава вверенной мне дивизии по вопросу о полном уравнении их (в том числе и меня) во всех правах с лицами, окончившими установленные курсы военных специалистов всех ступеней, т. е. с красными офицерами.

Все мы занимаем высшие командные должности в Красной Армии с самых первых дней пролетарской революции и до настоящего времени не имеем однако никаких документов, дающих нам законное право на занятие таковых, так как никто из нас не проходил курса военно-учебных заведений. Вследствие

этого и в случае окончания войны и перехода армии на мирное положение мы, как не пользующиеся установленными правами на занятие командных должностей в армии, можем оказаться в таком положении, что даже если бы кто из нас и захотел остаться на занимаемой должности, будет вынужден по вышеуказанной причине уступить ее пришельцу с правами, который, может быть, в завоевании революции и укреплении Советской власти не принимал никакого участия.

Мы все, добровольно выступившие на защиту интересов трудящихся, почти без всякой поддержки из центра сформировали 25-ю стрелковую дивизию, своею кровью в боях с бандами казаков, чехословаков и армией Колчака создали ей вечную славу непобедимой, и после всего этого, после всех понесенных нами трудов на благо революции, будем вынуждены отойти на задний план. Еще не было случая, чтобы 25-я дивизия отступила хоть на шаг, а ею всецело руководили мы, простые солдаты. Мы побеждали и будем побеждать, хотя выучились этому не в четырех стенах военно-учебных заведений, а в поле, лицом к лицу с врагами революции.

В силу всего изложенного я, поддерживая справедливое и настойчивое требование своих товарищей, мне по должности подчиненных, прошу: 1) о присвоении нам звания красных офицеров со всеми правами, коими пользуются эти лица как окончившие специальные военные курсы; 2) о занесении этого в послужные списки и 3) о выдаче соответствующих удостоверений.

Если выполнение нашей просьбы почему-либо представится невозможным, то я, выражая общее желание, прошу о смещении нас на низшие командные должности, которые соответствуют нашему военному образованию старой армии…

Начдив-25 Чапаев.

Политком Дм. Фурманов»[604].

Не совсем четко и гладко изложенное, но справедливое и скромное желание!..

Уфимская операция, ставшая последним этапом контрнаступления Южной группы войск Восточного фронта, завершила освобождение огромной территории от Волги до предгорий Урала. Последовательно была разбита Западная армия Колчака, потерявшая более 25 тыс. человек, оказано решающее влияние на разгром противника севернее Камы. Победа над Уфой создала благоприятные условия для наступления на Урал, значение которого перед боями на Уфу было определено В. И. Лениным в телеграмме от 29 мая Реввоенсовету Восточного фронта. Это указание вождя явилось руководством для новых ударов по Колчаку. Войска быстро продвигались на восток.

XII. Прорыв блокады Уральска

С уходом частей 25-й дивизии на Колчака под Уральском осталась IV армия в составе 22-й дивизии, Киргизской кавалерийской бригады и Савинского полка с задачей удержать занятый район Уральской области. Уральское белое казачество, используя ослабление IV армии и помощь английских интервентов через Кавказ и порт Гурьев, сильно активизировалось. Через десять дней после того, как В. И. Чапаев и Д. А. Фурманов расследовали причины поражения, понесенного 64-й бригадой 22-й дивизии в районе Лбищенска, белоказаки вновь атаковали ее.

В ночь на 17 апреля 1919 года противник силой до 4000 штыков и 3000 сабель подошел к Лбищенску, обороняемому бригадой, и нанес ей поражение. Лучшая в дивизии бригада, которая сражалась с Чапаевым в октябре 1918 года против уральских казаков в районе Таловое и вышла из окружения победительницей, теперь была разбита. Потеряв 10 орудий, почти все пулеметы и большую часть личного состава, она быстро откатывалась к Уральску. Подошедшая из Уральска помощь положения не изменила. 19 апреля 22-я дивизия вела бои уже в районе Янайский (Янайкино), что в 60 километрах севернее Лбищенска, и продолжала отход на рубеж Скворкин, Ширяев. К 23 апреля расстроенные полки дивизии отошли частью — в сторону Уральска, в район форпоста Чаганский (Большой Шаган), частью — к железной дороге западнее Уральска. Савинский полк отходил от Сломихинской на Александров Гай. 25 апреля часть сил 65-й и 66-й бригад со штабом дивизии пробилась в Уральск. Другая их часть, 22-й и 64-й кавалерийские дивизионы, броневик и бронепоезд сосредоточились вдоль железной дороги на участке Деркул — Шипово; отряд особого назначения Соколова отошел на Семиглавый Мар. Всю эту группу возглавил командир 65-й бригады В. Ф. Наумов.

Назначенный командующим IV армией К. А. Авксентьевский свел части 22-й дивизии, находившиеся вне Уральска, в одну бригаду. Командование бригадой (Деркульской группой) с 4 мая принял Плясунков, который в том же месяце был назначен командиром отдельной Самарской бригады, и группу снова возглавил Наумов. Дорогу между Уральском и станцией Деркул противник захватил — Уральская и Деркульская группы оказались разобщенными.

М. В. Фрунзе 20 апреля сообщил командующему Восточным фронтом о проведении казаками поголовной мобилизации

казачьего и иногороднего населения от Лбищенска до Гурьева, о необходимости немедленной помощи Уральску свежими частями, которых в резерве не имел. В тот же день он потребовал от саратовского губ-военкома вооружить и отправить в распоряжение командующего IV армией К. А. Авксентьевского находившийся в Покровске бронепоезд, а также железнодорожный отряд для исправления путей. Бузулукскому военкому 23 апреля им было приказано направить формировавшийся там Коммунистический полк в район хутора Соболев (в 85 километрах южнее Бузулука) для связи с Уральском. Начальника штаба Туркестанской армии М. В. Фрунзе обязал направить под охраной этого полка 2000 снарядов и 1–2 миллиона патронов для 22-й дивизии[605]. К 25 апреля из Саратова подошли несколько отрядов общей численностью до 1000 человек и влились в Деркульскую группу, имевшую до этого около 3000 штыков[606]. В Уральске находилось около 2500 штыков. Из Саратова же в Деркульскую группу по распоряжению М. В. Фрунзе был направлен бронеотряд из трех машин.

К 28 апреля противник сосредоточился северо-западнее Уральска, его разведывательные группы выдвигались более чем на 50 километров на север. В населенных пунктах западнее и севернее Илецкого Городка (Грязно-Иртецкое, Мустаевский, Кондратьев, Кинделя, Ташла, Иртецкое и др.) началось контрреволюционное восстание. Находившемуся в Илецком Городке 224-му полку было дано распоряжение подавить его. Однако наступление белых на илецком направлении и восстание в районе Илецкого Городка создали такие условия, что 224-й полк с трудом пробился к своим до станции Новосергиевская Оренбургской железной дороги, где срочно формировались сборные отряды Илецкой группы для ликвидации восстания. Илецкое восстание не дало белому командованию ожидаемых результатов, но надолго сковало часть сил Южной группы[607].

Под Уральском 1 мая войска противника под личным командованием генерала Савельева наступали на станцию Деркул силою двух пехотных и трех конных полков при 11 орудиях. После пятичасового боя казаки отступили, оставив более 200 человек убитыми и бросив семь пулеметов. Несмотря на отражение наступления на Деркульскую группу, положение оставалось тяжелым. Противник занял Александров Гай. Активность его возрастала. Поддерживать связь с Уральском становилось все труднее. Выступивший 3 мая из Бузулука на Соболев отряд маршевых рот по пути был разбит. 4 мая противник уже вел артиллерийский обстрел Уральска. Связь с

Уральском через Соболев, после захвата последнего противником 6 мая, прекратилась[608].

Ободряя защитников Уральска, М. В. Фрунзе 8 мая послал им радиограмму, в которой призывал к спокойствию, твердости и уверенности в удержании Уральска. Сообщал о победах, одержанных под Уфой, прочном положении Оренбурга и об организации им помощи Уральску[609]. Сутками позже М. В. Фрунзе радировал начдиву 22-й: «Приказываю держаться до последнего человека. Это единственное средство сохранить отряд»[610].

А казаки перенесли свои боевые действия уже за пределы Уральской области. 9 мая они захватили станцию Чалыкла, в 150 километрах западнее Уральска, разобрали железнодорожный путь, что привело к крушению рабочего поезда и бронепоезда, захватили паровоз, 2 броневика, орудие и пулеметы. Для восстановления положения были высланы 5 эскадронов кавалерийской дивизии, двигавшейся в это время эшелонами через Ершов в Николаевск.

Для борьбы с казачеством командование Южной группы продолжало собирать местные силы, не отрывая войска, направленные против Колчака. Из частей местного формирования полк «Красной звезды», выступивший 10 мая из Николаевска на Таловое в количестве 1350 штыков, 12 мая был разбит казаками в районе Рахмановки, пройдя всего 50 километров. Не имея боевого опыта, полк потерял более половины личного состава[611]. Юго-западнее Уральска казаки захватили город Новоузенск.

На намерение начдива 22 оставить Уральск М. В. Фрунзе 13 мая радировал: «Подкрепления в Уральск идут. Приказываю держаться до последнего человека. Оставление Уральска буду рассматривать как нарушение воинского долга»[612].

30 мая Деркульская группа перешла в наступление с задачей деблокировать Уральск. С упорными боями части группы продвинулись на 15–18 километров и подошли к станции Переметное. На этом наступление, вследствие недостатка сил и понесенных потерь, было остановлено. Самарская бригада и другие части, которые должны были участвовать в наступлении, в результате сложившейся на фронте обстановки не подошли.

В середине июня противник, сосредоточив силы, нанес удар на станцию Шипово. После ожесточенного боя стрелковый полк и кавалерийский полк 1-й Московской кавдивизии отошли на Семиглавый Мар. Железнодорожный путь от Шипова до Семиглавого Мара казаки разрушили и повели дальнейшее наступление в северном направлении — на Николаевск и от Новоузенска — в сторону Саратова, на Красный Кут.

Попытки Деркульской группы восстановить положение наступлением в направлении Деркул, Шипово успеха не имели. Группа оказалась изолированной от всех войск и от тылов, осталась без боеприпасов и продовольствия. В этой обстановке командование группы приняло решение на выход к Николаевску. Оставляемый бронепоезд был взорван. В ночь на 20 июня части тихо оставили позиции. Шесть дней длился 240-километровый отход под воздействием противника. Полки редели, бойцы теряли силы. Пять броневиков, особенно необходимые для отражения казачьей конницы, были выведены из строя и оставлены из-за отсутствия горючего. Шестой передвигался на волах и заводился для отражения атак противника только в критических случаях. 25 июня Деркульская группа в составе 1400 штыков и сабель при 21 орудии и 60 пулеметах вышла в район в 20 километрах северо-восточнее Николаевска и с боем заняла Большую Таволожку. Николаевск находился в руках казаков и белогвардейской Семеновской дружины[613]. К этому времени противник выдвинулся отдельными отрядами на широком фронте севернее Уральска, заняв Николаевск, Б. Глушицу, Соболев, Грязно-Иртецкое и Нижнеозерное. В конце мая и начале июня, когда шла Уфимская операция, казачьи разъезды появлялись у станции Кротовка Самаро-Златоустовской железной дороги, в тылу ударной группы Фрунзе. Несколько населенных пунктов казаки захватили в 40–50 километрах от Самары.

Осажденный в Уральске гарнизон оказался далеко от своих войск. Чтобы поддержать его боевой дух, М. В. Фрунзе 15 июня обратился к В. И. Ленину со следующей телеграммой: «Уральск уже 50 дней выдерживает осаду. Необходимо продержаться еще минимум две недели. Мужество же гарнизона иссякает. Полагал бы целесообразным посылку приветственной телеграммы лично Вами. Телеграмму можно прислать на штаб Южгруппы, который передаст по радио». На другой же день был получен ответ: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом. Предсовобороны Ленин»[614].

Телеграмма вождя придала новые силы защитникам Уральска, укрепила в них надежду на помощь.

Заместитель командующего Южной группой Ф. Ф. Новицкий написал впоследствии: «При осуществлении всех мероприятий по оказанию помощи IV армии М. В. Фрунзе сознавал, что коренное изменение обстановки под Уральском произойдет только после возвращения в этот район 25-й стрелковой дивизии»[615]. Сам М.

В. Фрунзе в докладе командующему войсками фронта сообщал: «Мной уже давно было предположено после Уфимской операции перебросить 25-ю дивизию на Уральский фронт, требующий немедленной поддержки значительными силами, так как состояние IV армии совершенно не гарантирует не только обладания нами Уральским районом, но грозит полной неустойкой, в результате каковой чрезвычайно осложнится положение на всех фронтах Южной группы, и это поставит в безвыходное положение I армию… Переброска в район Уральска 25-й дивизии ныне необходима более чем когда-либо в связи с неудачами IV армии и серьезной угрозой уничтожения последних ее сил. Переброску 25-й дивизии предполагаю начать примерно с 18 июня»[616].

М. В. Фрунзе приступил к подготовке операции на оренбургском и уральском направлениях силами I и IV армий. В его приказе № 02158 от 23 июня ближайшими боевыми задачами ставилось:

IV армии во взаимодействии с группой начдива 25-й Чапаева, подчиняемого непосредственно М. В. Фрунзе, разгромить главные силы противника в районе Уральска и соединиться с уральским гарнизоном. Для выполнения задачи сосредоточить силы армии в районе Семиглавого Мара, развивать наступление вдоль железной дороги на Переметное, далее на форпосты Чаганский, Кушумский, перехватывая ближайшие пути отхода противника от Уральска на юг. В целях выполнения дальнейшей задачи — овладения всей Уральской областью — принять срочные меры к усилению Александров-Гайской группы для наступления через Сломихинскую на Калмыков, отрезая пути отхода казакам, против которых предстояло действовать с севера, от Уральска, главными силами армии.

Группе В. И. Чапаева, в которую, кроме 25-й дивизии, входила Особая бригада под командованием И. М. Плясункова в составе 210-го имени Ленина и Рязанского стрелковых полков, 10-го кавалерийского полка, гаубичного дивизиона и легкой пушечной батареи, приказывалось сосредоточиться в районах: Особой бригаде — Александровна, Ивановка, Ореховка; 73-й бригаде 25-й дивизии — Славянка, Михайловна, Патровка, Алексеевка, Несмеяновка; 74-й бригаде — Сергеевна (Бобровка), Семеновна, Ромашкино; 75-й бригаде — Кандауровка, Курманаевка, Петровка (схема 16).

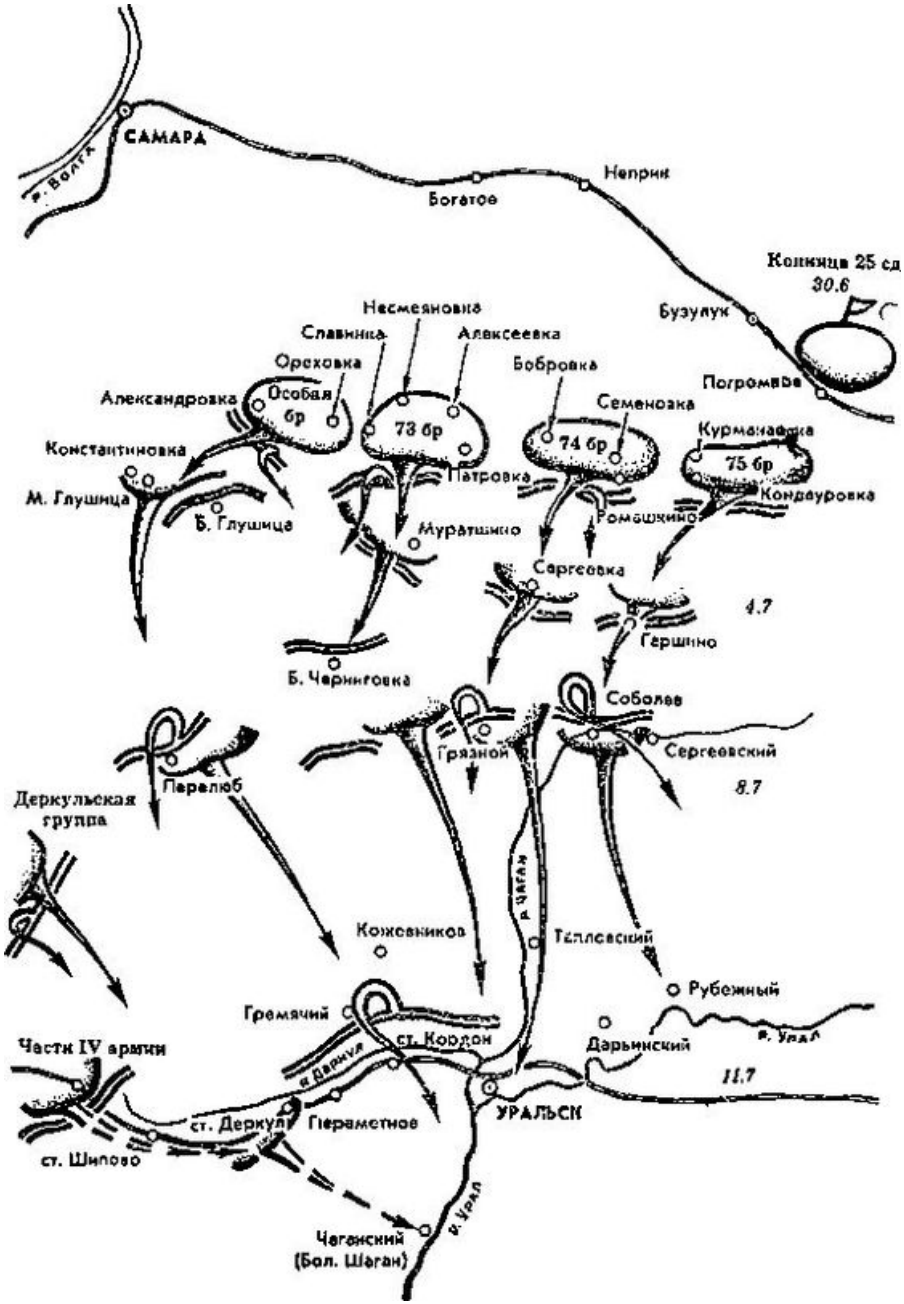


Схема 16. Наступление ударной группы В. И. Чапаева для прорыва блокады Уральска.

По особому приказу начать решительное наступление в направлении на Уральск, выйти на фронт кордон Деркульский, Уральск, Дарвинский, во взаимодействии с частями IV и I армий разгромить главные силы противника и освободить осажденный

уральский гарнизон.

I армии во взаимодействии с группой В. И. Чапаева наступать частями Оренбургской дивизии из района Шулаевка, Злобина, Елховка на Иртецкое и из района Ново-Киндельский, Жахов — на Илецкий Городок. В районе Оренбурга и в полосе 20-й стрелковой дивизии удерживать занимаемый фронт.

Готовность всей Южной группы к наступлению устанавливалась 27 июня. Этим же приказом требовалось от начальника военных сообщений придать группе В. И. Чапаева и соседней с ней группе I армии военно-дорожные отряды для исправления дорог и переправ; начальнику инженеров Южной группы и коменданту Самарского укрепленного района — передать в распоряжение В. И. Чапаева инженерный батальон[617].

Готовя операцию, М. В. Фрунзе продолжал поддерживать морально уральский гарнизон. В радиограмме от 24 июня он писал: «Извещаю героев-защитников Уральска о том, что работа по сосредоточению войск заканчивается. Не позднее 28 июня мною будет начато общее наступление… Уверен в том, что уральцы, отбивавшиеся от врага два месяца, сумеют продержаться еще немного…»[618].

На наиболее опасном самарском направлении противник занимал Николаевск и Б. Глушицу. М. В. Фрунзе решил до начала намеченной операции предварительно разгромить николаевскую группу противника и войти в соприкосновение с ним на занимаемом им фронте. С этой целью 30 июня отдал боевой приказ № 02276, в котором от командующего IV армией требовалось наступать на Николаевск с северо-востока (из района Б. Таволожки) Деркульской группой, с юга — 314-м и 315-м полками, придав им артиллерию и конницу, и с запада— 313-м полком, если к началу частной операции удастся получить недостающее вооружение. Выступление частей предлагалось предусмотреть с таким расчетом, чтобы к моменту атаки в район Николаевска подойти одновременно.

Операция рассчитывалась на окружение и уничтожение противника, захват всего имущества и вооружения. Для достижения наибольшей внезапности и исключения возможности переброски противником сил к Николаевску с других участков наступление приказывалось начать, не ожидая полного сосредоточения 25-й дивизии. В итоге операции войска должны были выйти на линию М. Глушица, Б. Глушица, Пестравский выселок (Тамбовка), Каралыцкий Умет, Мурашино, Ивановка, Сергеевка, Гаршино, Васильевка (Красногорье), Любимовка, Сайнова и занять их. От 25-й дивизии к операции привлекались только что выгрузившаяся из эшелонов 73-я бригада и вся

конница, подошедшая из-под Уфы утром 30 июня на станцию Погромное своим ходом. До прибытия управления 25-й дивизии Особая бригада подчинялась командиру 73-й бригады, который в свою очередь подчинялся непосредственно М. В. Фрунзе.

Разграничительные линии между Особой и 73-й бригадами были Дмитриевка, Александровка, Устинов, Ново-Павловка, Б. Глущица — все пункты для 73-й бригады включительно; между 25-й дивизией и I армией — Бузулук, Родионовка, Александровка (Грачевка), Сергеевка — все пункты, кроме Сергеевки, для I армии включительно. Командующий I армией, направляя основные усилия на овладение районом Гаршино, обязывался обеспечить операцию слева (с востока) всей армейской конницей, в состав которой включались части 3-й кавалерийской дивизии бывшей Туркестанской армии, следовавшей также походным порядком из-под Уфы в район Бузулука[619].

Из приказа видно, что М. В. Фрунзе стремился как можно быстрее разрядить создавшуюся в районе Николаевска обстановку. Но В. И. Ленин, внимательно следивший за положением на фронтах, запросил М. В. Фрунзе 1 июля телеграммой следующего содержания: «Развитие успехов противника в районе Николаевска вызывает большое беспокойство. Точно информируйте, достаточное ли внимание обратили Вы на этот район. Какие Вы сосредоточиваете силы и почему не ускоряете сосредоточение? Срочно сообщите о всех мерах, которые принимаете»[620].

М. В. Фрунзе в тот же день доложил, что операциям на уральском участке фронта и, в частности, в районе Николаевска им уделяется самое серьезное внимание ввиду очевидной опасности соединения колчаковско-деникинского фронта на Волге. Но до сих пор в его распоряжении на этом направлении были лишь слабые, совершенно не подготовленные и плохо вооруженные части. Все остальное было занято под Уфой.

Теперь же из-под Уфы самым спешным порядком и с напряжением всех сил перебрасывается 25-я дивизия в район Богатое, Бузулук для нанесения удара с севера. Одной этой дивизии для ликвидации Уральско-Оренбургского фронта далеко не достаточно, но не позднее 10–14 дней Уральск и весь север области будут освобождены. Взятие Николаевска обеспечено в ближайшее время[621].

Несмотря на принимавшиеся меры, командование IV армии, так же, как и командир 22-й дивизии, возбуждало ходатайство об оставлении Уральска. 2 июля М. В. Фрунзе командарму Авксентьевскому ответил телеграммой, что это — проявление непонимания общей обстановки, которая в настоящее время

больше, чем когда-либо, требует решительных действий для ликвидации противника в Уральской области при непременном условии удержания Уральска, приказал выполнять данную армии задачу и не возбуждать никаких ходатайств, которые нежелательны в смысле морального воздействия на подчиненных[622].

Обращаясь в приказе к войскам, М. В. Фрунзе писал: «Необходимо на фронте IV армии перейти в решительное наступление, нанести противнику сокрушительный удар, от которого он не мог бы более оправиться, и навсегда искоренить зародыши и очаги восстаний и мятежей в Уральской области. Задача эта возлагается мною на I и IV армии со славной 25-й дивизией, грозное оружие которой хорошо известно мятежникам»[623].

Главный удар на Уральск наносила группа В. И. Чапаева. Полки 25-й дивизии перебрасывались от Уфы на уральское направление по железной дороге, выгружались на станциях Богатое, Неприк, Бузулук и других и, не задерживаясь, уходили в районы сосредоточения для наступления. Слух о прибытии дивизии разнесся по окрестным деревням. На станциях выгрузки скапливалось много крестьянских подвод. Чапаевцы вначале думали, что крестьяне съезжались на базары, но оказалось, они прибывали встречать их, повидать близких и знакомых, оказать помощь. Встреча для прибывших была приятна, а помощь очень кстати, так как обозы к боевым частям еще не подошли.

Но с началом переброски дивизии между Чапаевым и Фурмановым вместо дружной работы произошел разлад: комиссар высказал недоверие к Василию Ивановичу, в результате которого ни тот, ни другой не пожелали вместе работать. 26 июня Чапаев дал на имя М. В. Фрунзе следующую телеграмму: «Прошу в самом срочном порядке отстранить меня от занимаемой должности, так как я не могу быть вместе с Фурмановым ни одного дня»[624].

Фрунзе дал Чапаеву категоричное приказание: «Ваш отъезд из дивизии не разрешаю. Только личное ваше присутствие сможет ускорить столь необходимую ей переброску. Ко мне явиться при приезде. Следовать при 2-й бригаде дивизии»[625].

2 июля 1919 года между командующим Восточным фронтом С. С. Каменевым, членом Реввоенсовета М. М. Лашевичем происходил разговор по прямому проводу с членами Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта В. В. Куйбышевым и Ш. З. Элиавой (М. В. Фрунзе лежал больной).

Симбирск (Каменев): «Вступил ли Чапаев в командование ударными частями?»

Самара (Куйбышев): «Чапаев сейчас в Самаре. Между ним и комиссаром дивизии Фурмановым произошел резкий конфликт, после которого ни тот, ни другой не считают возможным оставление на посту. Причем Фурманов неожиданно после многомесячной работы вдруг „обнаружил“ в Чапаеве карьериста и авантюриста. Лично я считаю правым Чапаева и буду настаивать вот сейчас, при назначенном свидании с Фрунзе, на оставлении Чапаева и на смещении и наказании Фурманова, ибо конфликт возник из-за пустяка. Элиава говорит, что он присоединяется к моему мнению. Если Фрунзе согласится, то Чапаев завтра вступит в командование»[626].

М. В. Фрунзе, как известно, согласился, но до окончания операции по освобождению Уральска было приказано обоим — и Чапаеву, и Фурманову — оставаться на своих местах.

В связи с положением под Уральском у ряда должностных лиц штаба IV армии и уральского гарнизона росло паническое настроение. Член Реввоенсовета IV армии Зуль, вопреки возражению другого члена Реввоенсовета, Кураева, и в нарушение дисциплины, самовольно выехал в Москву, чтобы обратиться за помощью через голову Реввоенсовета Южной группы. Возмущенный М. В. Фрунзе написал от имени Реввоенсовета в ЦК РКП(б): «Член Реввоенсовета IV армии тов. Зуль выехал в Москву без разрешения Реввоенсовета Южной группы. Считаем подобные поступки абсолютно недопустимыми и просим сделать тов. Зулю соответствующее внушение и немедленно вернуть его по месту работы»[627]. Заведующий политотделом армии Кучмин сбежал на самолете из осажденного Уральска, куда он был специально послан как член Реввоенсовета. Этим также немало был возмущен М. В. Фрунзе. Вылетела из Уральска и заведующая политотделом 22-й дивизии Тартаковская с намерением «нажать на все кнопки», чтобы «разрешить» создавшееся положение. Минуя все инстанции, она потребовала вызова для разговора по телефону М. В. Фрунзе, то есть решила «нажать» на него. К аппарату вместо болевшего Фрунзе подошел В. В. Куйбышев. Тартаковская спрашивала: «Какие силы двигаются со стороны Бузулука, где они находятся, какие надежды на них и когда можно ожидать их хотя бы на полпути к Уральску? Если Вы не уверены в группе Чапаева, предоставляете ли Вы начдиву-22 свободу действий?»

Разговор с В. В. Куйбышевым велся ею из штаба IV армии, с ведома и санкции командования армии, и, следовательно, негласно им вновь поднимался вопрос о «свободе действий», то есть сдаче Уральска противнику, после того как М. В. Фрунзе приказал не возбуждать никаких ходатайств об этом и выполнять

поставленную задачу.

В. В. Куйбышев, выслушав Тартаковскую, ответил: «…Со стороны Бузулука движутся 25-я дивизия и Особая бригада, как одна ударная группа, имеющая задачи путем концентрического наступления в кратчайший срок разгромить противника севернее Уральска и соединиться с уральским гарнизоном. Ударной группой командует Чапаев. Мы глубоко убеждены и уверены в успехе операции. Сегодня ночью вы получите приказ войскам Южной группы, из которого увидите, с каких исходных пунктов, когда и в каком направлении будет происходить наступление. Операция продлится не более 2 недель, поэтому не возникает и тени сомнения в скором освобождении уральского гарнизона. У Чапаева, его комиссаров и красноармейцев полнейшее убеждение в блестящем успехе и жажда мести за разоренные поля и села. Через пару дней Уральск уже будет чувствовать отвлечение сил противника на север, и гарнизон продержится. Думаю, что тут сыграет роль и популярность имени Чапаева. Завтра думаю предложить Чапаеву выступить по радио и сказать: „Иду на вы“»[628].

Член Реввоенсовета армии В. В. Кураев предложил воздержаться от возвращения Тартаковской в Уральск, чтобы не нервировать гарнизон, и вылетел туда сам.

Войска тем временем выполняли поставленные им задачи. Ударом частей IV армии, указанных в приказе М. В. Фрунзе от 30 июня, и кавалерийского полка 1-й Московской кавалерийской дивизии, подведенного из Семиглавого Мара, Николаевск 3 июля был освобожден. Сковывая силы противника на остальных участках фронта, как того требовал тот же приказ, части 25-й дивизии 4 июля овладели населенными пунктами Константиновна, Малая Глушица, Мурашино, Ивановка и Сергеевка. В тот же день М. В. Фрунзе известил радиограммой начдива 22-й и весь гарнизон Уральска: «Наступление армий Южной группы на Уральск началось. Сегодня к вечеру наши части уже выходят на линию Глушица — Гаршино. Согласно моему приказу паши войска не позднее 15 июля должны очистить всю линию реки Урала и Уральской железной дороги. Уверен в полном успехе начатого наступления и в неизбежном разгроме врага. Ожидаю, что в ликвидации противника примет участие и гарнизон Уральска, ударив в нужную минуту в тыл врагу но особому моему распоряжению. Ревсовет Южгруппы, принимая во внимание факт более чем двухмесячной геройской защиты Уральска, убежден, что доблестный гарнизон его исполнит свой революционный долг до конца. Будьте уверены, помощь и освобождение близки»[629].

С прибытием 25-й дивизии в исходный район для наступления и овладением г. Николаевском М. В. Фрунзе 3 июля 1919 года отдал приказ войскам Южной группы о переходе с утра 5 июля в общее наступление. От войск требовалось разгромить противника, действовавшего севернее Уральска, и не позднее 15 июля выйти на линию железной дороги западнее Уральска и далее на восток по реке Урал до Илецкого Городка. Группе Чапаева, имея тесную связь с соседями, выйти к указанной линии на участке Переметное, Дьяков.

I армии, направляя удар правого фланга (Оренбургской дивизии) на Соболев, выйти к реке Урал на участке Рубежный, Иртецкое, Илецкий Городок.

Командарму-IV, продолжая подготовку Александров-Гайской группы, с утра 6 июля перейти в наступление левым флангом на окружение и разгром Николаевской группировки противника. В дальнейшем в тесной связи с группой В. И. Чапаева выйти на линию Деркул — Переметное. С развитием наступления группы Чапаева и левого фланга IV армии Шиповско-Деркульской группе перейти в решительное наступление в направлении станции Переметное и форпост Чаганский, преграждая пути отхода противника на юг. Иметь в виду использование уральского гарнизона для встречного выступления к станции Переметное с обязательным оставлением достаточных сил в Уральске.

Наступление всех войск Южной группы требовалось вести в высоком темпе. От этого зависел успех операции(схема 16)[630].

Возвратившись из Самары, Чапаев 4 июля отдал боевой приказ возглавляемой им группе на наступление. Особой бригаде Плясункова, обеспечивавшей правый фланг группы, приказывалось выступить в 4 часа 5 июля и не позже чем на третий день, 8 июля занять хутора Тяглинский, Землянский и Мордовский.

73-й бригаде дивизии, поддерживая тесную связь 73-м кавалерийским дивизионом с бригадой Плясункова, овладеть пунктами Ростошский и Умет Грязный.

Исполнявшему обязанности командира 75-й бригады П. Ф. Чекову бригадой без 75-го кавдивизиона овладеть Пономаревом и Соболевом.

74-й бригаде, составляя 2-й эшелон группы, двигаться в 10–15 километрах за стыком между 73-й и 75-й бригадами в готовности войти в бой с рубежа Пономарев, Грязный по овладении 75-й бригадой Пономаревом и Соболевом.

Командиру 25-го кавдивизиона с приданным 75-м кавдивизионом, держа связь с правым флангом I армии, обеспечить левый фланг группы. С овладением Соболевой

выслать сильные разъезды и заставы к истоку реки Малая Быковка[631].

Большое внимание М. В. Фрунзе и В. И. Чапаев уделяли обучению частей, не умевших, как показал опыт многих боев, действовать против казачьей конницы. Требовалось помнить, что противник, превосходивший в подвижности, всегда мог иметь возможность ударить во фланг, прорвать фронт наступавших и действовать в тылу. Это не должно вызывать смятения. Конница не сильнее пехоты, но нельзя допускать застать себя врасплох, иначе неизбежны паника и неминуемая гибель. На походе все ценное, особенно боеприпасы, требовалось иметь в середине колонн, не допуская захвата их противником. Во все стороны высылать охранение. При появлении казаков не приостанавливать движения, как того добивается противник, а выполнять задачу дня, будучи готовыми к отражению атак с близких расстояний; не открывать огня с дальних дистанций и не расходовать патроны, не достигая цели, становясь потом, без боеприпасов, добычей даже уступавшему в силе противнику. Особое внимание обращалось на охранение и поддержание боеготовности на стоянках и ночлегах. Требовалось каждое селение, занимаемое на ночь, приводить в оборонительное состояние путем наскоро используемых подручных средств. Кроме частей, несущих круговое охранение, иметь дежурные части силой не менее одной трети гарнизона, держать их сосредоточенно и в полной готовности, занять заранее назначенные места, засветло нацеливать пулеметы.

Эти требования особенно касались группы Чапаева, которой предстояло совершить длительный поход в степях, имея необеспеченный тыл. С началом наступления необходимо было взять возможно больше боеприпасов, чтобы временный перехват противником сообщений с тылом не имел серьезных последствий.

М. В. Фрунзе приказал организовать в Бузулуке расходный склад огневых и других припасов, а командарму-1 — надежно его прикрыть. Все попутные селения приводить в оборонительное состояние, оставляя в них небольшие гарнизоны из этапных частей, создавать таким образом прочно обозначенные пути подвоза и сообщения с тылом.

Полки 25-й дивизии, кроме 74-й бригады, формировавшейся перед наступлением на Колчака в Самаре, имели большой опыт борьбы с казаками. Перед ними был противник, которого они не раз били. Части имели боевое настроение. Красноармейцы и командиры шли в родные места освобождать свои семьи и еще в Уфе волновались за них, узнав о вторжении казаков. О настроении воинов в те дни в политдонесении 224-го полка 75-й

бригады говорилось, что, несмотря на недостатки в снабжении, длительные задержки жалованья, боеспособность полка находится на должной высоте. Красноармейцы уважают своих командиров. Почти ежедневно несколько человек записываются в сочувствующие Коммунистической партии[632].

В красноармейском боевом листке 219-го полка 73-й бригады в начале июля 1919 года писалось: «Героизм не имеет ничего общего с обмундированием, но и обмундирование, и обувь все-таки необходимы. Скоро всем дадут новое. Это успокоительно. Колчаковцы же как в лаптях, так и в богатой английской форме бежали от нас, как от огня». В другой заметке говорилось: «Недавно мы пережили один праздник. Это был час, когда из Киржацкого затона переправлялись через р. Белую в Уфу… сумели показать, насколько силен в нас дух свободы и революции, насколько умеем бороться за свое право и святой труд». И вот новая «близкая радость — скорая встреча с гарнизоном осажденного Уральска»[633].

В соответствии с приказом войска группы Чапаева 5 июля перешли в общее наступление. Ввиду наступления с захождением правым флангом бригады первого эшелона выступали разновременно: в 4, 5 и 7 часов, начиная с правофланговой. Противник первое время решительных схваток избегал, действовал налетами, нанося короткие удары. Препятствуя движению наступавших войск, разрушал дороги, мосты через овраги и речки, опустошал села, сжигал хлеба. По всей полосе наступления пылали пожары в селах, горела степь. Бойцов изнуряла жара и жажда. По мере продвижения наступавших частей сопротивление противника возрастало. На левом фланге ожесточенный бой происходил за Соболев, который упорно обороняли три полка казаков при поддержке броневиков и артиллерии. Только после 12-часового боя полкам 75-й бригады при активной помощи 25-го и 75-го кавалерийских дивизионов под командованием мастера конных атак П. А. Сурова удалось сломить сопротивление противника и отбросить его к Сергиевску и Пономареву.

Пантелей Алексеевич Суров — командир кавалерийского полка 25-го кавдивизиона 25-й стрелковой дивизии.

Иван Михайлович Плясунков — командир 1-го Николаевского советского полка, 73-й и 74-й бригад 25-й дивизии.

217-й Пугачевский полк, занявший Умет Грязный, подвергся контратаке. Пугачевцы организованно встретили казаков плотным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, а затем обратили в бегство.

Кавалерийский дивизион 73-й бригады, державший связь с правофланговой бригадой И. М. Плясункова, 7 июля занял хутор Ольховский. Казаки, воспользовавшись его оторванностью, нанесли по нему удар. Кавдивизион мужественно защищался, неся потери. Командир дивизиона В. Т. Ханин был тяжело ранен. Узнав о критическом положении, командир 218-го полка И. К. Бубенец выслал на помощь роту, но она вместе с кавдивизионом была окружена в Ольховском. Командир полка послал еще роту с командиром батальона — результат был тот же. Только самому командиру полка, пришедшему с двумя ротами, удалось вызволить понесших большие потери из окружения. Недооцененный противник получил возможность бить подразделения по частям, на что командиру полка резко и справедливо было указано командиром бригады И. С. Кутяковым.

И все же наступление шло успешно. В приказе 7 июля Чапаев писал, что войска вышли на намеченный рубеж на сутки раньше

срока, и ориентировал на возможность освобождения Уральска ранее 15 июля. Приказал не позже 10 июля командиру Особой бригады И. М. Плясункову достичь реки Вербовка, занять хутора Пузановский, Пеньков, Чапурин; комбригу 73-й овладеть хуторами Сладков, Ялов, Яганов, Астафьев и ударом во фланг и тыл противнику оказать содействие 74-й бригаде в овладении Красным; комбригу 74-й, оставив 221-й Сызранский полк в резерве группы (2 батальона в Соболеве, батальон в Ивановке, наступать в направлении Пономарев, Лебедев (Чесноков), Б. Усов, обходя Озерное и Таловой глубже с востока, овладеть Красным; комбригу 75-й, держа связь 75-м кавдивизионом с правым флангом I армии, овладеть хуторами Павлов, Чеботарев, Шанталов и выйти на линию дороги на М. Усов и устье реки Малая Быковка; 25-му кавдивизиону следовать впереди стыка между 74-й и 75-й бригадами, содействовать им в выполнении поставленных задач[634].

В районе Пономарева противник контратаковал 74-ю бригаду. На цепи 220-го полка Г. А. Горбачева шли броневики белых, сопровождаемые казачьей конницей. Противник рассчитывал смешать броневиками боевые порядки наступающей пехоты, вызвать панику и довершить дело пущенной в ход конницей. Но ожидаемого эффекта не получилось. Цепи залегли и, пропустив через себя бронемашины, отсекли от них огнем конницу. Под огнем артиллерии броневики вынуждены были поспешно отступить.

После 9-часового боя 8 июля 210-й полк имени Ленина Особой бригады занял хутор Курлин. Бригада шла на Кожевников, Верхний Гремячий. 73-я бригада преследовала противника 217-м полком в направлении хутора Погодаев. Ее 218-й и 219-й полки овладели хуторами Сладков и Афанасьев. Полки 74-й бригады заняли Красный. 75-я бригада вышла на указанный ей рубеж.

Приказом от 10 июля Чапаев потребовал от войск группы еще большего темпа наступления.

Командиру Особой бригады приказано не позднее 12 июля пересечь железную дорогу Саратов — Уральск в районе Широкого и занять хутора Зеленый, Халилов и разъезд Ростошский. Комбригу 73-й — стремительным натиском очистить правобережье реки Чаган от противника, прижать и сбросить его в реку. Комбригу 74-й — минуя Соболев, наступать юго-восточнее и 11 июля овладеть пунктами Гниловский, Дьяков. Овладев ими, развивать энергичное наступление на Уральск, очищая правый берег реки Урал от противника. Комбригу 75-й — немедля продолжать наступление и не позднее 10 часов 11 июля занять

Рубежный и в тот же день — Требухин. Командиру 25-го кавалерийского дивизиона, двигаясь впереди, оказывать содействие 75-й бригаде, а при подходе к Дьякову стремительным налетом на Уральск вдоль реки Урал уничтожить противника при попытке его переправиться на левый берег[635].

Приказ имел целью скорейший прорыв осады Уральска, лишение противника путей отхода на восток и запад, куда для этого направлялись основные силы группы, и только два полка 74-й бригады нацеливались непосредственно на город. Отступлению противника на юг должны были воспрепятствовать части IV армии со стороны Шипова и уральский гарнизон — наступлением навстречу. Такова была их задача, поставленная приказом командующим Южной группой войск 3 июля.

Наступательный порыв войск ударной группы по мере приближения к Уральску все более нарастал. Части стремились выполнить приказ, несмотря на яростное сопротивление противника. Успешными боями 11 июля кольцо блокады было прорвано, и полки 74-й бригады 25-й дивизии соединились с уральским гарнизоном. Задача, поставленная перед ударной группой В. И. Чапаева, была блестяще и досрочно выполнена.

Героическая оборона Уральска, длившаяся два с половиной месяца, завершилась славной победой. Защитники Уральска выполнили свой долг перед Республикой. В тяжелейших условиях голода, болезней, недостатка людей и боеприпасов они мужественно отражали удары противника и выстояли.

Трогательны были встречи уральцев со своими освободителями. Руководители уральского гарнизона выехали навстречу в сопровождении кавалерийского эскадрона с оркестром километров за десять. Встретясь, обнимались со слезами радости на глазах, хотели рассказать все сразу — от волнения говорить не могли. Воины гарнизона и жители Уральска встретили освободителей под звуки «Интернационала» и криками «ура!».

Телеграммой И июля М. В. Фрунзе доложил В. И. Ленину: «Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город»[636].

В. И. Ленин высоко оценил подвиг защитников Уральска. Совет Обороны под его председательством вынес специальное постановление, в котором говорилось: «В упорной борьбе за рабоче-крестьянскую власть доблестные части IV армии, окруженные со всех сторон озлобленным врагом, выдержали в г. Уральске двухмесячную осаду. Терпя лишения, подвергая свою жизнь постоянной опасности, защитники Уральска показали пример истинной преданности делу революции.

За проявленную революционную боевую доблесть Совет Обороны объявляет войсковым частям IV армии, красноармейцам и командному составу особую благодарность.

Вместе с тем, имея в виду, что защитники Уральска, окруженные со всех сторон врагом, в течение двух месяцев не могли получать установленного довольствия и продовольствия, а также содержания и несли тяжелые лишения, Совет Обороны постановляет:

Выдать красноармейцам и командному составу частей IV армии, выдержавших в г. Уральске двухмесячную осаду, жалованье в размере трех месяцев за каждый месяц осады»[637].

Небогато было в то время наше, государство и несло тяжелое бремя войны с интервентами. И тем дороже это постановление, принятое в знак признания заслуг осажденного гарнизона Уральска.

XIII. Лбищенская трагедия

Ликвидировав блокаду Уральска, 25-я дивизия соединилась с уральским гарнизоном и вышла на рубеж Уральск, Рубежный, Требухин. Шипово-Деркульская группа IV армии поставленную ей задачу — выйти к форпосту Чаганский с северо-запада и отрезать пути отхода казакам — не выполнила.

Противник не только продолжал удерживать железную дорогу на участке Деркул — Переметное, но и нанес Шипово-Деркульской группе удар, отбросив ее к станции Шипово. Задачу освобождения железной дороги и соединения с Шиповской группой пришлось выполнять 25-й дивизии, которая с 12 часов 13 июля была включена в состав IV армии[638].

Чапаевым был отдан приказ командиру 73-й бригады с 210-м полком имени Ленина и 25-м кавдивизионом занять разъезд Ростошский, хутор Зеленый (станцию Деркул) и хутор Бакаушин. Комбригу 74-й занять хутора Ревунский и Халилов. 221-й полк, до смены его частями 75-й бригады, оставить в Уральске. Комбригу 75-й — удерживать занимаемое положение до подхода Особой бригады, после чего занять участок Уральск, Требухин, обеспечивая защиту Уральска от ударов противника с востока. Командиру Особой бригады Плясункову без 210-го полка, оставленного на время освобождения станции Переметное, выступить в район Требухин, Рубежный в распоряжение командующего I армией[639].

Во исполнение этого приказа Домашкинский полк атаковал разъезд Ростошский и занял его, Пугачевский овладел хуторами Ново-Деркульский и Бакаушин, 210-й имени Ленина — станцией Переметное, 218-й имени Степана Разина и 25-й кавдивизион — хутором Зеленый. Полки 74-й бригады также свою задачу выполнили. Железнодорожный путь Уральск — Саратов был освобожден.

После прорыва блокады Уральска 22-я дивизия отводилась в район станций Ершов и Урбах — для укомплектования и отправления на Южный фронт, а Особая бригада Плясункова, как упоминалось, передавалась в I армию. Оставшейся 25-й дивизией и частью сил 50-й дивизии, создаваемой из Шипово-Деркульской группы, командование IV армии готовило наступление от Уральска на юг, вдоль реки Урал на Лбищенск и от Александров Гая Сломихинскую. При этом 75-я бригада 25-й дивизии привлекалась для первоначальных действий в полосе I армии. Соотношение сил сторон все больше менялось в пользу противника.

Штаб армии генерала Толстова размещался в Лбищенске, 2-й Илецкий конный корпус генерала Акутина (4-я и 5-я кавалерийские дивизии) находился на линии Барбастау — Линевская, прикрывая направление на Джамбейтинскую Ставку; 1-й Уральский корпус генерала Савельева (в составе трех кавдивизий, Уральского, Лбищенского, Калмыковского, Гурьевского, 33-го Николаевского пехотных полков, Семеновской и Брыковской дружин) — на линии Усиха — форпост Чаганский; 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина сосредоточилась в районе станицы Сломихинской.

Против правого фланга I армии, где должна была действовать 75-я бригада 25-й дивизии, противник группировался в районе хуторов Чесноков, Царево-Никольское, Грязно-Иртецкое, Ташлинский, пытаясь выйти на линию Уральск — Бузулук. Необходимо было вначале разгромить эту, находившуюся на флангах и в тылу I и IV армий, группировку противника и получить возможность выполнения основной задачи — наступления от Уральска на Лбищенск и от Оренбурга на Илецк.

В приказе М. В. Фрунзе № 02557 от 17 июля 1919 года требовалось: IV армии — не позднее 18 июля овладеть форпостом Чаганским и, закрепив за собой фронт станция Переметное, форпост Чаганский, Требухин, готовиться к наступлению на Лбищенск. Наступление от Александров Гая на Сломихинскую вести согласно с наступлением от Уральска на Лбищенск. 75-ю бригаду сосредоточить в районе Генварцевское (Январцево), Ембулатовский для удара в тыл противника на Иртецкое, Кинделинское.

I армии, удерживая занимаемое положение, сосредоточить ударную группу на правом фланге, в районе Усов, Чесноков, Тамбовцев и во взаимодействии с 75-й бригадой 25-й дивизии нанести удар в тыл противнику на Илецкий Городок[640].

В период подготовки наступления I армией 25-я дивизия продолжала вести бои двумя бригадами, нанося главный удар силами 73-й бригады и 25-го кавдивизиона на заходящем правом фланге в направлении станции Переметное, форпост Чаганский (Большой Шаган). Противник оказывал сильное сопротивление, действовал ожесточенно. В хуторе Круглоозерный удалось отбить большую группу пленных красноармейцев, которых казаки зверски истязали, отрезали уши, языки, вырезали на теле звезды, готовились всех расстрелять.

Наступление шло медленно, приходилось брать с боем каждый хутор. Некоторые части под сильными ударами противника вынуждены были отходить. Не хватало боеприпасов. Стояла сильная жара, люди и животные страдали от палящего

солнца и зноя. Воды в степях не было, ее вынуждены были привозить и той не хватало даже на приготовление пищи. Население уходило с белогвардейцами. Колодцы заражались, забивались разлагавшимися трупами животных.

В одном из донесений того времени 73-й бригады говорилось: «Проезжая от самой границы (Уральской области. — *Авт.*) до Уральска, встречаешь одну и ту же картину: при входе в какой-либо поселок жителей почти нет, весь скот угнан, хозяйство разбито, все машины, как-то: косилки, молотилки и т. п. — в большинстве попорчены. В некоторых поселках встречаются жители из крестьян, живших в батраках у казаков. По их словам, есть много засеянного хлеба. Хлеб этот убирать некому и не на чем»[641].

В другом донесении о состоянии частей той же бригады сообщалось, что боеспособность и настроение хорошие, но снабжение ненормальное, присылают негодный к употреблению хлеб. Партработа из-за боев ведется плохо, газеты поступают редко и в малом количестве[642].

По мере удаления от Уральска в степи войска все больше нуждались в материальной и моральной поддержке. Газета «Известия Балаковского уисполкома» 24 августа 1919 года сообщала, что исполкомом Балаковского уездного Совета от «доблестного командира одной из лучших дивизий» товарища Чапаева получено письмо, где говорилось, что 225-й Балаковский полк формировался из пролетариата Балакова и его уезда, имеет в своих рядах достойных красноармейцев и командиров.

В боях с уральскими казаками, белочехами и колчаковцами он показал себя примерным полком Красной Армии и награжден Центральным Исполнительным Комитетом Почетным Красным знаменем. Пролетариату и советским работникам Балакова и уезда следует помнить, что слава полка — их слава, и оказывать возможную поддержку своему полку. С Иваново-Вознесенским и Сызранским полками исполкомы и трудящиеся Иваново-Вознесенска и Сызрани поддерживают связь, оказывают им помощь. Собрали и прислали в полки инструменты для духовых оркестров, снабдили штабы пишущими машинками, шапирографами, дали литографию. Балаковцы же как будто забыли о своем полке — своем детище и гордости. Воины полка с завистью смотрят на иваново-вознесенцев и сызранцев.

Обращаясь с письмом с поля битвы, Василий Иванович просил помочь полку оркестром, пишущими машинками и всем, чем возможно, для победы над врагами.

Балаковский исполком удовлетворить просьбу «доблестного Балаковского полка и его вождя, наводящего ужас на

белогвардейцев», был не в состоянии. Но через газету призвал трудящихся откликнуться на обращение. 31 августа газета уже сообщала о подарке полку конной амуниции от Никольско-Казаковской волости и содержании письма трудящихся[643].

Основные усилия противник сосредоточил на тракте к югу от Уральска и в районе хуторов Турсенин, Усиха, Журавлев, где происходили особенно ожесточенные бои. Здесь действовали части 1-го корпуса генерала Савельева с артиллерией и броневиками, наносившими в открытой степи большой урон наступавшей пехоте. Действуя против сильного и активного противника всего двумя бригадами, оставив при этом один полк 74-й бригады на защите Уральска, Чапаев требовал от командиров бригад иметь резервы: на каждый батальон — роту, на каждый полк — резервный батальон. К 20 июля с большими потерями и лишениями задача дивизии была выполнена— район радиусом в 40 километров к юго-западу от Уральска освобожден.

Шипово-Деркульская группа (50-я дивизия) к наступлению была не готова. До ее готовности правее 25-й дивизии приказано было наступать 22-й дивизии, которая действовала слабо и наступала всего одной бригадой. Бригада эта, отстав, обнажила правый фланг 25-й дивизии, затем и вовсе была отведена командиром 22-й дивизии в западном направлении. Этим не замедлил воспользоваться противник и нанес удар по правофланговому полку 25-й дивизии. Телеграммой командующему армией Чапаев сообщил: «Вследствие оставления 191-м полком 22-й дивизии Турсенина, противник перебросил свои силы в Турсенин, повел в 12 часов наступление с фланга и атаковал 7-ю роту 219-го полка, находящуюся в резерве. Забрал 100 человек в плен, около 50 человек зарубил. Выбыло из строя 4 орудия. Огнеприпасов нет. Положение очень серьезное. Прошу немедленно указать начдиву-22, чтобы он занял пункты, указанные в вашем приказании»[644].

Члену Реввоенсовета Южной группы В. В. Куйбышеву Чапаев докладывал о случаях нечеткого управления со стороны командующего и штаба IV армии. Так, приказом № 1163 командарм требовал перейти 25-й дивизии в наступление 22 июля на колонию Ермольцево, хутор Саратовец, тогда как эти пункты были ею взяты еще 16 июля. Василий Иванович привел ряд других фактов, свидетельствовавших о незнании штабом армии обстановки, состояния и численности 25-й дивизии и плохой ей помощи. В. В. Куйбышев поблагодарил Чапаева, сказал, что его доклад ценен и по нему будут приняты меры. Передал привет воинам дивизии[645].

Бойцы дивизии терпели жестокие лишения. Кроме больших

потерь в боях, особенно в 73-й бригаде, много человеческих жизней уносили тиф и дизентерия, вспыхнувшие в полках. Красноармейцы были без белья, оборваны, разуты, с истертыми в кровь ногами, плохо питались, но стойко переносили все неимоверные тяготы и геройски шли в бой.

С началом тяжелых боев южнее Уральска Чапаев подписал приказ, в котором говорилось: подошла горячая пора уборки хлебов, по убирать их некому и нечем; надо проникнуться сознанием того, что врагов революции можно победить только при наличии хлеба; между тем войсками много крестьян с подводами отрывается от дела неоправданно. Целые обозы тянутся с ненужным имуществом: роялями, пианино, граммофонами, кроватями, матрацами и другими. В предстоящем походе по безводной степи будет нужна каждая повозка под самое необходимое — боеприпасы и продовольствие. Поэтому приказывалось весь скарб сдать в интендантские склады. Особенно обращалось на это внимание начальника санитарной службы дивизии и требовалось навести порядок в подчиненных ему медпунктах и в полевом госпитале.

В приказе предлагалось возимые на 50 подводах декорации культпросветотдела, а также несколько человек оставить в Уральске для обслуживания населения.

Д. А. Фурманов приказ не подписал. Поступок Чапаева назвал подлым, направленным на развал работы политотдела, обратился телеграммой в Реввоенсовет и политотдел Южной группы с предложением «вовремя одернуть, воспретить самодурство». В Реввоенсовете Южной группы сочли действия Чапаева правильными и необходимыми. Предложили распоряжение об оставлении культпросветимущества подписать не Чапаеву, а ему, Фурманову.

После этого конфликта Д. А. Фурманов сообщил, что по выезде из Самары отношения с Чапаевым хорошие, чуждые склок и споров, вполне достаточные для работы. «Однако, — подчеркивал он, — все мои выводы и предложения относительно начдива, высказанные т. Фрунзе, остаются для меня непоколебимыми». Выразил далее намерение «все внимание с личности Чапаева перенести на дивизию, объезжать части и помогать их работе. А к начдиву я приставлю своего помощника т. Крайнюкова, отнюдь не прерывая тесной связи с начдивом и штабом»[646].

Чапаев был озабочен нелегким положением дивизии: в напряженных боях, с которыми она прошла сотни километров от самого Бузулука, люди и кони были изнурены, иссякли запасы. Требовалась передышка, и начдив 24 июля отдал приказ о

переходе к обороне. Готовясь одновременно к наступлению, он требовал принять все меры к скорейшему излечению лошадей, откорму их на пастбищах, организовал пополнение продовольственных и других запасов, установил жесткий контроль за исполнением своих приказов и распоряжений. Подсчитав необходимое количество гужевого транспорта, чтобы поднять запасы дивизии, достаточные для обеспечения боевых действий в условиях большой оторванности от баз снабжения, так как железная дорога Саратов — Уральск не была восстановлена и возможные перехваты коммуникаций противником не исключались, Чапаев получил огромную цифру и обратился к командарму с просьбой выделить 15 автомобилей и средства водного транспорта. Просьба не была удовлетворена.

В докладной записке командованию IV армии Чапаев высказал тревогу по поводу растянутости дивизии по фронту до 250 верст: это противоречит уставу, дает возможность противнику наносить поражения дивизии по частям, не позволяет командирам управлять частями и подразделениями да и просто поддерживать в них порядок и обслуживание. Настаивал на постановке дивизии боевой задачи и создании условий для ее выполнения[647].

26 июля временный командующий Южной группой В. С. Лазаревич прислал В. И. Чапаеву приветственную телеграмму: «Поздравляю вас с награждением орденом Красного Знамени за боевые отличия в период боев под Уфой. Уверен в столь же блестящих боевых действиях ваших полков здесь, под Уральском. Искренне желаю дальнейших успехов для торжества оружия Красной Рабоче-Крестьянской Армии»[648].

Известие было ободряющее, но и обязывающее.

Кроме больших забот по подготовке ослабленной дивизии к наступлению, Чапаева беспокоила обстановка в его ближайшем тылу. Изменнические банды и дезертиры, организовавшиеся в «зеленую армию», парализовали работу местных органов власти, активизировали деятельность кулацких и других контрреволюционных элементов, терроризировали население, нападали на транспорты воинских частей, убивали сопровождавшую охрану, забирали оружие и грузы. Для ликвидации «армии зеленых» Чапаевым был тщательно продуман план и 3 августа отдан приказ выделенным для этого силам. Но командование армии не разрешило отвлекаться от основной задачи, взяло ликвидацию банд на себя, однако делало это недостаточно организованно и неэнергично. Уже в ходе начавшегося наступления Чапаев вынужден был снова обращаться за разрешением на подавление банд, говоря, что фронт никогда

не будет спокоен и прочен, если ненадежен тыл[649].

Обдумывая план наступления, 2 августа Чапаев отправил командарму-IV докладную записку, в которой говорилось, что противник сосредоточивает силы на Бухарской стороне (восточнее реки Урал), в районе Лука Вязовая, Лука Нижняя, Лука Самодуровка. Указывал, что с продвижением 25-й дивизии на Лбищенск противник может нанести удар в направлении Круглоозерного, где тыл не прикрыт, и сорвать наступление. Предлагал 75-ю бригаду направить по левобережью реки Урал, для чего срочно передать ее из I армии в его распоряжение, а для занятия района Рубежный, Требухин, несения гарнизонной службы в г. Уральске и связи с I армией подчинить ему 2-го бригаду 47-й дивизии I армии.

Ответ был положительный и очень нужный, но дан он был только 4 августа и лишь после повторного обращения. Чапаеву сообщалось: «Командарм вполне одобряет ваш план действий и приказал поставить вас в известность, что вы можете подчинить себе 2-ю бригаду 47-й дивизии и использовать ее, как это указано в вашей записке. Что же касается отдачи распоряжения о быстрейшем выводе 75-й бригады из района I армии, то таковое отдайте от себя, а командарм со своей стороны поторопит I армию. Командарм полагает, что операция на Лбищенск может начаться до прибытия 75-й бригады и по сему предлагает перейти в наступление теперь же»[650].

Не было четкости в работе командования IV армии. Командующий Южной группой 1 августа направил командарму-IV телеграмму следующего содержания: «Вверенная вам армия сегодня должна была начать наступление. Между тем наступление не состоялось, и о причинах неисполнения вашего приказа донесения не имею. Приказываю:

1. Расследовать, чем вызвана задержка наступления и какие меры приняты вами для привлечения к ответственности лиц, не исполнивших боевой приказ.

2. Немедленно начать наступление, каковое вести решительно и с полной энергией»[651].

Боевой приказ командующего IV армией № 01231 начать наступление с рассветом 1 августа Чапаев получил в 20 часов 15 минут 3 августа. Удивляясь полученному распоряжению, Чапаев желал знать: кем был задержан приказ при наличии непрерывной связи? Он писал в штаб армии, что приказ ему надлежало получить 30 июля, а не 3 августа, — с указанием времени выступления, какие пункты и к какому сроку занять, чего в приказе нет. Отмечал далее, что если приказ получен 50-й дивизией 30 июля и она перешла бы в наступление, надеясь на

одновременное наступление 25-й дивизии, то могла быть разбитой. Далее обращал внимание на недопустимость того, что ближайшей задачей 25-й дивизии ставилось овладение форпостом Бударинским, а 50-й дивизии-хутором Железновом, в 30 верстах справа и сзади, чем обнажался правый фланг 25-й дивизии. В заключение говорилось, что на неоднократные его запросы штаб армии не отвечает, на чем он решительно настаивает[652].

В 3 часа 5 августа дивизия по приказу Чапаева перешла в наступление без 75-й бригады и кавалерийских дивизионов, несших сторожевую службу по р. Урал (схема 17).

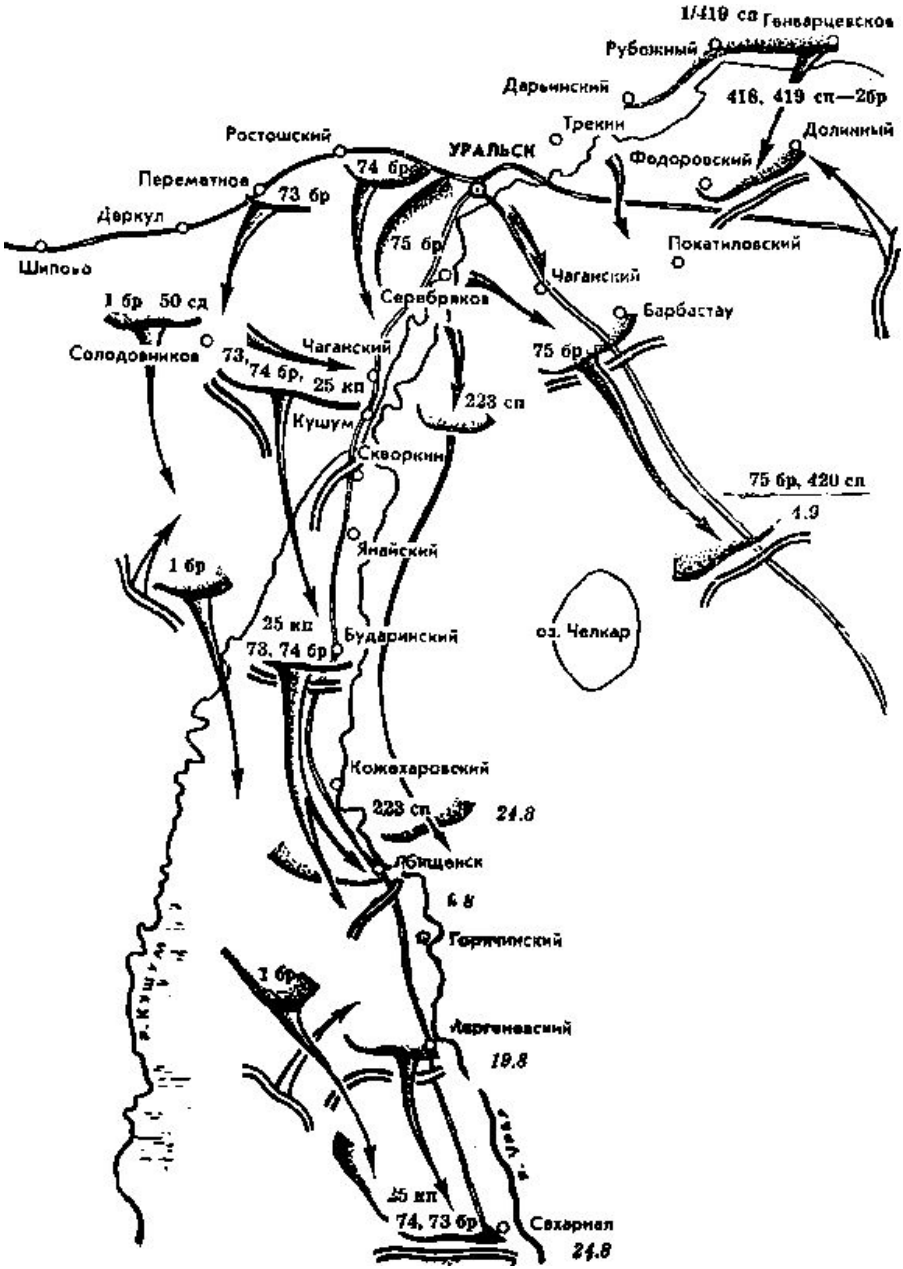


Схема 17. Наступление группы В. И. Чапаева с целью ликвидации белоказачьей Уральской армии.

Правее наступала 1-я бригада 50-й дивизии. 3-я ее бригада выступила от станицы Сломихинской на Сахарную, а 2-я была отправлена на другой фронт.

Командиру 2-й бригады 47-й дивизии было приказано к 12 часам 5 августа запять Дьяков, Рубежный, Дарвинский,

Гниловский, Трекинский, сменив 25-й кавполк (развернутый к этому времени из 25-го кавдивизиона), 74-й кавдивизион и части 75-й бригады.

От командира 75-й бригады требовалось немедленно перебросить один полк в Круглоозерный, а остальные части, по занятии 2-й бригадой указанных ей пунктов, сосредоточить в районе Круглоозерный, Серебряков и в Уральске. Командиру инженерного батальона — срочно приступить к постройке мостов и переправ через реку Урал в Уральске и Круглоозерном, подчинив себе все саперные роты дивизии[653].

В разговоре по прямому проводу с начальником оперативного отдела штаба Южной группы Чапаев доложил, что дивизия в ночь на 5 августа перешла в наступление из Владимирского на Лбищенск. Под Скворкином бой длился три часа. С помощью броневиков противник потеснил наши передовые части, но затем положение было восстановлено и занят хутор Янайский (Янайкино). Казаки группируют силы против правого фланга дивизии, ведут артиллерийский обстрел. В районе Круглоозерного и Балаганного их разъезды переправляются с восточной стороны на правый берег Урала и нападают на обозы. Необходимо вести наступление и на Бухарской стороне, занять Меновое и Луку Малофееву, но 75-я бригада находится в I армии, а 224-й полк еще с апреля месяца в I армии и теперь неизвестно где. Далее Василий Иванович просил указать ему разграничительную линию с I армией. В заключение сказал, что через четыре дня думает быть в Лбищенске[654].

6 августа наступление продолжалось на укрепленный в инженерном отношении форпост Бударинский, обороняемый двумя полками и юнкерами Гурьевской пехотной школы. Полки дивизии умели действовать не только против казачьей конницы в открытом поле, но и научились в боях с колчаковцами бить укрытую в окопах пехоту. Несмотря на проволочные заграждения и яростное сопротивление, частями 74-й бригады противник был выбит. В занятом форпосте бойцы обнаружили ров с изуродованными трупами красноармейцев. Много освободили раненых пленных, которых казаки не успели расстрелять. Зверства офицеров, закоренелых противников Советской власти, казаков и кулаков вызывали гнев красноармейцев. Борьба имела крайне ожесточенный классовый характер.

Наступавшая правее 73-я бригада дивизии к исходу дня вышла на рубеж Бударинский, Лука Бухарская. Конница противника стремилась наносить удары по ее открытому правому флангу и тылу дивизии, но каждый раз получала отпор со стороны полков вторых эшелонов бригад, двигавшихся за

наступавшими частями уступом справа.

Бригада 50-й дивизии, наступавшая правее 25-й, далеко отстала, связь с пей нарушилась. Это создало угрозу, и Чапаев обратился к командованию IV армии с просьбой обязать начдива 50-й выдвинуть бригаду левым флангом на рубеж Лука Бухарская[655].

Продолжая наступление, дивизия одерживала нелегкие победы. Только сломив упорное сопротивление, 74-я бригада овладела форпостом Кожехаровский, 73-я — хутором Иванов. В районе Лбищенска противник с намерением остановить дальнейшее продвижение 25-й дивизии сосредоточил значительные силы. В бою 9 августа за непосредственное овладение Лбищенском участвовали две бригады: 74-я наступала фронтально с севера вдоль Урала, фронт правофланговой 73-й бригады был повернут на юго-восток, в обход Лбищенска с юга. Левофланговый полк 74-й бригады был остановлен противником на подступах к Лбищенску, где разгорелся огневой бой. Правый фланг бригады, преодолевая сильное огневое сопротивление, медленно продвигался западнее Лбищенска. Бой длился несколько часов, а когда на правом фланге бригады наметился успех, был введен в бой ее второй эшелон. Пехота противника дрогнула и начала отступать. Стремясь сорвать начавшуюся атаку введенного в бой полка, со стороны Лбищенска пошла в контратаку вражеская конница. Бой с ней был скоротечен. Подоспевшие на фланг пулеметы встретили несущуюся с гиком массу конницы кинжальным огнем. Передняя часть всадников была буквально скошена. Мчавшиеся следом, налетая на сраженных, образовали свалку, но в следующие минуты конница уже бросилась от уничтожающего огня в стороны, а затем повернула обратно. Преследуя ее, кавалеристы дивизии ворвались в Лбищенск. Пехота противника, удерживавшая Лбищенск с севера, побежала, бросая оружие, сдавалась в плен. Большую роль в бою сыграла 73-я бригада на заходящем правом фланге дивизии, хотя ей и не удалось окружить противника, оборонявшего Лбищенск.

Части 1-й бригады 50-й дивизии по-прежнему отставали, но если справа еще была надежда на подход упомянутой бригады, то левый фланг был совершенно открыт. Чапаев торопился выдвинуть на левобережье Урала 75-ю бригаду. Ее командиру было дано срочное распоряжение снять 225-й полк с занимаемых позиций, не ожидая смены его частями 47-й дивизии, и двинуть через Уральск для присоединения к бригаде.

Дивизия оказалась в тяжелом положении как по своему состоянию, так и в тактическом отношении. Дальнейшее ее

продвижение Чапаев приостановил. 14 августа он донес командарму (с 6 августа командарм Авксентьевский был заменен Лазаревичем), что противник получил подкрепление и пополнился боеприпасами. Сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь он вел в бою за Лбищенск и продолжает артиллерийский обстрел позиций. В полосу дивизии подошли части, которых раньше не было. Сообщил о своих намерениях: форпост Горячинский он занимать не думает, так как двигать противника по десять верст в сутки не имеет смысла, удар нанесет прямо на Сахарную, для чего потребуется не более двух переходов, но наступать пока не может за неимением боеприпасов — в запасе всего 8 тысяч патронов. Просил хотя бы 100 тысяч для овладения Сахарной и соединения в этом районе с 3-й бригадой 50-й дивизии, наступавшей от Сломихинской. Просил также пополнений, так как в полках осталось не более 500 штыков. Свирепствовавший тиф уносил людей больше, чем бои: от Уральска до Лбищенска потеряли до 1500 человек. Не хватало и лошадей, от Бузулука до Лбищенска их потеряно до 3000, кавалеристы ходят в бой в пешем строю. Некоторые орудия бездействуют за неимением тяги и боеприпасов. Десятки верст люди носят пулеметы на себе. «Знаю, — писал он, — что в армии нет, но все-таки требую то, без чего воевать нельзя»[656].

Добиваясь от командования крайне необходимого, Чапаев отдал приказ на наступление. Понесшую сравнительно меньшие потери 74-ю бригаду он перевел для наступления на правый фланг. Ее командиру подчинил 1-ю бригаду 50-й дивизии и свой кавалерийский полк, создав, таким образом, правофланговую группу. Ей ставилась задача разгромить противостоящего противника и, развивая наступление, выйти на рубеж Старый Юлаб, Узяб-Баласы, колония Макеево. От группы требовалось 19 августа выйти на рубеж колоний Козырево, Круглово, Чирково, Карнаухово, установить конную связь с 3-й бригадой 50-й дивизии, 20 августа во взаимодействии с 73-й бригадой ударом во фланг и тыл уничтожить противника в районе Сахарной.

73-й бригаде было приказано перейти в наступление сутками позже, нанести поражение противостоявшему противнику и, наступая уступом слева, выйти на рубеж оз. Арсентьева. В последующем одновременным ударом с правофланговой группой овладеть Сахарной.

Командиру 75-й бригады с 420-м полком 2-й бригады 47-й дивизии и пешими кавалеристами кавалерийского полка 25-й дивизии 16 августа выйти на рубеж горы Кунешниково, Малый Мозан, урочище Казаркино. Комбригу 2-й без 420-го полка — наметить переправы через реку Урал, быть готовым к поддержке

75-й бригады на ее левом фланге и держать связь с частями I армии.

Командиру инженерного батальона — отправить саперные роты бригад по бригадам, исправить по пути сельские мосты для движения автомашин и артиллерии, подготовить и организовать работу водного транспорта от Уральска до Лбищенска. В Бударинском построить через Урал пешеходный мост.

Командиру батальона связи — надежно восстановить линию связи Уральск, Лбищенск и далее поддерживать связь по мере продвижения частей.

В Щапове, Скворкине и форпосте Бударинском оставить по взводу дивизионного транспорта для подвоза между названными пунктами к фронту самого необходимого[657].

В это тяжелое время комиссаром в дивизию вместо переведенного в политотдел Туркестанского фронта Фурманова прибыл Павел Степанович Батурин и 13 августа приступил к исполнению обязанностей[658].

Павел Степанович Батурин — комиссар 25-й стрелковой дивизии.

Павел Степанович Батурин (род. в 1889 г.), уроженец д. Заполицы (ныне Суздальского района Владимирской области), выходец из семьи священника, учился во Владимирской гимназии. Прослушал курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. В 1916 г. был отправлен на фронт. В революционном движении принимал

участие с 1906 г.

В 1911 году подвергался обыску, аресту, высылался из Москвы. Февральская буржуазно-демократическая революция застала его в Алексеевском военном училище. Демобилизовавшись из армии в конце 1917 года, Павел Степанович возвратился в Москву, а с весны 1918 года работал в Иваново-Вознесенске заведующим военным отделом губисполкома, комиссаром трехмесячных командных курсов, заведующим текстильным отделом, а с января 1919 года — председателем губсовнархоза. Член РКП(б) с 1918 года. В мае 1919 года по партийной мобилизации направлен на Восточный фронт, выполнял поручения Реввоенсовета Южной группы войск до назначения комиссаром 25-й дивизии.

16 августа войска перешли в наступление. Правофланговая группа, сдерживаемая сопротивлением противника, двигалась медленно. Казаки стремились использовать все возможности для нанесения ударов во фланг и тыл наступавшим. Пытались пробиться в разрыв, образовавшийся между смежными 220-м и Саратовским полками 25-й и 50-й дивизий, но каждый раз отбрасывались с большими для них потерями.

17 августа Чапаев приказал командиру правофланговой группы Зубареву с рассветом 18 августа атаковать двумя полками во фланг и тыл противнику в направлении хутора Мергеневского, основными силами группы продолжать наступление на правом внешнем фланге, прикрывая фланг и тыл атакующих. Командиру 73-й бригады держать надежную связь с командиром группы Зубаревым и одновременно с ним атаковать противника в Мергеневском с фронта. Сигналом одновременной атаки должен был служить огневой налет артиллерии полков Зубарева. По овладении Мергеневским требовалось энергично преследовать противника. Левобережной группе ставилась задача продолжать наступление вдоль Урала и в направлении на Джамбейтинскую Ставку (Джамбейты), к 22 августа выйти на рубеж Лбищенск, Джамбейтинская Ставка[659].

Мергеневский был укреплен тремя линиями окопов, оборонялся большими силами пехоты и конницы с броневиками и артиллерией. Наступление 18 августа шло неудачно. Правофланговая группа, встретив сильное сопротивление, на рубеж атаки не вышла, связь с ней была потеряна. Противник же действовал дерзко. До 150 его всадников, выйдя в тыл, отбили обоз 220-го полка. Кавалеристы полка дивизии, пришедшие на помощь, также были разбиты, потеряли 4 пулемета и обоз своего полка[660].

73-я бригада, настойчиво атаковавшая противника в

Мергеневском только своими силами, успеха не имела. Чапаев, пытаясь связаться с Зубаревым, писал: «Приказываю немедленно ударить на форпост Мергеневский с южной стороны, выйдя правым флангом на форпост Каршинский. Положение 73-й бригады серьезное. Противник во много раз сильнее бригады. Во время боя было несколько атак, но безрезультатно»[661].

В 19 часов того же дня с позиций под Мергеневским он писал своему начальнику штаба в Бударинский, что форпост взять не удалось. Атаковали трижды, все три атаки были отбиты. Противник сам переходил в конном строю в контратаку. Окопались в тысяче шагов от противника. Цепи поражаются сильным артиллерийским огнем, выпущено до 3 тысяч тяжелых снарядов. Связи с 74-й бригадой нет. Сообщив об этом, Чапаев приказывал снарядить звено имевшихся самолетов и с рассветом 19 августа подавить ими батареи противника, установить местонахождение 74-й бригады и, при возможности, бросить пакет с приказанием Зубареву ударить правым флангом на Каршинский, затем на Мергеневский. В тот же день, вечером, в расположение 73-й бригады прибыл командарм-IV В. С. Лазаревич и «имел удовольствие раздать ордена Красного Знамени наиболее отличившимся в боях героям-воинам и первый орден возложил на вождя этой славной дивизии товарища Чапаева»[662]. Награды вдохновили Василия Ивановича, бойцов и командиров бригады, которые с рассветом следующего дня снова атаковали Мергеневский. Чапаев сам повел их в бой.

В донесении от 19 августа штаба дивизии в штаб армии сообщалось, что утром части 73-й бригады овладели Мергеневским. Потери — 42 человека убитыми, 225 ранеными, 20 пропавшими без вести. Смертельно ранен командир 217-го полка Петров, убито 40 лошадей, 120 ранено. Во время боя под начдивом Чапаевым и комбригом Кутяковым лошади были ранены, под командирами 217-го и 218-го полков — убиты. В 73-м кавдивизионе осталось 17 всадников[663].

К вечеру части 73-й бригады окопались в 5 верстах перед Каршинским и с утра 20-го, овладев им, продолжали наступление на Сахарную. Связь с правофланговой группой все еще отсутствовала. Было известно лишь, что 3-я бригада 50-й дивизии, наступавшая от Сломихинской на Сахарную, вследствие отсутствия воды и недостатка продовольствия возвращалась к Сломихинской. В левобережной группе 223-й полк вышел к Луке Малофеевой и продолжал наступление вниз по Уралу. 225-й полк с двумя батальонами 420-го полка 2-й бригады вел наступление вдоль большака на Джуванкуль и в направлении на Каскуль. 224-й полк с батальоном 420-го полка занял хутора Новопавловский,

Покатиловский и наступал на Федоровский.

2-я бригада батальоном 419-го полка занимала рубеж Иртецкое, Генварцевское (Январцево), два батальона полка переправились на левый берег Урала. Два батальона переправившегося ранее 418-го полка в районе хутора Долинного попали в окружение. Подошедшими на помощь батальонами 224-го и 420-го полков, партизанскими отрядами и отрядом спешенной кавалерии попавшие в окружение 21 августа были освобождены и взят хутор Долинный. Противник силою до 2 тысяч штыков несколько раз переходил в контратаки, но был отбит. Наступление полков левобережной группы продолжалось[664].

На участке 74-й бригады 20 и 21 августа шли упорные бои. Противник силою до 1 тысячи штыков и 4 тысяч сабель при поддержке броневиков и артиллерийского дивизиона атаковал правый фланг бригады. 23 августа части 73-й бригады закрепились на рубеже в 3 километрах севернее Сахарной и установили конную связь с 74-й бригадой. 1-я бригада 50-й дивизии отстала и связи с ней не было. В левобережной группе 223-й полк вышел на линию Бударинский — озеро Челкар и продолжал движение на рубеж восточнее Лбищенска. Два батальона 224-го полка заняли Хуторское, 225-й полк вел бой в 7 километрах от Джуванкуля, батальоны и отряды, освобождавшие попавших в окружение, оставались в районе хутора Долинного[665].

С рассветом 24 августа 73-я и 74-я бригады пошли в наступление на станицу Сахарная. Казаки, понимая, что отступление к Каспию приближает их крах, защищались отчаянно, наносили сильные и дерзкие контратаки. Чапаев, учитывая, что левый фланг дивизии прикрыт рекой Урал и противник будет стремиться наносить удары с правого фланга, создал сильный резерв за правым флангом наступавших. Когда бой шел уже на окраине Сахарной, противник действительно пошел на правом фланге в контратаку. Его встретили три полка и кавалерийский дивизион резерва. Решительным ударом контратакующие были опрокинуты и, бросая оружие, убитых и раненых, бежали за Сахарную. В 11 часов 24 августа станица была взята. Противник, не смирившись с ее потерей, в 19 часов того же дня предпринял еще одну сильную контратаку при поддержке броневиков и артиллерии, но снова был отбит с большими для него потерями. В бою за Сахарную взяли 8 пулеметов, 45 тысяч патронов, подбитый самолет и много винтовок.

В левобережной группе противник силой до шести полков с 4 до 16 часов 24 августа вел бой за Хуторское. При поддержке

сильного ружейно-пулеметного и артиллерийского огня предпринял восемь атак и, понеся большие потери, отступил. 223-й полк 75-й бригады вышел по Уралу на рубеж Лбищенска. Остальные полки группы продвижения не имели[666].

Сахарная была взята, по возможности бригад для дальнейшего наступления были исчерпаны. Части дивизии и особенно 73-я бригада понесли большие потери. В некоторых ротах 217-го полка осталось по 8—12 человек. Потери в войсках в значительной степени были на совести командира 74-й бригады Зубарева, который не выполнил данный ему приказ, а действовал в отрыве, в результате чего не оказал поддержку 73-й бригаде и сам, встретив сопротивление противника, успеха не имел. Чапаев тут же отстранил Зубарева от командования бригадой и настаивал на предании его суду. Но осужден Зубарев не был, а получил назначение командиром 1-й бригады 50-й дивизии. Вместо Зубарева командиром 74-й бригады Чапаев назначил командира 219-го Домашкинского полка Сергея Васильевича Сокола.

С переходом к обороне 74-я бригада заняла позиции в трех километрах южнее Сахарной фронтом на юг. 1-я бригада 50-й дивизии, примкнув к ней левым флангом, развернулась фронтом на юго-запад и запад. 73-я бригада, выведенная в резерв к хутору Каршинскому, одним полком заняла позицию также фронтом на запад. От Каршинского до Сахарной по левой стороне Урала была организована конная разведка.

Левобережная группа продолжала наступление, тесня противника в глухие степи, но вследствие задержки 75-й бригады в I армии и запоздалого ее перехода в наступление отставала от правобережной до ста километров. Ее отставание ставило под угрозу удара казаков тыл правобережной группы. Кроме того, противник сосредоточил за Уралом войска, и левобережная группа оказалась не в состоянии овладеть Джамбейтинской Ставкой, чтобы выйти на уровень правобережной группы. Это вынудило Чапаева перебросить часть сил восточнее Урала из перешедшей к обороне правобережной группы для удара во фланг и тыл противнику на Джамбейты. В связи с этим 25 августа им был отдан приказ, которым его войска разбивались на три группы: первая — правофланговая группа, под командованием командира 73-й бригады, в составе 73-й бригады, без 218-го полка, 74-й бригады и 1-й бригады 50-й дивизии; вторая (средняя) — под командованием командира 218-го полка И. К. Бубенца в составе 218-го, 223-го стрелковых полков, кавалерийского полка дивизии и Кубанского кавалерийского дивизиона; третья — левофланговая группа, под командованием

командира 75-й бригады, в составе 75-й бригады, без 223-го полка, и 2-й бригады 47-й дивизии.

Первой, правофланговой, группе приказывалось прочно закрепиться в районе форпостов Сахарная, Каршинский, Мергеневский; вырыть окопы полного профиля с траверсами; построить мост через Урал и вести разведку на флангах.

Командиру второй группы, переправив 27–29 августа 218-й стрелковый, 25-й кавалерийский полки и Кубанский кавдивизион на Бухарскую сторону в районе Мергеневского, установить связь с 223-м полком, находившимся против Лбищенска на восточной стороне Урала, и не позже 2 сентября выйти на линию Вишневый Ильмень, урочище Тайла, Бунс-Кундук и Тарджиманский (на южном берегу оз. Челкар).

Третьей, левофланговой, группе, действовавшей северо-восточнее оз. Челкар, к 2 сентября выйти на рубеж Мунашевский, Донгалюк, Тленкеевский, Томусайский, держа связь со второй группой и с 3-й бригадой 47-й дивизии I армии.

Разграничительная линия с I армией — река Утва, озеро Соркуль[667].

Фронт, на котором действовали войска Чапаева, достигал 250 километров, промежутки между группами достигали 80—100 километров. Технических средств, обеспечивавших связь между ними, не было. Самолеты не использовались из-за отсутствия горючего. Присланная для них авиасмесь оказалась негодной[668]. Резервов в распоряжении Чапаева не оставалось. Противник мог проникать в тыл большими силами.

Чапаев, ярый противник распыления войск, теперь находился именно в таком положении, поставлен был в такие условия. Месяц назад, докладывая командарму о положении дивизии после освобождения Уральска и в частности о 75-й бригаде, добиваясь ее возвращения из I армии, он писал: «Такой участок для одной бригады охранять невозможно. Распыленная по одной роте, она не в силах охранять данный участок. Части могут быть легко разбиты противником, а поддержка ниоткуда не придет… Согласно уставу, в корне преследуется распыление частей, и считаю строго недопустимым в дальнейшем такое положение…»[669].

Теперь положение стало еще более тяжелым во всех отношениях. 22 августа Чапаев запрашивал штаб IV армии: «Прошу указать, где находятся правофланговые части I армии ввиду того, что части левофланговой группы за Уралом все больше и больше растягивают свой левый фланг»[670].

Сутками позже им была послана телеграмма командарму: «В 25-й дивизии нет патронов, об этом говорилось по прямому

проводу по всем направлениям и в штаб-IV… Посылались телеграммы, послан приемщик с требовательными ведомостями, но до сих пор нет никакого результата… Тотчас, немедленно шлите огнеприпасы, иначе положение становится опасным»[671].

26 августа Чапаев доносил о получении противником орудий, броневиков, аэропланов и пополнения людьми, о проникновении его большими отрядами в тыл на различных участках и особенно на Бухарской стороне. Сообщал, что серьезность положения заставила его перебросить часть сил восточнее Урала, хотя такая переброска с главного, гурьевского, направления весьма опасна: противник мог в любое время обрушиться на ослабленные части. Просил срочно слать пополнение, а также дать ему 17-й бронеотряд, который направлялся в I армию[672].

Как бы в ответ на его просьбу Чапаев в тот же день получил телеграмму начальника штаба IV армии: «Ввиду переброски 2 полков 3-й бригады 50-й дивизии в XI армию, в районе Сломихинской остается один полк этой дивизии, на который возложить какую-либо наступательную операцию не представляется возможным. В силу вышеуказанной причины, а также имея в виду необходимость обеспечения правого фланга и тыла частей вашей дивизии, оперирующих в районе Сахарная, от глубокого обхода вдоль течения реки Кушум на Лбищенск, командарм приказал занять и прочно обеспечить обладание районом Кызыл-Убинской»[673].

Занятие указанного района и обеспечение правого фланга дивизии возлагалось на командира 1-й бригады 50-й дивизии Зубарева. Иными словами, отстраненного Зубарева вывели из подчинения Чапаеву и поставили действовать вместе с ним — обеспечивать фланг дивизии. (После разгрома штаба 25-й дивизии в Лбищенске и гибели Чапаева Зубарев пьянствовал, задерживался контрольными органами[674], а в 1920 году изменил Советской власти и был расстрелян.)

28 августа противник перешел в наступление в разрыв между 25-й дивизией и I армией и атаковал 224-й полк с целью выхода на левый фланг и в тыл частям третьей группы. На поддержку полка были высланы два батальона от 418-го и 419-го полков. Занимаемое положение удалось удержать. Связь с частями I армии, которые не придерживались разграничительной линии, отсутствовала[675].

С удалением все дальше в степь от основных пунктов снабжения резко ухудшилось материальное обеспечение войск. Так, в политсводке по IV армии от 31 августа отмечалось: «В 224-м полку недостаток обуви, в авиаотряде нет белья, табаку, обмундирования, обуви, винтовок… В 217-м полку огневое

снабжение слабое. Дезертиров-10. Нужно пополнение политработниками. В перевязочном отряде недостаток транспорта, перевязочных средств, табаку, сахару. Раненых эвакуируют пешком… В 1-й и 2-й бригадах недостаток обмундирования и винтовок, транспорта. В 1-м артдивизионе недостаток транспорта. Замечается массовое заболевание красноармейцев»[676].

В дальнейшем трудности еще больше увеличились. В сводке по армии от 5 сентября сообщалось: «25-я дивизия. В 218-м полку недостаток патронов, снарядов, обуви… В 1-й бригаде недостаток средств связи, вещевое снабжение плохое. В перевязочном отряде большинство больны тифом. В 1-м кавполку боеспособность низкая, недостаток фуража, лошадей, обмундирования, политработников… Во 2-й бригаде наблюдается заболевание тифом. Недовольство, усталость красноармейцев. Разлагающе влияют части 50-й дивизии… Снабжение неудовлетворительное…»[677].

Штаб IV армии, находившийся в городе Пугачеве (бывшем Николаевске), в 350 километрах от действовавших войск, плохо вникал в их нужды, не помогал.

О трудном положении 25-й дивизии и приданных ей частей, конечно, знал и противник.

Будучи не в силах разгромить красные войска организованным наступлением, противник все более проникал в глубь их тыла конными частями, дезорганизовывал управление и снабжение. Казачьи разъезды и даже целые отряды в тылу войск Чапаева стали обычным явлением. Тщательно готовился самый крупный рейд на штаб Чапаева с целью обезглавить войска фактически всей IV армии, изолировать группы частей друг от друга, прервав между ними всякую связь, вызвать в них растерянность и ударами по разобщенным и деморализованным группировкам разгромить их. И это противнику во многом удалось. Начальник штаба Уральской белоказачьей армии полковник Моторный о боях южнее Уральска и подготовке налета на штаб в Лбищенске писал:

«В течение второй половины июля и первой половины августа Уральская армия, теснимая частями 25-й дивизии, обороняя каждый поселок и почти каждый хутор, расположенные к западу от линии Уральск — Гурьев, отошла в район Калмыков, Каленый. Почти все жители оставляемых казаками станиц отходили на юг со всем своим скарбом и скотом. Это было бедствие для армии, ибо в южных станицах отсутствовал хлеб, а переполнение беженцами грозило голодом. Сотни тысяч скота, гонимого ими в тыл, уничтожали по пути запасы сена и траву, как саранча. Кроме

того, эти беженцы располагались бивуаками в ближайшем тылу армии, чем мешали маневрированию. Стоило частям армии остановиться, как останавливались и беженцы, не слушая ничьих приказов об отходе в глубокий тыл.

Районы к северу от Калмыкова через 2–3 дня после отхода армии к поселку Каленый представляли собой буквально голую степь, даже ветки на деревьях и те были съедены.

Армия была лишена местных фуражных средств, а доставка сена с Бухарской стороны за отсутствием мостов через реку Урал и недостатком лодок была крайне затруднительной. Конский состав начал быстро ухудшаться. Вместо заболевшего генерала Савельева в командование Уральским корпусом вступил генерал Титруев, который предлагал встретить наступление красных чапаевских частей на поселок Каленый массовой конной атакой. Для этого вся конница армии занималась репетициями.

К этому времени из района Сломихинской к поселку Каленый была подтянута 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина, а для наблюдения за красными оставлен был 1-й партизанский Чижинский кавалерийский полк.

С предлагаемым генералом Титруевым способом действий были не согласны начальники частей, но они не отказывались исполнить приказ „о конной массовой атаке“. Они предлагали использовать слабую конским составом и подорванную морально конницу для набега на тыл красных. Командующий армией генерал Толстов согласился с предложением начальников частей. Для этого рейда-налета 2 сентября 1919 года выступили из форпоста Каленый 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина и 2-я кавалерийская дивизия полковника Сладкова. Они двинулись по долине реки Кушум для атаки красных частей, занимавших Лбищенск» (схема 18)[678].

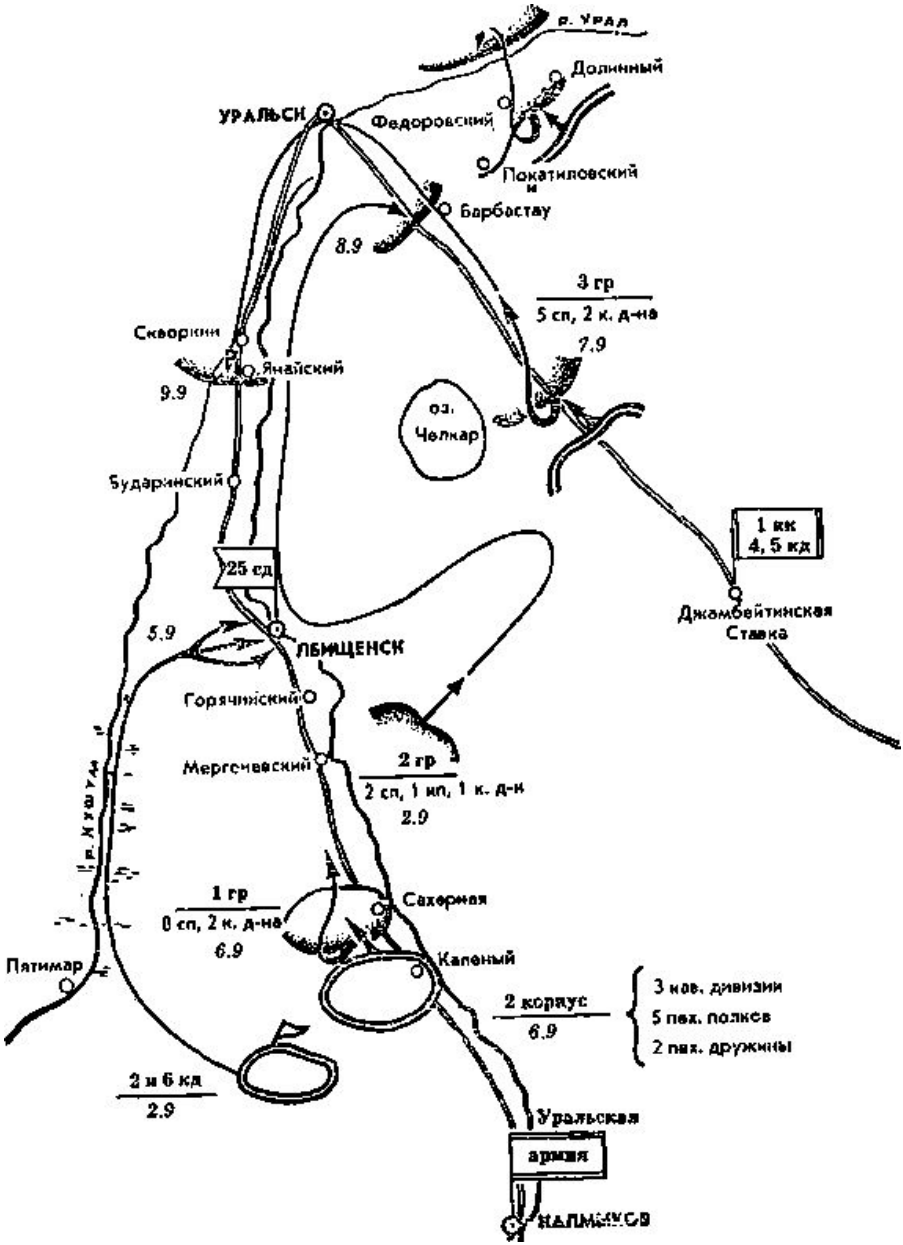


Схема 18. Обстановка, при которой погиб В. И. Чапаев 5.IX.1919 г.

С началом рейда противник активизировал свои действия в тылу чапаевских войск. Как указывалось в приказании штаба дивизии от 4 сентября 1919 года комбригам правой группы и коменданту этапа № 4 в Бударинском, накануне, в ночь с 3 на 4 сентября, западнее Лбищенска появились разъезды казаков и захватили две подводы с двумя обозниками. По рассказам

местных жителей, проводниками казаков были казахи. Они же сообщали им о движении обозов и местах их остановки. Приказывалось принять срочные меры по охране обозов в каждом поселке, а также сопровождать их в пути, «имея в виду, что на обозы казаки нападают большей частью ночью между поселками, добывая себе хлеб»[679].

Авиация противника также активно содействовала продвижению казачьего конного корпуса. 4 сентября в штаб правой группы поступили от частей донесения о том, что в этот день в 8 часов 30 минут над станицей Сахарной появился неприятельский аэроплан, который разбрасывал над позициями листовки. Аэроплан был обстрелян. Но полетел он в направлении на Лбищенск[680]. Он явно координировал действия своей конницы. На другой день, 5 сентября, вражеский аэроплан в 10 часов снова появился, опять же разбрасывал листовки, затем полетел на Лбищенск[681].

Слух о том, что белоказакам приказано осуществить какую-то боевую операцию, дошел до частей правой группы. В частности, в журнале боевых действий 219-го стрелкового полка 4 сентября была сделана такая запись: «Задача 219-го стрелкового полка — быть готовым к выступлению в связи с неопределенными слухами о готовящемся или уже произведенном налете противника»[682].

День 4 сентября 1919 года для В. И. Чапаева был нелегким. В 1-й бригаде 50-й дивизии красноармейцы трое суток не получали хлеба. Чапаев с комиссаром П. С. Батуриным 4 сентября утром прибыли в эту бригаду, разъяснили бойцам причины создавшегося положения, рассказали о принимаемых мерах. По приказанию Чапаева для поддержания 1-й бригады 50-й дивизии временно был уменьшен паек двум соседним бригадам 25-й дивизии. Вечером того же дня Чапаев и Батурин выехали на автомобиле в Лбищенск. Чапаев потребовал доложить разведсводки и данные авиаразведки в направлении станиц Сломихинской и Кызыл-Убинской. Начальник штаба Новиков доложил, что ни конной разведкой бригад, ни разведывательными полетами авиаотряда, проводившимися утром и вечером в течение нескольких дней, противник в нашем тылу не обнаружен. Появление же сравнительно небольших казачьих отрядов и разъездов не было редкостью. Чапаев успокоился, но отдал распоряжение усилить охранение. Но доложенные сведения о противнике не соответствовали действительности: противник большими силами конницы был уже недалеко и нацелился на Лбищенск.

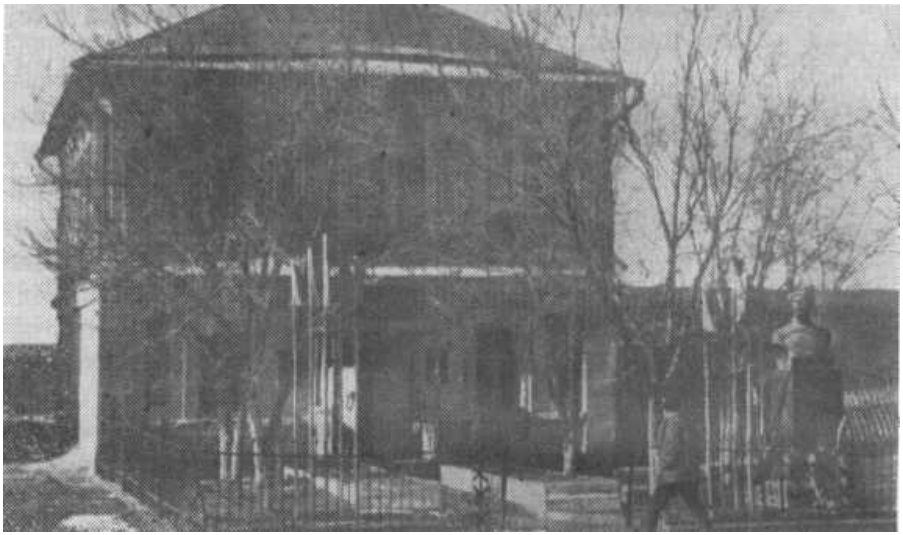
Командир 73-й бригады Иван Семенович Кутяков, возглавлявший тогда правобережную группу в районе станицы

Сахарной, в своей книге «Василий Иванович Чапаев» (М., Воениздат, 1958, с. 71–72) высказывал мнение о том, что в лбищенской трагедии повинны летчики авиаотряда, которому штабом 25-й дивизии поручалась разведка местности[683]. При изучении документов в Центральном государственном архиве Советской Армии подтверждения сказанному Кутяковым обнаружить не удалось.

В той же книге И. С. Кутяков пишет, что и в самом штабе 25-й дивизии были люди, мало сочувствовавшие Советской власти. Бывшие офицеры — штабные работники — в большинстве потом сдались в плен. Белые их не тронули. После того, как впоследствии части 25-й Чапаевской дивизии, оправившись от поражения, заняли 5 января 1920 года Гурьев, эти офицеры, бывшие оперативные работники штаба 25-й дивизии, при допросе показали, что «в плену» они занимали административные должности в армии генерала Толстова[684].

Со своей стороны, белоказаки время налета на Лбищенск выбрали удачно. На организацию достаточной охраны штабу 25-й стрелковой дивизии просто не хватило времени, так как штаб с дивизионными учреждениями перебазировался сюда из станицы Бударинская лишь к вечеру 2 сентября[685]. Сюда переехали радиостанция № 532, полевая телеграфная контора № 68, хлебопекарня, лазарет, управления начальника артиллерии и дивизионного инженера, отделы санитарного и ветеринарного снабжения, авиаотряд в составе 3 самолетов, громоздкий обоз в 500 с лишним подвод (включая обозы отдела снабжения 73-й бригады и 218-го полка, не успевшие выехать из Лбищенска). Из строевых подразделений имелись, по существу, комендантская команда в составе 60–80 бойцов и дивизионная школа численностью около 200 курсантов[686]. В основном курсанты несли охрану города.

О Лбищенске того времени в журнале боевых действий одного из полков сохранилась такая запись: «Город Лбищенск — это не город, а простое село. Все постройки так же, как и на хуторах, низенькие, слепленные из глины, побеленные известью, крыши домов плоские. На стены положен плетень, насыпана земля, а сверху залита глиной. Дворы обнесены плетнями. Нет ни садиков, ни одного деревца. Мужчин совсем нет. В пустых домах и дворах валяется рухлядь — поломанная мебель, худые кадки, разные ящики, старые сани. От движения частей неимоверная пыль, в тридцати шагах ничего не видно и дышать нечем»[687].



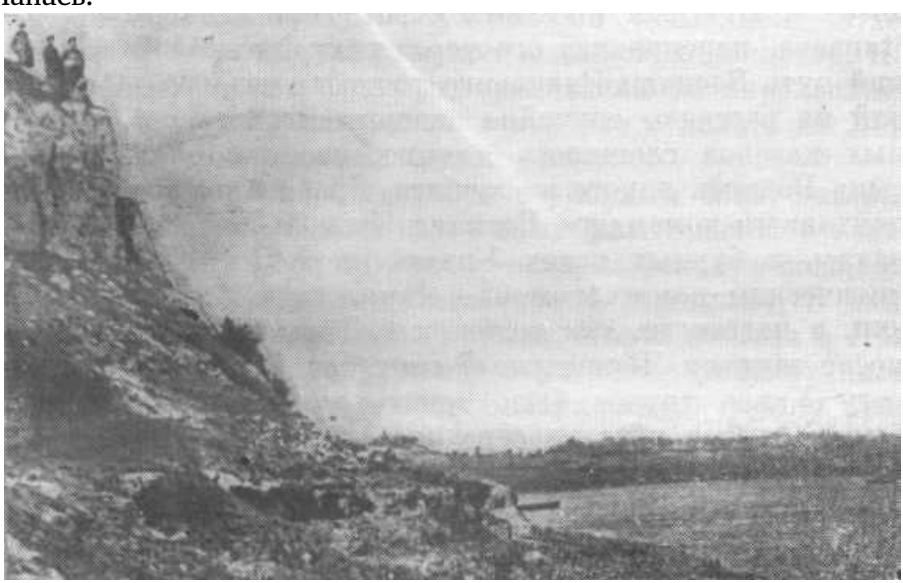
Здание в Лбищенске (ныне г. Чапаев Уральской области Казахской ССР), в котором находился штаб 25-й стрелковой дивизии.

Очевидцы лбищенской трагедии, избежавшие гибели, рассказывали, что положение в Лбищенске было тревожное. Некоторые оставшиеся на месте жители враждебно поговаривали о скором приходе казаков. Но кто-то из них с опаской сообщил в штаб о готовившемся в ночь налете.

После приказания Чапаева об усилении охранения безоружным были выданы со склада винтовки, и они направлены в цепи на окраины Лбищенска. Однако неизвестно чьим распоряжением ночью эта охрана была снята, оружие изъято, и люди отправлены отдыхать.

Перед рассветом противник подошел к Лбищенску с трех сторон. С четвертой (восточной) протекает Урал. Телефонные и телеграфные линии связи с войсками и с Уральском были перерезаны. Некоторая часть местных казаков пробралась задворками в Лбищенск, чтобы стрелять с тыла, сеять панику и смерть. По сигналу конница противника пошла в атаку. Слабая оборона Лбищенска не смогла воспрепятствовать большей ее части быстро прорваться в станицу. Бой защитников принял неорганизованный характер. По всему Лбищенску шла беспорядочная стрельба. На улицах и во дворах защищались группами и в одиночку, в плен не сдавались, знали: будет мучительная смерть; стремились пробиться к своим, в центр Лбищенска, где разгорелся сильный огневой бой. С рассветом действия противника стали еще более организованными, а оборонявшиеся собрать свои разрозненные группы не смогли.

Защищались там, где пришлось, до последней возможности. О стойкость героев разбивались атаки противника, несмотря на превосходство его в людях и вооружении. Много полегло отважных чапаевцев, немало полегло и врагов. Наконец, в ход была пущена артиллерия, которая противником в темное время не могла быть применена. От ее огня не было защиты, и через некоторое время сопротивление было сломлено. Остатки разрозненных групп стали пробиваться к Уралу. Но пути отхода уже были отрезаны. На берегу казаки поставили пулеметы и беспощадно расстреливали тех, кто пытался плыть и достичь противоположного берега. Оборонявшиеся на площади курсанты, возглавляемые командирами, бились до последнего. Погибли вместе с ними начальник школы Петр Федорович Чеков и его сын, помощник комиссара дивизии Иван Автономович Крайнюков, заведующий политотделом Дмитрий Васильевич Суворов, зарублен комиссар дивизии Павел Степанович Батурин, тяжело ранены начальник штаба Николай Михайлович Новиков и сам Чапаев.



На этом месте у берега Урала погиб Василий Иванович Чапаев.

Когда положение стало безнадежным, группа телеграфистов во главе с порученцем штаба Петром Семеновичем Исаевым пыталась спасти истекающего кровью Чапаева, переправить его через реку Урал[688]. Но последний путь Василия Ивановича точно не известен. Со ссылкой на рассказы случайно спасшихся чапаевцев и пленных казаков сложилось мнение, что жизнь достойного сына Родины, одного из лучших, храбрейших воинов, талантливого командира Василия Ивановича Чапаева прервалась

в бурных водах Урала. Вновь назначенный политическим комиссаром 25-й стрелковой дивизии Сысойкин, в частности, так доложил в Реввоенсовет IV армии после занятия Лбищенска 7 сентября 1919 года: «На берегу Урала трупов было много, товарища Чапаева не было. Он был убит на середине Урала и утонул на дно. Политические сотрудники в большинстве расстреляны»[689].

В руках белоказаков оказались документы штаба дивизии. По спискам они отобрали командный состав и коммунистов — почти 400 человек и расстреляли на берегу Урала. Из них спастись бегством удалось лишь единицам[690]. Оставили в живых лишь обозников, которых распределили по казачьим полкам в их обозы. Одновременно противник стал спешно вывозить в степь по дороге на Сломихинскую захваченное имущество[691]. Из взятых 4 самолетов один был поднят в воздух и в сопровождении белогвардейского аэроплана был направлен в штаб Уральской белоказачьей армии[692].

Утром 5 сентября из Горячинского (в 15 километрах южнее Лбищенска), где стояли обозы 73-й бригады, сообщили командиру правобережной группы И. С. Кутякову в Сахарную, что со стороны Лбищенска слышна сильная ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба. Отряд казаков, подошедший со стороны Лбищенска на юг в качестве заслона, пытался овладеть Горячинским, но был отбит тыловыми подразделениями, организовавшими оборону до подхода частей бригады. К ночи подошли 73-й кавдивизион и батальон 219-го полка на подводах. Посылая помощь, командир группы намеревался очистить Лбищенск от противника, восстановить связь с Уральском и с войсками. Но Лбищенск был занят значительными силами и взять его не удалось.

Оценив сложившуюся обстановку и способность противника пойти из Лбищенска на Уральск, И. С. Кутяков начал отход всей группой. Подчинив себе среднюю группу И. К. Бубенца, приказал и ей отходить на линию Лбищенска. В ночь на 6 сентября части скрытно начали отход, оставив в Сахарной на прикрытие кавалерийский дивизион 74-й бригады, уходившей последней. Отход совершался организованно, при высокой дисциплине. Надежды противника на их деморализацию не оправдались. Тот же полковник Моторный в докладе о налете на Лбищенск и отходе красных частей писал:

«Лбищенск взят 5 сентября с упорным боем, который длился 6 часов. В результате были уничтожены и взяты в плен[693] штаб 25-й дивизии, инструкторская школа, дивизионные учреждения. Захвачено 4 аэроплана, 5 автомобилей и прочая военная добыча.

После ночлега в Лбищенске наш отряд (в составе двух кавалерийских дивизий), оставив у себя в тылу Сахарновскую группу красных (Кутякова), двинулся на север и, только дойдя до форпоста Янайский, встретил противника. Наша конница свернула из форпоста Богатинского в степи, на хутора, лежащие к западу от этого поселка. Между тем, оставшиеся в форпосте Каленом пешие и конные части пашей Уральской армии, не учтя обстановки, которая была сообщена нам с аэропланов из Лбищенска, и ожидая разложения отрезанной Сахарновской группы красных, только вечером 6 сентября перешли в наступление.

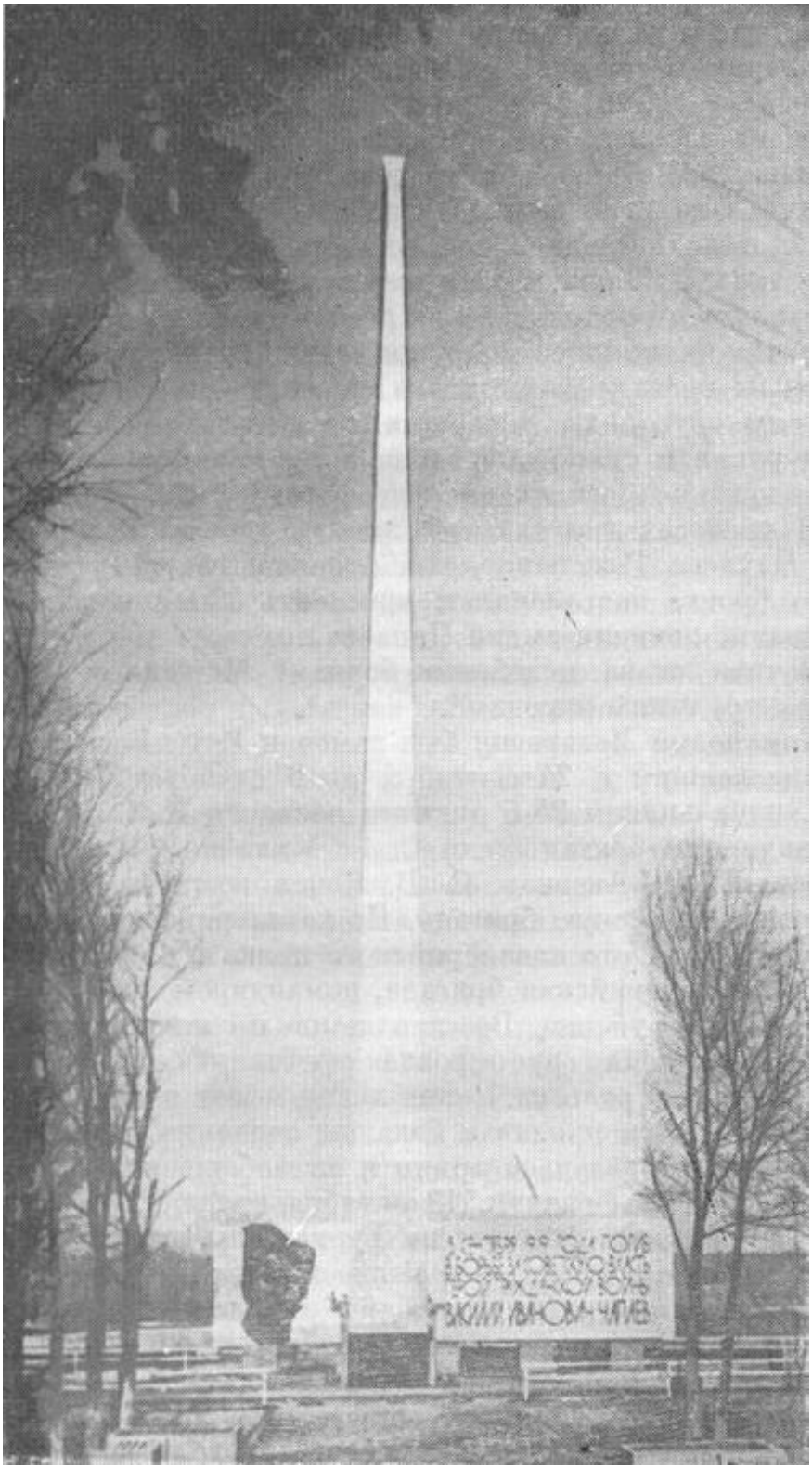
К этому времени Сахарновская группа красных зажгла станицу и поселки, начала отходить на север, к Уральску. Наша казачья армия преследование вела крайне неэнергично, и противник, зажигая все поселки до ст. Бударинская включительно и мельницы в Коловертном и Прорвинском, без потерь отошел к Янайску.

Следовавшие за ним главные силы казачьей армии атаковали отступающие войска красных. Но они атаку отбили и ночью отошли к форпосту Скворкину, где приостановили свой отход и восстановили фронт по линии ст. Шипово, Скворкин, Барбастау»[694].

На упомянутой полковником линии фронта противник, потеряв 3 орудия, 2 бронемашины, 300 человек убитыми и много ранеными, получил убедительное подтверждение стойкости частей, а не разложения, на которое рассчитывал.

Под вечер 6 сентября часть 73-й бригады вошла в Лбищенск. Группа И. К. Бубенца встала на восточной стороне Урала против Лбищенска. Страшную картину увидели прибывшие в Лбищенск. Западная часть станицы, где держалась оборона, площадь в центре и берег Урала были устланы трупами. В местах расстрелов найдено много предсмертных записок: «Товарищи чапаевцы, нас ведут на расстрел», «Да здравствует Советская власть!», «Отомстите белым гадам за нашу смерть!» и многие другие такого же характера.

Весть о гибели Василия Ивановича Чапаева разнеслась по Поволжью и Уралу. Не хотелось верить. Уральская и другие газеты несколько дней не давали об этом официального сообщения: была надежда, что Чапаев жив. Белые торжествовали победу. Командующий казачьей армией генерал Толстов в церквах на удерживаемой им территории отслужил по поводу гибели Чапаева благодарственные молебны[695].



Обелиск на берегу Урала, где погиб В. И. Чапаев.

После геройской гибели В. И. Чапаева 25-я дивизия продолжала бороться. С отходом группы И. С. Кутякова на рубеж Широков, Скворкин 75-я бригада без 223-го полка встала на ее правом фланге, заняв участок Паника, Широков. Шли бои за удержание железной дороги Уральск — Саратов. Группа И. К. Бубенца отошла к Барбастау. Не было патронов. Через некоторое время начались дожди, а красноармейцы не имели обуви и шинелей. На доклад И. С. Кутякова командарм В. С. Лазаревич ответил, что у него тоже нет, и предложил вести разъяснительную работу о трудностях[696]. В таких условиях бойцы отражали натиски противника во всей полосе дивизии и даже переходили в наступление, нанося врагу большие потери. Однако восточнее Уральска в начале октября белым удалось прорваться на участке 2-й бригады 47-й дивизии. Переправившись через Урал силой до 600 всадников, они захватили поселки Дарвинский, Дьяков. Наращивая усилия, вышли в район Чувашского и Красного.

В обращении к войскам IV армии, включенном в приказ № 334/157 от 11 сентября, М. В. Фрунзе писал:

«Славные войска Туркестанского фронта, пробивая России путь к хлопку и нефти, стоят накануне завершения своей задачи. Главные силы врага на нашем фронте разгромлены окончательно. Геройским полкам I армии сдались в плен, частью перешли организованно, все части Южной (бывшей Дутовской) армии противника. Всего нами взято до 30000 человек с огромным количеством оружия и всякого рода снаряжения. Это радостное известие вливает новую силу и мужество в сердца трудового народа.

Войска IV армии! Сообщая вам эту радостную весть, я жду, что вы, в свою очередь, в ближайшие дни порадуете трудовую Россию новыми успехами. Пусть не смущает вас ничтожный успех врага, сумевшего налетом кавалерии расстроить тыл славной 25-й дивизии и вынудить ее части несколько отойти к северу. Пусть не смущает вас известие о смерти доблестного вождя 25-й дивизии тов. Чапаева и ее военного комиссара тов. Батурина. Они пали смертью храбрых, до последней капли крови и до последней возможности отстаивая дело родного народа. Я ожидаю от всех войск IV армии строгого и неуклонного исполнения их революционного долга. Ожидаю, что их мощный сокрушительный удар разобьет все надежды врага и отомстит за гибель своих вождей. Теснее смыкайте ряды, товарищи, крепче сжимайте винтовку в руках и смело вперед на полуиздыхающего, но все еще дерзко сопротивляющегося врага.

В увековечение славной памяти героя 25-й дивизии тов. Чапаева Революционный военный совет Туркестанского фронта постановляет: присвоить 25-й дивизии наименование дивизии имени Чапаева…

Вечная слава погибшим борцам! Мщение и смерть врагам трудового народа»[697].

Командарм Лазаревич был заменен Г. К. Восканoвым, командовавшим с 24 сентября по 6 октября 25-й дивизией, начальником 25-й дивизии назначен И. С. Кутяков. Командирами бригад стали С. Я. Михайлов, И. М. Плясунков, Е. И. Аксенов. С. В. Сокол возглавил Киргизскую кавалерийскую бригаду. Из кавалерийских дивизионов бригад и 25-го кавалерийского полка в дивизии была создана кавалерийская бригада, командиром которой назначен И. К. Бубенец. Возглавляемой им конной группой была истреблена группировка противника, действовавшая севернее Уральска.

В. И. Ленин, придавая большое значение ликвидации Уральской белоказачьей армии и высвобождению сил для помощи другим фронтам, 18 октября писал М. В. Фрунзе: «Все внимание уделите не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков всяческими, хотя бы и дипломатическими мерами. Ускоряйте изо всех сил помощь Южфронту. Нельзя ли взять оренбургских казаков под Питер или на иной фронт? Извещайте чаще шифром о фактическом исполнении»[698].

В ходе непрекращавшихся боев, проходивших с переменным успехом, в конце октября IV армия перешла в наступление с целью занять всю населенную полосу Уральской области до рубежа Лбищенск — Джамбейтинская Ставка, оттеснить войска противника в безлюдные степи, лишив ресурсов борьбы. В итоге упорных боев с 29 октября по 28 ноября эта задача была выполнена.

С занятием Джамбейтинской Ставки противник сосредоточил разрозненные части южнее Лбищенска и частью сил занимал район Сломихинской. Готовясь к дальнейшему наступлению, 25-я дивизия задержалась в занятых ею районах до 10 декабря. Население, не уходившее уже с казачьей армией, голодало и было поражено эпидемией тифа. Для облегчения его бедственного положения Совет Народных Комиссаров 7 декабря 1919 года принял гуманное постановление, которое могла принять только рабоче-крестьянская власть. В нем говорилось: «На основании донесения Революционного Военного Совета Туркестанского фронта о крайне бедственном положении семейств казачьего населения, эвакуированных белогвардейским командованием из родных станиц в глубь киргизских степей и ныне брошенных там

без средств существования, без крова и медицинской помощи и вымирающих от тифа; принимая во внимание также вообще тяжелое положение всего населения Уральской области, бывшей ареной непрерывной двухгодичной борьбы, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Народным комиссариатам: по военным делам, социального обеспечения и здравоохранения принять в порядке особой срочности все необходимые меры по облегчению положения населения области, по устройству возвращающегося в свои станицы беженского казачьего населения.

2. Отпустить для означенной цели в распоряжение Реввоенсовета Туркестанского фронта 100000000 рублей.

3. Вместе с тем в видах скорейшего восстановления в крае мирного порядка и ликвидации явно бессмысленного сопротивления части уральского казачества, продолжающего упорствовать в своей борьбе против рабоче-крестьянской России, вменить в обязанность командованию Туркестанского фронта принять все меры к скорейшему безболезненному решению данного вопроса, гарантируя именем Советской Республики личную безопасность и забвение прошлых вин всем ныне оставшимся по ту сторону фронта, вплоть до высшего командного состава и состава бывшего войскового правительства, при условии немедленного изъявления ими покорности Советской власти, немедленной сдачи в полной целости и сохранности всех запасов оружия, обмундирования, военного снаряжения и сохранения в неприкосновенности всех предприятий, промыслов и заведений, имеющих важное значение как для края, так и всей Республики»[699].

Чтобы гуманный шаг не преподносился врагами населению как уступка и слабость Советского правительства, М. В. Фрунзе в своем обращении к уральскому казачеству указывал, что в случае отказа прекратить войну они будут подавлены силой оружия. «Это предложение, — писал он, — является последней попыткой Советской власти разрешить безболезненно кровавую тяжбу. Ответственность за неудачу попытки падет целиком на вас»[700].

Широко обнародованное постановление правительства и начавшееся 10 декабря наступление оказали большое влияние на казацкое население и усилили разложение Уральской армии. Участились случаи сдачи в плен не только отдельных казаков, но и целых групп с вооружением.

С началом наступления в подчинение начдива 25-й дивизии И. С. Кутякова вошли 450-й полк 50-й дивизии, 1-й полк Красных коммунаров и формировавшийся 1-й Советский уральский

казачий полк. Части 75-й бригады 10 декабря овладели Сломихинской, 13 декабря — Новой Казанкой. Части 73-й бригады 10 декабря с боем заняли Мергеневский и Каршинский, 13 декабря — Сахарную. В этих боях противник понес тяжелые потери. Но и в дивизии была большая убыль личного состава из-за эпидемии тифа. В некоторых полках оставалось по 300 человек. Командование дивизии получило разрешение пополнять полки освободившимися из плена красноармейцами и взятыми в плен казаками, изъявившими желание идти в Красную Армию добровольно.

В бою 18 декабря 73-я бригада овладела Калмыковом, взяла много пленных, 18 орудий, 80 пулеметов, броневик, несколько автомобилей и много военного имущества. 27 декабря части дивизии разбили четыре полка противника и заняли Кулагино. Отсюда белому командованию был направлен ультиматум с требованием прекратить боевые действия, сдать оружие и все материальные ценности. На ответ давалось три дня. Но по истечении срока белое командование запросило еще 10 дней, намереваясь эвакуировать белогвардейцев и вывезти ценности. М. В. Фрунзе потребовал начать решительное наступление, для преследования противника широко использовать конницу и не позднее 15 января 1920 года овладеть Гурьевом. Командарм Восканов потребовал от Чапаевской дивизии выполнить эту задачу к 12 января. 3 января дивизия перешла в стремительное наступление, проходя иногда до 50 километров в сутки. В Гурьеве поднялась паника. 5 января 1920 года 1-й и 2-й полки кавалерийской группы Бубенца ворвались в Гурьев, а вслед за ними вступили в город Пугачевский и Степана Разина полки. Немногим удалось бежать с генералом Толстовым. Были захвачены все части, находившиеся в районе Гурьева, большие военные трофеи и продовольственные запасы. М. В. Фрунзе 5 января телеграфировал В. И. Ленину: «Уральский фронт ликвидирован. Сегодня на рассвете кавалерия IV армии, пройдя за три дня 150 верст, захватила последнюю вражескую базу — Гурьев и далее до берегов Каспия…»[701]

В тот же день М. В. Фрунзе послал телеграмму Реввоенсовету IV армии: «Сердечно поздравляю геройские войска IV армии и их доблестное командование. Ни недочеты снабжения, ни ужасающие условия борьбы в пустынных и безводных местностях, ни страшные действия тифа, уносившего из наших рядов сотни и тысячи честных бойцов, не удержали их стремительного удара. Гурьев взят, и Красное знамя смотрится в волны Каспийского моря. Полкам, первым вступившим в Гурьев, полкам и командованию славной 25-й дивизии, всем частям и полкам IV

армии и их доблестному командованию — ура!»[702]

Продолжая очищение Прикаспия, кавалерийская группа Бубенца 8 января заняла Доссорские промыслы и Большую Ракушечью пристань, не дав их уничтожить. Остатки разгромленной белой армии были добиты в степях. М. В. Фрунзе 10 января доложил телеграммой В. И. Ленину:

«8 января нашей кавалерией заняты Доссорские промыслы и Большая Ракушечья пристань. Промыслы целы. Ракушечью пристань противник пытался поджечь, но огонь нашими частями потушен. По донесению начдива, в Ракушечьей имеется около 12 миллионов пудов нефти. Электрическая станция совершенно цела. Для налаживания дела считаю необходимым немедленную посылку специального аппарата, о необходимости подготовки которого я докладывал две недели тому назад»[703].

Задолго до этого Владимир Ильич телеграфировал астраханским руководителям: «Обсудите немедленно… нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная.

Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти и телеграфируйте подробно»[704]. Теперь задача, поставленная вождем, была выполнена.

Подводя итог борьбы и ликвидации Уральской белоказачьей армии, М. В. Фрунзе в приказе № 63 25 января 1920 года писал: «Одна из труднейших задач, выпавших на долю IV армии, — это поход на Гурьев. 500 верст от Уральска до Гурьева по грунтовым путям, по разоренным, покинутым жителями селениям, при скудости на местах продовольствия и фуража и чрезвычайной трудности подать его из тыла, антисанитарные условия, жестокая эпидемия тифа и суровая зима — создали исключительные условия для похода. Великая слава войскам и командованию! Все было преодолено… Победил красный воин»[705].

Памятник на братской могиле в г. Чапаеве (Лбищенск), где захоронены сотни погибших чапаевцев.

Заключение

Отгремела гражданская война. Яростными штыковыми ударами, лихими сабельными атаками и походами, покрыв неувядаемой славой непобедимую Красную Армию рабочих и крестьян, ушла она в историю. Ценой невероятных усилий и жизни многих тысяч своих лучших сынов выстояло молодое социалистическое государство. Их имена навечно остались в памяти народной, их бессмертные подвиги живут и служат примером беззаветной преданности своему народу и Родине.

Советские люди достойно увековечили память легендарного героя Василия Ивановича Чапаева. Его имя присвоено городам и работам поселкам, колхозам и совхозам, предприятиям, школам и улицам. В Куйбышевской области есть город Чапаевск, до 1929 года называвшийся Иващенковом, заводы которого в годы гражданской войны снабжали чапаевцев оружием. В помощь чапаевским полкам, наступавшим на Самару, иващенковские рабочие подняли восстание в тылу противника. Бывший форпост Лбищенск, где погиб народный герой, — это ныне город Чапаев Уральской области Казахской ССР. Имя Чапаева носят поселки в Чувашской АССР и Марыйской области Туркмении. В Саратовской области известны Чапаевские минеральные воды — курорт. В Куйбышевской области протекает река Чапаевка. В центральной части Тянь-Шаня есть пик Чапаева. По Волге между Москвой и Астраханью курсирует теплоход «Василий Чапаев». Бороздит моря и океаны теплоход «Чапаев». На страже Родины находится военный корабль, названный его именем.

В городах ему поставлены памятники, открыты специальные музеи. Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева и Дом-музей в Балакове, музей в г. Чапаеве, краеведческие музеи Куйбышевской, Саратовской и Уральской, областей, музей В. И. Чапаева в Чебоксарах и другие проводят большую работу по воспитанию подрастающего поколения на примере жизни и деятельности коммуниста, солдата и полководца В. И. Чапаева.

Свято берегут память о славном земляке трудящиеся Чувашии. Мемориальная доска на одном из домов Чебоксар напоминает о том, что здесь когда-то была бедная деревенька Будайка и на этом месте стоял дом Чапаевых, где родился и жил в детстве Василий Иванович. Именем Чапаева в Чебоксарах назван один из красивых скверов, где находятся памятник В. И. Чапаеву и его музей, — все это составляет единый мемориальный комплекс.

Памятник Василию Ивановичу Чапаеву в городе Чебоксары.

Памятник Василию Ивановичу Чапаеву в Куйбышеве на берегу Волги.

В Чувашской республике еще немало таких свидетельств народной любви к Чапаеву. Его именем названы четыре колхоза — в Аликовском, Вурпарском, Моргаушском и Шумерлинском районах, в Чебоксарах имеется производственное объединение имени В. И. Чапаева. Имя народного героя носит библиотека Чапаевского поселка, улица в Чебоксарах. Во многих школах имеются уголки и музеи В. И. Чапаева.

Подвиги Василия Ивановича воспеты в литературе, на сценах театров, в музыкальных произведениях, в изобразительном и монументальном искусстве. Советский народ регулярно в торжественной обстановке отмечает юбилейные даты его жизни.

Боевые традиции В. И. Чапаева и его славных бойцов стали достоянием всей нашей доблестной Советской Армии. Они стали предметом изучения в высших военных учебных заведениях страны, обобщены в трудах военных теоретиков. Например, один из крупных военспецов Красной Армии — бывший помощник командующего и член Реввоенсовета армий Южной группы Восточного фронта Ф. Ф. Новицкий (старый генерал), близко знавший В. И. Чапаева, охарактеризовал его в работе, посвященной герою, как «командира, глубоко понимавшего военное дело, природу боя, умевшего сообразоваться с обстановкой и способного к ведению не только методического, обдуманного и всесторонне подготовленного боя, но и операции». К такому выводу Ф. Ф. Новицкий пришел на основе личных наблюдений за действиями руководимых В. И. Чапаевым частей в

1919 году и знакомства с его боевой работой, проведенной в 1918 году.

Анализируя бои и боевые операции, проведенные В. И. Чапаевым против уральских казаков, белочехов и армии Комуча, а затем армии Колчака (в частности, под Бугурусланом и Уфой), Ф. Ф. Новицкий везде отмечал его «недюжинные военные способности», что проявилось в удачном отходе наших частей из-под Уральска летом 1918 года, полном разгроме противника под Орловкой и Левенкой осенью того же года, стремительном натиске и быстроте маневра в Бугурусланской операции, основательной методической подготовке к операции по освобождению Уфы.

«Чапаев обладал удивительной способностью чрезвычайно быстро приспособляться к характеру и особенностям действий противника. Внимательно изучая сноровку и приемы борьбы врага, Чапаев в каждом частном случае тщательно учитывал наличную обстановку и, применяя соответственные контрмеры, всегда добивался успеха, — подчеркивал Ф. Ф. Новицкий. — Так, например, воюя против регулярных колчаковских войск, главную массу которых составляла пехота, Чапаев резонно считал, что такого противника нужно побеждать маневром, захватом территории. Совсем других методов борьбы, по утверждению Чапаева, нужно было придерживаться в действиях против столь гибкого и подвижного врага, каковыми являлись уральские казаки; здесь необходимо было применять сокрушительные удары, направляемые непосредственно по живой силе противника…»

Вся практическая деятельность Чапаева-командира начисто отметает то ошибочное мнение, будто В. И. Чапаев не любил науки и пренебрежительно относился к военному искусству. Мнение глубоко неверное. Также глубоко неверно и то, что он действовал исключительно по наитию. Чапаев, как редко кто, отличался необычной усидчивостью и упорством в деле познания всего того, что от него потребуется и за что он должен будет понести ответ как перед начальством, так и перед своими подчиненными. «Надо было удивляться его терпению, казалось, совершенно не гармонировавшему с его живым характером, когда он просиживал целые ночи за изучением обстановки, определяя и обдумывая все возможные варианты действий как своих, так и противника. Результаты этой своей кропотливой работы Чапаев не хранил у себя, а старался приобщить к ним всех своих подчиненных и всегда ставил себе целью добиваться ясного понимания ими того, что предстояло делать. В этом отношении, а также в отношении налаженности связи и тесного

взаимодействия между всеми частями Чапаев достигал изумительных результатов. Этим и только этим объяснялась необычайная, с полуслова, понятливость его подчиненных и их неподражаемая инициативность».

В. И. Чапаев имел изумительную способность и умение управлять массами и влиять на них. Никто не мог объяснить эту особенность его характера, его обаяние и широкую популярность. По словам Ф. Ф. Новицкого, «слава Чапаева буквально разливалась среди всего населения театра военных действий» (на то же самое указывал и Д. А. Фурманов).

Интересны и такие наблюдения Ф. Ф. Новицкого: «Требуя от своих подчиненных крайнего напряжения, в особенности в периоды боевой страды, Чапаев, где нужно, не жалел и себя. В результате все подчиненные гордились тем, что служат с Чапаевым, никто не хотел уходить из-под его начальства и даже тяжело больные и раненые расставались со своими частями с большой неохотой; боясь в будущем не попасть под команду Чапаева, они, хромые, исковерканные, плелись за своими частями.

Будучи несомненно лично беззаветно храбрым и рискуя своей жизнью на каждом шагу, где это вызывалось обстановкой, и требуя того же от других, Чапаев никогда не любил зря подставлять и свою, и чужую головы под шальные пули. Эта черта его была хорошо известна его подчиненным, которые слепо верили, что Чапаев их не подведет и даром ничьей крови не прольет»[706].

Таким был Чапаев, командир и человек, в оценке крупного военного специалиста-современника.

Названная именем В. И. Чапаева славная 25-я дивизия прошла большой боевой путь и вписала немало светлых страниц в историю Вооруженных Сил Советской страны.

После гибели любимого командира 25-я Чапаевская дивизия больше года находилась в боях и походах. В конце мая 1920 года ее передовые части прибыли к Днепру, севернее Киева, в район деревни Печки. Когда дивизия вступила в бой с белополяками, ее тылы еще находились в районе Саратова, а два батальона 217-го и 219-го полков продолжали охранять нефтяные промыслы на Каспии.

Дивизия была включена в состав ударной группы XII армии. Чапаевцы получили задачу форсировать Днепр, выйти в тыл 3-й белопольской армии, захватившей украинскую столицу, перерезать железную дорогу Киев — Коростень в районе станции Бородянка. На кораблях Днепровской флотилии и на подручных средствах под огнем противника полки форсировали Днепр и

вышли в тыл врагу. С прорывом обороны противника на южном крыле фронта и выходом 1-й конной армии в район Житомира 3-я польская армия начала отход от Киева вдоль железной дороги на Коростень. Путь ей преградили 73-я и 75-я бригады 25-й дивизии, им пришлось вести тяжелые бои с целой армией. Бородянка несколько раз переходила из рук в руки, пока белополякам наконец не удалось прорваться на запад. Было еще немало трудных боев. Войска Красной Армии наступали, стремясь не давать противнику закрепиться. 20 июля части 25-й дивизии разбили до пяти полков противника, взяли много пленных и овладели городом Овруч. Затем чапаевцы громили противника на реке Уборть, брали город Олевск. Прошли тяжелый боевой путь через Сарны и Ковель.

По окончании войны 25-я Чапаевская дивизия расположилась в Полтаве[707]. После трехлетних непрерывных сражений приступила к мирной учебе и вскоре по всем показателям выдвинулась в число лучших и ведущих соединений Красной Армии. В ознаменование 10-летия рождения Вооруженных Сил страны за наилучшие показатели в учебе и вклад в защиту Социалистической Родины 29 февраля 1928 года Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР наградил 25-ю стрелковую дивизию Почетным революционным красным знаменем и орденом Красного Знамени[708].

Спустя еще пять лет, 21 февраля 1933 года, Президиум ЦИК СССР за отличную боевую и политическую учебу наградил дивизию орденом Ленина, и она стала именоваться 25-я Краснознаменная ордена Ленина дивизия имени В. И. Чапаева[709].

Многие воспитанники Чапаевской дивизии навсегда связали свою судьбу с армией, продолжали службу в Вооруженных Силах страны, стали видными генералами и офицерами Советской Армии. Их ратные подвиги отмечены Золотыми Звездами Героев Советского Союза, орденами и медалями. Другие всю энергию и революционную страсть отдавали творческому созидательному труду на поприще хозяйственного и культурного строительства.

Дивизия совершала героические подвиги на полях сражений и в годы Великой Отечественной войны. В книге «Чапаев и чапаевцы», написанной соратником легендарного начдива, генералом С. Ф. Данильченко, с большой теплотой описываются боевые подвиги ее воинов:

«С июня по сентябрь 1941 года, два с половиной месяца, стеной стояли чапаевские полки у города-героя Одессы, отражая бешеный натиск противника. На смену павшим чапаевцам — бойцам, командирам и политработникам — становились новые,

продолжая дела своих старших братьев и отцов. А затем — Севастополь, куда была переброшена Чапаевская дивизия.

Севастополь! Как много героического связано с ним для воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота и всего нашего народа. 250 дней мужественно отстаивали советские воины, и среди них чапаевцы, дальние и ближние подступы к Севастополю, проявив мужество и геройство, высокое сознание своего долга перед Родиной.

Доблесть чапаевцев, защитников Севастополя, будет вечно жить в памяти нашего народа. Мекензиевы горы, Инкерманские высоты, ущелья Мартыновского оврага, Хомутовская и Юхаринская балки и, наконец, галереи и пещеры черноморских бухт и заливов — рубежи обороны чапаевцами севастопольской земли. Здесь каждый камень, каждый метр изрытой и исковерканной снарядами, минами, авиабомбами земли молчаливо хранят память о бессмертии героев, их подвигах. Здесь стояли насмерть воины-чапаевцы, умирали во имя свободы Великой Отчизны и, сраженные в бою, все равно оставались победителями»[710].

На украинской земле, в Краснознаменном Киевском военном округе сейчас совершенствуют свое боевое мастерство и умножают боевые традиции чапаевцев воины славной гвардейской мотострелковой Синельниково-Будапештской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии имени В. И. Чапаева.

На протяжении всей истории Страны Советов Чапаев был всегда вместе с народом. Его подвиги в борьбе за Родину, за дело партии и трудящихся были и остаются живой, вдохновляющей притягательной силой. Глубоко прав И. С. Кутяков, выразив такое мнение о любимом командире: «Для рабочего класса, колхозников и всех тружеников нашей страны, строящей под руководством партии Ленина социализм, Василий Иванович Чапаев является народным героем СССР. Наша страна знает и ценит своих героев. Нет другой такой страны в мире, кроме СССР, где бы батраку, рабочему-плотнику ставили… памятники… На жизни и борьбе Чапаева будем воспитывать новых Чапаевых из нашей революционной молодежи»[711].

Сражаться с врагами по-чапаевски и побеждать их стало девизом борцов за светлую жизнь, за свободу и независимость своей Родины. В годы борьбы с фашизмом Чапаев вдохновлял их на подвиги и бессмертие. Осенью 1936 года, когда войска генерала Франко и интервентов подошли к Мадриду, приехавшие в Испанию 625 антифашистов — люди 21 национальности — образовали Интернациональный батальон имени Чапаева. Немцы

и поляки, югославы и французы, испанцы и австрийцы, украинцы и чехи, венгры и шведы, патриоты многих других народов у Теруэля, под Малагой, в Сьерра-Неваде, у Пособланко и под Брунете восемь месяцев без смены и отдыха находились на передовых позициях. За эти восемь месяцев фронтовой жизни батальон перенес невероятные трудности. Но ни большие потери, ни постоянные переброски с одного участка фронта на другой, ни недостатки снабжения, ни палящий зной юга и стужа снежных гор Сьерра-Невады не ослабили боевого духа Интернационального батальона. Один из бойцов-интернационалистов Ульрих Фукс (Вальтер Ульрих), убитый впоследствии под Теруэлем, написал текст «Чапаевской песни»:

Франко и Гитлер, плох ваш расчет,
Мы защищаем испанский народ.
Каждый из нас — Чапаева сын.
В штурм, на победу, вперед как один!
Все планы Франко
Мы в прах разрушим,
Наш вождь — Чапаев-партизан.
Несем свободу
На дулах ружей.
Но пасаран, но пасаран![712]

В тяжелый период Великой Отечественной войны был выпущен фильм, называвшийся «Чапаев с нами», в котором показывалось, что Василий Иванович не погиб, а ведет полки против немецко-фашистских захватчиков. Десятки партизанских отрядов и бригад как в нашей стране, так и в странах порабощенной Европы носили имя легендарного начдива. На Житомирщине, например, было три таких отряда[713].

В с. Миллерово Ростовской области в 1942–1943 годах действовала подпольная организация имени Чапаева[714].

Через всю жизнь пронесли светлое имя Василия Ивановича интернационалисты, сражавшиеся в рядах 25-й стрелковой дивизии в годы гражданской войны. В 1945 году, когда Советская Армия штурмовала Будапешт, на помощь нашим воинам пришли бывшие венгерские интернационалисты и сражались вместе с ними плечом к плечу[715].

Гордо несут имя чапаевца и труженики мирных будней. 3 июля 1972 года восемнадцатилетний механизатор колхоза имени Чапаева Михайловского района Рязанской области Анатолий Мерзлов вступил в единоборство с огнем, охватившим хлебное поле, и пожертвовал своей жизнью, спасая народное добро. По

решению бюро ЦК ВЛКСМ имя его занесено в Книгу Почета Ленинского комсомола[716].

Трудно перечислить все факты ратных и трудовых подвигов, связанные с именем Чапаева. Он живет в народе непобедимым героем, неповторимой яркой личностью, верным сыном Родины.

Во время подготовки к 100-летию со дня рождения легендарного начдива в местах, связанных с его именем, появились или начинали строиться новые памятники. В частности, они обновлены в городах Чапаев и Чебоксары. В Балакове строится новый мемориальный комплекс. Разыскан дом Чапаевых на их родине, перевезен в Чебоксары и восстановлен в прежнем виде. Он поставлен рядом с музеем В. И. Чапаева и дополнил этот мемориальный комплекс. В советской печати продолжается активная пропаганда славных деяний Чапаева и его боевых традиций[717]. В канун юбилея легендарного героя гражданской войны появились новые материалы о родословной Чапаевых[718], о их жизни на балаковской земле[719], о начале военной службы Василия Ивановича[720] и другие.

Время бежит вперед неумолимо. Все дальше в прошлое уходят события периода гражданской войны. Но героика тех пламенных лет бессмертна и вечна. И сегодня на примере В. И. Чапаева воспитываются советская молодежь, воины Советской Армии, готовые с чапаевской доблестью в любую минуту защитить дело Ленина, дело коммунизма.

notes

Литература и источники

1

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 193.

2

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 200.

3

А. В. Луначарский. О «Чапаеве». — Октябрь, 1925, № 1 (5), с. 152.

4

См.: *Дм. Фурманов*. Собрание сочинений, т. 4. М., 1961, с. 166–221.

5

Цит. по жури. «Красный архив», 1939, № 6 (97), с. 149–150. Впоследствии эти материалы Д. А. Фурманова были литературно обработаны им и послужили основой для написания романа «Чапаев».

6

И. С. Кутяков. С Чапаевым по уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией. М.-Л., 1928; *он же*. Разгром уральской белой казачьей армии. М., 1931; *он же*. Василий Иванович Чапаев. Л., 1935; он же. Боевой путь Чапаева. Москва-Куйбышев, 1936; 2-е изд. Куйбышев, 1936 (последние две книги выдержали несколько изданий); *он же*. Чапаевская дивизия в Казахстане. — В кн.: «Казахстан в огне гражданской войны. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане». Алма-Ата, 1960, с. 15–20, и др.

7

См.: Василий Иванович Чапаев. Жизнь и боевой путь. М., 1938; *В. Боргенс*. Чапаев. Биографический очерк. М., 1939; *Л. М. Спирин*. Народный герой В. И. Чапаев. Чебоксары, 1957; *А. Б. Кадишев*. В. И. Чапаев — легендарный герой гражданской войны. М., 1948; *А. С. Елагин*. В. И. Чапаев в степях Западного Казахстана. Алма-Ата, 1958; *Е. Н. Артемов*. В. И. Чапаев на земле Саратовской. Саратов, 1974.

8

Из боевой биографии Чапаева. Документы. — «Борьба классов», 1934, № 12, с. 51–55; Боевые документы Чапаева. — «Военноисторический журнал», 1939, № 3, с. 133–146; Боевой путь В. И. Чапаева. Документы. — «Красный архив», 1939, т. 6 (97), с. 141–176; 1940, т. 1 (98), с. 68—124; Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов, т. 2. М., 1961, с. 206–207; Пламенное слово. Листовки гражданской войны. М., 1967, с. 113–114; Боевые подвиги частей Красной Армии (1918–1922 гг.). Сборник документов, М., 1957, с. 9—11, 41–43, 176, 194, 196–198; 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. (Февраль 1917 г. — декабрь 1918 г.). Саратов, 1957, с. 316, 322, 481; Самарская губерния в годы гражданской войны (1918–1920). Документы и материалы. Куйбышев, 1958, с. 277–278, 313–314, 326–327, 332–333, 335–336 и др.; Саратовская партийная организация в годы гражданской войны. Документы и материалы. 1918–1920 гг. Саратов, 1958, с. 21, 32, 39–40; Говорят чапаевцы. Документы. Воспоминания. Материалы. Уфа, 1982, с. 26–30, 294–301; *Э. Шолок*. Черты героя. — «Москва», 1959, № 11, с. 217; «В. И. Чапаев. Умереть со мной вместе за Советскую власть или очистить страну от бандитов». Публикация телеграмм в Реввоенсовет Республики от 9 октября 1918 г. — «Советские архивы», 1966, № 2, с. 57.

9

Чапаев, Хренов. К годовщине Пугачевского советского полка — Газ. «Революционная армия», 27 марта 1919 г.; Письмо т. Чапаева. — «Известия Балаковского уисполкома», 24 августа 1919 г.

10

И. Т. Стрельцов. Памяти Василия Ивановича Чепаева. — «Красная быль» (Самара), 1923, № 2, с. 154–155; Н. Тамбовцев. Чехословаки в Пугачевске. — «Красная быль», 1923, № 3, с. 99—100.

11

Чапаев и чапаевцы. Сборник воспоминаний к десятилетию гибели В. И. Чапаева. Самара-Москва, 1930; *И. Т. Стрельцов*. Красный путь 22-й дивизии. Самара, 1930; Арс. Михайлов. Чепаев и чепаевцы. По подлинным документам и личным воспоминаниям. Москва — Самара, 1932; Колчаковщина. Сборник документов и боевых воспоминаний. Москва-Самара, 1932; *Арс. Михайлов*. Чапаев в Пугачевске. М., 1936; См. также опубликованные в центральных и поволжских газетах воспоминания: А. Фурмановой— в «Известиях» (5 сентября 1929 г.), Д. Рязанцева — в «Смычке» (г. Вольск, 22 февраля 1930 г.), И. Стрельцова — в «Средневолжской деревне» (Самара, 2 июля 1929 г.); и др.

12

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг., т. 3. М., 1924 с, 131–135; «Большая Советская Энциклопедия», 1-е изд. (1934 г.), т. 61, с. 185; *А. Панкратова*. Чапаев. — «Борьба классов», 1934, № 12, с. 32–40; Чапаев. Фотоальбом к 15-летию ликвидации Уральского фронта. М., 1935; Герои гражданской войны в СССР. М., 1938, с. 5—30; *Е. Болтин*. В. И. Чапаев. — «Военно-исторический журнал», 1939, № 1, с. 95—104; *он же*. Военное искусство Чапаева. — «Красная Звезда», 5 сентября 1939 г.; *он же*. Народный герой. — «Красная Чувашия», 5 сентября 1939 г.; *С. Орестов*. В. И. Чапаев как военный организатор, — «Военный вестник», 1939, № 11, с. 26–33; *Н. Бушманов, Н. Русецкий*. Выдающийся полководец. — «Правда», 5 сентября 1939 г.; *А. Мельчин*. Василий Иванович Чапаев. — «Политучеба красноармейца», 1939, № 18–19, с. 32–35; *И. Нефтеров*. Народный герой В. И. Чапаев. — «Пропагандист и агитатор РККА», 1939, № 13, с. 14–18; *Л. Юлин*. Легендарный герой-самородок, — «Партполитработа в РККА», 1939, № 17–18, с. 123–128; и др.

13

См.; «Красная Чувашия», 24 июля 1935 г.; «Курортная газета» (Сочи), 11 мая 1941 г.; и др.

14

И. Д. Кузнецов. О временах детства В. И. Чапаева. — «Красная Чувашия», 17 декабря 1934 г. См. также: *он же*. Наш земляк В. И. Чапаев. — «Очерки по истории и историографии Чувашии». Чебоксары, 1960, с. 243–248; *Н. И. Иванов*. В. И. Чапаев и Чувашия. — «Ученые записки ЧНИИ», вып. 36. Чебоксары, 1967, с. 151–164; *В. А. Нестеров*. Новые материалы о семье Чапаевых, — «История, археология и этнография Чувашской АССР. Труды ЧНИИ», вып. 56. Чебоксары, 1975, с. 217–231; *он же*. Будайка — родина Чапаева. — Альманах «Дружба» (Чебоксары), 1975, № 21, с. 130–167; *он же*. Чапаевы в Будайке. — «Советская Чувашия», 3 июля 1975 г. См.; также *Е. Н. Артемов*. Жизненный путь и формирование политических взглядов В. И. Чапаева в дооктябрьский период. — «Ученые записки ЧНИИ», вып. 31. Чебоксары, 1966, с. 222–228; *он же*. О родине, семье и годах детства В. И. Чапаева. — «История и культура Чувашской АССР». Сб. ст., вып. 2. Чебоксары, 1972, с. 409–412; *Н. А. Стуриков*. Здесь прошло его детство. — «Советская Чувашия», 5 сентября 1954 г.; *он же*. Чапаев родился в Будайке. — «Советская Чувашия», 27 января 1957 г.

15

Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967, с. 180, 190, 224, 225, 229, 230.

16

Ф. Г. Попов. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972, с. 16, 27, 30, 40, 41, 59, 61, 63, 64, 74, 195, 201, 205. См. также: *Ф. Г. Попов*. 1919 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1974, с. 36, 57, 91, 106, 144, 224.

17

Е. Н. Артемов. Указ. соч.; *он же*. В. И. Чапаев накануне Октября. — «Ученые записки Рязанского педагогического института», т. 46. Рязань, 1967, с. 94—ПО; *он же*. Участие В. И. Чапаева в борьбе за хлеб в Самарской губернии. — В кн.: «Труды кафедры истории КПСС Рязанского радиотехнического института», вып. 32. Рязань, 1971, с. 68–75; *он же*. В. И. Чапаев в период Октябрьских событий и установления Советской власти. — В кн.: «Вопросы истории и историографии чувашского народа», вып. 2. Чебоксары, 1973, с. 16–22; *он же*. Чапаев. Научно-популярный фотоиллюстрированный альбом. Чебоксары, 1974; и др.

18

См.: История гражданской войны в СССР, т. 3 и 4. М., 1958; Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1962; Гражданская война в Поволжье. 1918–1920. Казань, 1974; *Г. В. Кузьмин*. Гражданская война И военная интервенция в СССР. М., 1958; и др.; *Д. В. Ознобишин*. Организация разгрома наступления Колчака весной 1919 г. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Защищена в Москве в 1948 г.; *Е. Н. Артемов*. В. И. Чапаев — воспитанник ленинской партии, солдат революции, герой гражданской войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Защищена в Куйбышеве в 1974 г.; *Т. И. Богомолов*. Военно-политическая деятельность М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте (1919–1920 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Защищена в Москве в 1953 г.

19

Н. М. Хлебников, П. С. Евлампиев, Я. А. Володихин. Легендарная Чапаевская. М., 1968; 2-е изд. М., 1970; 3-е изд. М., 1975.

20

С. Мищенко. Чапаев в академии. — «Красная Чувашия», 14 февраля 1939 г.

21

А. Ф. Федоров. Октябрьские зори. Военные мемуары. М., 1962, с. 170–181.

22

И. В. Тюленев. Через три войны. Военные мемуары. М. 1960, с. 72–74.

23

См. также: *Е. Н. Артемов*. В. И. Чапаев в Академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. — В кн.: «История и культура Чувашской АССР», вып. 1. Чебоксары, 1971, с. 367–380; *А. Изоркин*. Первые слушатели прославленной академии (на чувашском языке). — «Родная Волга», 1979, № 2, с. 37; *он же*. В Академии Генерального штаба (на чувашском языке). — «Знамя коммунизма» (Чебоксары), 9 февраля 1977 г.

24

См.: «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов». М., 1941; *М. В. Фрунзе*. Избранные произведения, т. 1. М., 1957; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Сборник документов в 4-х томах. М., 1971–1978.

Воспоминания о Фрунзе. Иваново, 1959; М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965; и др.

Е. А. Болтин. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949: он же. Контрудар Фрунзе и разгром Колчака. М., 1946.

Д. В.Ознобишин. Организация разгрома Колчака весной 1919 г. М., 1938.

Ф. Е. Огородников. Удар по Колчаку. М., 1938.

29

С. Н. Шишкин. Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте против Колчака. — В кн.: «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.» М., 1960.

А. Г. Липкина. 1919 год в Сибири (Борьба с колчаковщиной). М., 1962.

Н. Чесноков. Уральску —350 лет. Алма-Ата, 1963.

Я. Вуберман. Разгром белоказаков Чапаевской дивизией — «Военно-исторический журнал», 1939, № 2, с. 12–30.

А. Кладт, В. Кондратьев. Братья по оружию. М., 1960.

34

Л. Петровский. Ленин и чапаевцы. — «Красная звезда», 22 апреля 1964 г.; *он же*. С Лениным в сердце — «Красная звезда», 30 сентября 1964 г.

35

К. В. Чапаева. Наша семья. — «Комсомольская правда», 9 февраля 1957 г.; *она же*. В семье Василия Ивановича Чапаева. — «Семья и школа», 1962, № 2, с. 36–38; *она же*. Солдат революции. — «Советская Чувашия», 4, 5, 7, 12 февраля 1967 г.; и др.

С. Ф. Данильченко. Каким я знал Чапаева. — «Военный вестник», 1967, № 2, с. 14–19; *он же*. Чапаев и чапаевцы. Чебоксары, 1972; и др.

П. С. Евлампиев. Вместе с Чапаевым. — В кн.: «Незабываемое». М., 1961.

В. В. Козлов. Наш Чапай. Челябинск, 1961; он же. Рядом с Чапаевым. Челябинск, 1968; Чебоксары, 1971 (на чувашском языке) и др.

39

А. Семенов. Чапай решил отдохнуть. — «Советский воин», 1962, № 3, с. 43; *Д. Сергеев*. Адъютант начальника гарнизона. — «Волга», 1945, № 2, с. 91–98; *М. К. Сериков*. Боевые годы. Алма-Ата, 1960; *он же*. От Уральских степей до Черного моря. Алма-Ата, 1969; и др.

См.; Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, 1960; Боевое прошлое. Куйбышев, 1958; Поворот мирового значения. М., 1964; За власть Советов. Саратов, 1957; Были пламенных лет. Куйбышев, 1963; Фурманов в воспоминаниях современников. М., 1958; Говорят чапаевцы. Уфа,1971; 2-е изд. Уфа, 1978; 3-е изд. Уфа, 1982; Легендарный начдив. Куйбышев, 1974; и др.

41

М. Жохов. Орден Чапаева. — «Советская Чувашия», 10 июня 1979 г.

42

См.: *А. В. Изоркин*. Труды о жизни и боевой деятельности В. И. Чапаева. — «Труды ЧНИИ», вып. 73. Чебоксары, 1977, с. 91–98; см. также: «Красная звезда», 4 июля 1967 г.

М. В. Фрунзе на Восточном фронте. Сборник документов. Куйбышев, 1985.

Легендарный начдив (К 100-летию со дня рождения В. И. Чапаева). Сборник документов. Чебоксары, 1986.

См. там же, с. 228–230, 236, 241–242.

Виктор Бирюлин. Народный полководец. — «Волга», 1985, № 8, с. 60—121.

47

Архив отдела ЗАГС Совета Министров Чувашской АССР, г. Чебоксары. Метрическая книга Вознесенской церкви за 1887 г., ч. 1. Запись о рождении от 30 января 1887 г. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1940 г. дер. Будайка включена в черту города Чебоксар и как самостоятельный населенный пункт перестала существовать.

48

Список селений Казанской губернии, вып. 10. Чебоксарский уезд. Казань, 1913, с. 12.

49

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1209, он. 1, д. 6468, л. 519–522.

В. Д. Димитриев. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959, с. 37.

51

Центральный государственный архив Татарской АССР (ЦГА ТАССР), ф. 414, оп. 18, д. 237, л. 28, 29.

52

История Чувашской АССР, т. I. Чебоксары, 1983, с. 196; ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 1071—«Дело крестьян Чебоксарского уезда, деревни Будайки».

53

См.: *В. Нестеров.* Чапаевы в Будайке. — Советская Чувашия, 3 июля 1975 г.

См.: *Н. Н. Иванов.* В. И. Чапаев и Чувашия. — Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР (УЗ ЧНИИ), вып. 36. Чебоксары, 1967, с. 154.

55

Курортная газета (г. Сочи), 11 мая 1941 г. Несколько похожий вариант рассказа М. И. Чапаева опубликован в газете «Красная Чувашия» 24 июля 1935 г.

56

И. Кузнецов. Откуда пошла фамилия «Чапаев». — Советская Чувашия, 7 октября 1986 г.; архив отдела ЗАГС Совета Министров Чувашской АССР, г. Чебоксары. Метрическая книга Вознесенской церкви за 1884 г. Запись о рождении от 14 августа 1884 г.

В. А. Нестеров. Новые документы о Чапаевых. — Труды ЧНИИ, вып. 56. Чебоксары, 1975, с. 219, 229.

58

Центральный государственный архив Чувашской АССР (ЦГА ЧАССР), ф. 8, оп. 1, д, 5, л. 49; ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 7. В воспоминаниях М. И. Чапаева упоминается два случая водворения его деда Степана Гаврилова в кутузку: в первый раз — за отказ работать на барщине вместе с 18 будайковцами, в другой раз — по обвинению «в богохульстве» (см.: Курортная газета, 11 мая 1941 г.).

59

ЦГА ЧАССР, ф. 206, оп. 7, д. 127, л. 125.

О дружбе крестьян русской Будайки и соседних чувашских деревень говорит и такой факт. При размежевании землевладений двух обществ — Будайковского и соседнего Кнутихинского — в 1876 г. подписаться на межевом документе за неграмотных русских крестьян был приглашен чувашский крестьянин из деревни Мижер Андрей Иванов (см.: ЦГА ЧАССР, ф. 206, оп. 7, д. 127).

61

ЦГА ЧАССР, ф. 150, оп. 1, д. 3, л. 38–41.

62

ЦГА ЧАССР, ф. 27, оп. 2, д. 2808, л. 137–138; ф. 150, оп. 1, д. 86, л. 129.

63

Вплоть до августа 1911 г. семья Ивана Степановича Чапаева не порывала связи с родной деревней, оставалась в посемейных списках Будайковского общества. За ней сохранялся надел, общество уважало ее права и интересы, как своего члена. В списках систематически отмечались все изменения в составе семьи И. С. Чапаева, происшедшие после ее отъезда из Будайки. По Будайковскому обществу были записаны и семьи сыновей Ивана Степановича — Михаила Ивановича и Василия Ивановича Чапаевых с их детьми. Удостоверительным актом от 23 августа 1911 г. И. С. Чапаев вышел из Будайковского общества, а закрепленные за ним участки отдал брату А. С. Чапаеву (ЦГА ЧАССР, ф. 15, оп. 1, д. 2246, л. 173–174; ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 1–2, 15–18; д. 2916, л. 17–19; *В. А. Нестеров.* Новые документы о Чапаевых, с. 221–222, 229).

ЦГА ЧАССР, ф. 27, оп.1, д. 221, л, 61, 62, 69–72, 201, 204, 205.

В. А. Нестеров. Указ. соч., с. 220, 229.

См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 233.

См.: Там же, с. 238.

См.: там же, с. 238–239.

69

Саратовский областной краеведческий музей, ф. 3276, Материалы М. И. Чапаева.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. VI. Под ред. В. П. Семенова. СПб., 1901, с. 462–463.

71

Отчет Балаковского биржевого комитета хлебной биржи на Волге за 1906 и 1907 годы. Балаково, 1908, с. 34.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 433–434.

73

Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 1089, оп. 1, д. 463, л. 34–38.

Балаковский филиал Пугачевского государственного дома-музея В. И. Чапаева, д. 3.

75

А. Михайлов в книге «Чепаев и чепаевцы» приводит такую фразу В. И. Чапаева: «Учился я неполную зиму» (см.: *Арс. Михайлов.* Чепаев и чепаевцы. По подлинным документам и воспоминаниям. Москва-Самара, 1932, с. 8). О совместной с Чапаевым учебе в церковно-приходской школе в Балакове вспоминают Ф. И. Мордовии и М. Н. Воробьев. В частности, М. Н. Воробьев предполагает, что Вася Чапаев вынужден был оставить учебу за неимением одежды и обуви (Балаковский филиал Пугачевского государственного дома-музея В. И. Чапаева. Воспоминания Ф. И. Мордовина и М. Н. Воробьева).

76

Отчет о деятельности Николаевской уездной земской управы Самарской губернии по ведению земского хозяйства и о денежных оборотах земской кассы за 1897 год. Самара, 1898, с. 66; «Отчет… за 1898 год». Самара, 1899, с. 75; «Отчет… за 1899 год». Самара, 1900, с. 82–83.

См.: Курортная газета, 11 мая 1941 г.

Балаковский филиал Пугачевского государственного Дома-музея В. И. Чапаева, д. 3.

79

ГАСО, ф. 1089, оп. 1, д. 607, л. 99; Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО), ф. 468, д. 1011, л. 34, 48–51.

Балаковский филиал Пугачевского государственного Дома-музея В. И. Чапаева, д. 3.

81

Партархив Куйбышевского обкома КПСС (ПАКО), ф. 1/5, оп. 8, д. 19.

82

ГАСО, ф. 1089, оп. 1, д. 490, л. 59–62.

Там же, д. 534, 536, 540.

Саратовский областной краеведческий музей, ф. 3276. Материалы М. И. Чапаева.

85

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, инв. 15/36. Личное дело В. И. Чапаева.

См.: ЦГА ЧАССР, ф. 306, оп. 1, д. 56, л. 42.

87

Архив отдела ЗАГС Балаковского горисполкома Саратовской области, г. Балаково. Метрическая книга Кладбищенской церкви за 1909 г., ч. II. Запись о венчании от 5 июля 1909 г. (л. 371–372).

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 246.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 1.

90

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2935, оп. 1, д. 115, л. 7–8; д. 224, л. 5–6.

91

Там же, д. 110, л. 1.

92

Саратовский областной краеведческий музей, фонд В. И. Чапаева.

93

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 38, л. 27; д. 107, л. 3; д. 116, л. 21.

Там же, д. 200, л. 605; см. также: Центральный музей Вооруженных Сил СССР, инв. 15/36. Личное дело В. И. Чапаева.

95

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков позднее в своих воспоминаниях писал: «Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно» (см. *Г. К. Жуков*. Воспоминания и размышления, т. 1. М., 1974, с. 41).

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 1. Дело с материалами о формировании 326-го пехотного Белгорайского полка.

97

В ряде книг о В. И. Чапаеве неверно указано, что он воевал в I армии генерала Ренненкампфа, участвовал в боях на Немане, под Ивангородом и т. д. (см.: *И. С. Кутяков.* Василий Иванович Чапаев. М., 1958, с. 14; *он же.* Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969, с. 12; *А. С. Елагин.* В. И. Чапаев в степях Западного Казахстана. Алма-Ата, 1958, с. 7; *В. Боргенс.* Чапаев. М., 1939, с. 8; *А. Б. Кадишев.* Чапаев — легендарный герой гражданской войны. М., 1948, с. 5; *Н. Осипов.* Василий Чапаев. — В кн.: «Герои гражданской войны». М., 1963, с. 254; *М. Колесников.* Все ураганы в лицо. Роман. Чебоксары, 1973, с. 247; *Л. М. Спирин*. Народный герой В. И. Чапаев. Чебоксары, 1957, с. 12; и др.).

Здесь и далее в некоторых местах указываются старые названия населенных пунктов.

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 7, 68, 69. Журналы боевых действий 326-го пехотного Белгорайского полка.

Там же, д. 108, л. 88–92.

101

История первой мировой войны, т. 2. М., 1975, с. 27.

102

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 69, л. 9-11.

103

Там же, д. 3, л. 45–50. Описание боевых действий 1-го батальона 326-го пехотного Белгорайского полка 5–6 мая 1915 г. у д. Княж Двор на правом берегу р. Прут.

104

Там же, д. 200, л. 128, 133. Приказ № 44 по 326-му пехотному Белгорайскому полку от 8 февраля 1916 г.

105

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 69, л. 13–18.

106

Легендарный начдив. Сборник документов. Чебоксары, 1986, с. 11, № 3.

107

Там же, с. 12, № 6.

108

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 69, л. 22–23.

109

Там же, л. 23.

110

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 13, №. 8.

111

ЦГВИА, ф. 2412, оп. 2, д. 33, л. 59–63, 65; ф. 2935, оп. 1, д. 69, л. 23, 25–27.

112

Там же, ф. 2935, оп. 1, д. 69, л. 28–30.

113

Легендарный начдив, с. 11, № 4, с. 12, № 7.

Там же, с. 11, № 5.

115

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 215, л. 92.

Там же, д. 278, л. 562–567, 573.

117

Там же, д. 108, л. 340; д. 278, л. 631 и др.

118

18 марта 1916 г. приказом по полку объявлено, что старший унтер-офицер 1-й роты Василий Чапаев уволен в отпуск на 21 день, ему вручены документы на проезд от Каменец-Подольского до Вольска и обратно (см.: ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 152, л. 278; д. 200, л. 296, 302). Такая возможность Чапаеву предоставлена была только с получением в конце 1915 г. командирами отдельных частей права уволить по своему усмотрению наиболее достойных нижних чинов в отпуск сроком не свыше одного месяца и не более 4 чел. одновременно от каждой роты (ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 108, л. 412).

119

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 200, л. 400, 487, 489. Многие из участников братания, по отзыву их командиров, принадлежали к числу отличнейших по своим боевым и нравственным качествам, среди них было несколько георгиевских кавалеров.

Л. В. Ветошников. Брусиловский прорыв. М., 1940, с. 65.

121

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 200, л. 450, 453.

Л. В. Ветошников. Указ. соч., с. 81.

123

Там же, с. 100–103.

124

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 200, л. 605. В некоторых работах, посвященных жизни и боевой деятельности В. И. Чапаева, без какой-либо ссылки на источники, указывается, что он дослужился до звания подпрапорщика (см.: *И. С. Кутяков.* Боевой путь Чапаева, с. 13; *Е. Н. Артемов.* Чапаев на земле Саратовской. Саратов, 1974, с. 23; *А. Михайлов.* Чепаев и чепаевцы. Москва-Саратов, 1932, с. 7; Чапаев. Фотоальбом, с. 4; *Н. Вигилянский.* Повесть о Фрунзе. М., 1975, с. 144; и др.). Факт не соответствует действительности. В анкете, заполненной при поступлении в Академию Генерального штаба, В. И. Чапаев собственноручно написал, что он в старой армии имел чин фельдфебеля (см.: Центральный музей Вооруженных Сил СССР, инв. 15/36. Личное дело В. И. Чапаева).

Л. В. Ветошников, Указ. соч., с. 113.

126

ЦГВИА, ф. 2935, оп, 1, д. 69, л. 47–48.

127

Там же, л. 85; д. 156, л. 8—16; д. 200, л. 684.

Там же, д. 230, л. 141–154, 166–169, 193–201.

129

Там же, л. 141.

Л. В. Ветошников. Указ. соч., с. 130.

131

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, инв. 15/36. Личное дело В. И. Чапаева.

132

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 201, л. 228, 319; д. 224, л. 1365. Список больных нижних чипов 326-го пехотного Белгорайского полка, отправленных на излечение в госпиталь; д. 218, л. 35. Список нижних чинов 1-й роты, прибывших в полк по излечении от болезней.

133

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 14, № 12.

134

ЦГВИА, ф. 2935, оп. 1, д. 147, л. 1.

135

Там же, д. 293, л. 14–17. Заключение военно-прокурорского надзора общего корпусного суда при штабе VIII армии по делу о нижних чинах 1-й и 3-й рот 326-го пехотного Белгорайского полка в числе 248 человек.

Там же, д. 281, л. 48–49, 56–58; д. 293, л. 14, 41–44, 52.

137

Там же, д. 246, л. 16, 102.

138

ЦГВИА, ф. оп. 48, д. 165, л. 195, 198.

См.: Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967, с. 48–49, 76.

140

См.: ЦГВИА, ф. 1720, оп. 15, д. 617, л. 279; ф. 13571, оп. 1, д. 6, л. 104, 106, 227, 239, 261, 290, 293 и др. На наличие до 5 тысяч прикомандированных выздоравливающих указывается и в газете «Известия Казанского военно-окружного комитета», 22 июля 1917 г.

141

Здание театра после пожара капитально переоборудовано. Надстроен 3-й этаж. Там, где раньше был балкон, теперь сцена. Сцена же раньше была со стороны входа в здание, между правыми и левыми входными дверями.

Октябрь в Поволжье, с. 58, 65.

143

Там же, с. 88.

Газ. «Социал-демократ» (Саратов), 5 мая 1917 г.

Октябрь в Поволжье, с. 88, 91.

146

См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958, с. 726.

147

Саратовский областной краеведческий музей, ф. 3276. Материалы М. И. Чапаева.

148

«Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1 июля 1917 г.

149

Октябрь в Поволжье, с. 138.

150

«Известия Казанского военно-окружного комитета», 22 июля 1917 г.

151

Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Материалы. Казань, 1932, с. 130.

152

«Известия Казанского военно-окружного комитета», 20 мая 1917 г.

153

ЦГВИА, ф. 1720, оп. 1, д. 37, л. 34.

Там же, д. 58, л. 129.

155

Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967, с. 180.

156

VI съезд РСДРП (б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 307, 367–368.

157

См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 502–508.

158

Пугачевский государственный дом-музей В, И. Чапаева. Личное дело И. Н. Демидкина — бывшего члена комитета 138-го пехотного полка.

159

Борьба за Советскую власть в Самарской губернии, с. 65.

160

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, инв. 15/36. Личное дело В. И. Чапаева.

161

См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. II. Сборник документов. М., 1957, с. 78, 109, 440–441.

162

В русской армии было несколько Заамурских пехотных и кавалерийских полков.

163

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, инв. 15/36. Личное дело В. И. Чапаева.

Октябрь в Поволжье, с. 292.

165

Там же, с. 219–220.

166

Борьба за Советскую власть в Самарской губернии, с. 101.

167

Октябрь в Поволжье, с. 246.

168

Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева. Личное дело И. Н. Демидкина.

169

Там же.

170

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. II, с. 78, 94.

171

Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева. Протокол гарнизонного собрания от 13 декабря 1917 г.

172

В выражение «Николаевская уездная трудовая социалистическая коммуна» вкладывалось понятие административно-территориальной единицы.

173

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 11, л. 14–16.

174

1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. Саратов, 1957, с. 247.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 211.

Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 155.

177

Ф. Г. Попов. 1918 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1972, с. 27.

Там же, с. 25–26.

179

Там же, с. 27.

180

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 608, оп. 1, д. 1, л. 8–9; Ф. *Г. Попов.* Указ. соч., с. 28. На основе решений V Самарского губернского и IV уездного съезда Советов Николаевский совет народных комиссаров издал специальный декрет об упразднении старого государственного аппарата в уезде и переходе функций уездного и волостных земств к Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов (см.; «Известия Николаевского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 8 марта 1918 г.).

181

Ф. Г. Попов. Указ. соч., с. 30, 32.

182

«Что такое село Сулак?»— «Известия Балаковского уездного исполнительного комитета», 9 марта 1919 г.

183

Балаковский филиал Пугачевского государственного дома-музея В. И. Чапаева. Воспоминания Я. П. Карпова, М. Т. Тимофеева, П. К. Рязанцева, В. В. Климова.

184

Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями, т. II. Сборник документов. М., 1957, с. 185. Письмо Николаевскому комитету РСДРП(б) от 25 января 1918 г.

Ф. Г. Попов. Указ. соч., с. 33; Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967, с. 225.

186

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 20, л. 7; см. также: Очерки истории Куйбышевской организации КПСС, с. 224.

187

Там же, с. 225–226.

188

См.: Борьба за Советскую власть в Самарской губернии, с. 131, 132.

189

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 6, л. 64–65.

Там же, д. 11, л. 11–14.

191

Очерки истории Куйбышевской организации КПСС, с. 229–230.

192

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 10, л. 3, 7, 15. Письма Давыдовских коммунистов в Николаевский совнарком.

193

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 7, л. 85.

194

ГАКО (Государственный архив Куйбышевской области), ф. 81, оп. 4, д. 3, л. 3.

195

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 6, л. 232.

196

Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева. Рапорт В. И. Чапаева от 15 февраля 1918 г. Здесь и далее (после 31 января 1918 года) даты указаны по новому стилю.

197

ГАКО, ф. 81, оп. 4, д. 3, л. 9.

198

Там же, л. 9, 12–15.

199

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 25–26, № 24.

200

Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева. Телеграмма Николаевского уездного Совета от 5 марта 1918 г. в Самарский губернский Совет о восстании в Балакове.

201

Александр Александрович Николаев — сын крестьянина Уфимской губернии. Рабочий. Работал в Уфимском, Красноярском и Читинском железнодорожных депо, на Трубочном заводе в Самаре. Член РСДРП с 1905 года. Был первым председателем Стерлитамакского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, первым председателем большевистской организации в г. Иващенково (г. Чапаевск Куйбышевской области), членом Самарского губисполкома, уполномоченным губисполкома по изъятию излишков хлеба в Самарском и Николаевском уездах. Убит вражеским выстрелом поздним вечером 30 марта 1918 года при выходе из народного дома Трубочного завода в Самаре.

202

ГАКО, ф. 81, оп. 4, д. 3, л. 111.

203

Там же, л. 52.

Там же, л. 57.

205

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 6, л. 240.

Там же, л. ПО.

207

ГАКО, ф. 5, оп. 1, д. 25, л. 38.

И. С. Кутяков. Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969, с. 21–23.

Теперь в нем размещен государственный дом-музей В. И. Чапаева.

Следует иметь в виду, что жалованье в те времена иногда не получали по 3–4 месяца.

211

Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева. Экспозиция музея.

212

В 1916 г. уральское казачество, проживавшее в 480 населенных пунктах, разделенных на 30 станиц (отрядов), имело 290 тыс. человек населения (из них 123,6 тыс. иногородних). В его владении находилось свыше 7 млн. десятин земли. Правила пользования землей устанавливались съездом выборных от станиц. Хозяйство казака имело право обрабатывать до 22 десятин (см.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 3-е, т. 27, с. 68).

Н. Чесноков. Уральску—350 лет. Алма-Ата, 1963.

Там же, с. 77.

215

1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов (Февраль 1917 —декабрь 1918 г.). Саратов, 1957, с. 418.

216

И. С. Кутяков. С Чапаевым по уральским степям, с. 136. Приложение № 1 — копия записей переговоров по прямому проводу председателя Саратовского губисполкома В. П. Антонова с представителями войскового съезда и «правительства» Уральского казачьего войска 28 апреля 1918 г.

217

1917 год в Саратовской губернии, с. 588.

Н. С. *Кутяков.* Указ. соч., с. 32.

219

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1175, л. 1.

220

Там же, д. 1176, л. 2.

Пугачевский район (часть бывшего Николаевского уезда) ныне входит в Саратовскую область.

222

Первоначально Николаевский совнарком намеревался организовать «Николаевскую армию», создал управление во главе с В. И. Чапаевым (см.: Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 7, л. 250). Возможностей создать свою армию было недостаточно, и Николаевские отряды вошли в состав Саратовской армии.

223

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 6. л. 255–257.

Чапаев, Хренов. К годовщине Пугачевского советского полка. — «Революционная армия», 27 марта 1919 г.

225

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 83, оп. 1, д. 6, л. 257.

226

В описании походов Саратовской армии на Уральск некоторые факты здесь и далее взяты из публикаций И. С. Кутякова. Однако даты начала походов уточнены на основании архивных документов и соответственно им изменены даты овладения населенными пунктами.

227

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1178, л. 2.

228

Пугачевский государственный дом-музей В. И. Чапаева. Воспоминания С. Н. Потехина.

229

См.: 1917 год в Саратовской губернии, с. 395–407, 588 (примечание 119).

230

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 101, л. 7.

1917 год в Саратовской губернии, с. 393.

232

Пугачевский филиал ГАСО, ф. 220, оп. 1, д. 9, л. 12.

Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, с. 334.

См.: *Ю. П. Петров.* Строительство политорганов, партийных и коммунистических организаций армии и флота. М., 1968, с. 15.

235

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1175, л. 29.

И. С. Кутяков. Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969, с. 29.

237

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1175, л. 47.

Там же, д. 1182, л. 34.

239

Там же, д. 1178, л. 87.

Там же, д. 1179, л. 33.

241

Там же, д. 1178, л. 84.

Подробно о белочешской интервенции в Поволжье в кн.: *А. П. Ненароков.* Восточный фронт. 1918, М., 1969; Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974, с. 36–46; и др.

243

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1179, л. 40, 204, 208.

Там же, д. 1184, л. 23.

245

Там же, д. 1182, л. 35.

Там же, д. 1178, л. 92–93; д. 1179, л. 47.

247

Там же, д. 1182, л. 61.

Там же, д. 1179, л. 90.

249

Там же, д. 1175, л. 61.

250

Там же, д. 1177, л. 228.

251

Там же, д. 1178, л. 91.

252

Там же, д. 1175, л. 77.

253

Там же, д. 1182, л. 70–71.

Там же, д. 1179, л. 148.

255

Там же, д. 1175, л. 84.

Там же, д. 1179, л. 157.

257

Там же, д. 1184, л. 26.

Там же, д. 1179, л. 106.

259

Там же, д. 1182, л. 69.

Здесь и далее изложено по публикации И. С. Кутякова.

261

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1178, л. 106.

Там же, л. 108–109.

263

Декреты Советской власти, т. II, с. 429–430.

264

См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). Документы и материалы. М., 1962, с. 107–109; см. также: Из истории гражданской войны в СССР. 1918–1922. Сборник документов и материалов в 3 томах, т. 1. М., 1960, с. 344–346.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 133.

266

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 64, л. 169.

267

Там же, д. 78, л. 12–14.

Там же, д. 1179, л. 107.

Ф. Г. Попов. 1918 год в Самарской губернии, с. 184.

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 79, л. 12; д. 101, л. 7.

Там же, д. 49, л. 22.

Там же, л. 6.

Там же, л. 18.

Там же, д. 26, л. 103.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 18.

Саратовский областной краеведческий музей. Фотокопия рапорта В. И. Чапаева.

277

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1072, л. 45.

Там же, д. 1178, л. 121.

Возможно, опечатка: тактической.

Там же, д. 1022, л. 8.

281

Там же, оп. 2, д. 16, л. 195–196.

282

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 46, № 51.

283

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 49, л. 13.

Там же, д. 36, л. 18.

285

Саратовская партийная организация в годы гражданской войны. Саратов, 1958, с. 35–36.

286

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 36, л. 29.

Там же, д. 906, л. 24.

Там же, д. 108, л. 2.

289

Там же, д. 26, л. 55, 161–162; д. 35, л. 47; д. 49, л. 34.

Там же, д. 36, л. 36, 38.

291

Там же, д. 1022, л. 15, 16, 29, 35.

Там же, д. 26, л. 156–157; д. 108, л. 19.

293

Там же, д. 35, л. 47.

В описании боев за Николаевск и действий В. И. Чапаева использованы материалы И. С. Кутякова.

295

Н. М. Хлебников, П. С. Евлампиев, Я. А. Володихин. Легендарная Чапаевская, изд. 3-е, с. 57–58.

296

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 50, № 59; см. также: Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. М., 1941, с. 367–368.

297

Легендарный начдив, с. 61–62, № 76.

298

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Альбом «В. И. Чапаев». Фотокопия телеграммы.

И. С. Кутяков. С Чапаевым по уральским степям, с. 105.

300

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 100, л. 11; ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 266.

301

Там же, д. 36, л. 41.

302

ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 45.

303

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 80, л. 44.

Там же, д. 69, л. 254–255.

305

Там же, д. 80, л. 46.

306

Там же, л. 47. О результатах этого боя В. И. Чапаев доложил на экстренном заседании Николаевского уездного исполкома 2 сентября 1918 г. Он говорил, что армия сражается босая и раздетая, без винтовок и без всего необходимого. Подвиги и победы армией совершаются только благодаря тому, что она охвачена революционным духом. Примером может служить последнее сражение под Гусихой, где 2-й советский полк, босой и голодный, с палками в руках вместо винтовок перешел в наступление и прогнал чехословацкую банду, напавшую на него, отобрал у нее оружие и снаряжение, захваченное прежде чехословаками. Такое положение не может продолжаться. Николаевский исполком, направил своих делегатов в штаб IV армии и в Саратов за обмундированием и снаряжением для Николаевских полков. Помощь была оказана Саратовским Советом, а не командованием армией (см.: 1917 год в Саратовской губернии, с. 481).

307

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 55, № 67.

Там же, с. 65, № 81.

309

ЦГАСА, ф. 1312, оп. 1, д. 570, л. 2–3.

310

Там же, ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 28.

311

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Альбом «В. И. Чапаев». Фотокопия протокола общего партийного собрания Николаевской организации РКП(б) от 7 сентября 1918 года.

312

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1072, л. 18–19, 45.

313

Там же, д. 113, л. 64.

314

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Альбом «В. И. Чапаев». Фотокопия донесения В. И. Чапаева командующему IV армией.

315

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1187, л. 159.

316

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 49, л. 49.

317

Там же, л. 113, л. 132.

Там же, л. 110.

319

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 5, л. 13.

320

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 79, л. 4–7.

321

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 88. Троцкий и его окружение прибыли в Николаевск с целью «выжигать огнем партизанщину» и «наводить порядок». На чапаевцев они смотрели не как на героев Орловки и Левенки и преданных бойцов Советской власти, а как на «бандитов» (см.: *И. С. Кутяков.* Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969, с. 49–50; *Л. М. Спирин.* Народный герой В. И, Чапаев. Чебоксары, 1957, с. 31).

322

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 906, л. 70.

323

Оправдывая необоснованное удаление Чапаева и назначение его на несуществующую дивизию, Хвесин и потом в книге И. С. Кутякова «С Чапаевым по уральским степям» (с. 122) в примечании от имени редакции писал: «В действительности командование IV армии придавало слишком серьезное значение Самарской операции, а потому тов. Чапаев, не изживший еще к этому времени партизанщины, был заменен другим начдивом». Далее: «Тов. Чапаев в то время был беспартийным и считал себя анархистом». И наконец: «Тов. Чапаев был назначен начдивом Николаевской, насчитывавшей 3500 штыков и сабель» (в действительности в ней было 1800 человек, еще меньше штыков и полное отсутствие сабель. — *Авт.* См.: ЦГАСА, ф. 184, оп. 1, д. 3, л. 57–59).

324

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 28, л. 1–2; ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 144. Лайош Винерман, бывший военнопленный венгерской армии, добровольно вступил в ряды Красной Армии, член РКП(б).

325

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 452, л. 1–2.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 571, л. 4.

327

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 112, л. 4; ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 125.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 5.

329

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 30, л. 109; д. 29, л. 99—101.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 244.

331

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 46, л. 1.

Там же, ф. 184, оп. 1, д. 3, л. 57, 59.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 571, л. 14.

Там же, оп. 3, д. 24, л. 80–81.

Там же, д. 65-а, л. 2–3.

336

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 77, № 102.

337

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 1, д. 14, л. 14; ф. 184, оп. 3, д. 65-а, л. 57.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 24, л. 42.

339

Там же, д. 65-а, л. 11–12.

Там же, л. 15–16.

341

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 254.

Там же, д. 14, л. 454, 458.

343

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 65-а, л. 19–22.

Там же, л. 23–24.

345

Там же, л. 26–28; д. 505, л. 5–6.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 454.

347

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 41, л. 3.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 350.

349

Там же, д. 6, л. 245.

350

Там же, ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 1.

351

Там же, оп. 3, д. 65-а, л. 32–33.

Там же, оп. 3, д. 28, л. 36; д. 37, л. 3–4.

353

Там же, д. 37, л. 5.

Там же, д. 65-а, л. 49.

Там же, л. 39–46.

Там же, л. 34–36.

357

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 352.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 28, л. 35.

359

Там же, д. 85, л. 5–7.

Там же, л. 8—10.

361

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 351.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 65-а, л. 47.

Там же, д. 85, л. 14–15.

Там же, д. 37, л. 10, 18; д. 85, л. 16.

365

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 16.

Там же, л. 18.

367

Там же.

Там же, л. 20.

369

Там же, л. 21.

Там же, л. 22, 25.

371

Там же, ф. 184, оп. 2, д. 21, л. 7.

Там же, ф. 1299, оп. 3, д. 473, л. 94–97.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 28, л. 39.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 46, л. 5.

Там же, д. 48, л. 73.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 43, л. 18, 19.

И. С. *Кутяков.* Разгром уральской белой казачьей армии, М., 1931, с. 42.

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 352.

И. С. *Кутяков.* Указ. соч., с. 42.

Там же, с. 44.

381

Там же.

382

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 27, л. 17.

383

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 24, 30.

384

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 37, л. 23.

385

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 27.

386

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 97–98, № 136.

387

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 37, л. 34.

Там же, л. 37.

389

Там же, л. 45.

Там же, л. 62–66.

391

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 76.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 37, л. 44.

393

Там же, д. 65-а, л. 57.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 31.

395

Там же, л. 32.

Там же, л. 33.

397

Там же, л. 36.

Там же, л. 34–35.

399

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 27, л. 21.

Там же, л. 22.

401

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 144.

Там же, д. 16, л. 3, 4.

403

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 37, л. 41.

Там же, оп. 1, д. 20, л. 20.

Там же, оп. 3, д. 37, л. 48.

Там же, д. 85, л. 35, 37.

407

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 101, № 143.

408

ЦГАСА, 1299, оп. 2, д. 14, л. 82.

409

Там же, д. 6, л. 160.

410

Там же, л. 295.

411

Там же, д. 14, л. 141; ф. 184, оп. 3, д. 24, л. 116.

Там же, д. 85, л. 34.

413

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 41.

414

См.: Легендарный начдив. Сборник документов, с. 102–103, № 146.

415

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 44.

416

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 24, л. 114.

417

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 46.

418

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 85, л. 38–40.

419

Там же, л. 55.

Там же, д. 37, л. 90, 103.

421

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 48; ф. 184, оп. 3, д. 85, л. 43–45.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 37, л. 93, 94.

423

Там же.

Там же, л. 88–89.

425

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 400.

Там же, ф. 184, оп. 1, д. 20, л. 21.

427

Там же, л. 22–23.

Арс. Михайлов. Чепаев и чепаевцы, с. 44.

429

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 29, л. 165.

Там же, д. 85, л. 47–48; ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 52.

431

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 85, л. 56–57.

Там же, л. 59–62.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 15, л. 57.

Там же, л. 64.

435

Там же, д. 14, л. 149.

Там же, л. 425.

Там же, д. 15, л. 66, 73.

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 85, л. 74–75; ф. 1299, оп. 2, д. 12, л. 1.

439

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 37, л. 138.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 12, л. 2.

441

Там же, л. 6.

442

См.: Легендарный начдив. Сборник документов, с. 106–107, № 155.

443

Там же, с. 108–109, № 158.

444

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 452, л. 34.

445

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 111, № 163.

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 3, д. 37, л. 94.

Там же, ф. 1299, оп. 2, д. 12, л. 28.

448

В политической сводке по IV армии в то время сообщалось: «Николаевская дивизия: За отказ пойти в наступление 29 числа (октября. — *Авт.)* расстреляно 10 человек красноармейцев. Из мобилизованных, выступивших против Советской власти, трое. После этого перед войсками с большой речью выступил тов. Чапаев, и все красноармейцы, как один, бросились в атаку, уложив свыше тысячи человек белогвардейцев-казаков. Эта победа воодушевила красноармейцев, мобилизованных и жителей. Первые постановили выбросить из рядов всех порочащих красноармейцев. Мужское население села Нижней Покровки до пятидесяти лет включительно вступило в наши ряды, заявив, что не сложит оружия, пока не сломят противника окончательно. Собрание прошло очень воодушевленно» (ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 125).

449

ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 14, л. 461, 462 (окончание доклада не найдено. — *Авт.*).

450

В биографических очерках о В. И. Чапаеве почти все авторы ошибочно указывают, что Николаевская дивизия прорвалась к г. Николаевску (Пугачев). См.: *И. С. Кутяков*. Василий Иванович Чапаев. М., 1958, с. 42; *он же.* Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969, с. 55; А. *Б. Кадишев.* В. И. Чапаев — легендарный герой гражданской войны. М., 1948, с. 13; А. С. *Елагин,* В. И. Чапаев в степях Западного Казахстана. Алма-Ата, 1958, с. 11, и др.

451

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 85, л. 83.

452

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 110–111, № 162.

453

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Альбом. «В. И. Чапаев».

Там же.

455

ЦГАСА, ф. 184, оп. 1, д. 22, л. 90.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 99.

457

Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935, с. 75. См. также: А. *М. Иовлев,* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976, с. 10–11.

Цит. по кн.: Академия имени М. В. Фрунзе. М., 1973, с. 11.

459

Там же.

460

ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 148, л. 6.

Академия имени М. В. Фрунзе, с. 12–13.

См.: там же, с. 14–15.

463

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Альбом «В. И. Чапаев». Фотокопия заключения комиссии.

464

ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 148, л. 43.

И. В. Тюленев. Через три войны. Военные мемуары. М., 1960, с. 72.

466

ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 148, л. 46.

40 лет Военной академии имени М. В. Фрунзе. М., 1958, с. 25–26. См. также: Академия имени М. В. Фрунзе, с. 18.

Академия Генштаба РККА в августе 1921 г. переименована в Военную академию РККА, с 1925 г. именуется Военной академией имени М. В. Фрунзе.

Академия имени М. В. Фрунзе, с. 18, 19.

С. *Мищенко*. Чапаев в академии. — «Красная Чувашия», 14 февраля 1939 г.

471

Там же.

См.: Академия имени М. В. Фрунзе, с. 21.

См., например: *Н. Юртаев.* Чапаев в академии. — Газ. «Волжская Коммуна», 15 октября 1959 г.; Легендарный начдив. Куйбышев, 1975; и др.

Академия имени М. В. Фрунзе, с. 23–24.

475

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Альбом «В. И. Чапаев». Фотокопия письма В. И. Чапаева. См. также: *С. Мищенко.* Чапаев в академии; *И. В. Тюленев.* Через три войны, с. 73–74.

А. Ф. Федоров. Октябрьские зори. Военные мемуары. М., 1962, с. 170–181.

477

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Фотоальбом «В. И. Чапаев».

478

Дм. Фурманов. Собрание сочинений в 4-х томах, т. I, М., 1961, с. 208.

479

ЦГАСА, ф. 184, оп. 1, д. 20, л. 57.

Там же, оп. 3, д. 87.

481

Там же, оп. 1, д. 15, л. 102, 103.

Там же, оп. 3, д. 32, л. 11–12.

483

Там же, оп. 1, д. 15, л. 110–117.

Там же, д. 27, л. 148.

Н. М. Хлебников, П. С. Евлампиев, Я. А. Володихин. Легендарная Чапаевская. М., 1975, с. 197.

486

ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 149, л. 189. Приказ по академии Генштаба РККА № 166 за 1919 г.

487

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., 1941, с. 51–52.

Ф. Е. Огородников. Удар по Колчаку. М., 1938. с. 50.

М. В. Фрунзе на Восточном фронте. Куйбышев, 1985, с. 34–36.

Там же, с. 37–38.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 60.

492

Там же, с. 63–64. С целью восстановления личного состава против нового командарма, вражескими элементами был распространен слух, что М. В. Фрунзе — бывший царский генерал. Командиры и комиссары встретили появление его в войсках и действия настороженно и даже враждебно. Собравшись в Уральске, они потребовали от него объяснений за введение «старорежимных порядков». Для дачи объяснений М. В. Фрунзе вызывался командиром бригады Плясунковым. Михаил Васильевич прибыл и, выслушав собравшихся, сказал, что пришел к ним не как командующий, который на таком собрании присутствовать не может и не должен, а как коммунист. От имени партии он подтвердил свои требования к командирам и комиссарам и предупредил их об ответственности за разложение дисциплины в армии. На имевшие место угрозы ответил, что он как профессиональный революционер дважды приговаривался царским правительством к смерти и от своих убеждений не отказался. Не отступит и от проведения требований Советской власти к армии. В случае же повторения подобных явлений к нему, как к командующему, будет **карать** беспощадным образом, вплоть до расстрела. На вопрос Михаила Васильевича: не имеет ли кто еще что сказать — в помещении воцарилась тишина. Сказав: «До свидания, товарищи», — Фрунзе направился к выходу. Присутствующие, как положено в армии, встали. Он был признан командармом (см.: *А. С. Чернов.* У чапаевцев. — «Воспоминания о Фрунзе». Иваново, 1959, с. 237–244). В последующем М. В. Фрунзе ценил комбрига Плясункова и вскоре назначил его начальником гарнизона г. Уральска вместо командира Николаевской дивизии Дементьева, снятого затем с дивизии.

493

Дм. Фурманов. Собрание сочинений в 4-х томах, т. 4. М., 1961, с. 167.

494

ЦГАСА, ф. 184, оп. 1, д. 31, л. 56.

Ф. Е. Огородников. Указ. соч., с. 52.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 62–63.

497

ЦГАСА, ф. 184, оп. 1, д. 1, л. 107, 108, 170.

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, с. 13–14.

499

Там же, с. 172.

500

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 117–118, № 174.

501

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 213, л. 105.

502

Дм. Фурманов. Собр. соч. в 3-х томах, т. 1, с. 73.

503

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 213, л. 79.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 66.

505

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, с. 177–178.

506

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 60, л. 119–123.

507

Там же, оп. 3, д. 213, л. 105.

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, с. 178.

509

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 213, л. 77–78.

Там же, л. 64–66.

511

Там же.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 66–67.

513

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 213, л. 62–63.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 78–79.

Там же, с. 80.

Там же, с. 71–73.

517

Там же, с. 80.

История гражданской войны в СССР, т. 4. М., 1959, с. 50–51.

519

Там же, с. 52.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 77.

521

История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 57.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 317.

523

История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 86.

524

ЦГАСА, ф. 184, он. 3, д. 102, л. 152.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 71–73.

526

Дм. Фурманов. Собрание сочинений, т. 4, с. 179.

Незадолго до этого начдивом Дементьевым самочинно ей присваивался № 30.

528

ЦГАСА, ф. 254, оп. 4, д. 73, л. 44; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 80.

529

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 60, л. 90–92.

Там же, л. 103–106.

531

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 92–93.

532

Дм. Фурманов. Собрание сочинений, т. 4, с. 184.

533

Бывшая Александров-Гайская бригада стала именоваться 3-й бригадой, а 3-я бригада в составе 220-го Иваново-Вознесенского, 221-го Сызранского и 222-го Интернационального стрелковых полков — 2-й бригадой.

534

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 117, л. 188, 191, 192.

535

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, с. 186–187.

Листовки гражданской войны в СССР 1918–1922 гг. М., 1942, с. 20–22.

537

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 43, л. 104.

538

Газ. «Коммуна» (Самара), 23 апреля 1919 г.

539

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 96—100; примечание, с. 96.

540

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 159, л. 72.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 105.

Там же, с. 109.

543

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 110–112. За захват в тылу противника белогвардейских вестовых с важными оперативными приказами Реввоенсовет Южной группы объявил благодарность бойцам и командирам 25-й дивизии. 22 апреля 1919 г. завполитодив 25-й стрелковой сообщил в политотдел Реввоенсовета Южной группы: «Полученная благодарность Реввоенсовета еще более подняла дух бойцов. Командный состав ввиду бодрости солдат готов снова пойти на геройские подвиги» (ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 159, л. 72). Разведчики из кавалерийского эскадрона 218-го полка Ивлий и Исай Шляпниковы, А. Г. Ефимов, Я. Г. Сайфаров, В. И. Кузьмин, С. Ф. Елагин, И. Г. Кузьмин, И. К. Портнов, Г. А. Князев, И. Д. Вогаев, Д. И. Дубников, Ф. Т. Куликов были награждены орденами Красного Знамени (ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 1072, л. 1-12).

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 119.

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4. М., 1961, с. 190.

546

Цит. по кандидатской диссертации Д. В. Ознобишина «Организация разгрома Колчака весной 1919 года». Защищена в Москве в 1948 г., с. 165–166.

Ф. Е. Огородников. Удар по Колчаку, с. 197–198.

Там же, с. 199.

549

Там же, с. 219.

Там же, с. 220.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 129–130.

Там же, с. 133–134.

Ф. *Е. Огородников.* Указ. соч., с. 232–233.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 138–139.

555

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. ПО, л. 297.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 140, примечание 1.

Ф. *Е. Огородников.* Указ. соч., с. 252.

558

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 64, л. 365.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 143–144.

560

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 153, № 207.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 145–146.

Там же, с. 146–147.

563

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 157, № 210.

564

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 64, л. 372.

565

Там же, д. 110, л. 286, 297.

Там же, оп. 1, д. 5, л. 3.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 49.

568

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 64, л. 365.

569

Там же, д. 110, л. 299.

Там же, л. 293.

Там же, л. 297.

Там же, л. 308.

573

Там же, л. 314. Газета «Красноармейская звезда» издавалась политотделом Реввоенсовета Южной группы войск.

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 51, л. 142, 144.

Газ. «Революционная армия», 27 марта 1919 г.

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 97, л. 75.

Там же, д. 110, л. 299.

Там же, д. 96, л. 304–306.

Там же, л. 300–302.

Ф. Е. Огородников. Указ. соч., с. 274.

581

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, с. 197.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 159.

Ф. Е. Огородников. Указ. соч., с. 301.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 164.

История гражданской войны, т. 4, с. 114.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 165–166.

И. М. Хлебников, Я. С. *Евлампиев, Я. А. Володихин.* Легендарная Чапаевская, М., 1970, с. 156.

Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, с. 198.

589

Комиссар 73-й бригады Г. А Горбачев был назначен командиром 220-го полка.

590

ЦГАСА, ф. 238, оп. 3, д. 7, л. 252.

591

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 168.

Говорят чапаевцы. Уфа. 1971, с. 14.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 168.

594

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 175–176, № 228.

595

Говорят чапаевцы, с. 68; ЦГАСА, ф. 1314, оп. 3, д. 7, л. 252.

596

М. В. Фрунзе на Восточном фронте. Сборник документов. Куйбышев, 1985, с. 160–161.

Там же, с. 164.

598

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 179, № 223.

599

См.: М. В. Фрунзе на Восточном фронте, с. 163.

600

Подробнее: *М. А. Жохов.* Драгоценный снимок. — В сб.: «Говорят чапаевцы. Документы, воспоминания». Изд. 2-е, дополненное. Уфа, 1978, с. 172–198.

601

См.: там же, с. 167–168.

602

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 180, № 234.

603

Там же, с. 181–182, № 236.

604

Арс. Михайлов. Чепаев и чепаевцы. Москва-Саратов, 1932, с. 54.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 114; Ф. *Е. Огородников.* Удар по Колчаку, с. 203–204.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 120.

Там же, с. 124–126; *Ф. Е. Огородников.* Указ. соч., с. 236.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 130, 136, 141, примечание 2; *Ф. Е. Огородников.* Указ. соч., с. 236, 264.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 142.

Там же, с. 143, 145.

Там же, с. 155; *Ф. Е. Огородников.* Указ. соч., с, 280.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 151.

613

Н. М. Хлебников, П. С, Евлампиев, Я. А. Володихин. Легендарная Чапаевская. М., 1970, с. 175–178.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 351.

615

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 172, примечание 1.

616

Там же.

Там же, с. 174–178.

618

Там же, с. 178.

619

Там же, с. 180.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 3–4.

621

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 181.

622

Там же, с. 182.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 179.

624

ЦГАСА, ф. 254, оп. 1, д. 3, л. 212. Первопричиной конфликта были подозрительность и недоверие Д. А. Фурманова, которые зародились задолго до этого, о чем недвусмысленно написано самим Д. А. Фурмановым: он «порешил давно, до встречи с Чапаевым, установить с ним особую, осторожную, тонкую систему отношений… Чапаев и чапаевцы, вся эта полупартизанская масса и образ ее действий — такое сложное явление, к которому зажмурившись подходить не годится… Это не мешало ему с глубочайшим вниманием к ним присматриваться и относиться, восторгаться их героическими действиями. Но всегда-всегда оставалась у него опаска». (См.: *Дм. Фурманов.* Собр. соч. в 3-х томах, т. 1, с. 71–73).

625

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 184, № 239.

626

ЦГАСА, ф. 254, оп. 1, д. 126, л. 11, 12.

627

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 3, л. 270.

628

Там же, ф. 254, оп. 1, д. 124, л. 21–22.

629

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 183–185.

Там же, с. 182, 183.

631

ЦГАСА, ф. 1312, оп. 1, д. 56, л. 109.

632

Там же, ф. 184, оп. 2, д. 66, л. 173.

633

Там же, д. 64, л. 63–64.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 56, л. 113.

635

Там же, л. 116.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 186.

637

История гражданской войны в СССР, т. 4. с. 131.

638

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 165, л. 15, 16; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 189.

639

ЦГАСА, ф. 1312, оп. 1, д. 56, л. 82, 87.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 190.

641

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 64, л. 101.

642

Там же, л. 95–96.

643

«Известия Балаковского уисполкома», 24 и 31 августа 1919 г.

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 192, л. 42.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 194.

646

ЦГАСА, ф. 184, оп. 2, д. 60, л. 35–41.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 197.

М. Жохов. Орден Чапаева. — «Советская Чувашия», 10 июня 1979 г.

649

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 193, л. 16–18; ф. 1312, оп. 1, д. 87, л. 93; д. 96, л. 8; д. 137, л. 4–8.

Там лее, ф. 1312, оп. 1, д. 96, л. 1; д. 137, л. 2.

651

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 166, л. 8.

652

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 96, л. 6, 7.

Там же, д. 87, л. 96, 97.

Там же, д. 96, л. 2–4, 12.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 137, л. 15.

Там же, л. 19.

Там же, д. 87, л, 103–104.

Там же, ф. 184, оп. 2, д. 170, л. 16.

659

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 87, л. 105–107.

Там же, д. 109, л. 243, 245.

Там же, л. 261.

Там же, л. 225; *М. Жохов*. Указ. соч.

663

ЦГАСА, ф. 184, оп. 3, д. 319, л. 173.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 109, л. 211, 226, 227, 232–235.

665

Там же, л. 243–245.

Там же, л. 225–227; *Н. М. Хлебников* и др. Указ. соч., с. 208.

667

ЦГАСА, ф. 1312, оп. 1, д. 87, л. 192.

Там же, д. 96, л. 11.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 197.

670

ЦГАСА, ф. 1312, оп. 1, д. 137, л. 21.

671

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 385, л. 112.

Там же, л. 94.

Там же, ф. 1312, оп. 1, д. 96, л. 13.

Там же, д. 100, л. 116, 117.

675

Там же, ф. 184, оп. 3, д. 319, л. 231–233.

Там же, ф. ПО, оп. 2, д. 401, л. 102.

677

Там же, л. 113.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 211–212.

679

ЦГАСА, ф. 1314, оп. 1, д. 281, л. 17.

Там же, д 30, л. 42; ф. 1313, оп. 1, д. 54, л. 36.

681

Там же, ф. 1314, оп. 1, д. 30, л. 44.

Там же, ф. 1313, оп. 1, д. 56, л. 3.

Это высказывание со ссылкой на упомянутого автора повторялось в первом издании настоящей книги. Другие исследователи этого вопроса на основе архивных и иных источников выявили, что летчики, находившиеся в те дни в Лбищенске, были преданными Советской власти людьми. А. Коваленко пал в бою 5 сентября, П. Олехнович и Г. Артамонов погибли при попытке бежать из белоказачьего плена, И. Железнов сумел перелететь к своим, к красным, С. Бейера освободили из плена чапаевцы. За мужество и отвагу, проявленные в гражданской войне, А. Коваленко и П. Олехнович были награждены орденом Красного Знамени, С. Бейер к 50-летию Великого Октября — орденом Ленина (Советская Чувашия, 15 марта 1980 г.). — *Прим. ред*.

И. С. Кутяков. Василий Иванович Чапаев. М., 1958, с. 71.

685

ЦГАСА, ф. 1313, оп. 1, д. 8, л. 10.

686

М. Жохов. Лбищенск: исследование продолжается. — «Советская Чувашия», 12 сентября 1980 г.; ЦГАСА, ф. 3512, оп. 1, д. 27, л. 81.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 213.

688

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 245, № 312.

689

Там же, с. 246, № 315.

690

ЦГАСА, ф. 1314, оп. 1, д. 95, л. 1, 2.

691

Там же, ф. 1313, оп. 1, д. 42, л. 9.

692

Там же.

693

Сдались казакам бывшие офицеры — работники штаба и безоружные мобилизованные крестьяне-обозники.

И. С. Кутяков. Указ. соч., с. 78–79.

Там же, с. 80.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 225–226.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 217–218.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 62.

699

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 242.

Там же, с. 243.

701

Там же, с. 247.

Там же, с. 248.

703

Там же.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 288.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 255–256.

706

Легендарный начдив. Сборник документов, с. 250–254, приложение.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 259–286; Я. *С. Кутяков*. Василий Иванович Чапаев, с. 81–83.

708

Боевые подвиги Красной Армии (1918–1922 гг.). Сборник документов. М., 1957, с. 196–197.

Н. М. Хлебников и др. Указ. соч., с. 288.

С. Ф. Данильченко. Чапаев и чапаевцы. Чебоксары, 1972, с. 137–138.

И. С. *Кутяков.* Указ. соч., с. 84.

«„Чапаев“ — батальон двадцати одной национальности. Рассказы бойцов батальона». М., 1939, с. 7—11.

713

Н. Рымшина. С именем Чапаева. — «Советская Чувашия», 1 марта 1975 г.

В. Перелыгина. Чапаевцы. — «Молот» (Ростов-на-Дону), 2 сентября 1965 г.

715

См.: *А. Ковтун.* У истоков боевого содружества. — «Крымская правда» (Симферополь), 25 марта 1975 г.

716

См.: *Г. Зенкевич.* Имени Анатолия Мерзлова. — «Московский комсомолец», 6 октября 1972 г.

717

Ф. Новицкий. Талант, разбуженный революцией. — Родная Волга (Чебоксары), 1986, № 2, с. 68–70.

718

Н. Кузнецов. Откуда пошла фамилия «Чапаев». — Советская Чувашия, 7 октября 1986 г.

719

Г. Петрова. На земле балаковской. — Советская Чувашия, 13 ноября 1986 г.

720

А. Изоркин. По горам-долам карпатским. — Советская Чувашия, 24 ноября 1986 г.

1 р.

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО